

81.40/59
H20

НАИМЕНОВАНИЯ
ЦВЕТА
В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ
ЯЗЫКАХ

Системный
и исторический анализ

ББК 81.1 81.2-3

Настоящее издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 06-06-87053)

Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. — М.: КомКнига, 2007. — 320 с.

Настоящая книга включает серию статей, освещающих роль, историю развития и этнокультурные аспекты слов-цветонаименований. Описаны системы терминов цвета в 14 языках, в том числе 9 древних (санскрит, латынь, древнегреческий, древнеанглийский и др.). Книга содержит библиографию работ по антропологии цвета (более 700 названий).

Книга может быть полезна широкому кругу исследователей-филологов, в особенности тем, кого интересует сопоставительный и типологический анализ языковых данных.

Редактор *В. Д. Мазо*

Издательство «КомКнига». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.
Формат 60 × 90/16. Печ. л. 20. Зак. № 323
Отпечатано в ГП «Облиздат». 248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5.

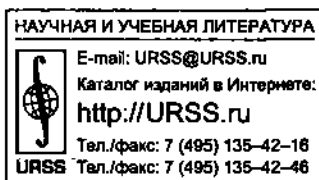
13-значный ISBN, вводимый с 2007 г.:

ISBN 978-5-484-00930-5

Соотв. 10-значный ISBN, применяемый до 2007 г.:

ISBN 5-484-00930-8

© КомКнига, 2007

4099 ID 39043

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения Издательства.

Содержание

От редактора.....	5
Список языков и сокращений.....	7
I. Общие вопросы	9
<i>А. П. Василевич</i> Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания.....	9
<i>Е. В. Рахилина</i> О семантике прилагательных цвета.....	29
II. Древние языки Европы	40
<i>Ю. В. Норманская</i> Цветообозначения в санскрите.....	40
<i>Ю. В. Норманская</i> Цветообозначения в древнегреческом языке.....	54
<i>А. И. Салопов</i> Цветообозначения в латинском языке	66
<i>Т. А. Михайлова</i> Система цветообозначений в старофранцузском языке	77
<i>Н. А. Ганина</i> Система цветообозначений в древневерхненемецком и древнесаксонском языках	83
<i>Н. А. Ганина</i> Система цветообозначений в готском языке и восточногерманском ареале.....	101
<i>Т. В. Бочкарева</i> Система цветообозначений в древнеанглийском языке	112
III. Современные индоевропейские языки	126
<i>В. Г. Кульпина</i> Система цветообозначений русского языка в историческом освещении	126
<i>И. А. Сёдакова</i> Система цветообозначений в болгарском языке	185

<i>М. В. Завьялова</i> Цветонаименования в литовском языке	198
<i>Т. А. Михайлова</i> Система цветообозначений в гойдельских языках	229
<i>И. И. Чельшова</i> Система цветообозначений итальянского языка	243
<i>А. Ю. Русаков</i> К описанию системы цветообозначений в албанском языке	267
IV. Библиография по антропологии цвета	279
Составитель — <i>Л. В. Самарина</i>	
Авторы сборника	315

От редактора

Группа слов-цветообозначений беспрецедентно популярна у специалистов самых разных областей знаний. Достаточно сказать, что число ежегодных публикаций по этой проблематике исчисляется сотнями. Чем же объясняется неослабевающее внимание к этой сравнительно небольшой группе слов?

Прежде всего, изучение процессов отражения цветовых ощущений в языке (а эта проблема поднимается еще в древнегреческой философии) — естественное следствие значимости цветового зрения, которое, в свою очередь, рассматривается разными науками о человеке. Но интерес к данной группе слов со стороны лингвистов вызван и более специфической причиной: заманчиво описывать те лексические группы, которые представимы как системы¹. При достаточно строгом подходе к определению самого понятия «системно организованное множество», по-настоящему структурированной оказывается лишь незначительная часть лексики. Типичным примером такого множества как раз и является система цветообозначений.

Цветонаименования активным образом привлекались в качестве материала для анализа в таких совершенно разных областях, как отработка методов выделения семантических полей, этимология и история языка, описание языковой картины мира и другие проблемы языка и мышления, проблемы детской речи и даже проблема доминантности полушарий мозга. Весьма продуктивно используются цветонаименования при описании художественных средств языка писателя. Не менее перспективно и другое направление — исследования по символике цвета, начатые еще И. Гёте.

Перечень работ, выполняемых на материале цветонаименований, можно было бы продолжить, упомянув, например, многочисленные исследования антропологов и филологов, изучающих проблемы использования цвета и цветовой символики в древности, а также исследования цветовых этнокультурных особенностей. Наконец, нельзя оставить без внимания и разнообразные прикладные работы — начиная от психодиагностики и цветотерапии и кончая разработкой рекомендаций по роли цвета в рекламе, визажистике и т. п.

Практически все перечисленные направления представлены в Библиографии, помещенной в части IV настоящего сборника. Конечно, Библиография не претендует на исчерпывающую полноту, но заслуживает внимания как первая попытка отечественной науки систематизировать труднообозримое множество публикаций в данной области.

¹ Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. М.: Наука, 1984. С. 18.

Что касается основной части сборника, то здесь, прежде всего, представлены «прямые» исследования: уточнение семантики конкретных терминов цвета и построение систем цветообозначения в разных языках. Впервые под одной обложкой оказались данные по целому ряду древних и современных языков индоевропейской семьи — и это тоже шаг на пути обобщения накопленных наукой данных. Проведению сопоставительного анализа способствует то обстоятельство, что все очерки написаны по единой схеме с выделением одних и тех же основных концептов цвета.

Ниже приводится список сокращений названий языков, по которому читатель может составить представление об объеме привлеченного авторами материала. Надеюсь, что изложенные в книге результаты, которые во многом носят уникальный характер, внесут определенный вклад в область всестороннего исследования названий цвета и послужат толчком к дальнейшим размышлениям.

Список языков и сокращений

авест.	— авестийский	др.-рум.	— древнерумынский
алб.	— албанский	др.-рус.	— древнерусский
алт.	— алтайский	др.-сакс.	— древнесаксонский
англ.	— английский	др.-тюрк.	— древнетюркский
англ.-сакс.	— англо-саксонский	др.-умбр.	— древнеумбрский
араб.	— арабский	др.-фр.	— древнефранцузский
арм.	— армянский	др.-фриз.	— древнефризский
арум.	— арумынский	др.-швед.	— древнешведский
балт.-слав.	— балто-славянский	зап.-болг.	— западноболгарский
белорус.	— белорусский	зап.-слав.	— западнославянский
болг.	— болгарский	зап.-фриз.	— западнофризский
брет.	— бретонский	и.-е.	— индоевропейский
бург.	— бургундский	иран.	— иранский
валл.	— валлийский	ирл.	— ирландский
вестфаль.	— вестфальский	исп.	— испанский
вост.-герм.	— восточногерманский	ит.	— итальянский
вост.-лит.	— восточнолитовский	кельт.	— кельтский
вост.-ром.	— восточнороманский	кимр.	— кимрский
вост.-слав.	— восточнославянский	корнск.	— корнский
галл.	— галльский	кр.-гот.	— крымско-готский
герм.	— германский	лангобард.	— лангобардский
герул.	— герульский	лат.	— латинский
гойд.	— гойдельский	латыш.	— латышский
голланд.	— голландский	литов.	— литовский
горнолуж.	— горнолужицкий	мэнск.	— мэнский
гот.	— готский	нем.	— немецкий
греч.	— греческий	нидерл.	— нидерландский
гэльск.	— гэльский	ниж.-луж.	— нижнелужицкий
дат.	— датский	ниж.-франк.	— нижнефранкский
др.-алб.	— древнеалбанский	ниж.-нем.	— нижненемецкий
др.-англ.	— древнеанглийский	н.-англ.	— новоанглийский
др.-брет.	— древнебретонский	н.-верх.-нем.	— нововерхненемецкий
др.-валл.	— древневаллийский	н.-греч.	— новогреческий
др.-верх.-нем.	— древневверхненемецкий	н.-ирл.	— новоирландский
др.-герм.	— древнегерманский	н.-лат.	— новолатинский
др.-греч.	— древнегреческий	н.-ниж.-луж.	— новонижнелужицкий
др.-евр.	— древнееврейский	норв.	— норвежский
др.-инд.	— древнеиндийский	обвальд.	— обвальдский
др.-ирл.	— древнеирландский	о.-герм.	— общегерманский
др.-исл.	— древнеисландский	о.-кельт.	— общекельтский
др.-ниж.-нем.	— древненижненемецкий	о.-слав.	— общеславянский
др.-перс.	— древнеперсидский	оксит.	— окситанский
др.-прус.	— древнепруссский	оск.	— оскский

ост.-гот.	— ост-готский	ср.-нидерл.	— средненидерландский
перс.	— персидский	ср.-ниж.-нем.	— средненижнемец- кий
позд.-др.-греч.	— позднедревнегрече- ский	ср.-рус.	— среднерусский
польск.	— польский	ст.-болг.	— староболгарский
пракритск.	— пракритский	ст.-ит.	— староитальянский
праслав.	— праславянский	ст.-слав.	— старославянский
прото-кельт.	— протокельтский	ст.-фр.	— старофранцузский
прус.	— прусский	таг.	— татарский
раннеалб.	— раннеалбанский	тох.	— тохарский
ранне-ст.-фр.	— раннестарофранцуз- ский	тур.	— турецкий
ром.	— романский	тюрк.	— тюркский
рум.	— румынский	укр.	— украинский
рус.	— русский	умбр.	— умбрский
рус.-ц.-слав.	— русский церковносла- вянский	фин.	— финский
сабин.	— сабинский	фин.-угр.	— финно-угорский
сав.	— савойский	фр.	— французский
санскр.	— санскрит	франк.	— франкский
сев.-тюрк.	— северотюркский	фриз.	— фризский
серб.	— сербский	фриул.	— фриульский
серб.-хорв.	— сербско-хорватский	хет.	— хеттский
слав.	— славянский	хорв.	— хорватский
словац.	— словацкий	ц.-слав.	— церковнославянский
словен.	— словенский	чагат.	— чагатский
ср.-верх.-нем.	— средневерхнемецкий	чеш.	— чешский
ср.-ирл.	— среднеирландский	швед.	— шведский
ср.-лат.	— среднелатинский	шотл.	— шотландский
		энгад.	— энгадинский
		эст.	— эстонский

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

А. П. Василевич

Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания

Развитие языка самым тесным образом связано с развитием национально-культурного сознания его носителей. Прямые свидетельства этому можно найти при исследовании истории развития многих слов, составляющих лексическое ядро языка. Мы намерены проиллюстрировать роль этимологического анализа на примере слов-цветообозначений. Следует заметить, что использованные нами данные о происхождении слов с большей или меньшей достоверностью определяют, *откуда* появились эти слова, но никак не определяют, *почему*. Мы же попытаемся обсудить именно этот второй аспект. Выдвигаемые при этом идеи являются плодом собственных чисто умозрительных соображений и вполне могут быть оспорены на основе каких-либо других умозрительных соображений; строго научные доказательства в этой области вряд ли возможны.

Общие замечания

Как появляются в языке слова, обозначающие цвет?

До появления идей Б. Берлина и П. Кея (*Berlin, Kay* 1969) изложение истории возникновения и развития цветоименований носило чисто описательный характер и выглядело примерно так. Вначале цвет передается в языке опосредованно, путем указания на цвет соответствующих распространенных предметов или объектов природы: «как молоко», «как снег» (*белый*), «как сажа» (*черный*), «как кровь» (*красный*) и т. д.

Затем появляются слова, используемые специально для обозначения цвета (*белый, черный, красный*). Некоторые из них становятся названиями основных категорий, на которые делится цветовое пространство в данной культурно-языковой общности людей. Если говорить точнее, никаких новых слов не появляется: просто слова, ранее существовавшие в языке, обретают значение цвета. Этот процесс можно считать языковой универсалией. Например, как убедится читатель, в большинстве языков, представ-

ленных в настоящем сборнике, слова со значением «белый» этимологически восходят к индоевропейской основе **bhel-* ‘быть ярким, светлым, сиять, блестеть’ или **ǵʰweit-* (др.-инд. *cveta*) ‘свет, светлый, белый’, а со значением «черный» — к словам с резко отрицательной коннотацией (*темный, мрачный, грязный, гнить, тухнуть* и т. п.).

Параллельно с процессом развития основных терминов в языке появляются слова, передающие отдельные оттенки цвета. Число этих слов непосредственно связано с уровнем цивилизованности общества. Некоторые бесписьменные языки современных так называемых примитивных культур до сих пор содержат не более десятка-двух терминов цвета. Источниками появления новых слов могут стать:

- НАЗВАНИЯ ОКРУЖАЮЩИХ ПРЕДМЕТОВ и объектов природы с характерной окраской (вместо первоначального «как молоко», «как пепел», «как кровь» появляются обычные речевые формы *молочный, пепельный, кровавый*). Некоторые слова постепенно утрачивают изначальную этимологическую связь и начинают восприниматься как абстрактные (ср. *коричневый, малиновый, сиреневый, болотный*). Возникает модель «цвета...» (*цвета слоновой кости, цвета мха*) и ее эмоционально отмеченные разновидности (особенно в литературе — *цвета давленной земляники, цвета мокрого асфальта*);
- ЗАЙМСТВОВАНИЯ. Процесс обогащения языка за счет иноязычных заимствований обычно протекает не хаотично, а «волнами». Так, известно, что французский язык XVII в. «снабдил» многие европейские языки словами культурного слоя, включающими и термины цвета. В русском языке «французская экспансия» проявилась XIX в. под влиянием французской моды: *бордо, шамуа, солитеровый* и т. д.;
- развитие собственного АРСЕНАЛА ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ (появление двусоставных слов типа *фиолетово-красный, небесно-голубой* или модификаторов для передачи оттенков — *темно-..., бледно-..., интенсивно-...*);
- развитие у терминов цвета НОВОЙ СМЫСЛОВОЙ ФУНКЦИИ — рекламной. Последняя появилась в начале XX в., а в конце века становится важнейшей. Все чаще возникает потребность не столько назвать точный цветовой оттенок данного предмета, сколько привлечь к нему внимание. Воплощается это двумя способами. С одной стороны, активно порождаются лексические сочетания типа *агрессивный красный, монастырский белый, лиловый шик, сиреневая элегия*. С другой стороны, все большее распространение получают сочетания, связанные с собственно цветом лишь чисто ассоциативно (*Багамы, восточный сад, поляна Куинджи*).

В теории Берлина—Кея все эти разные формы развития лексики игнорируются и к анализу привлекается только десяток так называемых «основных» цветоименований. Столь резкое сужение объема материала позволило оперировать сопоставимыми данными по колоссальному числу

языков и в результате открыть те самые универсальные закономерности, которые и принесли данной теории такую известность.

Нас будет, в первую очередь, интересовать именно история слов: процесс их появления, вытеснение одних слов другими — независимо от того, являлись ли эти слова «основными». Как нам представляется, вся жизнь слова, включая его коннотации, сочетаемость с определяемыми предметами и т. д., оказывается теснейшим образом связанной с культурно-историческими традициями соответствующего народа. Показательный пример — рус. *красный*. Это слово в свое время вытеснило из русского языка слова *рдяный* и *чермный* (*червчатый*), которые до этого успешно справлялись с ролью основных. Среди факторов, обуславливающих такое вытеснение, не последнюю роль играет место самого цвета в культурном самосознании сообщества носителей языка. Слово *рдяный* имеет общеиндоевропейский корень, сохранившийся во многих языках и поныне (ср. англ. *red*, нем. *rot* и т. д.). Однако сам красный цвет для русских настолько значим, что *красный*, означавший изначально «красивый» (*Красная площадь*, *красна девица*), постепенно, к концу XVIII в., обрел нынешнее цветовое значение. Этимология этого рода уникально для семьи индоевропейских языков. В других славянских языках до сих пор сохраняются как общеиндоевропейские корни (ср. польск. *rudy* или литов. *raudona* 'красный, рыжий'), так и славянские (польск. *czzerwony* или болг. *червен* до сих пор остаются основными терминами красного цвета).

Перейдем теперь к более подробному анализу других примеров, а именно: *коричневый*, *оранжевый*, *пурпурный* и *синий-голубой*.

Коричневый

Лексика, связанная с обозначением оттенков коричневого цвета, в русском языке развивалась весьма своеобразно. На ранних стадиях своего развития язык располагал относительно небольшой группой слов: *гнедой*, *карий*, *смаглый* (*смяглый*, *смуглый*), *бурый* и некоторые другие. Кроме слова *бурый*, все они имели очень узкую сочетаемость. Большая часть этих слов использовалась для называния масти лошадей и представляла собой заимствования из тюркских языков, а слово *смаглый* обозначало темноватую кожу человека. Оно возводится к общеиндоевропейскому корню со значением 'жечь, дымить' (ср. совр. англ. *smoke*, 'дым' и *smog* 'смог, туман с дымом и копотью'). Наиболее распространенным было, конечно, слово *бурый*.

По данным этимологического словаря Фасмера, в русский и многие другие славянские языки (ср. укр. *бурий*, польск. *bury*) это слово пришло с востока, в составе набора названий мастей лошади (ср. тур. *bur* 'рыжей масти' < перс. *bōr* 'гнедой, рыжей масти' < др.-инд. *babhrūs* 'рыжеватобурый, гнедой'). Со временем оно обрело весьма широкую сферу употребления, хотя основным все равно оставалось название масти животных. Слово охотно использовалось в фольклоре, в художественных текстах.

Что касается других индоевропейских языков, то целесообразно выделить две этимологические линии, по которым шло развитие основного индоевропейского корня со значением 'коричневый'.

1. Линия, восходящая к и.-е. **bher* и содержащая слова для обозначения некоторых животных с характерным бурым мехом — медведя (др.-верх.-нем. *Bêro*, др.-англ. *bera*; соответственно совр. нем. *Bär* и англ. *bear*) и бобра (санскр. *bawra*, др.-верх.-нем. *bibar*, др.-англ. *beofor*; соответственно совр. нем. *Biber* и англ. *beaver*). Как ни странно, в славянских языках особенно активно реализовано лишь название бобра (рус. *бобр*, *бобёр*; укр. *бібр*; болг. *бобър*; чеш. *бобр* и т. д.). Что касается названия медведя, то единственным его «следом» в русском языке можно было бы считать слово *берлога*, которое Даль считает прямым немецким заимствованием, однако Фасмер возводит его к ц.-слав. *брьлогъ* со значением 'соломенная подстилка, скверная постель'. Само же слово *медведь* и его славянские варианты (укр. *ведмидь*, болг. *медвед*, чеш. *medvěd*) восходят к праслав. **medvědь* 'поедатель меда' и представляет собой табуистическую замену соответствующего индоевропейского корня. В этом проявляется особая роль, которая отводилась медведю в культуре славян. Из тех же табуистических соображений, видимо, лепился и сам образ медведя в сказках — он рисовался таким добродушным увальнем. В языковом представлении западноевропейских народов медведь всегда оставался таким, каким он и был на самом деле — грозным, страшным и агрессивным.

Следует признать несомненную этимологическую близость и.-е. **bher* и упомянутого выше др.-инд. *babhrūs*, давшего линию названий масти лошадей. Очевидно, что рус. *бурый* стоит в том же ряду. Правда, родство русского языка с другими европейскими языками здесь проявляется только опосредованно: ведь *бурый* пришло к нам путем заимствования соответствующего термина из тюркских языков.

2. Этимологическая линия, также восходящая к и.-е. **bher*, но уже не в значении названия масти животного, а в другом значении — 'быть ярким'. Именно по этому значению образовалось общегерм. **brūnaz* 'блестящий'; сюда же примыкает греч. *φρίνες* (*phrīnes*) 'жаба' или 'черепаха'. Показательно, что др.-англ. *brūn* очень часто употребляется в литературных памятниках для характеристики техники обработки поверхности металлических предметов и, прежде всего, холодного оружия.

На наш взгляд, именно вторая линия привела к нынешнему ряду слов, имеющих значение 'коричневый, бурый' в современных романо-германских и балто-славянских языках: нем. *braun*, фр. *brun*, ит. *bruno*, англ. *brown*, литов. *brūnas*, серб., хорв. *brun*, польск. *brunatny*, чеш. *bruný* и т. д. Не все они непосредственно восходят к приведенным выше первоисточникам. Так, англ. *brown* было заимствовано из фр. *brun*, где оно к тому времени уже обрело «статус» основного названия коричневого цвета.

Что касается русского языка, то нам представляется, что «след» данного общеевропейского корня прослеживается в русском слове *броня*. По мнению М. Фасмера, это слово пришло из германских языков вместе с воинскими доспехами (гот. *brunjō*, др.-верх.-нем. *brunja* 'панцирь, латы, броня'), которые привозились на Русь из Европы, пока Карл Великий своим указом не запретил их вывоз (VIII в.).

Однако в русском языке этот корень был полисемантическим и образовал целое семейство слов: *бронеть* 'светлеть; отливать серым или желтоватым цветом' или — применительно к овсу — 'спеть, созревать'; *бронь* (*брунь*) 'спелый колос овса' и т. д. Самым употребительным было прилагательное *бронный* 'белый, светлый', причем использовали его преимущественно для названия беловатой, бело-серой масти лошадей (соответственно, пестро-белую лошадь называли *брон*). С другой стороны, слова от того же корня для обозначения масти лошади имелись во многих языках (др.-инд. *bradhñás*, латыш. *brunikus* 'рыжеватый, буланый', чеш. *brůna* 'белая лошадь', польск. *brony* 'гнедой'). Таким образом, и здесь связь русского и других языков прослеживалась только в области названия масти лошадей.

Тем не менее, для называния собственно коричневого цвета, в том числе не связанного с мастью животных, использовалось слово *бурый*. Впоследствии, когда возросла потребность в более дифференцированном обозначении разных оттенков коричневого, стали появляться другие слова, причем в полном соответствии с известными законами, поначалу это были почти исключительно слова, называющие цвет по характерной окраске предметов. Первым здесь было *коричневый*, потом появились *каштановый*, *кофейный*, *шоколадный*, *желудёвый*, *ореховый* и т. д. Некоторые объекты были частью окружающей среды (орех), и их названия были уже давно освоены носителями русского языка, а некоторые артефакты появились в обиходе значительно позже (кофе, шоколад). Скажем, *кофе* (начальная форма — *кофей*, *кофий*) пришло в русский язык в XVII в. из тур. *kahve*, *kave*, которое, в свою очередь, происходит из араб. *qahva*, означавшего сначала 'вино', а потом 'кофе'.

Что же в этой связи можно сказать о слове *коричневый*? Его происхождение лежит, как говорится, на поверхности: «цвета корицы». Естественно предположить, что речь идет об известной всем специи. Однако и здесь все не так просто.

Прежде всего, заметим, что термин *корица* отнюдь не заимствование. Афанасий Никитин, стараниями которого эта восточная диковинка в XV в. появилась на Руси, назвал ее исконно русским словом. *Корица* — уменьшительное от *кора* — означало среднюю, мягкую часть коры, которую зачастую использовали для разных целей (драли лыко, получали красители и т. д.). Кстати, у Даля слово *корица* включено в статью «кора» и толкуется как 'пряная средняя кора с корицевого (коричного) дерева'. В своем значении 'название специи' *корица* является уникальным: ни в одном другом языке этот корень не зафиксирован (так, англ. *cinnamon*, нем. *Zimt*, *Zinnamon*, фр. *cannelle* восходят к лат. *cinnamum*, которое, в свою очередь, было заимствовано из семитских языков и появилось, видимо, вместе с самой привезенной с Востока приправой). Кстати, славянские языки (кроме русского) пошли тем же путем (ср., например, польск. *szpamon*, болг. *канела*)¹.

¹ Впрочем, есть одно исключение — чеш. *skořicé*. Природа этого совпадения для нас загадочна.

Собственно цветное прилагательное *коричный*, позднее *коричневый*, является в русских деловых памятниках только XVII в. и долгое время, вплоть до конца XVIII в., используется лишь для названия цвета одежды, тканей.

Итак, мы предложили бы такой этимологический ряд для *коричневый*: *кора* > *корица-1* (средняя кора)² > *корица-2* (специя) > *коричный* > *коричневый*³.

Понятно, что до появления слова *коричневый* в полноценной функции названия цвета прошло немало времени. Полноправным цветоименованием *коричневый* становится на рубеже XIX–XX вв. Какие же качества позволили этому слову в конце концов резко расширить сферу употребления и постепенно вытеснить из употребления слова более древнего происхождения?

В этой связи уместно сказать об эволюции отношения к коричневому цвету у европейцев. В Европе в эпоху Возрождения одежда серого и коричневого цвета обычно сочеталась с чувством смирения и самоотречения. Такая одежда была характерна для «подлого» народа. Не случайно именно коричневым одеяниям отдавали предпочтение христианские монашеские ордена. Однако со временем отношение к коричневому цвету изменилось: благодаря обилию коричневых монашеских ряс и наличию у них определенного «ореола возвышенности», уже к XVIII в. чистые оттенки коричневого стали скорее элитарными, а сами их названия (*кармешитовый*, *капуциновый* и т. д.) никак не связывались с одеждой простолудинов.

Что до истории русских слов концепта «коричневый», то здесь надо отметить прежде всего то обстоятельство, что в какой-то исторический период у прилагательного *бурый* появляется элемент эмоционально-экспрессивной оценки, а именно: чаще всего им обозначают смешанный, нечистый, темновато-грязноватый цвет, в общем-то некрасивый и «неправильный». При этом как бы подчеркивается, что цвет свидетельствует о плохом качестве данного предмета. Например, *бурый квас* — это мутный, невыстоявшийся квас, *бурый кофе* — плохо сваренный кофе, *бурые вагоны* — вагоны, покрашенные плохой краской или потерявшие свой цвет и т. д. О неопределенности бурого цвета говорит известное ироничное сочетание *серо-буромалиновый*, а также сочетания со словом *какой-то*: ...пузырек с остатками какой-то бурой жидкости (Мамин-Сибиряк); ...ребенок, обернутый в какое-то бурое тряпье (Григорович). Наконец, приведем пример из словаря Даля, где отмечается, что тульское диал. слово *бурец* (или *буряк*), означало 'бурый или серый мужичок, сермяжник'. Эти примеры иллюстрируют отмеченный выше отрицательный «заряд» слова.

С другой стороны, нельзя упускать из виду тот факт, что цвет, который изначально был назван *коричным*, или *коричневым*, был довольно красивым. Этот цвет светлее бурого, не имеет ни красного, ни сероватого

² Соответствующие отпредметные прилагательные *коряной*, *коровый*.

³ Современная форма слова Словарем Даля характеризуется как «ошибочная»; правильной признается вариант *коричный*. Конечно, *коричневый* выглядит более органичным и потому его «победа» была преддана. Старая форма сохранилась по непонятным нам причинам лишь в сочетании *коричные яблоки*.

или грязноватого оттенка. Само происхождение слова от названия коры дерева, употребляющейся как пряность, также, видимо, явилось достоинством. Очень скоро прилагательное «отходит» от производящей основы и его происхождение как бы забывается (вероятно, новый словообразовательный вариант — *коричневый* вместо *коричный* — также способствует этому). Большинство носителей русского языка, называя *коричневый* цвет, не помышляли о пряности, которая, кстати, была не в таком уж ходу в повседневной жизни. Об изменении в оценке *коричневого* цвета говорит, например, *коричневое бархатное платье*, в которое одел Л. Толстой свою героиню Долли — образ для автора явно положительный.

Фактор «красоты», как и в случае со словом *красный*, возможно, сыграл решающую роль в исходе «соперничества» слов *бурый* и *коричневый* — и этот фактор следует признать уникальным: в других языках его действие нам не известно.

Пока рано говорить о полной «победе» слова *коричневый*: процесс выделения *основного* названия нельзя считать завершенным. Некоторые признаки слов *бурый* и *коричневый* позволяют считать их «основными» в равной степени. Упомянем хотя бы такой признак, как использование слова в толкованиях значения других слов (скажем, *малиновый*, *бордовый*, *алый* и т. п. всегда толкуются как «оттенок красного цвета»). Что до пары *коричневый* — *бурый*, то пока словари толкуют их друг через друга (*коричневый* = имеющий темный буровато-желтый цвет; *бурый* = серовато-коричневый). Другим характерным свойством любого основного цветоименования является его способность к активному словообразованию (от *красный* можно образовать слова *краснота*, *краснеть*, *красноватый* и т. п., в то время как это практически невозможно со словами *бордовый* или *малиновый*). В паре *коричневый* — *бурый* этим свойством в большей мере все еще обладает *бурый* (ср. *буреть* в отличие от **коричневеть*; ср. также наличие зоонимов *Бурка* — кличка лошади или собаки, *Буренка* — кличка коровы). В этом сказывается более древнее происхождение слова *бурый*. Однако по признаку «сочетаемость» *коричневый* уже существенно выше, чем *бурый*⁴.

Итак, мы показали, что появившееся только в XX в. цветоименование *коричневый*, не имеющее точных этимологических соответствий ни в каком другом языке, по непонятной причине успешно вытесняет с ведущих позиций слово *бурый*, которое имеет прозрачное общиндоевропейское происхождение и на протяжении сотен лет «справлялось» с функцией основного слова данной группы. Участие *бурого* в соперничестве с *коричневым* предрешено.

В заключение одно замечание. Несмотря на постоянно пополняющийся список слов, обозначающих *коричневые* оттенки, объем списка остается сравнительно небольшим. В этом смысле область оттенков *коричневого* цвета являет собой уникальный случай. До сих пор нет специальных наименований для *коричневого* цвета с *красноватым* или, скажем, *зеленоватым* оттенком при всем их очевидном различии. Как нам представляется, существующие слова *коричневого* участка цветового про-

⁴ Это, в частности, показал наш эксперимент, описанный в работе (Василевич 2005).

странства различают оттенки цвета только по принципу светлоты: *коричневый, каштановый, бурый, кофейный, шоколадный, камышовый, гнедой, карий* и т. п. представляют темные оттенки, а светло-коричневые оттенки представлены словами *бежевый, ореховый, желудевый, смуглый, верблюжий, кофе с молоком* и др. Внутри же этих двух групп слова различаются, главным образом, не цветовым значением, а сочетаемостью.

Оранжевый

Высшая стадия развития системы цветообозначений (VII по теории Берлина—Кея) характеризуется появлением сразу четырех — «розовый», «оранжевый», «фиолетовый» и «серый». Все развитые индоевропейские языки, включая русский, находятся именно на VII стадии, и, стало быть, четыре слова этой стадии — самые «молодые».

Заметим, что в русском языке и *фиолетовый*, и *оранжевый* являются заимствованиями, что, вообще говоря, не характерно для слов основного ядра. Действительно, слово *оранжевый* появилось и обрело статус основного цветоименования относительно недавно (XVIII в.). Но это не означает, что до той поры в русском языке не было лексических средств для названия оранжевого цвета. Правда состоит в том, что существовавшие ранее слова в известных нам литературных памятниках встречаются крайне редко. Так, цветные иллюстрации, живописующие быт стрельцов при Алексее Михайловиче наглядно показывают использование оттенков оранжевой гаммы в форме и знаменах полков, но названия цвета нигде не приводятся.

Как бы то ни было, с XV в. основным словом для обозначения оранжевых оттенков было двусоставное прилагательное *рудожелтый*, обозначающее буквально смешанный красно-желтый цвет. В нем наибольший интерес для нас представляет первая часть.

Известен общеиндоевропейский корень *rudh-* 'красный' (санскр. *rudhirás* или *rōhitas*, праслав. **rǫdjā* и т. д.). Ст.-слав. *ръжда* и праслав. **rǫdjā* (**rǫdjavъ*) впоследствии воплотились в форме *руда*. По некоторым свидетельствам, основное значение праформы было 'кровь', но в дальнейшем она обрела значение конкретного цвета — одновременно 'красного' и 'рыжего, огненно-рыжего'. В большинстве языков слово закрепило только основной цвет — красный (англ. *red*, нем. *rot*, фр. *rouge* и т. д.), а второе значение осталось узким — только в сочетании с цветом волос.

В Словаре Академии Российской, изданном в 1822 г., читаем: *руда* = 'кровь', *рудяный* = 'кровяной', *рудожелтый* = 'искраснажелтый' (т. е. по существу *оранжевый*). В русском языке осталось немало следов древнего корня. Часть из них еще сохраняет значение красного: *румяный, рдяный* (ср. глагол *зардеться*), но другие слова — по аналогии с другими языками — стали употребляться только применительно к цвету волос и масти животных: устаревшее ныне *рёдрый* 'рыжий, красно-желтый' (о рогатом скоте), а также все современные слова этого корня — *рыжий, рысавый* и *русый*.

Упомянутое выше слово *рудожелтый* было весьма употребительным в русском языке, начиная с XV в. Вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что

первая часть слова обозначает красный цвет. Трудно себе представить, что данное слово потребовалось для называния какого-то необыкновенного рыже-желтого или буро-желтого оттенка. В деловой переписке XVI–XVII вв. *рудожелтыми* называются дорогие привозные ткани, главным образом шелк, бархат; вряд ли они были блеклых оттенков, скорее можно представить, что это были ткани и одежды ярких, интенсивных цветов. Известно, что в древней Руси теплые цвета (красный, желтый, оранжевый) были распространенными и любимыми. Следовательно, если *рудожелтый* не заимствовано, если в нем первая часть — основа прилагательного *рудой*, то естественно предположить, что в эпоху появления слова *рудожелтый* в языке уже существовало и слово *рудой* в значении ‘красный’, причем этим словом обозначался не какой-то определенный интенсивный красный цвет, а все оттенки красного, красноватого. В силу неясных нам причин ни это слово, ни родственное ему *рдяный* не смогли занять центрального положения термина, обозначающего красный цвет — наподобие словам того же корня в западноевропейских языках.

В связи с появлением новых способов окрашивания в красный цвет появляется новое слово *червленьый*, т. е. окрашенный червцом. Вполне естественно, что получавшийся от окраски новым красителем цвет не мог называться старым цветообозначением, так как новый цвет на тканях был, вероятно, более интенсивным и более ярким (или более темным), чем тот, который имели природные красные или красноватые предметы, называемые *рудыми*.

Редкое появление слова *рудый* в литературных памятниках, возможно, объясняется его «простонародным» обликом: ведь письменные тексты, прежде всего, место для книжных слов. Было бы странным, например, встретить это слово при описании торжественной одежды высоких лиц — здесь более местными были слова типа *багряный*. В более поздних памятниках деловой письменности цветообозначения появляются в функции утилитарной (например, в описании одежд или тканей при состоявшейся торговой сделке). Здесь необходимо было более точное обозначение цвета, и этому требованию отвечали слова *червленьый*, *червчатый* (и, отчасти, *червоный* — красноватый цвет «русского золота»), которые характеризуют вполне определенный цвет одежды, получаемый от окрашивания известным красителем. В данном случае старое слово *рудой* не годилось, так как оно, видимо, обозначало весьма разлывчатую область оттенков от красного до рыже-красного.

В XVIII в. распространенным становится слово *померанцевый*. Ср., например, указ от 10 мая 1763 г.: «Знаменам Финляндской дивизии бытъ померанцевыми, а утольникам зелеными». Слово было заимствовано из немецкого языка. В свою очередь, *Poteranze* ‘горький сорт апельсинов’ появилось в немецком языке в XV в. из ит. *poto* ‘яблоко’ и *arancia* ‘золотистый’ последнее происходит из перс.-араб. *pāganj*) — букв. ‘яблоко золотистое’.

В словаре Даля находим: *померанецъ* = ‘*Citrus Aurantium*... плод с лухлой рудожелтой кожицей’; *померанцевый* = ‘рудожелтый’.

Заметим, что в немецком языке *Poteranze* никогда не употреблялось в значении цвета. Вообще, определенные трудности с называнием оран-

должалось до тех пор, пока португальцы не завезли из Китая апельсины (середина XIV в.).

Сами апельсины были впервые описаны Теофрастом за триста пятьдесят лет до нашей эры во время похода Александра Македонского в Индию, куда они были привезены из Китая. Название плода в разных языках звучало несколько по-разному: голланд. *appelsien* < (разн. нем. диалекты: *Apfelsine*, *Appelsine*, *Chinaapfel*, *Sineser Apfel*) < фр. *pome de Sine*, что во всех случаях означало букв. 'яблоко из Китая'. Затем появился новый французский вариант *orange*, который, очевидно, восходит к перс.-араб. *nāranj* 'золотистый'. Именно апельсин стал наиболее типичным «представителем» оранжевых оттенков цвета. Однако переход от названия предмета к названию цвета впервые произошел во французском языке, и именно фр. *orange* как цвет впоследствии вошло во множество языков.

Вернемся к слову *оранжевый*. По свидетельству словаря Фасмера оно впервые вошло в русский язык из нем. *orange* в 1616 г. — но в значении 'апельсин'. И только в XVIII в. *orange* в значении 'оранжевый цвет' было заимствовано из французского языка. Следует упомянуть, что в «Словаре москвитов» Ричарда Джеймса (1586 г.) встречается словоформа *норанж цвет*, которую можно рассматривать как прямое заимствование из перс.-араб. *nāranj*, но, как это часто бывало, вторичное заимствование оказалось сильнее первичного: прямое заимствование не прижилось. В качестве цветообозначения прилагательное *оранжевый* совершенно отошло от своего французского первоисточника.

Процесс обретения словом *оранжевый* лидирующего положения и «получение» им статуса основного цветоименования протекал довольно быстро. *Померанцевый*, *жаркий* и *рудожелтый* были вытеснены из языка вообще, *огненный* перешло в сочетание *огненно-рыжий* с узкой сочетаемостью (преимущественно о цвете волос). С другой стороны, коль скоро *оранжевый* обрело функцию абстрактного термина для всей группы оранжевых цветов, возникла потребность в словах, называющих конкретные оттенки оранжевого. По этой причине стали появляться новые слова, преимущественно по названию предметов характерной окраски. Кроме естественного *апельсиновый*, здесь были и *морковный*, и *рябиновый* и др. Однако в целом их число остается и поныне не столь уж большим.

Почему же с таким трудом пробивали себе дорогу термины, называющие оранжевый цвет? Нам представляется, что первая причина здесь — относительная редкость самого цвета в природе. Если открыть любой атлас цветов, то легко убедиться, что страниц с оранжевыми оттенками в нем будет заведомо меньше, чем страниц с любым другим цветом.

Другой фактор — место оранжевого цвета в истории развития красителей. Судя по всему, долгое время просто не было хороших оранжевых красителей.

Нельзя не признать, что практическое использование оранжевого цвета в большинстве случаев является значимым и потому прибегают к нему по-прежнему нечасто. Например, вплоть до недавнего времени, этот цвет был самым редким в одежде. Отсюда «отмеченность» оранжевых одеяний

китайских императоров или нынешнего далай-ламы. На редкости цвета основан и эффект популярной некогда детской песенки «Оранжевая мама, оранжевые дети, оранжевые песни оранжево поют». Совсем по-другому воспринималась бы эта песня, если бы автор выбрал другой цвет.

Говоря об использовании данного цвета в одежде, нельзя не упомянуть о факте, подмеченном искусствоведами. Если обычно оранжевому цвету в модной цветовой гамме отводится самое скромное место, то на рубеже веков это положение всегда резко меняется.

«Сейчас в моде бордо или ранжовый», писали женские журналы начала XIX в. В начале XX в. в дамских модных туалетах господствовали желто-оранжевые цвета «танго».

В настоящее время мы живем на очередном «стыке веков». И что же? В начале нового XXI в. вновь наблюдается всплеск интереса к оранжевому цвету во всей гамме его оттенков. 2002 г. стал в этом смысле знаменательным. В разных видах продукции: одежде, косметике и т. д. этот цвет вошел в состав модной цветовой гаммы. Он и поныне является знаковым цветом для авангарда. Ядовито-зеленая или оранжевая куртка на подростке — один из атрибутов субкультуры участников техновечеринок. По некоторым данным, до 30 % рекламных пригов выполнены на оранжевом фоне; в оранжевом цвете выполнен интерьер многих кафе; *оранжевый* («пронию» даже в названия ресторанов («Оранжевая корова», «Заводной апельсин», «Оранжевый гусь»).

И все же, нам представляется, что фактор «рубеж века» недолговечен по самой своей природе. Через какое-то время употребительность оранжевого цвета должна «пойти на спад» и вернуться к своим традиционным масштабам.

Пурпурный

Начнем с происхождения термина. Исходные источники слова доподлинно не известны. По данным этимологического словаря Дудена (1963 г.), слово изначально пришло из ближневосточных языков в греческий, оттуда попало в латынь, а уже из латыни перешло в «варварские» языки (читай: основные языки современной Европы). При этом изначально слово служило совсем не для обозначения цвета. Так назывались улитки определенного вида, водившиеся в Средиземном море. Именно им и соответствовали греч. *порфира* и позднее лат. *purpura*. Улитки обладали красящими свойствами, но не только это определило уникальную роль этих моллюсков в истории развития лексики цветоименований индоевропейских языков.

Интересно, что железа живого моллюска выделяет не пурпурный, а желтоватый секрет. Полежав некоторое время на солнце, секрет сам собой меняет цвет: сначала делается зеленым, затем синим, темно-красным и, наконец, красно-фиолетовым. Ловля моллюсков и соответствующая их обработка, собственно, и положили начало производству красителя пурпурного цвета. Получаемый таким образом пурпур был очень дорогим: для изготовления одного грамма красителя необходимо было добыть и

обработать десять тысяч моллюсков. Трудоемкость работы оказалась такова, что пурпур смело можно ставить в один ряд с золотом. Неудивительно, что окрашивать одежду в этот цвет могли себе позволить только высокие сановники и, конечно же, императоры. А некоторые правители даже следили за тем, чтобы «императорский» (а позднее «кардинальский») пурпур не появлялся на одеждах простолюдинов.

Следует уточнить, что в древние века пурпурный краситель добывали из трех видов моллюсков, водившихся в Средиземном море. Два из них — *murex brandaris* и *purpura xemastoma* — давали цвет, который мы назвали бы сейчас *фиолетовым*, а железы третьего — улитки *murex trunculus* — выделяли собственно красный пурпур. Чаще всего красящее вещество из этих трех видов улиток смешивали и получали красители самых разных оттенков — от *бледно-розового* и *красного до темно-фиолетового* и даже *коричневого*.

Словом *пурпур* назывался не столько конкретный цветовой оттенок, сколько гамма оттенков, получаемых по заданной технологии. Особо выделялся так называемый «императорский пурпур», или «тирский пурпур» (добывался около города Тира).

Дальнейшая судьба производства пурпурного красителя тесно связана с ассоциативным полем самого красного цвета. Красное для человека — это, прежде всего, цвет крови, очень значимый для него и в определенном смысле символизирующий самое жизнь. Кровь бывает разной: хорошей (алой — священной, жертвенной) и плохой (кровью врага, черной). В христианстве *ярко-алый* цвет символизирует жертвенность, искупительную кровь Христа, и не случайно *кагор* стал церковным напитком; *пурпурный* же — цвет Империи, это плащ жестокого прокуратора Иудеи Понтия Пилата и знак гонения, насилия и жестокости. Вообще, как это ни странно, красный цвет и Империя, в силу какого-то рокового стечения обстоятельств, постоянно пребывали в своеобразном симбиозе: Империя не может обойтись без красной символики, а красный цвет неизбежно порождает империалистические устремления. Между прочим, известный в области архитектуры и дизайна «имперский стиль» обязательно включает предметы с пурпурной обивкой и позолотой.

Конечно, с течением времени производители красителей нашли рецепт растительного пурпура, который был значительно дешевле. И все же плащ пурпурного цвета еще долго оставался символом высокого сана. Этот цвет уже обрел в народном сознании устойчивую ассоциативную связь с властью, чаще всего жестокой и высокомерной. Возможно, по этой причине он практически никогда не применялся в народных костюмах (Иллюстрированная энциклопедия... 1966, 590).

Параллельно с историей развития производства пурпурного красителя шел и процесс возникновения и развития соответствующих терминов цвета.

Поначалу словом «пурпур» обозначали только самих улиток, затем так стали называть выделяемую ими красящую жидкость, затем краситель, получаемый по соответствующей технологии, и, наконец, цвет этого красителя.

В настоящее время данное слово есть в подавляющем большинстве современных индоевропейских языков, однако «напрямую» лат. *purpura* вошло лишь в германские и романские языки. Англ. *purple* за свое многовековое существование в языке обрело самое широкое значение и даже входит в группу основных цветоименований английского языка — наряду с такими словами, как *black*, *white*, *red* и т. д. В настоящее время оно давно утратило свой первоначальный смысл и по преимуществу означает ‘фиолетовый’. Между прочим, это кардинальное изменение в значении слова почему-то ускользает от внимания переводчиков. В большинстве современных двуязычных словарей слово *purple* почему-то рекомендуется переводить как ‘пурпурный’. Этимология здесь играет роль «любопытного перевода переводчика».

Однако своеобразный отголосок былого особого значения пурпурно-го цвета можно обнаружить, например, в идиоме *to be born in the purple* (букв. ‘родиться в пурпуре’), имеющей значение ‘принадлежать к королевскому роду’. Аналогичные «рудименты» наблюдались, например, и в немецком языке. Слово *Purpur* могло означать ‘лицо высокого происхождения или звания, которое носит пурпурное одеяние’.

Теперь обратимся к русскому материалу. На Руси для получения различных оттенков красного цвета существовал свой особый краситель, добываемый из червей особого вида. Недаром в языке существовало несколько слов, образованных от корня *червь* и обозначающих оттенки красного цвета (*червленый*, *черчатый*, *чермный*, *червоновый*).

С другой стороны, независимо от процесса освоения языком заимствованного *purpur*, непосредственно из греческого языка в русский язык пришло слово *порфира*, причем преимущественно в значении ‘пурпурная мантия монарха’ (ср. *порфиноносный* как синоним *венценосный*). Несколько позже это слово приобрело и значение цвета, но в этом значении употреблялось крайне редко.

Вот как описывал в первой половине XVIII в. семь основных цветов спектра Кантемир в своей «Оде в похвалу наук»: «один фиалковый, другой пурпуровый, третий голубой, четвертый зеленый, пятый желтый, шестой рудожелтый, седьмой красный». Как видим, в этом списке отсутствовал *синий*, а также не было еще заимствований *фиалковый* и *оранжевый*, которые были позже хорошо освоены и сейчас входят в набор 12 основных цветоименований, вытеснив соответствующие *фиалковый* и *рудожелтый*. А *пурпуровый* занимало место, которое сейчас в системе основных цветов пустует.

Рассмотрим более подробно слова, отображающие множество сходных с пурпурным оттенков красного цвета (т. е. исключим слова, выражающие светлые яркие тона — типа *алый*, *кровавый* и само слово *красный*), сопоставив их по употребительности в разные периоды истории русского языка⁵. В XVIII в. *пурпурный* составлял всего 5 % от общего числа (более 2/3 всех случаев пришлось на слова со старославянским

⁵ Исследование подробно описано в работе (Василевич, Мищенко 2003).

корнем *багръ* — *багор*, *багрецовый* и, позднее, *багряный* и *багровый*). В литературе XIX в. доля *пурпурного* возросла до 30 % и появилась группа относительно новых слов, пришедших в русский язык под влиянием европейских языков (*малиновый*, *вишневый*, *бордовый*, *пунцовый* и т. п.) — на их долю пришлось 10 % всех словоупотреблений. В настоящее время эти «новые слова» заняли почти всю «нишу» красного (около 70 %), в то время как доля *пурпурного* снова упала — до 10 %. Однако эта относительно малая употребительность отнюдь не низвела роль слова до «банального» термина, выражающего всего лишь конкретный оттенок красного цвета.

Следует сказать, что слова, обозначающие красный цвет, пережили в советское время настоящую революцию. Самыми популярными словами для названия «модного» революционного красного стали *кумачовый* и *алый* — именно так назывались цвета многочисленных атрибутов той эпохи — знамен, пионерских галстуков, козынок и т. п. Однако даже в это время в отношении пурпурного цвета сохранялся определенный пиетет. Именно в пурпурный цвет красились занавесы ведущих театров и скатерти, покрывающие огромные столы всевозможных «торжественных заседаний». Он присутствовал в официальных мундирах дипломатов. А кто не помнит литературный штамп «склоненный пурпур знамен», традиционно включаемый в описание многочисленных высоких похорон?

В постсоветские 90-е гг. функционирование термина *пурпурный* испытывало влияние двух мощных явлений общественной жизни. С одной стороны, отторжение всяческих атрибутов коммунистической идеологии, включая и господствующий красный цвет. С другой стороны — массовое проникновение к нам западных товаров и рекламы, отражающих, в частности, совершенно новые и иногда чуждые нам цветовые предпочтения и цветовые традиции. И все же в каком-то смысле россияне сохраняют приверженность своему традиционному культурно-историческому сознанию, своим привычкам и своему видению мира.

Как ведет себя в этом смысле *пурпурный*? Судя по всему, на Западе изначальный ореол слова уже практически исчез. Возможно, это связано с традиционным отношением к личности на Западе. В западном сознании разрыв между королями и подданными никогда не был столь большим, как у нас. На Западе монарх — скорее объект почета и любви, для русского имперская власть — прежде всего, страх и преклонение. Если ценность пурпурного цвета еще традиционно высока (ср. современные мантии епископов или мантии почетных докторов Оксфордского университета), то статус слова *пурпурный* сильно снизился.

В этой связи уместно обратиться к одному факту современной жизни. В середине 90-х гг. только ленивый не иронизировал по поводу «малиновых пиджаков» новых русских. А ведь цвет этих пиджаков — своеобразный отголосок «имперского сознания». Подсознательно стремление надеть на себя одежду такого цвета есть не что иное, как выявленное желание приобщиться к власти, если не по существу, то хотя бы по форме. Характерно, что для названия этого цвета из группы близких

по смыслу синонимов (*малиновый, бордовый* и т. д.) никогда не назывался *пурпурный*; язык как бы «отказал» новым русским в приобщении к королевскому рангу. Тем не менее, значимость этого цвета в обществе была столь велика, что появился даже специальный термин — *новорусский цвет*, который нашел себе место в Каталоге названий цвета в русском языке.

Синий/голубой

Сопоставляя системы цветообозначений в разных языках, исследователи неизменно отмечают особенность русского и некоторых других языков, в которых для области синего цвета существует два основных названия — *синий* и *голубой*. Соответственно, если в других индоевропейских группа основных цветообозначений включает 11 слов, в русском языке она состоит из 12. Семантически *голубой* можно рассматривать как вариант *синего* (*голубой* = *светло-синий*), точно так же, как, например, *розовый* принято считать вариантом *красного* (*розовый* = *светло-красный*). Однако, притом, что слово *розовый* достаточно употребительно (как и его аналоги в других языках), никто не включает его в число основных наименований цвета. Почему же «оказана честь» рус. *голубой*? Мы постараемся ответить на этот вопрос.

Начнем с этимологических сведений. Прежде всего, следует отметить, что лингвисты единодушно признают значительно более древнее происхождение слова *синий* по сравнению с *голубой*. Согласно словарю Фасмера, *синий* восходит к др.-инд. *śūyātás* 'темный, черный'. Действительно, на ранней стадии развития языка понятия 'черный' и 'синий' не различались. В литературе XI в. *синий* во многих случаях еще передает значение просто темного цвета и уж во всяком случае имеет довольно узкую сочетаемость (водные источники и некоторые природные явления).

В истории русской бытовой культуры синий цвет занимает особое место. При этом нельзя не заметить, что слов, выражающих оттенки синего существовало значительно меньше, чем терминов, относящихся к красным, желтым или зеленым оттенкам цвета.

И вот здесь уместно обратиться к памятникам фольклорной культуры России. Их анализ показывает, что синий цвет обычно наделялся магическими свойствами. Прежде всего, он был связан с водой, которая, в свою очередь, считалась в древности местом, где таятся злые, враждебные человеку силы (Нижлина 1988). Вероятно, каждому знакомо ощущение, которое возникает от долгого созерцания морской глади — это чувство рассеянности, растворенности в окружающем; чувство полной потери индивидуальности. Наверное, так переживается смерть. «Теперь понимаю: все — вода», — сказала перед смертью бабушка В. Набокова, вторя крылатой фразе античного мудреца: *panta rei* (все течет). Для самого Набокова вода и — шире — синий цвет являлись символом всего запредельного, потустороннего, иррационального, и он не одинок в своем отношении к синему. Весь «серебряный век» — от Блока до Есенина — синее переживал так же.

Вода издревле осознавалась как стихия, связанная со смертью и с загробным миром. Так же понималось и синее. Не случайно одним из центральных обрядов в христианстве является крещение водой, символизирующее смерть и воскресение в истинную веру.

С синим цветом связано множество обрядов и суеверий. Известно, например, что Иван Грозный панически боялся людей с синими глазами, считая, что такой человек обладает большой магической силой и поэтому может сглазить. Чёрт в русском языке табуировано обозначался как *синец*. У южных славян синеглазый человек обладал способностью лечить некоторые болезни. Не удивительно также и то, что синий цвет встречается в траурных народных костюмах, наряду с черным.

Интересно, что в начале XIX в. в России была тенденция называть любые цвета с оттенком синего общим названием «странные цвета». Эти цвета пользовались популярностью в зажиточных кругах (например, в моде были синие гостиные), но встречали негативную реакцию в народе (Кирсанова 2000).

По известным законам прямое название вещей, неприятных, тем более связанных с мистическим злом, всегда было в большей или меньшей степени табуированным. В результате *синий* охотно заменялось, например, на заимствования, которые к тому же сохраняли иноязычное звучание и даже написание (особенно этим «грешили» модные журналы первой половины XIX в.: *блэраймондовый*, *bleu Mexico*, *Lavalier*, *bleu bouche*, *bleu faïence*, *Leman*, *bleu suédois*). Во второй половине XIX столетия среди читателей журналов осталось гораздо меньше лиц, владеющих французским языком. Упомянутые слова стали постепенно исчезать, а некоторые русифицировались (например, *электрик* 'ярко-синий')⁶.

Свою отрицательную коннотацию *синий* сохранял в течение долгого времени. Однако это относится именно к синему, точнее, темно-синему цвету. *Светлый оттенок* синего цвета, напротив, был весьма распространен, в том числе, составляя основу праздничной простонародной одежды (наряду с красным).

Различие в отношении к синему и голубому отразилось в русских идиомах и поговорках: *синий чулок*, но *голубая мечта*, *голубое свечение* в конце тоннеля (которое якобы видят умершие), *блюдечко с голубой каемочкой*. Правда, есть еще *синяя птица*. Птица счастья — дело, конечно, хорошее, но ведь это из перевода сказки Меттерлинка. Отношение европейцев к синему цвету очевидно отличается от принятого в России. Процитируем известный трактат Гёте «К учению о цвете»: «Подобно тому, как охотно мы преследуем приятный предмет, который от нас ускользает, так же охотно мы смотрим на синее, не потому, что оно устремляется в нас, а потому, что оно влечет нас за собою» (Гёте 1957, 291).

Вполне терпимое отношение европейцев к синему цвету проявляется, например, в мифах, где он чаще всего символизирует божественное про-

⁶ Характерно, что в художественной литературе подобные слова практически не встречаются, они остались лишь на страницах журналов моды.

явление, цвет загадочности и значительности. В синий цвет одеты обычно маги и волшебники⁷.

Справедливости ради надо сказать, что в английском языке существует несколько выражений со словом *blue* с явным отрицательным смыслом. Например, *to be in the blue* 'грустить, быть в подавленном состоянии'; *came out of the blue* 'как гром среди ясного неба'. Америка подарила миру самое печальное направление в музыке — *blues*; блюз не что иное, как грусть человека. Однако за этим стоит не столько культурно-историческая традиция, сколько общечеловеческая психология. Как описано в научной литературе, по своему физиологическому воздействию синий — это самый угнетающий цвет, он понижает кровяное давление и одновременно снижает пульс и ритм дыхания; он успокаивает и расслабляет, иногда даже чрезмерно.

На отношении европейцев к синему цвету, вернее, к цвету выраженному общеиндоевропейским корнем *bl-* (англ. *blue*, фр. *bleu*, нем. *blau* и т. д., восходящими к лат. *blavus*... и т. д.), вполне возможно, сказалось то обстоятельство, что изначальный смысл этого слова — 'светлый'. Было соответствующее слово и в старо-славянском — *плавъ*. Но дальше судьба этого слова в разных славянских языках сложилась по-разному. В болгарском (*плав*), сербском и хорватском (*плав*), словенском (*plāv*) слово обрело значение 'голубой', как и во многих индоевропейских языках. Этим языкам альтернатива в виде слова *голубой* была совсем не нужна. А вот ц.-слав. *плавый* в русском языке стало функционировать почему-то в значении 'светлый, светло-желтый'. По тому же пути пошли, например, чешский и словацкий (*plavý*), польский (*plowy*), литовский (*palvą*), где наряду со значением 'блеклый, светло-желтый' это слово получило еще значение 'буланый', т. е. стало названием масти животных. Кстати, и в русском языке употребление слова *плавый* постепенно сузилось до узкой области масти лошадей, но уже в форме *палóвый*.

Как бы то ни было, русские должны были испытывать явную потребность в слове, называющем именно светло-синий оттенок. Ответом на этот вызов реальности и стали слова, выражающие голубые оттенки. Если *синий* ассоциативно связывалось с водой и имело отрицательную коннотацию, то с голубым цветом — цветом неба — коннотация могла быть только положительной. Кстати, и в современном языке доминантной сферой употребления слова *синий* остается вода, море, а у *голубого* наиболее частотной является соотносительность с небом, а следовательно, и соотносительность с менее интенсивным (по сравнению с обобщенным зрительным представлением о море) синим цветом⁸. Соответственно доминирующими коннотативными признаками *синего* выступают «яркость», «сила», а у *голубого* — «ласка», «нежность». Последнее, возможно, поддерживается его этимологической и деривационной связью с лексемами *голубь*, *голубушка*, *приголубить* и т. п.

⁷ Заметим, кстати, что синим цветом красили изнутри пирамиды в Древнем Египте; синим обычно изображается Кришна.

⁸ Подробнее о семантическом развитии слов *голубой*, *синий* см.: (Алимпиева 1980).

Повторим, что слова, обозначающие голубые оттенки, имеют скорее положительную окраску. Характерно, что частота слов «темно-синего ряда» (*синий, таусинный*) была всегда существенно меньше, чем частота слов «светло-синего ряда» (*лазоревый, голубой*). Даже сейчас, когда изначальный символизм цветов в сознании носителей языка существенно стерся и слово *синий* стало играть роль основного термина для данной части спектра, частота употребления слова *голубой* лишь немногим уступает частоте слова *синий*. Кстати, это нарушает известное историческое правило: слова более древнего происхождения, если они остаются в языке, относятся к числу наиболее употребительных слов.

Первоначально функцию обозначения голубого цвета в русском языке выполняли слова *лазоревый, лазурный*. Характерно, что при описании синего цвета в предметах, имеющих явно «положительный заряд», использовалось именно слово *лазоревый* (например, флаг времен Алексея Михайловича описывался как белый, червчатый и лазоревый). Однако примерно в XV–XVI вв. у этих слов появляется сильный «конкурент» — слово *голубой*⁹.

С этимологией самого слова *голубой* ситуация совсем не так ясна, как со словом *синий*. По одним данным оно образовано от *голубь*. Причем речь идет не об основном фоне оперения обыкновенного голубя (он, как известно, серовато-сизый), а о специфическом отливе шейных перьев. Более точным был бы термин *голубиное горло*, который, кстати, одно время, действительно, употреблялся в языке. Впоследствии, как это часто бывает, термин был усечен. По другим данным, наоборот, цвет был вначале, а название птицы — производное от него. Между прочим, в первых письменных источниках *голубой* употреблялось только в качестве названия масти. Значение его, однако, не совсем ясно. Под мастью *голубая* подразумевалась лошадь либо 'светло- или темно-серая с синевой', либо 'серовато-голубая', либо даже 'серовато-желтая, серовато-бурая'. Еще в XIV–XV вв. слово *голубой* сохраняло это свое значение. Впоследствии оно постепенно обрело свое нынешнее значение (*цвет ясного неба, светло-синий*). По непонятным причинам именно в этом значении слово стало очень употребительным и закрепило за собой вполне определенный участок спектра. Более того, оно вошло в состав основных слов-цветообозначений русского языка.

Конечно, в современном языке есть уже масса наслоений на изначально позитивную окраску слова *голубой*. Чего стоит, например, термин «голубой мужчина»!¹⁰ И все же сложнейший процесс языкового развития не смог полностью стереть изначальных ассоциаций. Призывая «бережно относиться к культурному наследию», отдаем ли мы себе отчет в том, что

⁹ По данным Словаря языка Пушкина *лазурный, лазоревый (лазуревый)* встречались в произведениях поэта в два раза реже, чем *голубой*. В современном языке это соотношение составляет примерно 10 : 1. Эти два слова неотвратно переходят в категорию книжных, поэтически отмеченных.

¹⁰ Кстати, в английском языке мужчина соответствующей ориентации называется «розовым».

слово *голубой* — из того же ряда? Не коробит ли вас словосочетание *бензиново-голубой*, небрежно использованное производителем в качестве рекламы? И еще один пример — значительно более важный.

Зададимся вопросом: синий или голубой цвет у средней полосы современного флага России? В подавляющем большинстве флагов мира присутствует именно синий цвет, который, как считают, символизирует свободу, объединение, принадлежность к большому целому.

Российский торговый флаг, положенный в основу нынешнего российского флага, включал в себя изначально голубой цвет. Существует несколько гипотез по символике трех цветовых полос, составляющих флаг. По одной гипотезе они олицетворяли три основных сословия, составлявших российское общество: наверху дворянство (белый), далее мещане, разночинцы (синий или голубой — здесь нет однозначного выбора), и внизу — крестьяне, народ (красный). Кстати, аналогичный «расклад» был и во Франции, однако после буржуазной революции, полосы были повернуты вертикально, чтобы «уравнять» сословия.

По другой гипотезе три полосы флага олицетворяют три славянских народа (белорусы = белый, украинцы = голубой и русские = красный). В этой трактовке средняя полоса должна быть голубой, что называется, по определению: именно этот цвет исторически связан с украинской национально-государственной символикой (ср. современный жовто-блакитный, т. е. желто-голубой флаг Украины).

Как бы то ни было, за цветовым решением флага (голубой) стояла глубокая культурная традиция. Только пренебрежением к этой традиции можно объяснить тот факт, что нынешние флаги можно встретить в «синем» и «голубом» исполнении с примерно равной частотой.

Итак, мы проиллюстрировали на нескольких примерах особенности процесса восприятия и названия цвета, присущие носителям русского языка. Возможно, придет время и удастся обобщить отдельные факты и получить полное представление о русской языковой картине мира цвета — в противопоставлении аналогичным картинам других языков. Трудно сказать, насколько эта задача выполнима, но ее научная привлекательность очевидна.

Литература

- Алиплиева Р. В. Развитие смысловых отношений в лексико-семантической группе прилагательных синего тона в русском литературном языке // Исследования по исторической семантике. Калининград, 1980. С. 90–101.
- Василевич А. П. Бурый и коричневый. История сосуществования и борьбы // Язык. Сознание. Культура. М.; Калуга, 2005. С. 270–284.
- Василевич А. П. Цвет синий или голубой // Энергия. 2005. № 6. С. 66–70.
- Василевич А. П., Мищенко С. С. Пурпур: к истории цвета и слова // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2003. 62. № 1. С. 55–59.
- Василевич А. П., Мищенко С. С. Цвет в рекламе. Как расположить к себе российского потребителя // КомпьюАрт. 1999. № 9.

Василевич А. П., Мищенко С. С., Кузнецов С. Н. Каталог названий цвета в русском языке. М.: Смысл, 2002.

Гёте И. В. Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957.

Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага: Артня, 1966.

Кирсанова Р. М. Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. М., 2000.

Никулина Т. Е. Прилагательное «синий» в языке русских волшебных сказок (по сборникам и записям XIX в. // История слова в текстах и словарях. Ставрополь, 1988.

Berlin B., Kay P. Basic color terms, their universality and evolution. Berkeley, 1969.

Duden K. Etimologie der neuhochdeutschen Sprache. Mannheim, 1963.

О семантике прилагательных цвета

1. Семантика цвета и типология цветообозначений

Поле цветообозначений считается традиционным примером системного описания лексики в типологическом плане. Действительно, библиография лингвистических исследований, касающихся цветообозначений цвета в самых разных языках, огромна; она начинается со знаменитой работы Б. Берлина и П. Кей (*Berlin, Kay 1969*), в которой была выдвинута идея базовых цветов и универсалий в области эволюции цвета — эти идеи вот уже почти полвека вызывают самое живое обсуждение и споры (ср., например: *MacLaury 1997*), которые, однако, за редкими исключениями (см.: *Wierzbicka 1990*) почти не затрагивают принятой методики исследования. Между тем, обращает на себя внимание тот факт, что в лексической типологии цветообозначения по сей день остаются практически единственным столь подробно исследованным «костровом»: никаких столь же фундаментальных и широких по охвату материала работ, описывающих другие семантические поля с типологической точки зрения, нет. Все дело в том, что к описанию семантики цветообозначений применяется совершенно особый подход, принципиально отличный от того, который используется лексикологами в других случаях. Лингвистические исследования цвета строятся на основе экспериментов, сопоставляющих соответствующие слова или мыслительные образы конкретным физическим объектам — цветовым оттенкам (ср. известный набор образцов Манселла — *Munsell chips*). В ходе такого эксперимента информант — носитель языка — определяет, может ли данное слово соотноситься с тем или иным эталонным цветообразцом, и исходя из свидетельства многих информантов выясняется фокусный для данного цветообозначения оттенок и границы применения цветообозначения. Эта методика в тех или иных своих вариантах применялась для исследования всех языков, в том числе и русского (ср.: *Фрумкина 1984; Corbett 1989; Василевич 2003*), и считалась универсальной для определения значений цветов.

В то же время, изучая значение, скажем, глагола вращения, лингвисты обычно не демонстрируют информанту картинки, иллюстрирующие эту ситуацию как абстрактный эталон, а действуют совсем другим способом: фиксируют разные типы употреблений этого слова в реальных предложениях данного языка, классифицируют их и так, на основе анализа текста, устанавливают границы значения слова. Точно так же, если бы мы решили изучить семантику прилагательного *чистый* в разных языках, вряд ли бы мы стали с этой целью предъявлять информантам дощечки разной степени чистоты. Если говорить о сопоставительных и, шире, типологических работах, то общий подход (который лучше всего иллюстрируется не лексическими,

а грамматическими исследованиями, ср., например: *Dahl* 1985) состоит в том, чтобы на базе специально составленных анкет выявить сочетаемостные ограничения, типы употреблений и, в конечном счете, семантические компоненты, которые различают значения сопоставляемых языковых единиц. Здесь мы можем сослаться и на собственный опыт работы такого рода — прежде всего, исследование глаголов плавания в более чем 40 языках мира (*Майсак, Рахилина* 2006). Для этой семантической зоны (как и для многих других) существенно прежде всего, какого типа субъект находится в воде: человек, рыба, птица, судно или, например, палый лист. Кроме того, важно, как он взаимодействует со средой: подчиняется движению течения, колеблется вместе с почти неподвижной поверхностью или движется благодаря собственным усилиям. Именно такие и другие подобные параметры, возникшие из анализа контекстов употребления плавательных глаголов, позволили сравнивать данные разных языков, опираясь на структуру значения.

Если же говорить о значениях цветообозначений, которые реконструируются в результате опроса информантов, то они не имеют структуры: цвета сами оказываются значениями параметров, выраженных или не выраженных в языке лексически, ведь мы сравниваем системы цветообозначений по тому, есть ли там *зеленый, голубой, коричневый* или какой-то другой цвет. Почти для всей остальной лексики такая постановка задачи также оказалась бы очень необычной: нам естественно спросить, есть ли в системе, скажем, аварского языка особый глагол плавания, применимый только к человеку, но не: есть ли в этой системе глагол *nare* (лат.). Дело как раз в том, что в «обычных» семантических полях отдельные параметры не имеют прямых лексических соответствий, они являются частью толкования, сложным образом встраиваются в семантику лексем и переплетаются с другими компонентами их значения, а также становятся базой для переносных значений. Иначе могут быть устроены разве что искусственные лексические подсистемы — скажем, системы терминов или собственных имен. Такую лексику как раз можно изучать, апеллируя непосредственно к внеязыковому объекту, и соответствующие значения действительно могут сами оказаться отдельными параметрами. Но цветообозначения на них не похожи.

Прежде всего, они живут жизнью «обычных» слов: например, претерпевают сдвиги значения, подвергаются метафоризации и под. Это значит, что структура их значения может меняться, а значит, она есть. Вопрос в том, можно ли ее восстановить традиционным для лексикологов способом анализа сочетаемости. Трудность здесь та, что в современной культуре подавляющее большинство разноцветных предметов — артефакты, искусственно окрашенные в некоторый цвет и легко его меняющие от одной ситуации к другой. Действительно, один забор может быть зеленым, а другой — синим и вообще забор может быть любого цвета, поэтому изучать сочетаемостные свойства слова *забор* бесполезно. Собственно, поэтому и возникла идея эталонных цветовых образцов, что в случае с артефактами признак цвета как бы отделен от несущего его субъекта, и кажется, что его можно изучать отдельно.

И все же есть довольно большая группа имен, которые свои цветовые параметры меняют лишь в ограниченных пределах — это имена природных

объектов. Их цвет плохо соотносится с эталонным, он не всегда равномерен и одинаков у разных экземпляров — но он хорошо известен каждому носителю языка, который не задумываясь скажет *зеленая* про лягушку, *серая* про мышь, *синее* или *голубое* про небо, *белое* про облако и под. У большинства природных объектов цвет не случаен. Именно идея соотношения цвета с его эталонным носителем лежит в основе хорошо известной когнитивной теории А. Вежбицкой (Wierzbicka 1985), согласно которой цвета в языке не абстрактны, а связаны с какими-то значимыми для человека объектами во внешнем мире, ассоциирующимися с тем или иным цветом.

2. О «вещных» коннотациях цветообозначений: А. Вежбицка

Сама по себе идея А. Вежбицкой кажется очень глубокой: ведь ребенок, действительно, получает информацию о семантике цвета не из цветowych таблиц, а из правильных и неправильных сочетаний с названиями важных объектов вокруг себя. Но нужен механизм для выявления этих ассоциаций и четкая методика исследования языков разных типов — и здесь у А. Вежбицкой возникают трудности. Она пишет: «Я спрашивала некоторых информантов о том, какого цвета, по их мнению, огонь, и получила ответ: *оранжевый*. Но когда я спрашивала информантов, о каком цвете их побуждает ДУМАТЬ огонь, то многие из них отвечали: о красном. Я думаю, что причина в том, что, если спросить человека о цвете огня, он подумает о пламени; но если спросить, о чем его побуждает думать огонь, он задумается обо всей ситуации с огнем целиком, а она уже включает в себя и красные светящиеся угли» (Wierzbicka 1990, 193–211). Но в другом месте той же статьи о стратегии исследования говорится более определенно: «Значение слов — это, грубо говоря, то, что мы 'имеем в виду', или 'держим в голове', когда произносим слова. А поскольку то, что мы 'имеем в виду' или 'держим в голове' может меняться в зависимости от контекста или ситуации, мы должны уточнить, что значение — это только постоянные, не меняющиеся, условия употребления слов. Эти постоянные условия могут быть установлены разными способами, включая изучение методом интроспекции, а также с помощью изучения фразеологии, стандартных метафор, методом опроса информантов, с помощью различного рода психолингвистических экспериментов и т. д. Все эти методы показывают, что в сознании говорящих слова по-разному взаимосвязаны и что можно установить, КАК именно они взаимосвязаны» (op. cit.).

В конечном счете А. Вежбицка в данной статье выбрала интроспекцию: она «назначает» эталонные в отношении цвета общезначимые природные объекты — такие как солнце, огонь, вода и под. Для ее модели общезначимость очень существенна, потому что по данному основанию языки различаются (как в теории Берлина—Кея) по количеству цветов, а не по качеству, т. е. не по цветовому эталону: если в каком-то языке есть желтый, его прототипом, согласно А. Вежбицкой, обязательно является солнце. Понятно, что на роль универсального прототипа «опасно» выбирать, например, растения или животные, потому что для носителей каких-то языков

данный вид животного может быть не известен. Другой вопрос, насколько правомерна такая универсальность, не обедняет ли она действительное разнообразие языков в отношении семантики цветообозначений. Тут требуются доказательства. А лингвистическими доказательствами, как убедительно продемонстрировала сама же Анна Вежбицка в других своих работах (см. прежде всего *Wierzbicka* 1985) является «лингвистическое поведение» (*linguistic behaviour*) реальных языковых единиц, в нашем случае — цветообозначений. В этом отношении интересно сравнить сочетаемость в разных языках имен природных объектов с прилагательными цвета в атрибутивных конструкциях типа *A-й X (серая мышь)* или сравнительных оборотах типа *A-й, как X (красный, как рак)*¹. Даже отдельные примеры показывают, что языки в этом отношении существенно различаются. Скажем, в агульском языке говорят не ‘серые’, а ‘черные мыши’ (вспомним здесь и английское *red fox*).

Сопоставительный анализ такого рода может стать лингвистической методикой типологического исследования цветообозначений, альтернативной существующей, — той, которая сводится к опросу носителей языков о цвете образцов. Конечно, осуществление такой программы — задача непростая, учитывающая множество разных нюансов. В частности, неварьирующийся цвет объекта (а у многих природных объектов цвет как раз постоянный) обычно не выражается или редко выражается в атрибутивной конструкции как заранее известный слушающему. Например, сочетание ²*черный уголь* во всем Национальном корпусе русского языка встретилось всего 12 раз (при том, что *уголь* — около 2 тыс., а *черный* — около 20 тыс.), и то прежде всего в контекстах цветового контраста. Значит, не исключено, что в языках, на которых говорят в странах с вечнозеленой растительностью, трава может оказаться «бесцветной» — в том смысле, что не будет сочетаться ни с каким цветообозначением. Все «бесцветные» в этом смысле природные объекты должны фиксироваться, для определения их цвета могут использоваться другие конструкции — сравнительные (*как X*), глагольные (*зеленеть*) и под. Кроме того, такая анкета должна учитывать не только собственно цветообозначения, но и оттенки типа *темный* (ср. *темные лица, темные стволы деревьев*) или квази-цвета, типа *седой, сизый* или *каурый*.

3. Пример сопоставления.

Трудности и перспективы: Ю. Норманская

На определенном уровне подробности подобное сопоставительное описание цветообозначений сделано в книге Ю. В. Норманской для древних индоевропейских языков (*Норманская* 2005).

¹ Атрибутивные конструкции, в которых приписываемый цветообозначениям признак семантически согласован с именем (в нашем случае, именем природного объекта) имеет преимущество по сравнению с предикативными конструкциями, где цветовой признак произвольно «навязывается» предмету (*Рахилина* 2000, 105–109 со ссылками на специальные исследования этого вопроса — *Bolinger* 1967; *Bhat* 1994, 104 ff.; *Walsh* 1985, 65 и др.).

Сам факт, что такое исследование предпринято на материале исчезнувших, а не современных языков, не случаен: к древним языкам не применимы методики, в которых задействованы информанты и приходится опираться на реально существующие тексты. На это обстоятельство — разницу в подходах к живым и мертвым языкам — обратил внимание А. Стейнвал (*Steinval* 2002, 29). Между тем, популярность цветообозначений как объекта лингвистического изучения в древних языках довольно высока (ср. относительно недавние работы: *Biggam* 1997; 1998; *Maxwell-Stuart* 1981 и многие другие). Таким образом, негласно «текстовый» подход к описанию семантики цветообозначений существует и признан, но пока почему-то в достаточно узкой области.

Основной задачей книги Ю. Норманской была реконструкция индоевропейской системы цветообозначений, а системное исследование сочетаемости служило только вспомогательным материалом. При этом выборка была ограничена реально сохранившимися и доступными исследователям памятниками (прежде всего, их электронными коллекциями), которые к тому же вообще не всегда содержат цветообозначения — в силу своей тематики (как, скажем, первые древнерусские тексты — ср.: *Рахилина* 1975). Ю. В. Норманская описывает сочетаемость тринадцати природных концептов: КРОВЬ, ЗУБЫ, ЛЕВ, ВОЛК, СОЛНЦЕ, ЛУНА, ЗАРЯ, ЗВЕЗДЫ, ОГОНЬ, ВОЛОСЫ, КОЖА, ВОДА, ЛОШАДЬ (МАСТЬ), и уже на этих примерах хорошо видны трудности, с которыми сталкивается лингвист, изучающий цветообозначения в сопоставительном плане и которые ему так или иначе приходится преодолевать — в особенности в мертвых языках.

Прежде всего, как известно, во многих случаях цвет сопряжен с оценкой, ср. в русском: с одной стороны, *румяный* — ‘хороший, приятный глазу’, а с другой — *черный*, который часто, в особенности по отношению к человеку, закреплен за отрицательной ситуацией, как в *черный от горя*. В явно метафорических контекстах, для которых физический цвет нерелевантен, оценка может абсолютизироваться и фактически становится значением прилагательного (ср. *черная тоска*), но теоретически, тот же эффект может возникнуть, конечно, и в сочетании с названием конкретного предмета (ср. гипотезу Ю. В. Норманской о том, что «и в санскрите, и в древнегреческом ‘белые’ — это ‘хорошие реки’, связанные с божествами». *Норманская* 2005, 114). По отношению к живому языку возможна экспертиза носителей, которые могут отделить чисто оценочные контексты от, так сказать, «смешанных», но по отношению к мертвому языку этот вопрос, строго говоря, неразрешим.

Для мертвого языка трудность еще и в том, что нельзя проверить, почему данное цветообозначение не встретилось в том или ином сочетании, как ‘красный’ по отношению к крови в Ригведе (*там же*, с. 85): случайность ли это или отражение действующего в языке запрета? В этом отношении корпус современных языков — значительно более представительные (стандартный объем в 100 млн. словоупотреблений часто на несколько порядков превышает всю коллекцию текстов языка мертвого) и сбалансированные по составу — существенно более надежны: как прави-

ло, отсутствие некоторого сочетания в таком корпусе и даже то, что оно слабо представлено в корпусе (одним-двумя примерами) уже говорит о его нехарактерности для языка в целом (см. ниже раздел 5).

Очень интересен пример варьирования цветообозначений, связанного с варьированием цвета реального объекта. Говоря о цвете волков, Ю. В. Норманская отмечает, что в санскрите и латыни волк описывается как красноватый, тогда как в германских и древнерусском — как серый (или серовато-беловатый) (с. 93–96). Между тем в природе имеется две породы волков — именно, красный и серый, отличающихся, в частности, по цвету и по размеру. И если сегодня красный волк водится только в Северной Америке, то в древности, возможно, он мог обитать и на территории Италии и Индии.

Удачно, что в пользу этой гипотезы есть некоторые научные свидетельства: в таком случае, обнаруженные Ю. В. Норманской лингвистические факты свидетельствуют не о разнице в наполнении цветообозначений, т. е. не о том, что 'красный' в санскрите и латыни применялся и к серым объектам, а о том, что эти языки описывали особи разного цвета. Ясно, что подобная коллизия может наблюдаться и на материале живых языков: называя объекты разным цветом, носители языков могут иметь в виду их разные виды — и это относится не только к животным или к сортам плодов (например, разного вида оливок или апельсинов), но также, скажем, к снегу разной освещенности, воде разной степени прозрачности и т. д.

Одновременно надо учитывать, что причины различий могут быть и существенно лингвистическими — и это видно на примере со львом, который описывается как 'желтый' в латыни и переводится как 'красный' в др.-верх.-нем. (с. 93–94). Здесь все-таки, скорее всего, как предполагает автор, речь идет об одном и том же внеязыковом объекте — просто цветовой фокус в разных языках оказывается разным: др.-верх.-нем. воплощение понятия 'красный', по-видимому, было ближе к лат. *fulvus*, которое означало 'желто-красный' согласно словарю Дворецкого, а по Ю. В. Норманской, просто 'желтый' — с. 188). В терминах А. Вежицкой, у др.-верх.-нем. 'красный' и латинских прилагательных с этим значением был разный природный эталон — в первом случае 'огонь', а во втором — 'кровь'².

Как видим, даже материал мертвых языков свидетельствует в пользу того, что языки по-разному организуют цветовое пространство, различаясь не только в количестве цветообозначений, но и в их семантическом наполнении. Данные по живым языкам сделали бы эту картину более наглядной — ведь тогда в дополнение к корпусным данным можно было бы использовать и специально созданные типологические анкеты, которые помогли бы выявить тонкие различия между языками.

Исходный материал для анкеты такого рода может быть получен путем сбора соответствующей информации, например, по следующей схеме:

² Дополнительным свидетельством в пользу этого является то, что др.-верх.-нем. 'красный' применялось к таким природным объектам, как огонь, солнце, луна и даже золото (*op. cit.*, p. 218–219).

КОЖА ЧЕЛОВЕКА

Может ли описываться цветообозначением в атрибутивной конструкции (А-й X, где X — 'кожа', а также 'рука', 'нога', 'лицо', 'спина') кожа самого носителя языка в «спокойном» состоянии?

В измененном состоянии, вызванным:

- холодом (ср. *синее от холода лицо*), жарой, загаром;
- воспалением, старостью, побоями;
- внутренними болезнями, стыдом, горем.

Какого цвета кожа мертвого человека?

Кожа представителей других рас (негров, индейцев, китайцев, европейцев, арабов) и сверхъестественных существ (русалок, водяных).

4. К теоретическому обоснованию подхода: пилотажные исследования

Отдельные попытки осуществить указанный подход на материале конкретных цветообозначений (прежде всего, 'желтый' и 'зеленый') были предприняты для польского, русского, украинского и некоторых других языков в рамках международного проекта по типологии цветов и размеров, организованного в середине 90-х гг. Варшавским университетом под рук. проф. Р. Гжегорчичковой (*Grzegorzczukowa* 1997; *Grzegorzczukowa, Waszakowa* 2000; *Tokarski* 1997; *Рахилина* 2000, 169–194; *Яворска* 1999). В то время еще не было корпусов ни для русского, ни для польского языков; тем не менее, участники проекта собрали богатый фактический материал по сочетаемости прилагательных цвета на базе списков имен природных объектов. В результате анализа этого материала были получены интересные результаты — в теоретическом плане подтверждающие релевантность природных объектов как своеобразных «точек отсчета» для семантики цветообозначений.

В частности, показано, что обязательным условием для того, чтобы цветообозначение было признано базовым, является его способность характеризовать природные объекты: именно сочетаемость с природными объектами дает возможность цветовому признаку конвенционализироваться и приобретать коннотации. За базовым цветом, как правило, всегда стоит некоторый концепт, а не просто часть спектра, и именно он, а не физический цвет определяет сочетаемость возможности базового прилагательного цвета. Так в русском языке устроены *серый* (за которым стоит концепт 'незаметность'), а также *желтый* ('увядание') и *зеленый* ('живое' и 'мертвое'). Если в свете этого вернуться к теории А. Вежбицкой о лингвистических толкованиях базовых цветообозначений, можно было бы ослабить требование «вещности» цветового эталона: толкование будет апеллировать не к внеязыковому объекту, а к концепту, который делает стабильным «денотативный» фокус и одновременно порождает различия в фокусах для одного и того же цвета в разных языках. По нашей гипотезе, именно благодаря разным концептам, стоящим за цветообозначениями одной и той же части спектра, прилагательные цвета обнаруживают разную сочетаемость.

Если согласиться со сказанным, то обследование применимости цветообозначения к природным объектам поможет нам определить семантику соответствующего базового цвета в данном языке³. Но не только. Есть еще одна теоретическая проблема — она связана с образованием самого набора базовых цветов.

Из теории Берлина—Кея хорошо известно, что языки проходят стадии развития, увеличивающие количество базовых цветов. Но мы не знаем, как данный оттенок цвета становится базовым. С другой стороны, из опыта хорошо известно, что какие-то цветообозначения, наоборот, теряют статус базовых, а потом и вообще уходят из языка — об этом известно еще меньше, а между тем эти вопросы касаются процесса развития цветовой системы. Точно так же, мы знаем, что оттенки одного цвета могут сосуществовать в языке как доминантный и рецессивный цвета (MacLaury 1997), но мы не знаем правил, регулирующих их сосуществование и взаимодействие. На наш взгляд, изучение сочетаемости цветообозначений с «природными» именами может стать тем зеркалом, которое отразит происходящие в языке процессы и тем самым, поможет ответить на эти вопросы.

5. О методике мониторинга небазовых цветообозначений

Для того, чтобы «новый» цвет вошел в число базовых, он должен пройти долгий путь. В русском языке в большинстве случаев, по-видимому, в начале новые цветообозначения сочетаются только со словом *цвет*, а не с предметными именами как таковыми. Ср. следующие характерные примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ: www.ruscorpora.ru) на слово *кирпичный*:

На нем была черная стеганка, открывавшая его мощную, кирпичного цвета шею... (Борис Можжев); *...у Валеры Ефремова, скажем, уже были «Жигули» кирпичного цвета...* (Андрей Макаревич).

Показательно, что заменить в этих контекстах сочетание *кирпичного цвета* на *кирпичный* (**кирпичное лицо*, **кирпичные «Жигули»*) невозможно. Процесс «освоения» цветообозначения достаточно продолжителен — примеры на данное сочетание встречаются и более 150 лет назад, ср.:

Например, кирпичного цвета мокрота (sputum rufescens) считается одним из самых существенных признаков воспаления легких (А. К. Леонтьев, 1863); *Завтра нанимаю я у хозяина дома дрожки (досадно только, что они обиты кирпичного цвета сухом) и еду.* (А. И. Герцен, 1840).

³ Есть и другая точка зрения, она представлена очень интересной книгой (Steinwall 2002), которая заслуживает отдельного обсуждения. В ней приводятся интереснейшие статистические исследования английских цветообозначений по материалам Банка английского языка, в которых атрибутивная сочетаемость с природными объектами выделена в отдельный класс. Автор считает, что в этих сочетаниях цветообозначение не проявляет, а меняет свое «настоящее» значение, подвергаясь разного рода сдвигам и преобразованиям.

На сегодняшний день примеров, построенных по модели *кирпичная машина*, в корпусе практически нет. В целом та же картина наблюдается и со словом *чернильный* — хотя с некоторыми именами (и даже природных объектов) *чернильный* уже возможен в качестве цветообозначения. Особенно характерно здесь имя *туча*; ср. также: *в небе болтался чернильный фонарь* (В. Аксенов) и *чернильный асфальт* (Ю. Бондарев). Таким образом, *кирпичный* и *чернильный* находятся, если так можно сказать, на разных этапах внедрения в систему цветообозначений: слово *чернильный* уже почти попало в эту систему, хотя и не является ее полноправным элементом (в отличие от слова *вишневый*, которое уже в XIX в. употреблялось не только в сочетании *вишневый фрак* (Загоскин, 1838), но и в контексте *вишневый ротик*), а *кирпичный* пока нет. Любопытно, что «скорость», с которой слово *чернильный* стало цветообозначением в русском языке, оказалась выше, чем у *кирпичный*: одним из первых *чернильный* употребил Григорович (в 1856 г.), и то в сочетании *чернильный цвет* — и у Пушкина, и у Толстого, и даже у Чехова, по данным НКРЯ, прилагательное *чернильный* выступает исключительно как относительное.

Еще быстрее вошло в язык прилагательное *бордовый*: в XIX в. его не было вовсе, а было слово *бордо*, но и оно в качестве цветообозначения стало употребляться довольно поздно, причем скорее всего, как название ткани определенного цвета (ср.: Тэффи 1910: *купите коричневого бордо на платье*). Что касается *бордовый*, то впервые (по материалам НКРЯ) оно встречается только у Паустовского в середине пятидесятых и, что характерно, в сочетании *бордовые портьеры* — т. е. тоже о ткани (кстати, и Малый Академический словарь дает те же примеры, что и Корпус).

Нынешнее *бордовый*, по данным А. П. Василевича (Василевич 2003, 52) — один из основных кандидатов на роль базового цветообозначения. Оно легко преодолевает главный «барьер»: сочетаемость с именами природных объектов — в корпусе встречаются *бордовые цветы, платна, закат* и под. (хотя, конечно, пока не *кровь*). В процессе преодоления этого «барьера» новые прилагательные цвета постепенно адаптируются к уже существующей в языке системе базовых цветов и начинают в нее встраиваться, теряя связь с предметом-источником (*салат* для *салатового*, *бордо* для *бордовый*, *корица* для *коричневый* и под.) и приобретая новую прототипическую семантику. Сначала «сильное» цветообозначение начинает конкурировать с имеющимися прилагательными сходных оттенков и вытесняет их из зоны артефактов. Затем наступает период «мирного сосуществования», когда «старый цвет» противопоставлен «новому» по зоне действия: старый остается естественным для природных объектов, а новый — для артефактов. Это случай русских *бурый* и *рыжий*, а также *лазоревый*, с одной стороны (они довольно прочно удерживают свои позиции в природной зоне) и *коричневый*, *фиолетовый*, *оранжевый* (применяемых прежде всего к артефактам) — с другой. Последние были заимствованы в XVII в. и все еще до конца не миновали этой стадии (подробнее см.: Рахилина 2000).

В дальнейшем (и это происходит на наших глазах) какие-то из «новых» — имеющие, как *коричневый*, прямые корреляты среди более

древних цветообозначений (ср. *бурый*), полностью вытесняют своих предшественников из системы и занимают их место. *Бурый* в этом случае ждет роль связанной лексемы, которая на время останется в одном-двух культурно-значимых контекстах (прежде всего, конечно, *бурый медведь*). А с другими, не имеющими непосредственных конкурентов в старой системе (ср. *фиолетовый*) — случится то же, что в свое время случилось с прилагательным *голубой*: «завоевав» природные объекты, эти цвета получают возможность пополнить базовую систему новыми оттенками.

В свете сказанного, третий критерий Берлина—Кея для базовых цветов (о том, что такие цвета должны обладать широкой сочетаемостью) может быть уточнен в том смысле, что для базового цвета обязательна сочетаемость с большим кругом природных объектов — без этого условия цветообозначение не является «полноценным» членом системы. Мониторинг всех «претендентов» на эту роль, конечно, необходим.

Цвета, конечно, обладают огромной значимостью для человека: они делают видимый мир прекрасным. Лексика этой зоны «заслужила» тот огромный поток исследований, который ей посвящен. Но она заслужила и большего.

Литература

- Бахилина Н. Б.* История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975.
- Василевич А. П.* Языковая картина мира цвета. Методы исследования и прикладные аспекты: Дис. в виде научного доклада, представленного к защите ... докт. филолог. наук. М., 2003.
- Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 3-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2006.
- Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* Типология глаголов движения в воде. М.: Индрик, 2006.
- Норманская Ю. В.* Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М.: Институт языкознания РАН, 2005.
- Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Рус. словари, 2000.
- Фрумкина Р. М.* Цвет, смысл, сходство. М.: Наука, 1984.
- Яворска Г.* Мовні концепти кольору (до проблеми категоризації) // Мовознавство. 1999. Vol. 2. № 3.
- Biggam C. R.* *Blue in Old English: an interdisciplinary semantic study.* Amsterdam: Rodopy B. V., 1997.
- Biggam, C. R.* *Grey in Old English: an interdisciplinary semantic study.* London: Runetree Press, 1998.
- Berlin B., Kay P.* Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley: Univ. of California press, 1969.

- Bhat D. N. S.* The adjectival category: criteria for differentiation and identification. Amsterdam: Benjamins, 1994.
- Bolinger D.* Adjectives in English: attribution and predication // *Lingua*. 1967. Vol. 18. 1–34.
- Corbett G. G.* Russian colour term salience // *Russian linguistics*. 1989. Vol. 13. 125–141.
- Dahl O.* Tense and aspect systems. Oxford: Oxford Univ. Press, 1985.
- Grzegorzczkova R.* Projekt syntezy badań porównawczych w zakresie nazw wymiarów // Nilsson B.; Teodorowicz-Hellman E. (eds.). *Nazwy barw i wymiarów — Colour and measure terms*. Stockholm, 1997. 97–104.
- Grzegorzczkova R., Waszakowa K.* (eds.) *Studia z semantyki porównawczej (nazwy barw, nazwy wymiarów, predykaty mentalne)*. Warszawa: UW, 2000.
- MacLaury R. E.* Color and Cognition in Mesoamerica: Constructing Categories as Vantages. Austin: Univ. of Texas, 1997.
- Maxwell-Stuart P. G.* Studies in Greek colour terminology. Leiden, 1981. Vol. I, II.
- Steinvall A.* English colour terms in context. Umeå Universitet, 2002.
- Tokarski R.* Regularny i nieregularny rozwój konotacji semantycznych nazw barw // Nilsson & Teodorowicz-Hellman (eds.). 1997. 63–74.
- Wierzbicka A.* Semantics of color terms: cultural and cognitive aspects // *Cognitive linguistics*. 1990. Vol. 1. № 1.
- Wierzbicka A.* Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor: Karoma, 1985.

II. ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ ЕВРОПЫ

Ю. В. Норманская

Цветообозначения в санскрите

В настоящее время существует ряд интересных работ, посвященных описанию ц. о. в Ведах. Наиболее значимыми исследованиями являются работы (*Elizarenkova* 1994–1995) и (*Hopkins* 1883). В первой из них проведен глубокий филологический анализ употреблений ц. о. в Ригведе. Автор, в частности, приходит к важному выводу о том, что в санскрите Ригведы значительно чаще, чем в каком-либо другом языке, ц. о. 'белого' и 'черного' употребляются в символическом значении. Работа (*Hopkins* 1883) содержит богатый текстовый материал по употреблению ц. о. в Ведах и описывает тонкие различия в семантике и сочетаемости ц. о. на протяжении существования ведического санскрита.

Изменения в системе ц. о. на протяжении всей истории существования санскрита изучены не были. Эта задача в настоящее время представляется очень актуальной. Во-первых, ц. о. в ведическом санскрите необычайно часто употреблялись в переносном значении (*Elizarenkova* 1994–1995). Согласно нашей гипотезе, ц. о., часто употребляющиеся в символическом значении, на следующем этапе развития языка имеют тенденцию к изменению семантики и/или уходу из системы ц. о. (*Норманская* 2005). Во-вторых, санскрит является одним из наиболее древних индоевропейских языков, и представляется, что трехтысячелетняя история его существования даст возможность собрать обширный материал об изменении систем ц. о. с точки зрения диахронической лексикологии и типологии.

Для данного исследования был использован материал оригинальных памятников (с сервера <http://titus.uni-frankfurt.de>), а также материалы словарей (*Böhtlingk, Rudolph* 1852; *Monier-Williams* 1997; *Grassmann* 1955).

История литературы на санскрите насчитывает более трех тысяч лет. Первые гимны Ригведы датируются приблизительно концом II тыс. до н. э. И по сей день создаются академические трактаты на санскрите¹.

¹ Санскритская литература современного периода представляет собой в основном академические трактаты, которые были написаны не носителями языка. Эти тексты не были привлечены к анализу.

Целесообразно при изучении лингвистических особенностей текстов на санскрите предварительно классифицировать их. В данной работе мы придерживаемся традиционной классификации памятников санскритской литературы (Frazer 1898; Keith 1928):

- 1) Веды — «Ригведа» (RV), «Яджурведа» (YV, WYV), «Самоведа» (SV), «Атхарваведа» (AV). В устной передаче существовали приблизительно с конца второго до середины первого тыс. до н. э. Время письменной фиксации Вед — конец первого тыс. до н. э.
- 2) Смрити — литература брахманов, которая включает в себя заключительную часть «Упанишад» (так называемую «Веданту») и «Сутры». Наиболее ранним произведением Смрити считается «Дхармасутра», или «Законы Ману» (Mn), которое датируется 500 г. до н. э. Наиболее поздние произведения Смрити были написаны приблизительно в начале первого тысячелетия н. э.
- 3) Светская литература на классическом санскрите включает в себя:
 - а) эпос (конец первого тыс. до н. э. — первое тыс. н. э.; наиболее известные произведения — «Рамаяна» (R) и «Махабхарата» (MBh) — датируются предположительно 200 г. до н. э. — 200 г. н. э.);
 - б) драму (середина первого тыс. — начало второго тыс. н. э.; наиболее известны произведения Калидасы);
 - в) «поучительную» литературу (середина первого тыс. — начало второго тыс. н. э.: сказки, басни, романы). Наиболее известное произведение — «Панчатантра» (Pañcat.)

Белый

В санскритской литературе всех периодов наблюдается большое количество лексем со значением 'блестящий, сверкающий, светящийся' и т. п. Таких слов насчитывается около 300 (Böhlingk, Rudolph 1852). Естественно, что они распределены по периодам и по памятникам. Однако, и в каждом конкретном памятнике встречается несколько десятков слов с подобной семантикой. Надо сказать, что употребление этих слов в Ригведе подробно описано (Elizarenkova 1994–1995; Hopkins 1883). Отмечалось, что в большинстве случаев данные слова используются для символического описания богов и их деяний. По мнению Т. Я. Елизаренковой, слова со значением 'блестящий, сверкающий, светящийся' и т. п. образуют лексическую группу со словами 'черный, темный, тусклый, неяркий', так как между ними существует важное для Ригvedы семантическое противопоставление, часто подчеркиваемое при описании даже одного и того же бога. Несомненно, что во всех привлеченных к анализу древних индоевропейских языках присутствует более или менее ярко выраженное противопоставление 'белого' и 'черного' цветов. Но в санскрите, особенно в ведическом, наблюдается типологически достаточно редкая ситуация. Выделяется большая и очень употребительная группа существительных: имена богов, названия их поступков, последствий их действий, которые опи-

сываются с помощью особой лексической системы слов со значением 'блестящий, яркий' ~ 'темный, тусклый'. Остальные ц. о. практически не сочетаются с этими существительными, а если и используются, то лишь постольку, поскольку их можно отнести к 'блестящим' или, наоборот, 'тусклым'. Исходя из этих данных, Елизаренкова даже предполагает, что санскрит находился на самой низшей стадии развития (по теории Берлина—Кея), когда в наивной картине мира различаются лишь 'светлые' ~ 'темные' цвета.

Представляется, что если исследовать описание с помощью ц. о. объектов природы, то можно выделить более развитую систему ц. о., включающую наряду со 'светлыми, белыми' и 'черными, темными' тонами, группы ц. о. для 'красного' и 'желтого'. Наличие отдельной лексической системы слов со значениями 'блестящий, яркий, светлый' ~ 'неблестящий, тусклый, темный' объясняется, по мнению Елизаренковой, преимущественно религиозным содержанием ведийских памятников. Возможно, что и в других древних обществах с развитой мифологией присутствует подобное развитое лексическое противопоставление.

Учитывая большое количество слов с семантикой 'светлый, блестящий', реконструируемых для индоевропейского языка, можно предположить, что наличие вышеописанной лексической системы в санскрите является индоевропейским наследием, в значительной мере исчезнувшим в других древних индоевропейских языках (Норманская 2005).

Поскольку система слов со значением 'блестящий, светлый' ~ 'неблестящий, тусклый' уже была описана (Елизаренкова 1994—1995; Hopkins 1883), то в настоящей работе кажется целесообразным уделить особое внимание употреблению этих ц. о. с объектами природы. Кроме того, мы намерены проследить специфику использования ц. о. на разных стадиях развития санскрита².

Веды

В ведической литературе выделяется два наиболее употребительных ц. о. 'белого': *arjuna-* 'белый, чистый, блестящий' и *sveta-* 'белый'.

Arjuna- встречается в Ведах не так часто, как *sveta-*, но зато гораздо чаще чаще обозначает предметы действительно белого цвета: 'свет дня' RV VI, 9, 1; 'заря' RV I, 49, 3; 'серебро' AV, IV, 37, 4; 'молоко' RV. Надо отметить, что *arjuna-* практически не имеет коннотаций³.

Sveta- является наиболее распространенным ц. о. 'белого' уже в ведическом санскрите. Но в отличие от *arjuna-*, *sveta-* употребляется в основном для символического описания 'белого', например при описании богов:

² Последнее будет сделано и для двух других важнейших концептов цвета — 'черный' и 'красный'.

³ Ригведа (цит. по изданию: Aufrecht 1955; перевод цит. по: Елизаренкова 1999).

'Наличие ~ отсутствие коннотаций' у ц. о. в дальнейшем будет пониматься в следующем смысле: насколько часто данное ц. о. употребляется в переносном значении, когда интерпретация его как цветового невозможна. Например ц. о. *черный* в значении 'плохой', 'несчастливый' о характере, о душе и т. п.

...kṛṣṇāḥ śveto 'ruṣo yāto asya bradhna' gṛā utā sō'po yaśāsavān/
hīraṇyārīpam janitā jajāna... (RV, X, 20, 9)⁴

...черный, белый, красный его путь. Блистательный (бывает) желто-красным, красноватым и ярко-красным, родитель породил его золотистого цвета...

...śvetaṃ rūpam kṛṇute yāi siṅśate... (RV IX, 74, 7)

...белый цвет принимает он, когда хочет завоевать...

Однако иногда и śveta- употребляется для описания предметов действительно белого цвета, например 'гор, покрытых белым снегом' RV.

Таким образом, можно сделать вывод, что в ведическом санскрите arjuna- и śveta- имели ярко выраженную разницу в употреблении: ц. о. arjuna- не имело коннотаций и употреблялось для описания природных объектов белого цвета, в основном, блестящих; ц. о. śveta- было наиболее употребительным ц. о. 'белого' с ярко выраженными положительными коннотациями и лишь в редких случаях описывало объекты действительно белого цвета.

Смрити

В литературе Смрити несколько изменяются внутренние соотношения между ц. о. 'белого' ведического периода. arjuna- постепенно начинает выходить из употребления в качестве ц. о. В памятниках Смрити только 'белок глаза' имеет постоянный эпитет arjuna- Suṣṛ (AyV). Одновременно, arjuna- начинает употребляться в качестве составной части имен собственных, например Arjunapāṇa — имя принца BhPr.

Śveta-, наоборот, становится еще более употребительным ц. о. Оно по-прежнему сохраняет большое количество положительных коннотаций и часто употребляется в переносном смысле, например śvetavahāna — о сыне Śūra в значении 'хороший' VP. Одновременно это ц. о. начинает довольно часто появляться с названиями природных объектов белого цвета, т. е. в тех позициях, в которых раньше использовалось ц. о. arjuna-, например, при описании цвета 'луны' ŚāraṅgP, 'белка глаза' Suṣṛ (AyV).

Кроме того, в Смрити появляется новое ц. о. 'белого' — sita-. В этот период оно еще малоупотребительно. В рассмотренных памятниках встречено лишь употребление sita- для описания цвета 'сахара' Suṣṛ (AyV).

Светская литература

В светской литературе на санскрите в основном сохраняются все прежние ц. о. 'белого', но к ним присоединяется и ряд новых слов.

⁴ В ряде случаев при ссылке на употребление ц. о. в символическом значении приводятся цитаты, а не словосочетания, так как иначе не понятна семантика употребления ц. о.

Arjuna- уже практически выходит из употребления в качестве ц. о. и используется в основном как составная часть имен собственных, например *Arjunamiśra* — имя комментатора MBh; *Arjuna-* — имя третьего принца из рода Pāṇḍava (того, который, по преданию, был сыном Индры и Кунти) MBh и т. д.

Sveta- продолжает быть основным ц. о. 'белого'⁵. Оно по-прежнему сохраняет большое количество положительных коннотаций и употребляется в переносном значении, например *svetaketu-* — о сыне Sena-jit в значении 'хороший' Hariv. Также *sveta-* начинает часто употребляться в качестве составной части имен собственных, например *Śvetāsiddha* — имя одного из служителей Skand'ы — MBh. *Śveta-* является наиболее употребительным ц. о. 'белого' при описании природных объектов, например, является постоянным эпитетом снега Hariv; луны Kād; Hcar; белой шеи Hariv. и т. д.

Sita- постепенно становится весьма употребительным ц. о. 'белого'. В рассмотренных текстах является постоянным эпитетом луны Śiś; седых волос и бороды Hariv; MBh; облаков MBh. Слово *sita-* также начинает часто использоваться как составная часть имен собственных, например *Sitānana* — имя одного из служителей Śiv'ы (Hariv.). Однако оно не имеет положительных коннотаций, присущих *sveta-*, и уступает последнему по количеству употреблений.

Кроме вышеописанных ц. о. в санскритской светской литературе появляются два новых ц. о. 'белого': *dhavala-* и *balakṣa-*. В этот период они являются еще крайне малоупотребительными ц. о.

Balakṣa- встречается лишь в сочетании *balakṣagu* 'посылающий белые лучи' (о луне) Kāvyaḍ.

Dhavala- несколько более употребительно и является характерным эпитетом 'снега' Pañcat.; 'слона' R; 'собаки' Kād. Несколько раз встречено в качестве составной части имени собственного, например *Dhavalamukha* — мужское имя собственное Kathās.

Ни *balakṣa-*, ни *dhavala-* не имеют ярко выраженных коннотаций.

Черный

Веды

В ведической литературе выделяется одно очень употребительное ц. о. 'черного' (*kṛṣṇa-*) и ряд мало употребительных (*asita-*, *rāma-*, *syāma-*, *syāva-*).

⁵ Здесь и далее словосочетание «основное ц. о.» употребляется не в значении, принятом в теории (Berlin, Kay 1969), а в качестве синонима выражения «наиболее употребительное ц. о.».

Kṛṣṇā- является постоянным эпитетом всех прототипически черных предметов: 'зрачок глаза' ŚBr (YV); земля Gobh (SV) и т. д. Надо отметить, что *kṛṣṇā-* имеет большое количество отрицательных коннотаций и часто употребляется в переносном значении 'плохой, злой, несчастный':

...*tān mitrāsya vāruṇasyābhicakṣe sūryo rūpam kṛṣṇate dyor upasthe/ anantam anyad ruṣad asya pājah kṛṣṇam anyad dharitaḥ sam bharanti...* (RV I, 115, 5).

...Сурья принимает этот цвет Митры (и) Варуны, чтобы быть видимым в лоне неба. Бесконечно светла одна его сторона. Другую, черную, собирают (его кобылицы)...

...*praty arcī rūṣad asya adarsī vī tiṣṭhate bādḥate kṛṣṇam ābhvam...* (RV I, 92, 5)

...снова показалось ее сверкающее пламя. Она распространяется (и) гонит черное чудовище...

Остальные ц. о. 'черного' в ведический период являются малоупотребительными: *asīta-*, *rāmā-*, *syāma-*, *syāva-*.

Asīta- в ведическом санскрите является постоянным эпитетом 'ночи' (RV IV, 17, 15; RV, X, 3, 1 и т. д.). Оно несколько раз встречается и с другими черными предметами: 'черная змея' AV или 'черные волосы' VS (WYV). Слово *asīta-* имеет ряд отрицательных коннотаций:

...*tā in nve vā samanā samānīr amīavarṇā usāsāś caranti/ gūhanīr abhvam asītam ru sadhbhīh sukrās tanūbhīh sucayo rucānāh...* (RV IV, 51, 9).

...те же самые зори так же движутся, (они,) неизменного цвета, прячущие черную бесформенность (своими) светлыми телами, сверкающие, блистательные...

Rāmā- в качестве ц. о. в Ведах употребляется очень редко; в текстах является постоянным эпитетом лишь 'ночи' RV.

Syāma- также малоупотребительно в Ведах; в является постоянным эпитетом 'черного быка' TS (YV).

Syāva- несколько более употребительно. Данное ц. о. используется для описания цвета 'лошади' RV, AV; 'моря' RV; 'ночи' RV.

Смрити

В литературе Смрити система ц. о. 'черного' изменилась по сравнению с вышеописанной системой в Ведах. Основное изменение заключается в том, что наряду с прежним основным отрицательно коннотированным ц. о. 'черного' *kṛṣṇā-* появляется новое не менее употребительное, но не коннотированное ц. о. *kāla-*. Другие, малоупотребительные в Ведах ц. о. 'черного' вообще практически не употребляются в Смрити.

Таким образом, в этот период можно наблюдать как бы конкуренцию двух ц. о. — *kṛṣṇa-* и *kāla-*. Большинство прототипически черных предметов в Смрити характеризуется обоими ц. о.: ‘зрачок глаза’ — *kṛṣṇa-* и *kāla-* в Suśr (AyV); ‘земля’ — *kṛṣṇa-* в BhPt (AyV) и *kāla-* в NPr (AyV) и т. д.

Светская литература

В светской литературе на санскрите система ц. о. ‘черного’ принципиально по сравнению с Смрити не изменяется. По-прежнему сохраняются два конкурирующих ц. о. ‘черного’: коннотированное *kṛṣṇa-* и неконнотированное *kāla-*. Пока еще ни одному из них нельзя отдать предпочтение в частоте употреблений.

Другие малоупотребительные ц. о. ‘черного’ из ведической литературы очень редко встречаются в качестве ц. о. и в светских памятниках, например, *asīta-* для описания цвета горы в MBh и Kathās, цвета перьев у павлина в MBh; *śyāmā-* также для описания горы в MBh; *śyāva-* для описания цвета ‘испорченных зубов’ в Kāth. Rāma практически не употребляется как ц. о. в светской литературе, зато очень часто используется как составная часть имен собственных, например: *Rāmatītha* — имя Tīrth’и в MBh, R.

Красный

Веды

Характерной особенностью группы ц. о. ‘красного’ цвета в Ведах является, с одной стороны, ее относительная многочисленность, а, с другой стороны, отсутствие ярко выраженного основного ц. о. Это выделяет ее из систем названий других цветов в Ведах и систем названий ‘красного’ цвета в более поздней санскритской литературе.

Действительно, насчитывается по крайней мере 10 названий ‘красного’ цвета, которые можно условно разделить на две группы:

- 1) *aruṇā-*, *aruṣā-*, *usṛīya-*, употребляются преимущественно для описания красных светящихся предметов — огня — *aruṣā-* в RV, VS (WYV); солнца, зари — *aruṇā-*, *aruṣā-* в RV, света дня — *aruṇā-*, *aruṣā-*, *usṛīya-* в RV и т. д. Исключение составляют: *aruṇā-* (описывает цвет золота в AV), *aruṣā-* — цвет лошади, коровы, моря в RV, AV, VS (WYV), *usṛīya-* — цвет коровы в RV, AV.
- 2) *kāḍru-*, *bradhna-*, *rudhira-*, *rohita-*, *loha-*, *lohita-*, *śōpa-* преимущественно употребляются для описания красных несветящихся предметов; в виде исключения *bradhna-*, *rohita-* используются для описания цвета солнца — в RV и AV.

Из приведенных слов наиболее часто используется *lohita-*, которое является постоянным эпитетом ‘крови’ TS (YV), VS (WYV), AV, Gaut (SV); ‘земли’

Gobh (SV); 'железа' AV. Однако данное ц. о. несравнимо менее употребительное, чем основные названия других цветов, и не имеет коннотаций.

Другие ц. о. 'красного' еще реже используются. *Kādrū* употребляется в Ведах лишь для описания цвета 'земли' TS (YV). *Bradhna-* — для описания цвета 'лошади' в RV и TS (YV), 'солнца' в RV, AV. *Rudhira-* и *sōpa-* — цвета 'крови' в ŚBṛ и GrŚrS. *Loha-* для описания цвета 'меди' ŚBṛ и 'железа' Kauś (AV).

Ни одно из ц. о. 'красного' не имеет в Ведах ярко выраженных коннотаций.

Смрити

В литературе Смрити группа ц. о. 'красного' цвета претерпевает в некотором смысле кардинальные изменения. Во-первых, появляется новое весьма употребительное слово *raktā-*, которое уже в Смрити становится основным; во-вторых, резко сокращается число названий 'красного' цвета, что, как кажется, неразрывно связано с появлением нового всеобъемлющего ц. о. *raktā-*.

Rakta- начинает употребляться для описания предметов прототипически 'красного' цвета: крови Mṇ, MārṅP, Śuśr и т. д.; губ BḥPṛ (AyV) и т. д.

Из ц. о. ведического периода сохраняются *aruṇa-*, *bradhna-*, *rudhira-*, *lohita-*, *sōpa-*. Как видно, из слов, характерных для описания святиющихся предметов, сохранилось лишь *aruṇa-*. Но и данное ц. о. употребляется все реже, в Смрити можно его встретить лишь при описании цвета зари Mṇ и рубина BḥPṛ.

Ц. о. второй группы (характерные для несвятиющихся предметов) тоже очень малоупотребительны. И опять на общем уровне несколько выделяется *lohita-*, которое используется для описания цвета крови Śuśr, шафрана BḥPṛ и окрашенного риса Śuśr, BḥPṛ.

Rōhita- начинает употребляться как составная часть имен собственных и как биологический термин. Например, *Rōhita-* в BḥPṛ — имя сына Hari-ścandra, а в Mṇ — вид рыбы (Cyprinus Rohitaka).

Появляется еще одно новое ц. о. 'красного' — *kapilā-*. Но в Смрити оно еще очень малоупотребительно, используется лишь для описания цвета латуни AyV.

В Смрити так же, как и в Ведах, ни одно из ц. о. 'красного' не имеет ярко выраженных коннотаций.

Светская литература

В светской литературе на санскрите продолжают процессы, начавшие в системе 'красного' цвета в Смрити.

Rakta- становится всеобъемлющим ц. о. 'красного', постоянным эпитетом крови Nariv, VarBṛS, Ragh, Kāt; солнца Nariv; луны Kāvyaḍ и т. д.

Как можно видеть из употребления ц. о. *raktá-* (*Böhtlingk, Rudolph* 1852–1875), в системе названий 'красного' цвета в светской литературе окончательно исчезает противопоставление между ц. о. 'красного', характерных для святящихся vs. несвятящихся предметов.

Также достаточно употребительным ц. о. 'красного' становится *kapilá-*, оно используется для описания цвета огня, солнца MBh. Появляется и еще одно новое ц. о. 'красного' — *pāpāla-*, которое используется для описания цвета рубина Śiś.

Все сохранившиеся в светской литературе ведические ц. о. 'красного' малоупотребительны. *Lohita-* используется для описания цвета огня Kīṛ. *Rudhira-* и *śōpa-* употребляются достаточно часто, но исключительно для описания цвета крови Pañcat, Laghuj и др. *Aruḍa-*, по-прежнему, иногда используется для описания цвета святящихся предметов; ср. 'солнце' в VarBrŚ и Śak. *Lohá-* — для обозначения цвета 'железа' Śiś.

Кроме того, надо отметить, что вышеописанные и почти все остальные ведические ц. о. 'красного' (за исключением *aruṣa-*, *usriya-*) в светской литературе начинают часто употребляться как составная часть имен собственных. Приведем лишь несколько примеров: *Lohajāṅgha* — имя брахмана Kathās; *Bradhma* — имя сына Manu Bhautya; *Śopitapura* — название города Asur'ы Bāṇa.

Все вышеописанные ц. о. не имеют ярко выраженных коннотаций.

Желтый, зеленый

В литературе существуют различные мнения о вероятности существования «желто-зеленой» системы в ц. о. санскрите. Хопкинс считает, что в Ведах можно выделить желто-зеленую систему цветообозначений. Она представлена ц. о., образованными с помощью различных словообразовательных моделей от ц. о. *hāri-* 'желтый, зеленый': *hariṇa-*, *harit-*, *harita-*, *haritāla-*, *hary-* и т. д. Елизаренкова, напротив, полагает, что *hāri-* имеет значение 'желтоватый, бледный, красноватый'. Действительно, *hāri-* и его производные обозначали в санскрите в основном 'желтые' цвета, например цвет солнца в VP, льва в MBh, Hcaṅ и т. п.

Однако можно выделить ряд случаев, когда *hāri-* или его производные предположительно означают 'зеленый': цвет лягушки⁶ RV VII, 103, 4; изумруда BhPṛ; молодой зелени MBh. Но такие употребления встречаются очень редко как в Ведах, так и в более поздней литературе на санскрите.

Другого ц. о. 'зеленого' в санскрите выделить не удастся. Поэтому более вероятным представляется, что система ц. о. в санскрите была

⁶ Как указано в (*Hopkins* 1883, 176), в Ригведе различается два типа лягушек: «пятнистые», те, которые могут быть названы 'желтыми', и «однотонные», 'зеленые'. Характерно, что пятнистые лягушки никогда не описываются с помощью ц. о., в то время, как однотонные обозначаются, как *hāri-*, которое в данном контексте может быть переведено как 'зеленый'.

«желто-зеленой». По каким-то не до конца ясным в настоящее время причинам предметы зеленого цвета крайне редко описывались с помощью цветовых терминов. Надо отметить, что эта особенность делает санскритскую систему ц. о. уникальной в ряду других древних индоевропейских цветовых систем, в которых прототипически 'зеленые' предметы достаточно часто описываются с помощью ц. о. Возможно, такая система в санскрите является прямым наследием индоевропейского языка, система ц. о. которого была тоже «желто-зеленой» (Норманская 2005).

Надо сказать, что названия желто-зеленого цвета не претерпели принципиальных изменений в ходе исторического развития от ранневедической до светской литературы. *Hāri-* и его производные на всех этапах употреблялись в основном для описания 'желтого' цвета и не имели ярко выраженных коннотаций.

Желтый

Отдельное ц. о. для 'желтого' *p̄ṣa-* появляется в санскрите относительно поздно. Только в светской литературе в MBh можно найти уже достаточно частые употребления данного слова. Но и в это время *p̄ṣa-* еще не употребляется для обозначения прототипически 'желтых' предметов. Его фиксации в основном сводятся к описанию цвета артефактов, например *p̄ṣāvāsas* 'одетый в желтое' MBh и под. Однозначно значение 'желтый' у этого ц. о. можно восстановить лишь по записям лексикографов: здесь *p̄ṣa-* описывает цвет золота, топазов, бананов, воска и т. п.

Синий

В работах по семантике санскритских названий цветов ведутся споры о значении ц. о. *n̄ṣa-*. Интерпретация данного ц. о. представляет собой интересную теоретическую проблему, на которой хотелось бы здесь вкратце остановиться. Словарь (*Böhtlingk, Rudolph* 1852) дает для этого слова значение 'темный, темно-синий, черный', а (*Monier-Williams* 1997) — 'темно-синий или темно-зеленый или черный'. По мнению Елизаренковой, *n̄ṣa-* значит просто 'черный'.

В самом деле, однозначно истолковать значение слова на материале древних текстов очень сложно. Значение ц. о. можно выводить, когда оно описывает предметы, имеющие в природе более или менее фиксированный цвет. Однако, в случае с *n̄ṣa-* такой ситуации не наблюдается. Предметы, которые описывает *n̄ṣa-*, в Ведах не имеют какого-то определенного постоянного цвета. Приведем несколько цитат: «Твоя искра с *n̄ṣavān* (темным следом дыма), трещащая, вовремя» RV VIII 19, 31; «Рассеяв переиспытывания и *n̄ṣavān* (мрак), Ты восходишь на сверкающую колесницу (вселенского) закона» RV II, 23, 3; *n̄ṣap̄ṣha-* «черноспинный (Агни)» RV III, 7, 3; V, 43, 12 и т. п.

В более поздней, светской литературе характерные для *nīla-* предметы следующие: горы, шея Шивы, темные перья у павлина, темный бык и т. д. (MBh). Видно, что ни один из этих предметов не является прототипически 'синим'. Более того, в рассмотренных текстах все предметы, которые описываются с помощью *nīla-*, описываются и ц. о. *kṛṣṇa-* или *kāla-*.

Nīla- начинает употребляться уже в Ригведе. Однако во всей санскритской литературе данное ц. о. очень редко употребляется самостоятельно, обычно — как составная часть композита. Кроме того, *nīla-* в ведической литературе не имеет производных, они начинают появляться лишь позже, в Смрити и в светской литературе, и то в очень ограниченном количестве.

Как видно из приведенного материала, вопрос о толковании *nīla-* остается открытым. Однако нужно ли выделять подгруппу синего цвета в санскрите? На основе проведенного анализа санскритских текстов кажется, что такую подгруппу выделить не удастся. Более вероятным представляется, что *nīla-* являлось одним из оттенков черного цвета.

Белый, желтый

В санскрите выделяется особое ц. о. *pāñcī-* со значением 'белый, желтый'. Оно употребляется как для описания прототипически белых предметов: мел, серебро, рис и т. п., так и для описания прототипически желтых предметов: желтуха, песок и т. п.

Данное ц. о. и его производные появляются уже в Ведах, ср. 'цвет мела' в Yājñ (YV). Но широко употребительным становится лишь в Смрити и светской литературе на санскрите: *pāñcīkambala* 'белая шерсть' R; *pāñcīgātra* 'бледнолицый' Śuśr (AṣṬ); *pāñcīloha* 'белый металл — серебро' Daś и т. п.

В это время *pāñcī-* начинает часто употребляться как составная часть имен собственных, например *Pāñcīrāstra* — название народа в MBh. Ярко выраженных коннотаций данное ц. о. не имеет.

Красный, черный

В санскрите существует еще одно «двойное» ц. о. *tāmrā-*, которое описывает как прототипически 'красные' (кошениль, глаза у голубя, рубин), так и прототипически 'черные' (ворона) предметы. Слово появляется еще в Ведах, где описывает цвет меди VS (WYV). Но употребительным становится лишь в Смрити и светской литературе, ср. *tāmracakṣus* 'красноглазый (о голубе)' NPr (AṣṬ), *tāmrakṣa* 'темная ворона' MBh и т. д. Данное ц. о. также не имеет коннотаций.

* * *

Как видно из проведенного анализа, система ц. о. в санскрите при переходе от Вед к Смрити претерпевает ряд кардинальных изменений, заключающихся в следующем:

- 1) в системе ц. о. 'черного' в Смрити наравне к основному, коннотированному ц. о. 'черного' добавляется новое не коннотированное ц. о. *kāla*-;
- 2) система ц. о. 'красного', насчитывающая в Ведах большое количество малоупотребительных слов, резко сокращается в литературе Смрити, где входит в употребление новое всеобъемлющее ц. о. *raktā*-;
- 3) в Ведах можно отметить условное деление на ц. о., описывающие светящиеся/несветящиеся предметы, которое прослеживается как в системе 'белого', так и в системе 'красного' цветов. Данное противопоставление практически полностью разрушается уже в литературе Смрити;
- 4) в Ведах начинают появляться, но становятся употребительными лишь в Смрити и светской литературе «двойные» ц. о. *rāñḍi*- 'белый, желтый' и *tāñḍa*- 'красный, черный', которые, как кажется, нехарактерны для европейских языков (исключение *purpureus* в латинском языке) и представляют собой интересную типологическую особенность системы ц. о. в Смрити и светской литературе.

Тенденции, намеченные при изменениях системы ц. о. от литературы Вед к Смрити, набирают силу в светской литературе. Кроме того, в памятниках этого периода становятся употребительными большое количество новых оттеночных ц. о.: *balakṣa*- и *dhavala*- в системе 'белого' цвета, *kapilā*- и *pāñḍalā*- в системе 'красного' цвета, *pīṭha*- и ее производные в системе 'желтого' цвета. Большинство оттеночных ц. о., употребительных в Ведах, в светской литературе постепенно перестают использоваться в качестве названий цветов и сохраняются в основном как составные части имен собственных.

В заключение отметим, что санскритскую систему ц. о. в целом характеризуют следующие особенности: во-первых, наличие одного ц. о. для описания как 'желтых', так и 'зеленых' предметов, при том, что последние крайне редко характеризуются по цвету; во-вторых, отсутствие системы ц. о. 'синего'.

Литература

- Елизаренкова Т. Я. Ригведа. Мандалы I–X. М., 1999.
- Норманская Ю. В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М., 2005.
- Aufrecht Th. Die Hymnen des Rigveda. Berlin, 1955.
- Berlin B., Kay P. Basic color terms, their universality and evolution. Berkeley, 1969.
- Böhlingk O. B., Rudolph R. Sanskrit-Wörterbuch. SPb., 1852–1875.
- Elizarenkova T. Notes on names of colours in the Rigveda // Bulletin of the Deccan Research Institute. 1994–1995. Vol. 54–55. P. 81–86.
- Frazer R. W. A Literary History of India. Delhi, 1898. Repr. 1970.

- Grassmann H.* Wörterbuch zum Ṛig -Veda. 3., unveränderte Aufl. Wiesbaden, 1955.
Hopkins E. W. Words for color in the Ṛig Veda // *American Journal of philology.* 1883.
 Vol. 4. P. 166–191.
Keith A. B. (Ed.) *Histories of Sanskrit literature.* Berkeley, 1928.
Monier-Williams M. *Sanskrit-English Dictionary.* Delhi, 1997.

Источники и сокращения

AV	— Atharva Veda.
BhPr (AyV)	— Bhāva prakāśa.
Daś	— Daśakumāra-carita.
GṛŚrS	— Gṛiya and Śrauta Sūtra.
Gaut (SV)	— Gautama's Dharma-śāstra.
Gobh (SV)	— Gobhila Gṛiya Sūtra.
Hariv	— Harivaṅśa.
Hcar	— Harsha carita.
Kāṭh (YV)	— Kāṭhaka.
Kād	— Kādambarī.
Kāt	— Kātantra.
Kāvyād	— Kāvyādarśa.
Kathās	— Kathāsaritsāgara.
Kir	— Kirātārjunīya.
Laghuj	— Laghujātaka.
MārKP	— Mārkaṇḍeya Pūrāṇa.
MBh	— Mahā Bhārata.
Mn	— Manu's Law-book.
NPr (AyV)	— Nighaṅṭu prakāśa.
Pāṇ	— Pāṇini.
Pañcat	— Pañcatantra.
R	— Rāmāyaṇa.
Ragh	— Raghuvāṅśa.
RV	— Ṛig-Veda.
Suśr (AyV)	— Suśruta.
SV	— Sāma Veda.
Śārīṅg (AyV)	— Śārīṅgadhara Saṃhitā.
Śak	— Śakuntalā.

ŚBr (YV)	— Śatapatha Brāhmaṇa.
Śis	— Śisupāla-vadha.
TS (YV)	— Taittirīya Saṃhitā.
VarBṛS	— Varāha-mihira's Bṛihat Saṃhitā.
Vcar	— Vikramāṅkadeva carita.
VP	— Viṣṇu Pūrāṇa.
VS (WYV)	— Vājasaneyi Saṃhitā.
WYV	— White Yajur Veda.
Yājñ (YV)	— Yājñavalkya.
YV	— Black Yajur Veda.

Цветобозначения в древнегреческом языке

Система ц. о. в древнегреческом интересна тем, что именно на ее материале была предложена и в течение нескольких столетий активно обсуждалась теория о цветовой слепоте древних людей. В 1557 г. теория была предложена Скалигером и в течение столетий господствовала в учении о цвете. В частности, этой теории придерживались такие выдающиеся ученые, как Гёте (ср.: *Goethe* 1989). Подробную библиографию и анализ исследований на эту тему можно найти в работе (*Gladstone* 1958).

На основании данных последних исследований ученые отказались от этой идеи. Доказано, что физиологически аппарат зрительного восприятия у древних людей был устроен так же, как у современных. Однако остается не вполне объясненным тот факт, что, действительно, как в древнегреческих, так и в ведических, латинских и других текстах на древних языках крайне редко или практически никогда не описывается цвет 'синих' объектов ('неба', 'воды' и т. д.). И вообще, часто употребляются лишь ц. о. 'белого' и 'черного', а ц. о. 'красного', 'желтого' и 'зеленого' в любом древнем индоевропейском языке встречаются значительно реже, чем в современных языках.

Существуют различные объяснения данного феномена. Например, Н. К. Садыкова предполагает, что эта особенность была обусловлена экстралингвистическими фактами. По ее мнению, из-за особенностей естественного освещения те объекты, которые сейчас считаются прототипически 'синими' (вода, небо), несколько тысячелетий назад имели несколько другой оттенок, который было сложно однозначно охарактеризовать (*Садыкова* 1975).

По мнению других авторов (ср., например: *Durbeck* 1977), редкое использование хроматических ц. о. ('красного', 'желтого', 'зеленого', 'синего') было обусловлено спецификой древнегреческих текстов, среди которых значительно преобладают философские трактаты, в которых ц. о. 'белый' и 'черный' использовались не столько в качестве ц. о., сколько в качестве философских категорий.

Многие ученые, в основном работающие на стыке лингвистики и антропологии, этнологии (ср., например: *MacLaury* 1989) в парадигме теории Берлина—Кея придерживаются идеи стадийного развития систем ц. о. Похожие по уровню развития на древние индоевропейские языки или еще менее развитые (различающие только два основных цвета) системы ц. о. они находят в языках американских индейцев, на Новой Гвинее и т. д.

Какому из предложенных объяснений следует отдать предпочтение, в настоящее время ясно не до конца.

Описание ц. о. в древнегреческом языке имеет давнюю традицию. Особенно хочется отметить некоторые работы. В исследовании (*Durbeck* 1977) сделан полный анализ ц. о. в древнегреческом языке и приводится исчерпывающий список древнегреческих цитат, содержащих ц. о. Ряд интересных исследований посвящен описанию семантики отдельных ц. о., стилистике, символическим употреблениям древнегреческих ц. о. (ср.: *Edgeworth* 1992; *Irwin* 1974; *Reiter* 1962).

В работе (*Садыкова* 1975) на материале ц. о. у Гомера предложена классификация древнегреческих ц. о. по признаку их этимологической и синхронной производности от названий соответствующих объектов. В частности были предложены следующие типы ц. о.: 1) о, связанные с явлениями растительного мира; 2) о, связанные с определенным материалом или красителем; 3) о, соотносимые со светотеневыми явлениями; 4) прочие. По мнению Садыковой, именно четвертый тип включает основные ц. о., создающие ядро всей системы ц. о. А качественное и количественное многообразие остальных типов (ц. о., образованные от названий каких-либо природных объектов) связано с развитием литературной традиции языка. (К похожему выводу на материале латинских ц. о. приходят и авторы работы *Бородина, Гак* 1979.)

В настоящей работе сделана попытка описать систему ц. о. в раннем и позднем древнегреческом языке с точки зрения сочетаемости ц. о., частоты их употребления и наличия коннотаций, а также проследить развитие системы ц. о. от древнегреческого к новогреческому языку.

Белый

Основным ц. о. белого цвета в древнегреческом языке является λευκός¹. На Сервере это слово зафиксировано 564 раза. λευκός более употребительно в прозе (414 раз), чем в поэзии (150 раз), что является его характерной особенностью. Ограничений на сочетаемость не выявлено. Временных ограничений на употребление данного ц. о. не выявлено.

λευκός в древнегреческом языке не имеет ярко выраженных коннотаций. В текстах на Сервере зафиксировано три употребления λευκός в значении 'яркий, удачливый, счастливый'. Ср.: λευκόν 'ἥμαρ 'приятный день или праздник' (*Aesch. Pers.* 301; *Plut. Per.* 27).

Надо отметить, что вышеуказанные коннотированные употребления λευκός встречены, в основном, у более поздних греческих авторов. Возможно, этим объясняется то, что в новогреческом языке λευκός может быть интерпретировано как основное ц. о. 'белого' цвета. Однако наличие незначительного числа коннотаций у поздних древнегреческих авторов и много-

¹ Здесь и далее основным источником материала служили TLG и сервер www.perseus.tufts.edu (на нем представлены тексты общим объемом 3 794 497 словоформ), которые мы будем в дальнейшем обозначать «Сервер». Основные работы, в которых сделан наиболее полный анализ ц. о. в древнегреческом языке: *Durbeck* 1977; *Edgeworth* 1992; *Irwin* 1974; *Reiter* 1962; *Садыкова* 1975, далее обозначаются «Литература».

численных коннотаций у новогреческих авторов обуславливает появление в новогреческом языке конкурирующего ц. о. 'белого' цвета *άσπρος*.

В работе (Садыкова 1975) отмечается, что *λευκός*, как и другие основные ц. о. 'белого' цвета в индоевропейских языках, часто употребляется как для описания прототипически 'белых' предметов:

Homer, *Iliad* 11, 415².

...σεύωνται, ὃ δέ τ' εἶσι βαθείης ἐκ ξυλόχοιο | θήγων λευκὸν
ὀδόντα μετὰ γναμπτῆσι γένουσσιν...

...словно как вепря и быстрые псы, и ловцы молодые вдруг окружают, а он из дремучего леса выходит грозный, в искривленных челюстях белый свой клык изоцряя...

Aeschylus, *Persians* 607.

...βοός τ' ἀφ' ἀγνῆς λευκὸν εὐποτον γάλα...

...вот млеко от юницы чистой белое...

Hesiod, *Works and Days* 533.

...τῷ ἴκελοι φοιτῶσιν, ἀλευόμενοι νίφα λευκῆν...

...они бродят, избегая белого снега...

так и для описания 'светлых', не обязательно чисто 'белых' предметов:

Hesiod, *Works and Days* 738.

...χεῖρας νιψάμενος πολυηράτῳ ὕδατι λευκῷ.

...и не умоешь руки в прелестных светлых водах... (вечно текущая река).

Homer, *Iliad* 23, 267.

...αὐτὰρ τῷ τριτάτῳ ἄπυρον κατέθηκε λέβητα
καλὸν τέσσαρα μέτρα κεχανδῶτα λευκὸν ἐτ' αὐτῶς...

...третьему мздоку — не бывший в огне умывальный прекрасный, Новый еще, сребровидный, четыре вмещающий меры...

В Литературе отмечается, что *λευκός* часто употребляется в значении 'святиющийся, сверкающий':

Aeschylus, *Agamemnon* 667.

...λευκὸν κατ' ἥμαρ, οὐ πελοισότες τύχη...

...на белый свет из ада вышел водного...

В новогреческом языке *λευκός* также является основным ц. о. 'белого' цвета. По данным, любезно предоставленным г. Пампусом, носителем

² Произведения Гомера, Гесиода, Эскила, Пиндара (все произведения цит. по TLG, <http://www.perseus.tufts.edu>; перевод цит. по: Гомер 1982; Гомер 1985; Гесиод 1885; Эскил 1989; Пиндар 1980).

новогреческого языка, ц. о. λευκόс не имеет ограничений на сочетаемость. Однако, в разговорном языке появилось конкурирующее обозначение 'белого' цвета ἄσπρος. По данным носителя, в новогреческом языке наблюдается следующая разница в употреблении ц. о. λευκόс и ἄσπρος: в разговорном языке, в бытовой речи при описании, например, цвета 'одежды', 'предметов интерьера', 'природы' одинаково употребимы и даже взаимозаменяемы оба ц. о.; в литературном же языке, в возвышенном стиле речи, при описании, например, 'божественных существей' ц. о. ἄσπρος, практически, не употребляется.

Кажется, можно прогнозировать, что в дальнейшем неконнотированное ц. о. ἄσπρος будет вытеснять из употребления коннотированное ц. о. λευκόс (ср. ниже описание системы ц. о. 'красного' цвета в новогреческом языке, где можно наблюдать завершение процесса вытеснения как из литературного языка, так и из разговорного языка слова ἐρυθρόс, основного ц. о. 'красного' цвета в древнегреческом языке, новым ц. о. κόκκινος).

Типологически ситуация, описанная в системе ц. о. 'белого' цвета в новогреческом языке, встречается достаточно часто. Например, в древнеанглийском языке в системе ц. о. 'черного' цвета также существовали два конкурирующих ц. о. *sweart* и *blaec*. *Sweart*, являющееся рефлексом основного ц. о. 'черного' цвета в прагерманском языке, было более употребительно в поэзии, в возвышенном стиле речи, чем в прозе и имело большее количество отрицательных коннотаций. Ц. о. 'черного' цвета *blaec*, появившееся лишь в древнеанглийском и не имеющее надежной этимологии, употреблялось в основном в прозе и не имело коннотаций. Уже в среднеанглийском языке рефлекс *blaec* полностью вытесняет рефлекс *sweart* из системы основных ц. о. (ср.: *Schwertner* 1915).

Черный

В древнегреческом языке выделяется три наиболее употребительных ц. о. 'черного': ἐρεμνός, κελαίνός, μέλαс. Первые два ц. о. были сравнительно мало употребительны и использовались, в основном, в поэзии. Поэтому трудно проследить семантические различия в их употреблении.

Основным ц. о. 'черного' цвета в древнегреческом языке является μέλαс (Литература). На Сервере μέλαс зафиксировано 421 раз (281 раз в поэзии и 140 в прозе). Подобное распределение вообще характерно для большинства древнегреческих ц. о. Лишь λευκόс чаще употребляется в прозе, чем в поэзии, а частота употребления ἐρυθρόс в прозе и в поэзии одинакова.

Интересно отметить, что в результате развития системы ц. о. от древнегреческого языка к новогреческому только λευκόс сохранило статус основного ц. о.; другие древнегреческие основные ц. о. в новогреческом языке перешли в разряд не основных. Возможно, и в других индоевропей-

ских языках основные ц. о., которые более употребительны в поэзии, в возвышенном стиле речи имеют тенденцию заменяться переходить в состав не основных, однако этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

При анализе употребительности μέλας у отдельных древнегреческих авторов можно отметить следующую закономерность: у более ранних авторов (Гомера, Гесиода) μέλας встречается значительно чаще, чем у поздних (Аристотеля, Флавия, Плутарха).

Ц. о. μέλας в древнегреческом языке имеет ряд ярко выраженных коннотаций, употребляясь в значении 'злой, несчастный, плохой'; о 'смерти', о 'людях', о 'богах' и т. д. Ср.:

Aeschylus, Seven Against Thebes 977.

...μέλαιν' Ἐρινός, ἧ μεγασθενής τις εἶ...

...черная, страшная Эдила Эринния...

Hesiod, Works and Days 154.

...νώονμοι· θάνατος δὲ καὶ ἐκπάγλους περ ἔοντας
εἶλε μέλας, λαμπρόν δ' ἔλιπον φάος ἡλίοιο...

...как ни были они страшны, — смерть черная овладела ими...

Homer, Iliad 11, 359.

...τόφρ' Ἐκτωρ ἔμπνυτο, καὶ ἄψ ἐς δίφρον ὀρούσας
ἐξέλασ' ἐς πλῆθύν, καὶ ἀλεύατο κῆρα μέλαιναν...

...Гектор с духом собрался и, бросившись вновь в колесницу, к дружным толпам поскакал и избегнул гибели черной...

Homer, Iliad 4 190.

...ἔλακος δ' ἰητήρ ἐπιμάσσεται τῆδ' ἐπιθήσει
φάρμαχ' ἃ κεν παύσῃσι μελαινάων ὀδυνάων...

...язву же врач знаменитый немедля тебе испытает
И положит врачества, утоляющих черные боли...

Исходя из гипотезы об изменении коннотированных ц. о. (Норманская 2005), можно объяснить, что в новогреческом языке коннотированное ц. о. μέλας было заменено на новое основное ц. о. 'черного' цвета μαύρος.

Интересно отметить, что если одним из значений λευκος является 'блестящий, сверкающий', то μέλας, наоборот, никогда не употребляется в таком значении. Садыкова (1975) показала, что у Гомера ц. о. μέλας в основном характеризует не прототипически 'черные' предметы, которые достаточно редко встречаются, а просто 'темные': 'корабли', 'камни', 'землю', 'пепел':

Hesiod, Works and Days 635.

...Κύμην Αἰολίδα προλιπὼν ἐν νηὶ μελαίνῃ...

...оставив Эолийское Киме в черном корабле...

Homer, *Odyssey* 21, 109.

...οὐτ' αὐτῆς Ἰθάκης οὐτ' ἠπειροῦ μελαίνης...

...[или в Микенах,] или в нашей Итаке, или там, на пространстве черной земли матерой...

Homer, *Iliad* 18, 25.

...νεκταρέφ δὲ χιτῶνι μέλαιν' ἀμφίζανε τέφρη...

...риза его благовонная вся почернела под пеплом...

В новогреческом языке, по данным носителя, основным ц. о. 'черного' является μαῦρος, оно не имеет ограничений на сочетаемость и стилистически не маркировано. А μέλας употребляется в основном в переносном значении и в составе сложных слов. Этот факт находится в полном соответствии с сформулированной нами гипотезой об изменении коннотированных ц. о.

Красный

В древнегреческом языке можно выделить три наиболее употребительных ц. о. 'красного' ἐρυθρός, πορφύρεος, φοινός³. Ц. о. φοινός обычно употребляется для описания 'красных окровавленных' предметов. Сочетаемость двух других ц. о. 'красного' ἐρυθρός, πορφύρεος не может быть так тривиально ограничена.

Надо отметить, что ἐρυθρός, которое обычно считается основным ц. о. 'красного' в древнегреческом достаточно малоупотребительно (Литература). На Сервере зафиксировано всего 37 раз. Данное ц. о. употребляется одинаково редко как в поэзии (18 раз), так и в прозе (19 раз) (ср.: André 1949, где отмечена малая употребительность ц. о. 'красного' цвета в латинском языке).

Ярко выраженных коннотаций у ἐρυθρός не выявлено. Однако на Сервере можно отметить ряд цитат у поздних авторов, в которых ἐρυθρός, возможно, употреблялось в переносном значении — для характеристики 'Родины' (Paus., Description of Greece book 10, chapter 12, section 3) и 'человека' (Flav., Antiquitates Judaicae book 2, section 3).

Отсутствие ярко выраженных коннотаций в древнегреческом языке во многом обуславливает сохранение ἐρυθρός в системе ц. о. 'красного' цвета в современном греческом языке. Однако в новогреческом языке весьма употребительно и более позднее ц. о. — κόκκινος. Разница в употребле-

³ Еще одно слово πυρρός по данным словарей (ср.: Дворецкий 1962) ц. о. имеет значение 'красный, желтый'. Но как и в случае с латинскими ц. о. *fulvus* и *luteus*, ц. о. πυρρός не обозначает прототипически 'красных' предметов (ср.: André 1949) и поэтому в настоящее время скорее должен считаться ц. о. 'желтого'. Однако наличие как в латинском, так и в греческом языках ц. о., которые в словарях толкуются как «красные», «желтые», очевидно, является интересной типологической особенностью этих языков и должно быть исследовано более подробно.

нии ἐρυθρός и κόκκινος следующая: ἐρυθρός используется преимущественно в научной и поэтической речи; употребление его в разговорной речи стилистически маркировано. Κόκκινος употребляется как в разговорном, так и в литературном языке. В научной и поэтической речи κόκκινος обычно является синонимом ἐρυθρός. По данным носителя, в современном греческом языке ἐρυθρός имеет ряд положительных коннотаций. На основании вышеприведенных данных можно сделать вывод, что κόκκινος является основным ц. о. 'красного' в современном греческом языке.

Вышеописанное распределение ц. о. 'красного' является, по-видимому, развитием ситуации, описанной в системе ц. о. 'белого' цвета. Можно прогнозировать, что в дальнейшем неконнотированное κόκκινος окончательно вытеснит ἐρυθρός из системы ц. о. 'красного'.

Слово πορφύρεος несколько более употребительно, чем ἐρυθρός. Но в отличие от латинского языка, в котором переводной и этимологический эквивалент πορφύρεος — *purpureus* — определяет как прототипически 'красные', так и 'черные' предметы, πορφύρεος употребляется для описания исключительно 'красных' предметов (кровь, губы, щеки и т. п.). Однако надо отметить, что в большинстве случаев πορφύρεος употребляется для описания цвета 'артефактов', в основном, 'окрашенной ткани':

Homer, Iliad 8, 220.

...βῆ δ' ἰέναι παρά τε κλισίας καὶ νῆας Ἀχαιῶν
πορφύρεον μέγα φάρος ἔχων ἐν χειρὶ παχείῃ...

...он устремился стопами широкими к стану ахейн,
мощной рукою держа великий свой плащ пурпуровый...

Возможно, малая употребительность в латинском языке и древнегреческом языке рефлексов старого индоевропейского ц. о. 'красного' связана с появлением названия для цвета красителя, изготавливаемого из ракушки-пурпурицы. Видимо, этот краситель и сам цвет был очень популярен в Риме и Греции в то время, поэтому его название постепенно вытесняло прежнее обозначение красного цвета. Однако указанная популярность слова была недолгой: на роль основного ц. о. не очень подходило слово, отпредметная производность значения которого была для носителей языка очевидной.

Желтый, зеленый

Традиционно считается, что в древнегреческом языке была «желто-зеленая система ц. о.» (т. е. соответствующая область спектра покрывается одним термином, семантика которого описывается как 'желтый, зеленый') (Литература).

Однако, после анализа текстов на Сервере кажется необходимым для описания системы ц. о. 'желтого' и 'зеленого' цветов различать раннедревнегреческое и позднедревнегреческое состояния.

В раннедревнегреческом языке, например в произведениях Гомера, действительно, наблюдается «желто-зеленая» система ц. о. Основным ц. о. 'желто-зеленого' цвета в древнегреческом языке является $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ (Edge-worth 1992; Irwin 1974; Садыкова 1975). Ограничений на сочетаемость в раннедревнегреческом не выявлено, данное ц. о. употребляется для обозначения как 'зеленого', так и 'желтого' цвета.

Зеленый (цвет 'травы' и 'кустарника'):

Homer, *Odyssey* 16, 47.

...χεῦεν βλο $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ $\rho\acute{o}\pi\alpha\varsigma$ καὶ κῶας ὑπερθευ...

...прутьев охапку зеленых принес и покрыл их овчиной...

Желтый (эпитет 'меда'):

Homer, *Iliad* 11, 631.

...ἦδὲ μέλι $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\nu$, παρὰ δ' ἀλφίτου ἱεροῦ ἀκτῆν ...

...с медом новым и ячной мукою священной...

В позднедревнегреческом языке $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ используется для описания предметов 'зеленого' цвета, в основном 'растительности' ('трава', 'листва деревьев', 'иголки сосны', 'луг'). В древнегреческих текстах, по данным Сервера, начиная с Еврипида, $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ ни разу не зафиксировано применительно к предметам желтого цвета. Сфера употребления $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\varsigma$ 'желтый', наоборот, в более поздних текстах практически не ограничена:

Pindar, *Odes* O. 7, 49.

...νοῖσι μὲν $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\nu$ ἀγαγῶν νεφέλαν (Ζεὺς)

πολὸν ὕσε χρυσόν· α...

...и Зевс желтую тучу свел к ним дождем щедрого золота...

Pindar, *Odes* P. 4, 148.

...μῆλά τε γάρ τοι ἐγώ

καὶ βοῶν $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\varsigma$ ἀγέλας ἀφίημι

ἀγροῦς τε πάντας, τοὺς ἀλοῦρας...

...ни овцы, ни рыжие паствы быков...

Таким образом, 'желто-зеленая' система ц. о. раннедревнегреческого языка в позднедревнегреческом перестраивается в систему, различающую 'желтый' и 'зеленый'.

На сервере был выявлен ряд употреблений $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ в переносном значении, свидетельствующих о наличии у данного слова отрицательных коннотаций:

Homer, *Odyssey* 24, 450.

...ὡς φάτο, τοῦς δ' ἄρα πάντας βλο $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\nu$ δέος ἦρει...

...и были все ужасом схвачены бледным...

Желтый

Существует два наиболее употребительных ц. о. для описания 'желтого' цвета $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\varsigma$ и $\phi\acute{\alpha}\chi\rho\acute{o}\varsigma$. Ц. о. $\phi\acute{\alpha}\chi\rho\acute{o}\varsigma$ в древнегреческом языке малоупотребительно и используется, в основном, для описания 'бледно-желтых' предметов: 'кожа' ('бледная'), 'желток' ('бледного' цвета — в этом его отличие от $\mu\epsilon\lambda\lambda\acute{o}\rho\acute{o}\varsigma$, который также используется для описания цвета 'желтка') и т. д. Данное ц. о. имеет также ряд отрицательных коннотаций — для описания 'скупоści'.

Ц. о. $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\varsigma$ гораздо более употребительно, но в раннедревнегреческом языке, например у Гомера, сфера его употребления ограничена; оно используется, в основном, как эпитет для описания цвета волос у людей, шерсти у животных, в частности, у лошадей:

Homer, Iliad 1, 197.

...στῆ δ' ὄλιθεν, $\xi\alpha\nu\theta\eta\varsigma$ δὲ κόμης ἔλε Πηλεΐωνα
οἴφ φαίνομένη...

...став за хребтом, ухватила за русые кудри Пелида...

В более поздних текстах сфера употребления $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\varsigma$ 'желтый', наоборот, практически не ограничена. Слово становится эпитетом 'хлеба' (ср.: Xenoph. 1.9), 'меда' (ср.: Emp. 128.7), 'плодов' (ср.: Pind. O. 6.55), 'золота' (ср.: Pind. O. 7.49), 'вина' (ср.: S. Fr. 277), 'жареной птицы' (ср.: Aristoph. Ach. 1106) и т. д.

Однако представляется, что на материале позднедревнегреческих текстов еще нельзя говорить о полноценной системе, различающей 'желтый' и 'зеленый' цвета, потому что $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\varsigma$ не является основным ц. о. 'желтого'. В позднедревнегреческих текстах, например у Иосифа Флавия, встречаются употребления $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\varsigma$ для описания цвета 'чечевицы' (Flav., Antiquitates Judaicae book 2, section 2), 'коровы' (Flav., Antiquitates Judaicae book 4, section 78–79); у Платона $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\varsigma$ описывается как смесь 'светлого' и 'красного' цветов (Plat. Tim. 68b). То есть $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\varsigma$ в ряде случаев обозначает не 'желтый', а 'красноватый, коричневый'. Кажется, что такой широкий спектр цветов, обозначаемых одним термином, присущ неосновным ц. о. (ср.: *Норманская* 2005). Так или иначе, в позднедревнегреческом языке система цветов находилась в процессе перестройки и еще не было устойчивых ц. о. для обозначения 'желтого' и 'зеленого' цветов.

По-видимому, существование коннотированных употреблений термина $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ '(желто)-зеленый'; неясный статус ц. о. $\xi\alpha\nu\theta\acute{o}\varsigma$ 'желтый, красный, коричневый' и неустойчивость всей системы 'желто-зеленых' ц. о. привели к тому, что в новогреческом языке наиболее употребительными становятся более поздние ц. о. $\kappa\acute{\iota}\tau\rho\iota\nu\acute{o}\varsigma$ 'желтый' и $\mu\epsilon\lambda\lambda\acute{o}\rho\acute{o}\varsigma$ 'зеленый'.

Синий-голубой-серый

Ц. о. 'синего/голубого' цвета издавна являются предметом полемики исследователей древнегреческой системы ц. о. Ряд авторов считает, что у

древних греков не было устойчивого, определенного термина для обозначения синего цвета, что, по их мнению, вообще характерно для древних и первобытных народов. Другие исследователи считают, что в древнегреческом языке основным ц. о. 'синего/голубого' цвета является $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ (Литература). В результате анализа древнегреческих текстов на Сервере были получены следующие данные: на 3 794 497 словоформ зафиксировано $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ всего 28 раз (меньше, чем другие основные ц. о.). Данное ц. о. употребляется чаще в поэзии (22 раза), чем в прозе (9 раз).

Анализ текстов Сервера показал, что сфера употребления $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ резко ограничена. Приведем список объектов, цвет которых в ряде случаев описывается с помощью данного ц. о.: море (Hom. Il., 16, line 33–35; Hes. Th. line 440–443; Eur. Cyclops line 14–17); сова (Paus. Description of Greece book 1, chapter 14, section 6; Aristoph. Birds line 302, 303, 362, 516, 590, 1106, 1340, Frogs line 665, Knights 1094, Lysistrata 760); глаза (Paus. Description of Greece book 4, chapter 35, section 9; Herod. The Histories book 6, chapter 86C, section 2 — 'цвет глаз скифов'; Eur. Heraclidae line 749–754; Arist. Eudemian Ethics 1247a); змея (Pind. Odes book O., poem 8, line 37); олива (листья оливы) (Soph. Oedipus at Colonus line 695–706; Eur. Iphigenia in Tauris line 1090–1105, Suppliants line 258–262; Bacchyl. Odes poem 8, line 26–32, 11, line 24–30); фрукты (виноград) (Soph., Trachiniai line 703).

Исходя из приведенных данных, можно сделать вывод, что, во-первых, традиционное толкование ц. о. $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ как 'зеленый, синий, серый' (Дворецкий 1962) не совсем верно, так как среди предметов, которые могут быть охарактеризованы с помощью данного термина, ни один не является прототипически 'зеленым'⁴. Можно предположить, что ц. о. $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ использовалось для описания предметов широкого спектра цветов, начиная от 'темно-синего' и заканчивая 'светло-серебристо-серым', но исключая 'зеленый'. Во-вторых, $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ не является основным ц. о., так как его сфера употребления ограничена.

В древнегреческом языке выделяют еще одно ц. о. 'синего' — $\kappa\upsilon\alpha\nu\acute{o}\varsigma$. Однако, надо отметить, что данное ц. о., скорее, описывает просто 'темные' цвета. В текстах Сервера не встречена сочетаемость данного ц. о. с прототипически 'синими' предметами ('небо' и т. п.); напротив, $\kappa\upsilon\alpha\nu\acute{o}\varsigma$ часто описывает предметы, которые, скорее всего не 'синие', а 'темные': 'брови Зевса', 'темнота', 'массы воинов', 'вуаль женщины', 'цвет шевелюры, бороды' и т. д. Поэтому кажется, что это ц. о. следует относить к 'темной, черной' группе цветов спектра.

Для обозначения 'серого' цвета в древнегреческом существует ц. о. $\rho\omicron\lambda\lambda\acute{o}\varsigma$. Ограничений на употребление данного слова не выявлено. В боль-

⁴ Листья оливы могут быть 'зелеными' и в ряде древнегреческих текстов они охарактеризованы с помощью эпитета $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ ('желто-зеленый', но у так называемой «черной оливы» листья 'серебристо-серые': «Упряжь серебрилась листьями оливы»; «серебристо-серые листья оливы»). виноград тоже, как известно, бывает 'зеленым' ($\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$), и 'темно-синим' ($\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$).

шинстве случаев оно используется для обозначения 'старости', 'седых волос', 'стариков', 'почтенных людей'. Возможно, данное слово являлось основным ц. о. 'серого' в древнегреческом. Однако неясно, может ли существовать основное ц. о. 'серого', когда нет основного ц. о. 'синего' (ср. теорию Берлина—Кея). Данный вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

В связи с тем, что в древнегреческом отсутствовали основные ц. о. для 'синего/голубого' и, возможно, 'серого', в новогреческом языке для обозначения данной области спектра появляются новые ц. о.: μπλέ 'синий', γαλάζιος 'голубой', γκριζος 'серый'. Интересно отметить, что по данным носителя языка, в современном греческом 'синий' и 'голубой' цвета четко различаются. Предметы, имеющие цвет μπλέ нельзя назвать γαλάζιος и наоборот.

Источники и сокращения

Aesch. Pers.	— Aeschylus. <u>Persians.</u>
Anargh	— Anarghāghava.
Arist. Eudemian Ethics	— Aristotle. <u>Eudemian Ethics.</u>
Aristoph. Ach.	— Aristophanes. <u>Achamians.</u>
Aristoph. Birds	— Aristophanes. <u>Birds.</u>
Aristoph. Frogs	— Aristophanes. <u>Frogs.</u>
Aristoph. Knights	— Aristophanes. <u>Knights.</u>
Aristoph. Lysistrata	— Aristophanes. <u>Lysistrata.</u>
Bacchyl. Odes	— Bacchylides. <u>Odes.</u>
Eur. Cyclops	— Euripides. <u>Cyclops.</u>
Eur. Heracleidae	— Euripides. <u>Heracleidae.</u>
Eur. Iphigenia in Tauris	— Euripides. <u>Iphigenia in Tauris.</u>
Flav., Antiquitates Judaicae	— Flavius Josephus. <u>Antiquitates Judaicae.</u>
Paus., Description of Greece	— Pausanias. <u>Description of Greece.</u>
Pind. Odes book O.	— Pindar. <u>Odes, Olympian.</u>
Plut. Per.	— Plutarch. <u>Lives, Pericles.</u>
Herod. The Histories book	— Herodotus. <u>The Histories.</u>
Hes. Th.	— Hesiod. <u>Theogony.</u>
Hom. II.	— Homer. <u>Iliad.</u>
Soph. Oedipus at Colonus	— Sophocles. <u>Oedipus at Colonus.</u>
Soph. Trachiniae	— Sophocles. <u>Trachiniae.</u>

Литература

- Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. Л., 1979.
- Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1962.

- Норманская Ю. В.* Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М., 2005.
- Садькова Н. К.* Цветовые обозначения у Гомера. М., 1975.
- André J.* Etude sur les Termes de Couleur dans la Langue Latine. Paris, 1949.
- Berlin B., Kay P.* Basic Colour Terms: Their universality & evolution. Berkeley, 1969.
- Durbeck H.* Zur Charakteristik der Griechischen Farbenbezeichnungen. Bonn, 1977.
- Edgeworth R.* The Colors of Aeneid. New York, 1992.
- Gladstone W. E.* Studies on Homer and Homeric Age. Oxford, 1958. III.
- Goethe J. W. von.* Die Farbenlehre. Sämtliche Werke nach Epochen seines Schaffens. München, Wien, 1989. Bd. 10.
- Irwin E.* Color terms in Greek poetry. Toronto, 1974.
- MacLaury R. E.* Color-category Evolution and Shuswap Yellow-with-Grün // American Anthropologist. 1989. Vol. 89. P. 107–124.
- Reiter G.* Die griechischen Bezeichnungen der Farben Weiss, Grau, und Braun. Innsbruck, 1962.
- Schwertner E.* Eine sprachgeschichtliche Untersuchung über Gebrauch und die Bedeutung altgermanischer Farbenbezeichnungen. Berlin, 1915.

* * *

- Гомер. Илиада* / Пер. Н. Гнедича. М., 1982.
- Гомер. Одиссея* / Пер. В. Жуковского. М., 1985.
- Гезиод (Гесиод). Цит Геракла, Труды и дни, Теогония* / Пер. Г. Власова. СПб., 1885.
- Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты* / Изд. подготовил М. Л. Гаспаров. М., 1980.

Цветобозначения в латинском языке

Общая характеристика системы цветобозначений

Латинский язык характеризуется исключительно богатой традицией и хронологической протяженностью. Первые эпиграфические тексты датируются началом VI в. до н. э., хотя основная масса литературных текстов появляется, начиная примерно с 240 г. до н. э. под влиянием греческой литературы. Классический (в широком смысле) период существования латинского языка оканчивается в первой трети VII в. Далее следует приблизительно полуторавесковый «темный период», в продолжение которого система языка подвергалась активному разрушению. Тем не менее, вплоть до начала IX в. литературный латинский язык оставался понятен необразованному населению. С этого времени он изменяет способ своего бытования, и из языка, которому обыкновенно дети обучаются от матери, становится языком специально выучиваемым (по распространенному заблуждению это состояние почему-то называется «мертвым языком»; оно продолжается, с некоторыми изменениями, по сей день).

В области цветобозначений (ц. о.) послелатинский период принес множество инноваций: на лексическом уровне это появление множества германских заимствований (например, *griseus* ‘серый’ или *brunneus* ‘коричневый’, засвидетельствованное уже в поздней латыни в форме *brunus*), на семантическом — калькирование местных национальных систем ц. о. Так, в средневековом латинском языке Англии (Anglo-Latin) калькирование выразилось в ориентации не на цветовой тон, а на светлость (‘яркость’) тона, характерную для древнеанглийского (Mead 1899; Lerner 1951). С точки зрения классического латинского языка такое состояние можно характеризовать как размывание первоначальной семантики и появление почти у каждого латинского ц. о. множества новых значений (в том числе — с современной точки зрения совершенно непохожих — типа ‘красный’ и ‘синий’)¹.

В то же время развитие естественных наук, особенно с начала XVII в., потребовало создания системы ц. о., которая бы соответствовала всем параметрам научной терминологии, то есть была достаточно разветвленной, во-первых, и не допускала возможности двусмысленных толкований, во-вторых. Такую точную систему мы находим в латинских трудах XVIII — начала XIX вв., посвященных популярной тогда теме теории цвета (*Theoria colorum physiologica*) — например, у М. В. Ломоносова и Артура Шопенгауэра. Современное представление о цветовом спектре

¹ Устное сообщение Дэвида Гаулетта (Howlett), ноябрь 2001 г.

было сформулировано Ломоносовым именно на латинском языке: *color ruber, c. flauus, c. uiridis, c. caeruleus, c. uiolaceus*².

Однако наибольшего развития система латинских ц. о. достигла в ботанике: ее наглядным выражением может служить таблица, приведенная в классическом пособии Вильяма Стерна (*Stearn 1992*), а наиболее удобной переработкой для русского читателя — словарь М. Э. Кирпичникова и Н. Н. Забинковой (1977) с многочисленными статьями, посвященными отдельным ц. о. Например, там содержится двадцать пять оттенков красного, передаваемых по-латыни через 40 разных слов: 1 — *ruber*; 2 — *coccineus, purpureus*; 3 — *rubidus*; 4 — *unicolor, uinosus*; 5 — *cerasinus*; 6 — *granatinus, puniceus*; 7 — *cardinalis*; 8 — *carmesinus, carmineus, cinnabarinus, coccineus*; 9 — *miniatus*; 10 — *latericius*; 11 — *corallinus*; 12 — *cruentus, sanguineus, haematitius, ichoratus*; 13 — *salmoneus, salmonicolor*; 14 — *rubeus*; 15 — *acneus*; 16 — *daucinus*; 17 — *carneus, incarnatus*; 18 — *flammeus, igneus*; 19 — *phoeniceus, porphyreus, puniceus, purpureus*; 20 — *rubiginosus*; 21 — *rubicundus*; 22 — *betinus*; 23 — *rutilus*; 24 — *fuchsinus*; 25 — *scarlatinus*.

Примечательно, что современная ботаническая терминология включает в свой состав и средневековые ц. о. (в том числе упомянутые *brunneus* и *griseus*). В этом своем виде система латинских ц. о., по-видимому, не подлежит дальнейшему усовершенствованию, так как ограничена лишь физическими возможностями человека: «Наблюдаемый наблюдатель различает до 150 разных цветовых тонов, а также ок. 25 степеней насыщенности и 64 степени светлоты тона»³. Основу системы латинских ц. о. составили, однако, не послеплатонические инновации, а ц. о. античного периода, которые и будут рассматриваться в дальнейшем.

Система латинских ц. о. античного периода, нашедшая адекватное описание в классическом труде Жака Андре (*André 1949*), также представляет собой сложную и многослойную структуру. Показательным примером этого состояния и его сознания римлянами может служить 26 глава II книги «Аттический язык беднее греческого в отношении ц. о. (приводятся, в частности, пять греческих ц. о.: *ξανθός, ἐρυθρός, κερρός, κίρρος* и *φοίνιξ*, которым соответствует якобы только одно чисто латинское прилагательное *rufus* 'красный'), Марк Фронто напоминает о существовании значительно большего числа слов для обозначения цветов этой части спектра, а попутно обсуждает семантические различия: в результате, помимо самого *rufus* (и синонимичных ему *russus* и *ruber*), в главе перечисляются семь его оттенков: *fuluus, flauus, rubidus, poeniceus, rutilus, luteus, spadix* (и это не считая шести заимствованных и производных ц. о. *igneus, flammeus, sanguineus, croceus, ostrinus, aureus*).

Этимологически лишь в отношении немногих латинских корней этой понятийной сферы, таких, например, как представленные в глаголах

² Фактический материал, цитируемый в работе, взят из оригинальных текстов и разнообразных словарей, наиболее важные из которых приводятся в конце.

³ Статья «Цвет» // БСЭ. 3-е изд. Т. 28. С. 443.

cāneō, *palleō* и *rubeō*, можно с уверенностью утверждать, что они восходят к и.-е. праязыку (последний, например, к корню **reudh*). Этимология слов *niger* и *uireō* (откуда ц. о. *uiridis*) неизвестна. Связи ц. о. *āter* не прослеживаются дальше общениталийского уровня. Прилагательное *albus* в отношении своего образования уникально. Неясно и плохо поддается объяснению происхождение ц. о. *caesius*, *flāuus*, *flōrus*, *furvus*, *fuscus*, *galbinus*, *gilius*, *ilueō* (откуда *liuidus*), *lūridus*, *rāuus*, *rutilus* и многих других.

С морфологической точки зрения основу латинской системы ц. о., безусловно, составляют прилагательные, в том числе субстантивированные, например, *fulvum* ~-i, п. Тем не менее цвет может быть выражен и существительными (*rubor*, *fulvor*, *lūror*, *albēdō*, *uiriditās*, *nigritūdō*, *cānitīēs*), и глаголами, причем соответствующие глаголы обыкновенно бывают двух типов: глаголы состояния, обычно II спр., например, *rubeō* ~ ēte, *flāueō* 'быть красным' и начинательные глаголы III спр., типа *rubescō* ~-uī, ~-ete, *flāuescō*, *furuescō* 'становиться красным'. Реже в качестве глаголов состояния выступают глаголы I спр., например, *nigrō* ~ āre, а в качестве более позднего типа начинательных глаголов — сложения с -fīō, например, *nigrefīō*. У некоторых ц. о. есть возможность выразить глаголом идею 'придать чему-л., кому-л. (соответствующий) цвет': такие переходные глаголы первоначально образовывались в форме глаголов I спр. (*nigrō* ~ āuī ~ ātum ~ āre 'чернить'), а позднее — с помощью формантов -fīcō (*nigrificō*) и -faciō (*nigrefaciō*). Идея близости к тому или иному цвету (без полного соответствия) выражалась глаголами в формантом -icō (например, *nigricō* ~ āre), употребляемым, как правило, почти исключительно в форме *participium praesentis actiui* (*nigricāns*).

Для передачи оттенков цвета используются:

Префиксация, прежде всего приставка sub- (*subniger*, *subuiridis* — ср.: Cels. V 28, 13 B; *subalbus* — Varr. r. r. I 9, 5) и в меньшей степени per- (*perniger* — Plaut. Poen. 1113; *peralbus* — Apul. met. I 2; *percandidus* — Cels. V 19, 24; *peruiridis* 'ярко-зеленый' — Mela II 82) и prae- (*praerutilus* — Tert.). Более редкий случай: uē- (*uēpallidus*, *uae pallida* 'смертельно бледный' — Hor. sat. I 2, 129).

Суффиксация. Использовались суффиксы (точнее, комплексы суффиксов) -idus (*flāuidus* 'желтоватый' — Plin. n. h. XVIII 127; *rāuidus* — Colum. VIII 2, 9; *fuluidus* — Hier.), а в более позднюю эпоху -āster (*fuluāster* — Ps.-Apul. herb. 110, *nigrāster* 'черноватый' — Firm.); уменьшительные -ellus, -iculus (*nigellus* — Varr. in Non. p. 550 M., *nigriculus* 'черноватый' — Varr. l. L. VIII 79). Уменьшительные суффиксы используются как одно из стилистических средств, преимущественно в поэзии, например: *mollia luteola pingit uaccinia caltha*, где *luteola caltha* 'желтенькие ноготки' (Verg. ecl. 2, 50); *candiduli dentes* (Cic. Tusc. V 46). Существует специальный (и весьма продуктивный во все эпохи) суффикс прилагательных -ātus для передачи смысла 'одетый в одежду (такого-то) цвета' (*albātus* — Cic. Vat. 31, *candidātus* — Suet. Aug. 98, 2).

Возможен префиксально-суффиксальный способ образования ц. о. (*subalbidus* — Plin. n. h. XXI 168, *subalbicō*, part. praes. act. *subalbicāns* — Varr. r. r. III 9, 5; *subalbēns* — Cassiod.).

Наконец, использовалось и словосложение с формантом *-color* (*nigricolor* — Solin.). Словосложение типа *albigilius* 'желтовато-белый' (Seru.), *nigrorubens* (Агрос.) встречается редко.

Значительную часть латинских ц. о. классического периода составляют заимствования из греческого языка (например, *cyaneus*, *ianthinus*). Как и в современных языках, потребность в новых ц. о. в значительной мере стимулировалась развитием текстильного производства и появлением новых материалов и технологий — как правило, с грекоязычного Востока: неудивительно поэтому, что греческие заимствования доминируют в сфере обозначения цвета тканей. Вообще семантическую эволюцию некоторых латинских ц. о. (прежде всего, *purpureus*) невозможно понять без знания деталей античной технологии окраски тканей.

Некоторые ц. о., по-видимому, были заимствованы из кельтских языков (*badius*, *gilius*). Следует отметить в составе системы латинских ц. о. наличие по крайней мере пяти подсистем: «цвет глаз» (*caesius*, *caeruleus*, *glaucus* 'серо-голубой', *rufus*, *niger*, *subniger* 'карий' — Plaut. Mercator 640); «цвет волос» (*rufus*, *russus*, *flavus*, *carnus*); «цвет лица» (*pallidus*, *lividus*, *rubicundus*, *fuscus*, *aquilus*), «цвет одежды» (*pullus*, *croceus*, *purpureus*, *prasimus*, *uenetus* и «масть лошадей» (*badius*, *gilius* 'бурой масти', *spadix*, *glaucus*, *calidus* (Chiron; Gloss.) 'с белой звездой на лбу' (впоследствии *calidus* было вытеснено засвидетельствованным с VI в. германизмом *balas* — Ennod. epigr. 355 inscr.)⁴. Как видно из приведенных примеров, четвертая и пятая из названных подсистем формировались почти исключительно за счет иноязычных заимствований.

С семантической точки зрения обращает на себя внимание подразделение каждого из основных ахроматических цветов — белого и черного — на две категории в зависимости от наличия или отсутствия блестящей поверхности (*candidus*, *niger* : *albus*, *ater*). Как и в большинстве языков Европы и в отличие от русского языка, 'голубой' и 'синий' рассматриваются не как два цвета, а как оттенки одного и того же (*caeruleus*). Понятие «коричневый» отсутствует, а относящиеся к нему объекты чаще всего характеризуются более широким понятием 'темный' (*fuscus*), а иногда — как 'красные' или 'желтые'. Понятия 'оранжевый' и 'желтый' несколько раз в течение античного периода изменяли ц. о. (*luteus*, *flavus*, *galbinus*), что говорит об относительной неустойчивости, а может быть, и вторичности этих понятий для латинской системы ц. о. Эта неустойчивость была унаследована средневековой латынью: у Теофила желтый цвет называется *color croceus* (в переводе Додвелла — 'saffron colour').

Разумеется, и остальные два субъективных атрибута цвета — насыщенность и светлость — осознавались и различались римлянами. Интенсивный (или насыщенный) цвет называется по-латыни *color satur*. Ср.: *uelleria... hyali saturo fucata colore* (Verg. geo. IV 335). Светлый цвет назывался либо *color floridus* — ср.: *quanto colorum pulchritudine et uarietate*

⁴ О последней подсистеме подробнее см. в главе: «De coloribus equorum» у Исидора Севильского (Isid. etym. XVIII 41), а ещё более подробное изложение — в начале XII книги (1, 48–55).

floridiora sunt in picturis nouis pleraque quam in ueteribus! (Cic. de or. III 98); либо *color uegetus — alius color in uiola serotina conchyliorum uegetissimus* (Plin. n. h. XXI 46); либо *color clārus — purpura poeniceusque color clarissimu' multo* (Lucr. II 830). Противоположное понятие передавалось прилагательными *fuscus* и *pullus*.

Оттенки цветов по насыщенности и светлости передавались также префиксами (*peruiridis* 'ярко-зеленый', *subuiridis* 'бледно-зеленый'), либо степенями сравнения: *uiridor*, *uiridissimus* (*rana... uiridissima* — Plin. n. h. XXXII 122), либо лексически, ср.: *dilūtus* 'размытый' (*diluto rubore* — Plin. n. h. XXII 92), *pallidus* 'бледный', либо оборотами с предлогом *ex*: *cutis... colorem... habet ex rubro subnigrum* (Cels. V 28, 4 B)⁵.

Римляне имели представление о цветах радуги, в наиболее полном виде представленное у Сенеки: *igneus* 'красный' — *lūteus* 'оранжевый + желтый' — *uiridis* — *caeruleus* 'голубой + синий' — *purpureus* 'фиолетовый') и у жившего ок. 330 – ок. 395 гг. историка Аммиана Марцеллина: *pūniceus* 'красный' — *flūuēscēns uel fuluus* 'оранжевый' — *lūteus* 'желтый' — *uiridis* — *caeruleus* 'голубой + синий' — *purpureus* 'фиолетовый'). Тем не менее, для практических нужд они пользовались совсем иными способами классификации ц. о. Например, теория и практика античной живописи основывалась на использовании четырех красок, ср.: *eorum, qui non sunt usi plus quam quattuor coloribus, formas et lineamenta laudamus* 'мы хвалим изображения, созданные теми, кто пользовался только четырьмя цветами' (Cic. Brut. 70). К числу этих основных красок относились: белая (*Mēlinum*), желтая (*silāceum*), красная (*Sinōpis* или *Sinōpis Pontica*) и черная (*ātrāmentum*). В Средние века число красок возросло; например, в трактате Теофила (первая половина XII в.) 'О различных искусствах' в качестве основных красок, которыми следует рисовать радугу, фигурируют *cenobrium* (= классич. *cinnabaris*) 'киноварь', *uiride* 'зеленая краска' (англ. *viridian*), *lazur* 'лазурь' (англ. *azure blue*), *menesc* 'синяя краска', *ogra* (= классич. *ochra*) 'желтая охра', *folium* (англ. — в переводе Додвелла — *folium*), *rubeum* 'красная охра', *nigrum* 'черная краска, чернь', *sucus* 'зеленая краска из ягод крушины' (англ. *sap green*), *calx* 'известь', *album* 'белила', *creta* 'мел', *ueneda* 'темно-серая краска'⁶.

Сама радуга обычно мыслилась не как совокупность семи цветов, а либо как переливающееся единство (*iricolor* у Авзония; более раннее *uersicolor* и заимствование *allassōn*; ср. также: *uarius* 'пестрый'), либо как неопределенные по числу полосы различных цветов (так у Исидора Севильского, Isid. etym. XIII 10, 1). Не было у римлян и никакой канонической системы обозначений цветов радуги (ср. русскую систему, для запоминания которой существует известный акростих 'Каждый охотник желает знать, где сидит фазан'). Так, красный цвет, имеет у Сенеки обозначение *igneus*, у Аммиана Марцеллина — *pūniceus*, а у Авла Геллия — *rufus*. И все же сле-

⁵ Примерно соответствует рус. *иззелена-, изжелта-, искрасна-*.

⁶ [Theophili] De diuersis artibus [libri III]. См. перевод: Theophilus. The Variuos Arts. Edited and translated by C. R. Dodwell. Oxford: Clarendon Press, 1986 (Oxford medieval texts).

дует отметить, что кажущееся не вполне совершенным римское восприятие цветов радуги предстает как весьма разработанное, если его сравнить с относящимися к той же культуре и лишь незначительно более древними по дате греческими цветами радуги. Так, Ксенофан различал в радуге только три цвета (*φοινικῶς* 'красный' — *χλωρός* 'оранжевый + желтый + зеленый + голубой + синий' — *πορφυροῦς* 'фиолетовый'), а Аристотель и Посидоний — по четыре (у Аристотеля: *φοινικῶς* 'красный' — *ξανθός* 'оранжевый + желтый' — *πράσινοϛ* 'зеленый + голубой + синий' — *άλουρῆϛ* 'фиолетовый'; у Посидония — *έρυθρός* 'красный + оранжевый + желтый' — *πράσινοϛ* 'зеленый' — *κυανός* 'голубой + синий' — *άλουρῆϛ* 'фиолетовый')⁷. Хроматическая гамма у Аристотеля, согласно его трактату «De sensu et sensibilibus», включает пять цветов: *φοινικῶς* 'красный' (по Э. Ирвин — *crimson*) — *ξανθός* 'оранжевый + желтый' — *πράσινοϛ* 'зеленый' — *κυανός* 'голубой + синий' — *άλουρῆϛ* 'фиолетовый' (по Ирвин — *purple*), к которым прибавляются ахроматические белый и черный (Irwin 1974, 222).

Основные группы цветов

Белый (матовый и блестящий): *albus, candidus*

В латинском языке понятие белого цвета (как и черного) разделено между двумя основными ц. о. по признаку наличия или отсутствия блеска: *albus* значит 'матово-белый', *candidus* — 'блестящего белого цвета'. Прилагательное *candidus* встречается преимущественно в поэтических текстах, что вкупе с постулируемой типологической уникальностью описываемой системы ц. о. привело к попытке отрицать наличие в латинском языке такого противопоставления (а заодно и пары *āter* — *niger*) только как прозаических и поэтических синонимов (Норманская 2001, 94–95). Однако нет оснований не доверять античной и послеплатонической традиции, единодушно настаивающей на противопоставлении по признаку блеска: *aliud est candidum esse, id est quadam nitenti luce perfusum, aliud album, quod pallori constat esse uicinum* (Seru. ad geo. III 82)⁸.

Прилагательное *albus* применяется к снегу (*albam esse niuem* — Cic. Luc. 100), солнцу (*sol albus* — Epp. ann. 89 V), телу, особ. женскому (*corpore albo, oculis nigris* — Plaut. Capt. 647), масти лошадей и других животных (в частности, жертвенных) — *populus alba, spina alba, uitis alba* (соответствует русскому 'серый' и часто используется в ботанической и других видах терминологии: *plumbum album* 'олово', противоп. *plumbum nigrum* 'свинец'), а также в топонимике (*promunturium Album, Albi montes*). В сакральном и, в частности, авгуральном словоупотреблении белый цвет обозначает благое знамение; такие же ассоциации наблюдаются у обозначений белого цвета и

⁷ Точка зрения В. Шульца (Schultz 1904, 114).

⁸ Уместно отметить противопоставление по блеску и в случае древнеанглийских ц. о. *fealo, brun* и *wann* (Barley 1974).

на бытовом уровне. Оксфордский словарь латинского языка сравнивает *albus* с умбр. *alfu*, сабин. *alput*, греч. *ἄλφος*; словарь (Ernout, Meillet 1967) добавляет сравнение с хет. *alpa* 'облако, туча', а словарь (Walde, Hofmann 1965–1982) — еще целый ряд сравнений, в том числе с церковнославянским; эти параллели позволяют реконструировать и.-е. основу *albho-.

Прилагательное *candidus* применяется не только к солнцу, но и к луне: *pec candida cursus luna negat* (Verg. Aen. VII 8), звездам: *splendens stella candida* (Plaut. Rud. 3); Млечному пути: *candidus... limes* (Manil. I 711), мрамору и мраморным предметам, к снегу, телу (особ. женскому) и его частям (Ног. с. I 13, 9), но редко используется в терминологии и не используется в топонимике. Как и *albus*, *candidus* имеет еще значение 'благоприятный, счастливый': *candidi... soles* (Catull. 8, 3). Довольно рано у *candida* появляется переносное значение 'искренний, добросовестный' (*candida humanitate* — Petron. 129, 11; *candide lector* — Ovi. trist. I 11, 35). Этимологически *candidus* является производным от глагола *candēō* 'быть раскаленным', который Джон Чедвик сравнивает с греч. *κάνδαρος* и санскр. *candati*, а Гельмут Рикс возводит, вместе с *accendō* 'зажигать', к и.-е. корню *(s)kend- 'заблестать' (Rix 1998).

Черный (матовый и блестящий): *āter*, *niger*, *furuus*

Как и в случае с белым цветом, черный цвет выражается в латинском языке двумя основными ц. о., противопоставленными по признаку наличия блеска: *āter* значит 'черный, как сажа, матовый', *niger* — 'черный с блеском'. *Furuus*, этимологически неясное (Чедвик сравнивает его с *fuscus*), является синонимом *āter*, однако оно почти вышло из употребления. В прозе, помимо Варрона, констатирующего архаический характер слова (*furem ex eo dictum quod ueteres Romani furuum atrum appellauerint* — Varr. ap. Gell. I 18, 4), *furuus* встречается в прямом значении только как эпитет черных жертвенных животных (*uti... hostiae furuae immolarentur* — Varr. gram. fr. 70 Fup.). Лишь однажды Сенека Старший употребляет слово в переносном значении 'несчастливый день' (*detestabili parricidio furuum diem* — Sen. con. I 1, 23). Все остальные немногочисленные контексты — поэтические.

Прилагательное *āter* употребляется применительно к хлебу (*panem atrum* — Ter. Eun. 939), вину, смоквам, волосам, цвету лица (Ter. Ad. 849; о неграх: Plaut. Poen. 1290), смоле, чемерице, углю, козе, собаке, крови (*saxa spargens tabo, sanie et sanguine atro* — Enn. Sc. fr. 363); часто характеризует ночь, тучи (*atra nubes* — Verg. Aen. IX 248), дождь, пыль, змей, образует название растений (*holus atrum* и *ueratrum atrum*), а также медицинский термин *bilis atra*. В культе черный цвет связан с трауром или несчастьем, чем объясняется официальный термин *dies atris* и многочисленные переносные и поэтические словоупотребления обоих прилагательных. Этимологически *āter* соответствует умбр. *atru*, *adro* (= лат. *atra*); с гораздо меньшей уверенностью ('может быть') словарь (Ernout, Meillet 1967) сближает его с ирл. *āitho* (род. *āitho*) 'печь', галл. *odyn* f. 'id.', серб. *vātra* 'огонь', арм. *ayrem* 'горю' и авест. *ātarš* 'огонь', реконструируя первоначальное значение как

‘почерневший от огня’, что вполне вероятно, особенно в свете традиционной этимологии сущ. *ātrium*.

Прилагательное *niger* употребляется применительно к вину (*nigrum uinum austerum* — Cato agr. 126), дождю, слонам, листве и лесу (*nigris aut Erymanthi siluis* — Ног. с. I 27, 1). Сравнительно часто встречается в топонимике (*mons nomine Niger*). Чедвик и (*Ernout, Meillet* 1967) согласны в том, что этимология слова неясна. Словари (*Walde, Hofmann* 1965–1982; *Ernout, Meillet* 1967) прибавляют лишь, что умбр. *niru*, засвидетельствованная в Т. Е. II b 15 в сочетании *pistu niru*, непонятна.

Красный, желтый и оранжевый

ruber, rufus, russus, rutilus, flāuus, fuluus, lūteus, galbinus

Общим названием для этой широкой группы цветов (осознаваемых как один основной цвет, например, в цитированной главе Авла Геллия), охватывающих диапазон от красного, оранжевого и желтого до некоторых оттенков фиолетового, выступают то *ruber*, то *rufus*, и оба прилагательных восходят к различным ступеням аблаута (соответственно нулевой и тембровой) одного и того же известного индоевропейского глагольного корня, восстанавливаемого как **reudh* (LIV 872–873). Характер консонантизма *rufus* позволяет, однако, сделать вывод о нелатинском, хотя и итальянском характере этого слова, что хорошо согласуется с его частой употребительностью применительно к животным рыжей масти.

Таким образом, единственным собственно латинским названием красного цвета (в широком смысле) является *ruber*. Это слово применяется, с одной стороны, по отношению к огню, сурику (*minioque rubentem* — Verg. ecl. 10, 27) и к шафрану; употребляется в топонимике (*Saxa Rubra, mare Rubrum*). Редкий синоним прилагательного *ruber* — *russus* (Чедвик сравнивает его с литовским *rūstas* и производит всё от того же корня в нулевой ступени с прибавлением суффикса **rudh-sos*), стал частотным только в романских языках. Среди его немногочисленных контекстов — употребление в качестве характеристики цвета волос (*russi persona Bataui* — Mart. XIV 176, 1). Более распространенным, хотя менее ясным в отношении этимологии выступает другой синоним *ruber* — прилагательное *rutilus*. Чедвик лишь выражает уверенность в том, что здесь тот же корень, что и в *ruber*, однако не решает давать более детальных объяснений; словарь (*Ernout, Meillet* 1967) еще менее оптимистичен и признает, что слово загадочно.

Названия желтого цвета с современной точки зрения образуют отдельную категорию (один из основных цветов), хотя Авл Геллий и другие античные авторы показывают, что римляне обычно мыслили его в составе более широкой цветовой категории. Наиболее частым из относящихся сюда слов было прилагательное *flāuus*. Этим словом описываются воск, песок, львы, молодые олени, конская грива и — особенно часто — русые и белокурые волосы. По мнению Чедвика, этимологически это слово, по видимому, родственно др.-верх.-нем. *blāo* ‘голубой, синий’ (и одновременно ‘желтый’), др.-ирл. *blār*, валл. *blawr* ‘серый’. Близким по смыслу (и по

мнению Чедвика, родственным этимологически) является прилагательное *fulvus*, особенно часто называющее цвет золота, а также львов (впервые — Лист. V 901); реже характеризует цвет волков и конской гривы.

Весьма частым ц. о. в классическую эпоху было слово *luteus*. Этимологически оно прозрачно и говорит о способе производства соответствующего цвета в древнейшую эпоху (*lutum* 'резеда', сок которой использовался в качестве красителя). Семантически это прилагательное охватывает большой диапазон от оранжевого (почти красного) до желтого.

Прилагательное *galbinus* этимологически неясно (Чедвик); в классическую эпоху оно употреблялось редко и обозначало цвет, промежуточный между желтым и зеленым ('зеленовато-желтый'), однако в большинстве романских языков оно стало основным обозначением желтого цвета, вытеснив другие термины.

Зеленый *viridis*

Название зеленого цвета является производным от глагола *uireō* 'быть цветущим' (дальнейшие этимологические связи неясны; по-видимому, с самого начала слово имело устойчивое значение «цвет зелени, травы и листвы»).

Голубой и синий *caeruleus, fluvidus*

Прилагательное *caeruleus/caerulus*, по мнению Чедвика, возникло в результате диссимилиации из **caelulum*, диминутива от *caelum* 'небо'. Эта этимология подтверждается исторически засвидетельствованными примерами его употребления, где оно начиная с Энния (*caerula caeli templa* — Епп. анн. fr. 65) выступает чаще всего для описания цвета неба. Другое прилагательное близко по смыслу, но употребляется чаще всего о синяках и имеет явную негативную окраску. *fluvidus* представляет собой регулярное производное от глагола *fluere*, который Чедвик без особой уверенности ('может быть') сопоставляет с рус. *слива* и англ. *sloe* (нем. *Schlee*).

Темный *fuscus, pullus*

Прилагательное *fuscus*, семантически соответствующее рус. *темный* и плохо поддающееся дальнейшей семантической спецификации (чаще всего им определяют цвет загорелой кожи), Чедвик сравнивает с *fulvus*, прибавляя, впрочем, что, может быть, оно родственно др.-англ. *dox* 'желтовато-коричневый' и н.-англ. *dusk*. Синонимичное ему *pullus* (нередко употребляемое применительно к одежде, например, траурной) сравнивается с *palleō* и греч. *κόλιός* 'серый'.

Серый *cānus*

Ц. о. *cānus* 'серый' (**<cas-nos*) хорошо этимологизируется как на итальянском, так и на индоевропейском уровне, будучи родственно словам,

обозначающим старость и под.: оск. *casnar* 'старик', санскр. *sasañ*, лат. *casus*. Как правило, и в классическую эпоху чаще всего оно применяется по отношению к седым волосам. Говоря о семантике слова, Жак Андре замечает, что оно было связано не только с седыми волосами, но и с пеплом, а так как пепел от дров имеет гораздо более светлую окраску, чем современный пепел от сжигания угля, этот цвет мыслился гораздо более близким к белому, чем к темному (André 1949).

Литература

- Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований. Л., 1979.
- Корыхалова Т. П. Развитие лексико-семантической группы имен существительных со значением сенсорных качеств в латинском языке III в. до н. э. — II в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1968.
- Норманская Ю. В. Цветовые обозначения в романских языках // Индоевропейское языкознание и классическая филология. V. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. СПб.: Наука, 2001.
- Садыкова Н. К. Цветовые обозначения у Гомера: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
- André J. Étude sur les termes de couleur dans la langue latine. Par J. A., Maître de Conférences à la Faculté des Lettres d'Aix. Paris: Librairie Klincksieck, 1949.
- Barley N. F. Old English colour classification: where do matters stand? // Anglo-Saxon England. 1974. Vol. 3. 15–28.
- Irwin E. Colour Terms in Greek Poetry. Toronto: Hakkert, 1974.
- Lerner L. Colour Words in Anglo-Saxon. Перевод: Essential Articles for the Study of Old English Poetry. Hamden, Connecticut, 1968.
- Mead W. Color in Old English Poetry: PMLA 14. 1899. 169–206.
- Schultz W. Das Farbenempfindungssystem der Hellenen. Leipzig: J. A. Barth, 1904.

Словари

- Куртичников М. Э., Забинкова Н. Н. Русско-латинский словарь для ботаников. Л.: Наука, 1977.
- Benoist E., Goelzer H. Nouveau Dictionnaire latin-français. Paris, 1934.
- Blatt F. Lexicon mediae Latinitatis Danicae. Danicae, Aarhus, 1987.
- Corradini F., J. Perin (eds.). Aegidii Forcellini Lexicon totius Latinitatis. Vol. 1–6. Patavii, 1940.
- Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Paris, 1985.
- Freund W. Wörterbuch der Lateinischen Sprache nach historisch-genetischen Principien. Bd. I–IV. Leipzig, 1834 (одно из последних изд. — 1975 г.).
- Niermeyer J. F. Mediae Latinitatis lexicon minus. Leiden; N. Y.: E. J. Brill, 1993.
- Klotz R. Handwörterbuch der lateinischen Sprache. Hudemann, 1963.
- Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; N. Y., 1989.

Rix H. Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen. Wiesbaden, 1998.

Oxford Latin Dictionary. Fasc. I–VIII. Oxford, 1968–1982.

Latham R. E. (ed.) Revised medieval Latin word-list from British and Irish sources. London, 1975. Suppl. 1980.

Ronald E. L., Howlett D. R. (eds.) Dictionary of medieval Latin from British sources, fasc. London, 1975.

Stearn W. T. Botanical Latin. History, Grammar, Syntax, Terminology and Vocabulary. 4 ed. Newton Abbot, 1992.

Thesaurus Linguae Latinae (издаваемый в США машинный тезаурус латинского языка; последняя версия появилась в 2001 г.).

Walde A., Hofmann J. B. von. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Heidelberg, 1938–1956.

Система цветообозначений в старофранцузском языке

Старофранцузская система ц. о., естественно, имеет в качестве предшественника пышную латинскую систему имен цвета, однако лишь небольшая часть этих цветоименований реально перешла во французский язык. В ходе развития системы ц. о. латинские слова отчасти меняют семантику, отчасти — утрачиваются. Возникает новая система ц. о., в которой значительное место отводится германским заимствованиям, которые по не совсем понятной причине и без какой бы то ни было необходимости были заимствованы почти всеми романскими языками (либо — параллельно, либо — это достаточно ранние заимствования, бытовавшие в разговорных формах народной латыни еще в доримский период). Можно предположить также другую причину, проливающую некоторый свет на систему ц. о. в языке как объект социолингвистический: развитая система ц. о., изобилующая синонимами, является фактом речевой деятельности лишь образованной элиты, в то время как рядовые носители языка используют лишь небольшой набор ц. о.

В то же время можно отметить самостоятельное развитие французских ц. о., базирующихся на традиционных прототипических объектах («алебастровый», «серебристый» и проч., в основном так называемые поэтизмы, т. е. — в ходе развития уже собственной «образованной элиты»), часть этих слов закрепилась на более позднем этапе развития языка.

Особо следует отметить позднюю тенденцию во французском языке — образование сложных несогласованных цветообозначений, их относительно широкую употребительность (в основном — в области текстильной и легкой промышленности).

Описываемая ниже система ц. о. относится, в основном, к XII–XVI вв., когда практически уже сформировалась единая литературная норма (очень условно), и язык достаточно далеко отошел от разговорных диалектов народной латыни.

Белый, светлый, яркий, блестящий

blanc

Основное ц. о. в современном французском языке. Фиксируется в памятниках, начиная с XI в. (в «Песне о Роланде», употреблено по отношению к белым мулам, т. е. — изначально, видимо, обозначало масть животного). Германское заимствование из *blanc* в начале в значении «блестящий». Непосредственный источник заимствования до конца не ясен.

flor(i)

В переносном значении употребляется для названия белого цвета, в основном — для обозначения седых волос и бороды (последнее употребление сохраняется дольше всего), ср. также — *Li cheval est blans comme flor* (рыц. роман. XII в.) 'Лошадь белая (см. выше!) как цветок'. Значение «белый» возникло в ходе следующих семантических сдвигов: цветок > цвет, элита, нечто избранное > лучшая мука, мука высшего сорта, белая мука > белизна, белый цвет. В современном французском не сохранилось.

aube

Из латинского *albus*, обозначающего белый матовый цвет. В старофранцузский период конкурировало с *blanc*, но затем как ц. о. белого цвета было утрачено, сохранилось в значении «белый» только в устойчивом словосочетании *chemise aube* 'туника из белого холста (в епископском облачении)'; перешло также в значение «заря».

candide

Продолжение латинского *candidus*, обозначающего ярко-белый, блестящий цвет (скорее — блестящую белую поверхность). Употребляется во французском языке скорее в переносном значении, как «белый — чистый, непорочный, невинный». С XVI в. слово полностью утрачивает значение ц. о. и сохраняется в языке в значении «невинный, непорочный», а также «блистательный».

claire

(ср.-фр. *cler*, из лат. *clerum* 'светлый, ясный'; форма *clair* возникла под влиянием этимологии). Имеет значение «светлый» уже в старофранц. период и также выступает в качестве модификатора *светлый* на протяжении всей истории языка вплоть до настоящего времени.

Уместно здесь упомянуть поэтизмы, возникшие уже в среднефранц. период — *argente*, *argentin* 'серебряный, серебристый', *ivorin* 'слоновой кости', *marbrin* 'мраморный', *albastre* 'алебастровый', *perlin* 'жемчужный', *neigin* 'снежный' и др.

Черный, темный

noir

Продолжение латинского *nigrum* (*nigrum* > *neir* > *noir*), обозначающего черный матовый цвет, сохраняет цветовое значение до наших дней.

morel

Собственно местное употребление, возможно — из языка франков. Предположительно, родственно греч. *tauros* 'темный', рус. *смурый* и проч. В поздний период оттесняется на периферию «живой природы», в первую очередь — для обозначения масти лошадей (ср. рус. семантический аналог — *вороной*). Ср., видимо, родственное *moré* 'темный, бурый',

давшее затем одно из обозначений коричневого тона (ср. также лат. *Maurus* 'мавр, негр', т. е. «черный, бурый»).

Сюда же, видимо, следует отнести фр. *sombre* 'темный'.

Красный (фиолетовый, розовый и пр.)

rouge

Основное ц. о. для обозначения красного тона, начиная со старо-франц. периода до наших дней. Продолжение лат. *rubeum* (*rubeum* > *robio* > *robjo* > *rouge* > *rouge*).

vermeil

До XVI в. — полный синоним *rouge* (на раннем этапе — более универсально и более употребительно). С XVI в. уступает позиции и в современном языке употребляется в значении «светло-красный», «румяный» (о лице). Этимологически восходит к лат. *vermiculum* 'червячок', т. е. изначально является названием красителя-копшенили (ср. также укр. *вермяный* 'красный'). Небезынтересно отметить наличие субстантивированного заимствования в рус. яз. *вермель*, означающего «позолоченное серебро красновато-рыжего оттенка, чайные ложки, покрытые позолотой» (название клуба «Вермель» в Москве, специализирующегося на псевдо-народной псевдо-кельтской музыке, видимо, реализует старое значение слова).

sanguin, purprin, rosin, grenat и др.

«Кровавый», «пурпурный», «розовый», «гранатовый» и т. д. Слова этой группы — чаще всего поэтизмы, реализующие продуктивную модель образования ц. о. по прототипическому объекту.

violet

Вдовое обозначение «цвета фиалки» еще в латинском языке, примерно к XVI в., получает статус родового ц. о. для передачи фиолетового тона (как «идеальный образец»). Обозначает оттенок светлее, чем рус. *фиолетовый*.

Желтый, оранжевый

jaune

Основное ц. о. для желтого цвета, родовое — уже со старофранц. периода. Из лат. *galbinum* (> *galb'ne* > *galne* > *jalne* > *jaune*). *Jaune roux* 'рыжий, светло-рыжий' (в основном об окраске животных).

fauve

Из германского корня *falw-* (ср. нем. *falb* 'блеклый, буланый', преимуц. — о лошадях). В старофранц. также употребляется преимущественно для обозначения мастей животных, однако — не буланых лошадей, а скорее — рыжих лис и песочно-желтых львов и иных хищников. Отсюда вторичное значение «дикий, хищный, необузданный, неуправляемый». На базе последнего значения — название художественного направления *les Fauves* — фовисты (букв. «дикие»).

blond

«Светло-желтый, золотистый». В современном языке сохранилось в основном как обозначение светло-русых волос. Этимология не ясна, предположительно — германское заимствование.

bai

«Светло-желтый, палевый, чалый» (в основном — о масти лошадей). Из лат. *badium* 'желтый'. В современном языке употребляется редко.

roux

«Рыжий». Употребляется по отношению к природным объектам (волосам, меху, также — ржавчине, высушенной траве и листьям). Ср. *lune rousse* 'рыжая луна' (апрельская луна), *vent roux* 'рыжий ветер' (апрельский холодный ветер, который делает «рыжими» первые ростки травы). Из лат. *russum* 'красный, рыжий' (> *russum* > *ros*).

orange

Употребляется, начиная с XVI в., после распространения во Франции апельсина, в начале — для обозначения самого фрукта, затем (с начала XVII в.) — как обозначение соответствующего цвета. Из араб. *narandj* (> *arange* > *orange*). В современном языке становится основным ц. о. для обозначения оранжевого и, предположительно, именно из французского дает соответствующее название в других европейских языках (ср., однако, данные итальянского языка в наст. изд.).

Зеленый*vert*

Одно из наиболее стойких ц. о.: уже в старофранцузский период имеет статус основного и практически не имеет синонимов (если не считать окказионализмы и поэтизмы). Из лат. *viridis*.

Синий, голубой*blou*

«Голубой, светло-синий». Предположительно, франкское заимствование (> *blao*?). К XV в. становится малоупотребительным, вытесняясь близким по звучанию и по семантике *bleu*.

bleu

Основное ц. о. для синего и голубого цвета в современном языке. Получает статус основного ц. о. только к началу XIX в. В XIV–XVI вв. имеет статус родового ц. о. для обозначения именно голубого, светло-синего тона (о темно-синем см. ниже), но затем расширяется в область синего, темно-синего. Германское заимствование (из др.-верх.-нем. *blau*).

inde

Букв. «индийский», основное (!) ц. о. для синего тона во многих западно-европейских языках в период позднего Средневековья (ср. рус.

indigo). При разложении солнечного луча через призму Ньютон выделил не шесть, а семь спектральных зон, выделив также цвет *indigo* как «синий», что затем не сохранилось при уточнении «цветов радуги» в обиходном языке, поскольку слово *indigo* лишилось статуса основного ц. о. Фр. *inde* — продолжение лат. *indicum* 'индийский' (так назывался темно-синий природный краситель, добываемый из листьев соответствующего растения, культивируемого в Индии и в Иране, отсюда его синоним *perse* 'персидский'). Форма *indigo* — более позднее испанское заимствование того же слова.

azure

«Лазурный, голубой». Фиксируется в текстах, начиная с XI в. — для обозначения цвета дорогих тканей и драгоценных камней. Заимствование из перс. *ladjourn* (анлаут неверно интерпретировался как артикль и поэтому был опущен. В ряде других романских языков, соответствующая основа обрела статус основного ц. о.

paonaz, celeste и др.

«Павлиновый», «небесный» и др. — поэтизмы, ставшие не основными ц. о. и сохранившиеся в современном языке.

Коричневый, бурый

brun

Германское заимствование (ср. нем. *braun* и проч.). Непосредственный источник заимствования и время — не ясны; кроме того, германская основа имела скорее значения — «темный» и «черный блестящий» (переход в «коричневый» произошел на более позднем этапе). Данная основа встречается во многих романских языках, причем в итальянском значения «коричневый» не имеет. Предположительно, слово *brunus* было заимствовано уже в народной латыни.

more

См. выше, в разделе «черный, темный».

chastain

Букв. «каштановый». Видимо, продолжение лат. *castaneus*, но со сдвигом семантики. Развивается на базе характерного прототипического объекта. В отличие от рус. *каштановый* употребляется не только по отношению к цвету волос, но шире. В современный период область употребления оказывается значительно суженной.

Серый

gris

В современном языке — основное ц. о. для серого тона. Начиная примерно с XV в. становится родовым обозначением, постепенно вытесняя другие видовые оттенки. Германское заимствование (со значением «серый» основа представлена практически во всех германских язы-

ках, ср. также родственное лат. *ravus* 'серый, серо-желтый, светлый', рус. *зая*, ирл. *grian* 'солнце').

bis

«Темно-серый, буровато-серый». Этимология не ясна. Употребляется часто по отношению к камням и проч. В среднефранц. период возникла диалектная форма *beige*, которая применялась преимущественно по отношению к некрашеной овечьей шерсти определенного оттенка (серовато-бурого), затем семантика сдвинулась в область коричневых оттенков, ср. современное рус. *бежевый*.

ferrant, cendros и др.

Букв. «железный», «пепельный», многочисленные продуктивные образования на базе общеупотребительных прототипических объектов.

Пестрый

Понятие «пестрый» в современном французском языке, как и во многих других, не входит в систему цветообозначений, и поэтому не имеет определенного семантического «ярлыка». В период более ранний существовало понятие *vair* — продолжение лат. *varius*, которое использовалось для обозначения пестрого оперения птиц, богатых одежд, меха, драгоценных камней и проч. В современном языке сохранилось только как субстантивированное обозначение беличьего меха, а в форме *vairton* употребляется для обозначения пестрого, рябого, не гладкого окраса радужки глаза. Ср. также суц. *vairon* 'гольян' (видимо, как рыба с пестрой чешуей).

Использованная литература и источники

- Бородина М. А., Гак В. Г.* К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка). Ленинград, 1979.
- Чекалина Е. М.* Историко-семасиологическое исследование прилагательных цвета во французском языке XI–XVI веков: Дис. ... канд. наук. Ленинград, 1972.
- André J.* Etude sur les termes de couleur dans la langue latine. Paris, 1949.
- Bloch O., Wartburg W. von.* Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris, 1932.
- Girodet J.* LOGOS: Grand dictionnaire étymologique de la langue française. s. 1., 1976.
- Greimas A. J.* Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milieu du XIVe s. Paris, 1968.
- Greimas A. J., Keane T. M.* Dictionnaire du moyen français. Paris, 1992.
- Hatzfeld A., Darmesteter A.* Dictionnaire général de la langue française. Paris, 1964. Vol. 1–2.

Система цветообозначений в древневерхненемецком и древнесаксонском языках

I. Специфика материала

Древневерхненемецкая система цветообозначений прослеживается в основном на материале переводных текстов (глоссы, перевод Св. Писания, переводы латинских памятников), что обуславливает наличие, номенклатуру и употребительность прилагательных — цветообозначений. Тем не менее, в силу объемности корпуса древневерхненемецких текстов и их определенного жанрового разнообразия система цветообозначений в древневерхненемецком более обширна, нежели, например, в готском.

Ввиду того, что основными памятниками, позволяющими судить о древнем периоде истории нижненемецкого, являются древнесаксонские *Хелианд* и фрагменты *Генезиса* (Сквайрс 1997, 22), реконструкция древнесаксонской системы цветообозначений производится наряду с древневерхненемецкой и является необходимой составной частью описания древненемецкой системы цветообозначений в целом¹.

Для древненемецкой системы цветообозначений актуальны следующие универсалии:

- в соответствии с принципом синкретизма семантики древнего слова передача значений 'белый' и 'блестящий, сияющий' одной лексемой (ср.: *most of the words for 'white' come from the notion of 'bright'* — Buck 1949, 1054);
- совмещаются значения 'красный' и 'рыжий' (по-видимому, в связи с этим отсутствует лексема со значением 'оранжевый');
- отсутствует автохтонная лексема для передачи значения 'розовый';
- значения 'синий' и 'голубой' передаются одной лексемой;
- значения 'серый' и 'седой' передаются одной лексемой, восходящей к о.-герм. *grēwaz².

¹ Средневерхненемецкие цветообозначения приводятся и рассматриваются в следующих случаях: 1) при необходимости уточнения семантического объема древневерхненемецкой лексемы, засвидетельствованной в малом числе употреблений; 2) при вытеснении древневерхненемецкой лексемы с соответствующим значением.

² Здесь и далее звездочка (астериск) применяется следующим образом: * N — реконструкция лексемы; N* — реконструкция именительного падежа (у глаголов — инфинитива) по сохраняющимся формам.

II. Система цветообозначений в древненемецком

Белый — блестящий (сияющий)

Др.-верх.-нем. *hwiz*, *wiz* (*wizs*) > н.-верх.-нем. *weiß* 'белый'; Др.-сакс. *hwit*. Прилагательное засвидетельствовано в ряде контекстов: *Базельские рецепты*, *Песнь о Хильдебранде*, *Мурбахские гимны*, *Merigarto*, у Ноткера, Отфрида и Татиана (*Schützeichel* 1969, 239) и имеет две основных семантических реализации: 1) 'белый блестящий'; 2) 'белый в противопоставлении другим цветам'. Так, в «Песне о Хильдебранде» *huitte scilti* выступает как определение оружия (щитов), и есть все основания предполагать для него исконную синкретическую семантику 'белый, блестящий', закрепленную в формулах героического эпоса (ср. ср.-верх.-нем. *wize brünne* 'блестящие доспехи, панцири' — *Nibelungenlied* 79) с вариацией *ir vil liehte brünje* 'их пресветлые доспехи (панцири)' — *Nibelungenlied* 66. Др.-верх.-нем. *wiz* у Ноткера в большинстве случаев также выступает как «цветообозначение» и употребляется по отношению к светилам, ср.: *mit sīnero wizun suester Luna* 'со своей блистающей сестрой — Луной' (Martianus Capella, I, 38); *in wīzero heiteri* 'в блистающей ясности' (I, 39); *īfen wizen... zuēin sternon* 'двум блистающим звездам' (I, 40). Аналогичные самостоятельные употребления соответствующего древнесаксонского прилагательного встречаются в *Хелианде*: *hwō fōrun thea hwīton sterron* 'куда отправились ясные звезды' (Hel. 656); *the sterro... hwit obar them hūse* 'звезда... ясная над домом' (Hel. 662–663). Это дает основания считать характеристику светил (особ. звезд) посредством производных о.-герм. **hwit*-автохтонным германским употреблением (ср. тж. имя королевы *Huitastierma* 'Ясная Звезда' в *Gutasaga* (1999).

Тем не менее, др.-верх.-нем. *wiz* может служить и для обозначения белого в противоположность другим цветам: *Einer truog wīzez und ebenfarewez* 'один был одет (букв.: носил) в белое и одноцветное' (Ноткер, *Martianus Capella* — Braune / Ebbinghaus 1979, 68; о сером и черном см. ниже). Соответственно, контекст *astrites ist ein wiz stein* (Martianus Capella, I, 40) может быть истолкован двояко: 1) 'астрит — блестящий, блистающий камень'; 2) 'астрит — белый камень', причем первое толкование более предпочтительно ввиду обычного синкретизма семантики др.-верх.-нем. *wiz*; ср. тж. *gimma thiū wīza* 'блистающие драгоценные камни' (Otfř. I 5, 21).

Появление *wiz* у Татиана и Отфрида в подавляющем большинстве коррелирует с употреблением лат. *albus*, *candidus* в переводе Евангелия. Так, контексты *drāto wīzu* 'одежды (стали) белыми' (Tat. 91, 1); *in wīzes snēwen farawi* 'в белом цвета снега' (Otfř. V 4, 32) и *gewādi sō hwit sō snēu* 'одежды (стали) белыми, как снег' (Hel. 3127) обусловлены евангельским повествованием о Преображении Господнем (Мф. 17, 2, Мр. 9, 3, Лк. 9, 29). Тем самым др.-верх.-нем. *wiz*, др.-сакс. *hwit* выступают в качестве обозначения блистающих одежд Иисуса Христа, что согласуется со словоупотреблением в греческих и латинских текстах (греч. λευκός, лат. *albus*, *candidus*) и полностью соответствует исконной синкретической семантике 'белый, блестящий'.

Ориентированы на соответствующие евангельские контексты и употребление др.-верх.-нем. *wîz*, др.-сакс. *hwîi* в значении 'блистающий' в описании ангелов у Отфрида и в *Хелианде*: ср. *thie engilun thie scônun ioh thie wîzun* 'ангелы прекрасные и блистающие'; *thie wîzun man thie scône* 'блистающие мужи прекрасные' (Воскресение Христово: Отфр. V 8, 2, V 20, 9); *engilos tuēna an alahwîton wānamon giwādion* 'два ангела в белейших прекрасных одеждах' (Hel. 5842). Тем не менее, в повествовании о Страстях Христовых др.-верх.-нем. *mit wîzzu giwātu* и др.-сакс. *hwîi gewādi* (Tat. 196, 7; Hel. 5292) могут означать лишь 'белые', а не 'блистающие одежды' (ср. лат. *veste alba* в соответствующем контексте). Аналогичным образом, значение 'сияющий' не реализуется в таких контекстах, как *thû ni maht ein hâr thes fahses wîزاز gituon odo suarz* 'ты не можешь и волоса от волос белым сделать или черным' (Tat. 30, 4; ср. др.-сакс. *he ni mag ne swart ne hwîi ênig hâr gewirkean* 'он не может ни черным, ни белым ни единого волоса сделать' — Hel. 1512–1513); *sehet thi u lant, bidiu si u wîzu sint iu zi arni* 'посмотрите на нивы, потому что они побелели к жатве' (латинское соответствие во всех случаях — *albus*, но не *candidus*). Не дает оснований для реконструкции древнего семантического комплекса также употребление *wîz* в *Merigarto*: *diu eina (aha) ist da sô guot, daz si daz scâf wîz machot* 'одна (вода) так хороша, что делает овцу белой' (Braune/Ebbinghaus 1979, 142).

Средневверхненемецкие памятники сообщают дополнительные сведения о семантических потенциях лексемы. Так, засвидетельствованы употребление *wîz als ein milch diu kel ir schein* 'бела, словно молоко, шея ее сияла' (Türl.), *wîzer danne blanc* 'белее белого' (букв. 'блестящего' — Biterolf 1164); *wîzer danne tûsent snê* 'белее тысячи снегов' (Lewer 1869–1876, 957–958); *arabischen siden wîz alsô der snê* 'аравийские шелка, белые, как снег' (NL 362); *segele rîche, die sint noch wîzer danne der snê* 'богатые паруса, что белее снега' (NL 508). Примечательно употребление *wîz* в переносном значении: *sagent uns weiz und wurkent swarz* 'говорят нам бело, творят черно' (Konrad Mezenбургский 204, 7 — *ibid.*).

Др.-верх.-нем. *hwîz*, *wîz*, др.-сакс. *hwîi* сопоставляется с гот. *hweits**, др.-исл. *hvítr*, др.-англ., др.-фриз. *hwîi* 'белый; сияющий, блестящий' (Kluge 1975, 851; Lehmann 1986, 200) и возводится к и.-е. **kwey-* 'блестящий, сияющий, белый', осложненному формантом *-d-* (Ф. Клуге указывает также на прослеживающуюся по различным континуантам вариативность **kweid-/kweit-*): ср. др.-инд. *śvîndatē* 'является белым', *śveta* 'белый'; авест. *spaeta-* 'белый'; др.-инд. *śvâs* 'завтра'; ст.-слав. *свѣтъ* 'светлый', *свѣтуми* 'светить, сиять'; литов. *šviesti* 'сиять', *šiesūs* 'яркий, блестящий' (Buck 1949, 1054; Pokorny 1959, 628–629; Kluge 1975, 851; Lehmann 1986, 200).

Белый — блестящий

Др.-верх.-нем. *Blank*; н.-верх.-нем. *blank* 'блестящий'.

Др.-верх.-нем. *blank* (*blanch*) употреблено у Ноткера в переводе Бозция в контексте *cham sige-nemo fone wîge rîtendo úfen einemo blanchen rosse* 'прибыл победитель, едущий с войны на белом коне' — Boethius (S.-St.) I,

18, 23. Ср.-верх.-нем. *blanc* выступает в качестве синонима *wîz* и может означать как 'блестящий' (ср. *blankez swert* 'блестящий меч', *wîze brünne* 'блестящая броня'), так и 'белый', ср.: *in sabenwîzem hemedede si an daz bette gie* 'в белой льняной сорочке она взмогла на ложе' (NL 632); *mîn hemedede alsô blanc* 'мою сорочку столь белую' (NL 670) в описании Брюнхильды.

Др.-верх.-нем. *blank* у Ноткера вполне согласуется с семантикой ближней этимологической параллели лексемы — др.-исл. *blakkr* 'белая лошадь'³. Кроме того, др.-верх.-нем. и ср.-верх.-нем. *blanc(k)* имеют параллели в виде др.-англ. *blanca* 'блестящий, белый', др.-исл. *blakra* 'блестеть' и наряду с ср.-верх.-нем. *blitze, blicze, blicz*, н.-верх.-нем. *Blitz* 'молния', н.-верх.-нем. *Blick* 'взгляд', ср.-верх.-нем. *blecken* 'делать видимым, заметным', н.-верх.-нем. *blecken* 'скалить зубы' возводятся к и.-е. **bhleg-* 'блестеть, гореть' — ср. греч. φλέγω 'гореть, светить', лат. *flago* 'гореть' (Kluge 1975, 81, 82, 84, 85). При этом для о.-герм. **blankaz*, продолжением которого являются др.-верх.-нем. *blank* и др., следует отметить наличие носового инфикса, а для восстанавливаемого Ф. Клуге и.-е. **bhleg-* — несомненную связь с и.-е. **bhel-* 'белый, блестящий' (нулевая огласовка **bhl-* — ср. (Pokorny 1959, 118–120). Др.-верх.-нем. *blank* было заимствовано в романские языки — ср. ит. *bianco* 'белый' (из лангобардского), ст.-фр. *blanche* (из франкского), фриул. *blank* 'белый' (из франкского — Kluge 1975, 81; Gamillscheg 1935, 279). Семантический объем н.-верх.-нем. *blank* 'блестящий' претерпел сужение по сравнению с синкретической семантикой др.-верх.-нем. *blanc(k)* 'белый, блестящий'.

Светлый, яркий, ясный

Др.-верх.-нем. *beraht (bereht, peraht)*; *lioht* > н.-верх.-нем. *licht* 'светлый, ясный'; *schîr*. Др.-сакс. *berht (bereht)*; *lioht*; *skîr*. Ср.-верх.-нем. *clâr* > н.-верх.-нем. *Klar* 'ясный'. Ср.-верх.-нем. *hel* 'ясный, отчетливый' > н.-верх.-нем. *hell* 'светлый'.

Др.-верх.-нем. *beraht (bereht, peraht)* засвидетельствовано в ряде текстов (*Merseburger Gebetsbruchstück, Murbacher Hymnen, Otfrid*) в значении 'ясный' (тж. перен. — *Schützeichel* 1969, 13). Ср.: *thaz... lioht berahta* 'свет... ясный' (Otf. IV 33, 11). Др.-сакс. *berht (bereht)* неоднократно употребляется в *Хелианде*, ср.: *wî gisâhûn blican thana berhton sterron* 'мы увидели, как блистает яркая (ясная) звезда' (Hel. 601–602), *folgodon ênum berhtun bôgne* 'последовали светлому знаку (знамению)' (Hel. 545, 661), *an erdono berhtun* 'в землю сияющую' (Hel. 757, бегство в Египет). Заметим, что пример *obâr thea berhtun burg* 'над светлой (сияющей) крепостью' (Hel. 433), явно обусловлен характерной для древнегерманских поэтических текстов тенденцией выбора украшающего эпитета согласно аллитерационному ряду. Др.-сакс. *ettha berht ettha bittar* 'хорош ли, горек ли (о

³ В словаре Я. де Фриса др.-исл. *blakkr* трактуется как *falb, gelbbraun* 'половый, булавый' без какой-либо аргументации (de Vries 1962, 42). Значение др.-исл. *blakkr* 'белая лошадь' приводится по словарю Ф. Клуге и представляется более обоснованным.

плодах) — Hel. 1750 представляет собою пример употребления лексемы в парной формуле, причем определить окказиональность или, напротив, устойчивость этой формулы не представляется возможным. По-видимому, для данного случая следует реконструировать переносное значение ‘прекрасный, хороший’ < ‘яркий, ясный’ (ср. ниже др.-сакс. *liocht* ‘светлый’ в значении ‘прекрасный’), поскольку семантика других употреблений, а также внутри- и внегерманские параллели др.-сакс. *berht* не позволяют предполагать значения ‘сладкий’.

Др.-верх.-нем. *beraht*, др.-сакс. *berht* сопоставляются с гот. *bairhts* ‘яркий, явный’, *bairhtaba* ‘явно, открыто’, *bairhtjan**, *gabairhtjan* ‘являть, открывать’; бург. **berhts*, др.-исл. *bjartr*, др.-англ. *beorht* ‘яркий’ и являются продолжением о.-герм. **berhtaz* ‘яркий’. Основа *berht-* выступает как первый и второй компонент древнегерманских двучленных имен собственных (Топорова 1996, 68–69). Общегерманское **berhtaz* восходит к осложненному формантом и.-е. **bher-* ‘быть ярким, сиять’, причем наиболее близкие соответствия общегерманской форме представлены в кельтских языках: ср. др.-ирл. *Flaith-bertach*, др.-брет. *Berth-walart* (с указанием на потерю велярного в кельтских формах между *г* и *т* — Lehmann 1986, 58); ср. тж. Pokorny 1959, 155–160). Индоевропейская основа **bher-* интерпретируется исследователями как параллельная и.-е. **bhel-* ‘быть светлым, блестять, сиять’ (Lehmann 1986, 58).

Прилагательное *beraht* исчезает из языка в средне немецкую эпоху (тем не менее, основа *berht-* сохраняется в качестве компонента имен собственных германской этимологии, то есть в реликтовом виде). В качестве основного обозначения ‘светлого, ясного’ выступает ср.-верх.-нем. *lieht* (ср. ниже), с которым конкурирует заимствование — ср.-верх.-нем. *klâr* (снл. *clær* < ст.-фр. *clair* < лат. *clârus* ‘ясный’); ср. *klâriu ougen* ‘ясные очи’ (Конрад Вюрцбургский, *Troj.* 14434) при *liehtiu ougen* (NL 843 и др.), а также *klâr sint ir schilte* ‘ясны их щиты’ (Зейфрид Хельблинг); *swert von stahel klâr* ‘меч ясной стали’ (Goldemar Альбрехта фон Кеменатена — *Lexer* 1869–1872, Sp. 1606). *Lieht* выступает как традиционный эпитет оружия. Ср.-верх.-нем. *klâr*, заимствованное из нижне немецкого вследствие ориентации на куртуазную традицию данного ареала, появляется в рейнских памятниках XII в., при Генрихе фон Фельдеке (вторая половина XII в.) достигает Тюрингии и со времен Вольфрама фон Эшенбаха (примерно 1170–1220 гг.) окончательно закрепляется в языке (> н.-верх.-нем. *klar* ‘ясный’ — Kluge 1975, 373)⁴.

Др.-верх.-нем. *liocht*, др.-сакс. *liocht* имеют в контекстах значение ‘ясный (в т. ч. перен.)’, ‘светлый’ — ср. др.-верх.-нем. *dages liochtôsta* ‘дня светлейшая (часть)’ — Otfr. IV 33, 10; *liolto zihti* ‘ясно показал’ (Otfr. V 22, 5); другие употребления др.-верх.-нем. *liocht* у Татиана и в *Псалмах* —

⁴ Корреляция лат. *clârus* — др.-верх.-нем. *beraht* и их производных начала складываться еще в древневерхненемецком: ср. *clarius (Dei) circumfulsit — perht (perhti) cotes umbiskein* ‘ясность Божия осияла’ (Gloss. St. Pauli). Примечательно, что лакуна, образовавшаяся при исчезновении соответствующего прилагательного, была в итоге заполнена не континуантой др.-верх.-нем. *liocht*, но заимствованием *klâr*.

Schützeichel 1969, 114); др.-сакс. *Iohannes quam an liudeo liocht, līc was im scōni* 'Иоанн пришел к людям светлый (прекрасный), тело его было прекрасно' (Hel. 198–199); *the sterro liolto skēn* 'звезда ясная сияла' (Hel. 662); *līhtlicora līd* 'ясного (= прозрачного) фруктового вина' (Hel. 2055); перен. *mid leohtu hugi* 'ясным разумом (= чистым сердцем)' — Hel. 290). *Licht* — традиционный хвалебный эпитет средневерхненемецкого эпоса (*Lexen* 1869–1876, Sp.).

Рассматриваемые лексемы имеют параллели в виде бург. **leuhts* (в двучленных именах собственных **Leuhta-harjis*, **Leuhta-walds*, **Leuhta-wulfs* и топониме **Leuhtingos* — *Gamillscheg* 1936, 137), гот. *liuhtjan** 'светить, освещать' (слгп. I), *galiuhtjan* 'осветить', *inliuhtjan* 'открыть, пролить свет, сделать ясным' (производными не от существительного *liuhap* 'свет', а от прилагательного **liuhts* — ср. *gahweitjan* 'выбеливать' < *hweits** 'белый'), др.-англ. *lēoht*, др.-фриз. *liācht* 'светлый, ясный, прекрасный'. О.-герм. **leuhtaz* и **leuh-s* (ср. др.-исл. *ljós* 'свет' и др. — *Lehmann* 1986, 236) сопоставляются с греч. *λευκός* 'белый' (исконно 'светлый, яркий'), др.-инд. *ruc-* 'светить, сиять', лат. *lūx* 'свет', *lūna* (< и.-е. **lowk-s-nā*, как и ст.-слав. *луна*), *L(o)ucetius* (эпитет Юпитера), галл. *Leucetios*, *Loucetius* (эпитет Марса), литов. *laukas*, *lāukas* 'с белым пятном, звездочкой (о лошадях)', ст.-слав. *луча*, *лучь* и др. и являются производными от и.-е. **leuk-* 'светить, сиять' (*Buck* 1949, 1054; *Pokorny* 1959, 687–690; *Kluge* 1975, 438; *Lehmann* 1986, 236).

Др.-верх.-нем. *schīr*, др.-сакс. *skīr*, *skīri* сопоставляются с гот. *skeirs* 'ясный' (перен.), *gaskeirjan** 'толковать, объяснять', *skeieins* 'толкование, объяснение', вост.-герм. (латинизир.) *Sciri*, др.-исл. *skirr*, др.-англ. *scīr*, др.-фриз. *skīre*, др.-верх.-нем. *schīr* 'ясный, чистый' < о.-герм. **skīriz*. Следует отметить, что соответствующие индоевропейские основы **skāy-*, **skāy-/ *ski-* имели значение 'мерцать, затенять' — ср. др.-инд. *chāyā* 'тень', авест. *a-saya* 'защита', греч. *σκία* 'тень', *σκίρον* 'зонт', ст.-слав. *сѣнь* 'тень' (*Pokorny* 1959, 917–918; *Lehmann* 1986, 311), тогда как континуанты этих основ в германском ареале имеют значение 'ясный, сияющий' (в переносном значении — 'видный, явный, настоящий'; ср. др.-исл. *skiborinn* 'von echtem Geburt' 'законнорожденный, хорошего рода' — *Schwarz* 1956, 51).

Основная лексема, передающая значение 'светлый' (в том числе перен.) в современном немецком языке — *hell* < ср.-верх.-нем. *hel*, *helles* < др.-верх.-нем. *-hel* в префиксальных образованиях *gi-*, *misa-*, *unhel*. Ф. Клуге подчеркивает, что в древневерхненемецком основа служит исключительно для передачи акустических ('ясный, отчетливый'), а не визуальных ('ясный, светлый') впечатлений, а в средненемецком значение 'ясный, отчетливый' выступает как основное; тем самым изменение значения лексемы в диахронии сходно с развитием семантики лат. *clārus* 'ясный'. Др.-верх.-нем. *-hel*, ср.-верх.-нем. *hel* наряду с др.-верх.-нем. *hellan*, ср.-верх.-нем. *hellen* 'звучать, раздаваться', др.-верх.-нем. *hal* звук возводятся к и.-е. **kel-* 'звать, кричать'; ср. греч. *καλεῖν*, лат. *clāmāre* 'звать, кричать'. Можно заключить, что выдвинутые *hell* в качестве основного

обозначения 'светлого' во многом было обусловлено ориентацией новонемецкой нормы на определенные диалекты, т. к. диалектное разграничение *hell/licht* остается актуальным (Kluge 1975, 302).

Светлый — половой — блеклый.

Др.-верх.-нем. *falw(e)* > н.-верх.-нем. *falb, fahl* 'блеклый, белесый, бледный'⁵. Др.-сакс. *falo*.

Др.-верх.-нем. *falw(e)* выступает в качестве глоссы к лат. *pallidus* 'бледный' в *Санкт-Галленском глоссарии* (Gl. III, 3, 22–39). Есть основания предполагать ориентацию на лат. *pallidus* и для контекста Ноткера *ceraunos ist ein falewer stein* 'цераун — светлый (бледный, светло-желтый) камень' — Martianus Capella, I, 40). Др.-верх.-нем. *falw(e)*, др.-сакс. *falo* имеют ближние этимологические параллели в виде гот. **falws*, бург. **falus* (**falws*), восстанавливаемых на основании заимствования германской лексемы в греческий и романские языки (ср. греч. φάλβας о масти лошади), др.-англ. *fealu* 'белесый, светло-желтый, желтоватый, серый, темный'. Как отмечает Ф. Клуге (Kluge 1975, 243), др.-верх.-нем. *falw(e)*, др.-сакс. *falo* принадлежат к достаточно обширной группе индоевропейских цветообозначений на *-wo, к которой относятся лат. *fulvus* 'бурый, рудо-желтый, рыжий', *furvus* 'темный, непроглядный', *flavus* 'светлый, (золотисто-)желтый', *gilvus* 'светло-желтый, буланый', *rāvus* 'серый, серо-желтый'; др.-инд. *śyāvā* 'коричневый'; литов. *paivas* 'светлый, половой', *šiivas* 'сильный'; ст.-слав. *сивъ, плавь*. Ср. германские формы: др.-исл. *hoss* 'серый', др.-англ. *baso* 'пурпурный', *geolo* 'желтый', *haso* 'серый', др.-сакс. *gelo* 'желтый', др.-верх.-нем. *blāo* 'синий', *faro* 'цветной, окрашенный', *gelo* 'желтый', *grāo* 'серый', *salō* 'темный' (см. ниже).

Семантика заимствований, на основании которых реконструируется вост.-герм. (бургундское) **falus* (**falws*), позволяет выделить в качестве основного значение 'светлый, белесый; белокурый'. Так, ром. *falvus* и *fālou* (Doubs) имеют значение 'светловолосый; белокурый с рыжеватым оттенком' — Gamillscheg 1936, 55), хотя сав. *fale* означает не только 'белый', но и 'серый, гнедой, коричнево-рыжий' (о лошадях). Ср.-верх.-нем. *valevahse* («Nibelungenlied») 'светловолосые' выступает в качестве эпитета воинов. В средневерхненемецком весьма примечательна передача этнонима *половцы* посредством кальки — этимологического соответствия: *valwe* < др.-верх.-нем. *falwe* (Назаренко 2001, 19). Таким образом, необходимо учитывать этимологическую корреляцию о.-герм. **falwaz* и др.-рус. *половь* 'светло-желтый', рус. *палова* 'мякина', тем самым определяя значение 'светло-желтый, половой', 'светлый' как ядро семантического комплекса о.-герм. **falwaz* и предполагая, что значения типа '(светло)-серый', 'коричнево-рыжий' объединяет в данном случае представление о характерном (светлом, золотистом) отличие. Другие индоевропейские соответствия о.-герм. **falwaz* — лат. *pallidus* 'бледный', ли-

⁵ Н.-верх.-нем. *fables Pferd, der Falbe* 'буланая лошадь'.

тов. *paivas*, ср.-ирл. *liath*, кимр. *llwd* 'серый', греч. *πολιός* 'серый', *πελιός*, *πελλός* 'темный', др.-инд. *paliáh* 'серый', *pāṇduh* 'желтоватый' (Kluge 1975, 180–181) свидетельствуют об исконной синкретической семантике < и.-е. **pol-/pel-* (ср. тж. рус. *пепел*).

Черный, темный

Др.-верх.-нем. *swarz* > н.-верх.-нем. *schwarz* 'черный'. Др.-сакс. *swart*.

В *Санкт-Галленском глоссарии* (Gl. III, 3, 22–39) др.-верх.-нем. *swarz* представлено в виде глоссы к лат. *niger* 'черный'. Употребление *swarz* у Татиана согласуется с употреблением лат. *niger* — ср. *thū ni maht ein hâr thes fahses wîzaz gituon odo suarz* 'ты не можешь и волоса от волос белым сделать или черным' (Tat. 30, 4); др.-сакс. *he ni mag ne swart ne hwit ênig har gewirkean* 'он не может ни черным, ни белым ни единого волоса сделать' (Hel. 1512–1513). Ориентация на лат. *niger* актуальна и для контекста Ноткера *anderer truog... suarzez* 'другой был одет в (букв.: носил) черное' (Martianus Capella, I, 40). В переводе *Carmen ad Deum* др.-верх.-нем. *su(u)arz* коррелирует с лат. *ater* 'темный, мрачный, черный' — др.-верх.-нем. *der suarzo... murdreo* при лат. *atro... latro* 'черного... злодейства' — и в соответствии с этим выступает в переносном значении. В *Merigarto* др.-верх.-нем. *swarz* служит обозначением цвета шерсти овцы: *zuo âha... diu eina... daz scâf wîz machôt, ab dem andren iz suarz wirdit* 'две реки (воды)... одна... овцу белой делает, от другой она (овца) черной становится' (Braune, Ebbinghaus 1979, 142). В *Xelwande* др.-сакс. *swart* выступает как регулярный эпитет преисподней (ада) — др.-сакс. *hell, hellia* < о.-герм. **haljôn-* 'мир мертвых, Хель': *an helliu, thar is hêt endi suart* 'в аду, что жарок и чёрен' (Hel. 1179); *besinkodon is siole an thene suarton hel* 'погрузили его душу в черный ад' (Hel. 3357), причем примечателен контекст *hard helleo gethuing, hêt endi thiustri, swart sinnahti sundea te lone* 'тяжкая адава мука, жаркая и мрачная, черная вечная ночь грехам в воздаяние' (Hel. 2145).

Др.-верх.-нем. *swarz*, др.-сакс. *swart* имеют внутригерманские соответствия в виде гот. *swarts* 'черный', *swartzizl** 'чернила', которые восходят к слабому глаголу I класса **swartjan* 'чернить' с суффиксом, восходящим к и.-е. **-slo-* или **-es-* (Lehmann 1986, 333); герул. (латинизир.) *Svartva* (сокращение или, возможно, искажение двучленного имени **Swarta-wulfs* — ср. др.-верх.-нем. *Swarz-olf* 'черный волк' — *Топорова* 1996, 32); др.-исл. *svartir*, др.-англ. *swearl*, др.-фриз. *swart* 'черный' (нулевая ступень аблаута в др.-исл. *sorta* ж. р. 'черная краска', *sorti* м. р. 'тьма, густая мгла', *sortna* слгл. 'чернеть').

О.-герм. **swartaz* 'черный' возводится к и.-е. **swordo-s* 'черный, грязный' — ср. лат. *sordēs* 'грязь', *sordidus* 'грязный', *sordeō* 'быть грязным' (Pokorny 1959, 1052; Kluge 1975, 690; Lehmann 1986, 333). К. Бак отмечает, что в качестве обозначений черного цвета нередко выступают слова с исконной семантикой 'грязный', 'дымный' ('закопченный?'): ср. греч. *μελάς* 'черный', латыш. *meļns* 'черный, грязный', др.-инд. *mala-* 'грязь', *malina-* 'грязный' (Buck 1949, 1055).

Темный

Др.-верх.-нем. *tunkal* > н.-верх.-нем. *dunkel* 'темный'. Др.-сакс. *dunkar*.

Др.-верх.-нем. *tunkal*, *tunclo* глоссирует лат. *occultum* 'потаянный, скрытый' (*Abrogans*). Таким образом, уже для древнейших употреблений этого слова отмечается переносное значение 'темный = тайный, скрытый'. В аналогичном значении употребляется *dunkal* у Отфрида — ср. *iz dunkal eigun funtan* 'нашли это темным (= трудным для толкования)' (I 1, 8). Др.-верх.-нем. *tunkal* (*dunkal*, *tunchal*, *tunchar*), др.-сакс. *dunkar* имеют ближние параллели в виде ср.-ниж.-нем, зап.-фриз. *dunkar*, др.-ниж.-франк. *duncal*, слл. *donker*, нлл. *donker* 'темный' (дат., швед. *dunkel* являются заимствованиями из немецкого). Та же основа с другой ступенью аблаута представлена в др.-исл. *dökk*, др.-фриз. *diunk*, зап.-фриз. (*d*)*jonk*. Др.-верх.-нем. *tunkal* и др. восходят к о.-герм. **dinkwaz* < и.-е. **dhengwos*; семантика норв., швед. диал. *dunken* 'влажный, душный', н.-англ. *dank*, диал. *dunk* 'влажный, облачный' позволяет реконструировать исходное значение 'влажный, туманный, задымленный'. Опираясь на эти данные, Ф. Клуге интерпретирует и.-е. **dhengwos* как расширение основы **dhem-* 'дымиться, быть дымным' — ср. др.-инд. *dhāmati* 'дует', греч. θεμερ-αλις 'с сумрачным взглядом', рус. *дым*, н.-верх.-нем. *Dampf* 'пар' и др. (Kluge 1975, 121, 147). В качестве цветообозначения производное и.-е. **dhengwos* засвидетельствовано в хеттском: ср. хет. *dankwiš* 'темный, черный' (Kluge 1975, 121).

Темный

Др.-верх.-нем. *salō*.

Др.-верх.-нем. *salō* 'темный' засвидетельствовано у Ноткера (*Schützeichel* 1969, 158). Прилагательное сопоставляется с др.-англ. *salu* 'темный'; из внегерманских параллелей исследователи отмечают др.-ирл. *salach* 'грязный', постулируя тем самым германо-кельтскую изоглоссу. На более глубоком хронологическом срезе надежные реконструкции отсутствуют (Buck 1949, 1082). Др.-верх.-нем. (франк.) *salō* наряду с другими цветообозначениями было заимствовано в романский ареал: ср. фр. *sale* 'грязный'.

Темный, черно-бурый, смуглый

Др.-верх.-нем. *erpf*.

Прилагательное *erpf* засвидетельствовано в *Санкт-Галленском глоссарии* в форме *erpfēr* в качестве соответствия лат. *fuscus* (в рукописи — *fustus*) 'темный, черно-бурый, черноватый; смуглый' (Gl. III, 3, 22–39; значение лат. *fuscus* — Дворецкий 1976, 448). Др.-верх.-нем. *erpf* сопоставляется с др.-исл. *jarpr*, др.-англ. *eorþ*, *earþ* 'темный, темно-коричневый, смуглый' (de Vries 1962, 291). Кроме того, с достаточной степенью надежности восстанавливается восточногерманское **erps*. Так, Э. Гамильшер (*Gamillscheg* 1936, 114),

приводя такие известные параллели, как *Arripus* у Тацита и *Erpr* в «Старшей Эдде», реконструирует по известному в латинской передаче ономастическому материалу бургундское имя собственное **Erpa* (уменьшит. **Erpila*), а М. Шёнфельд (*Schönfeld* 1911, 81), трактует приводимое в «*Getica*» имя *Eterpatara* (*Get.* 43), как (*et*) *Erpatara*, где первый компонент восходит к о.-герм. **erpa-* 'темный' (+ *-tara* < о.-герм. **mēriz* 'славный, знаменитый' с восточногерманским переходом $\bar{e}_1 > \bar{a}?$). Та же позиция изложена в работе (*Топорова* 1996, 26).

О.-герм. **erp-* сближается с греч. ὀρφνός 'темно-коричневый (темно-бурый), темный', ст.-слав. *рѣбъ, ѡрѣбъ* 'рябой', др.-верх.-нем. *rebahoun* 'рябчик', рус. *рябчик* и возводится к и.-е. **erbh-/erebh-* 'пестрый, рябой' (*de Vries* 1962, 291). Значения всех древнегерманских ареальных континуант данной индоевропейской основы показывают, что семантический переход от значения 'пестрый, рябой' к значению 'темный' можно считать свершившимся уже для общегерманского.

Лексема *erpf* исчезает в средненемецкую эпоху; значение 'темный, смуглый' передается ср.-верх.-нем. *brûn* > н.-верх.-нем. *braun* 'коричневый'.

Красный (рыжий)

Др.-верх.-нем. *rôt* > н.-верх.-нем. *rot* 'красный (рыжий)'. Др.-сакс. *rō*.

Др.-верх.-нем. *rôt* засвидетельствовано в контекстах *Санкт-Галленского глоссария*, *Базельских рецептов*, *Мурбахских гимнов*, у Татиана, Ноткера и Отфрида (*Schützichel* 1969, 154), а также у Виллирама и в *Merigarto*. В *Санкт-Галленском глоссарии* др.-верх.-нем. *rooter* глоссирует лат. *ruffus* (sic!) 'красный, рыжий' (*Gl.* III, 3, 22–39). Контекстные употребления *rôt* у Татиана и Отфрида связаны с упоминанием багряницы в Евангелии (Страсти Христовы): *rôt lahhan* у Татиана при лат. *clamidem coccineam* (*Tat.* 200, 6). Другие контексты: *mit rôtemo gifange* 'красной тканью' (*Otfr.* IV 23, 5); *filu rôtaþ purpurin* 'весьма красное пурпурное' при лат. *veste purpurea* (*ibid.*); *ther selbo duah rôto* 'ту самую ткань красную' (*Otfr.* IV 25, 10). Очевидна ориентация на соответствующий контекст *Татиана* в *Хелианде*, ср. др.-сакс. *rōbodun ina thia reginscaddon rôdes lacanes* 'лишили его злодеи багряницы' (*Hel.* 5496).

У Ноткера данное цветообозначение употребляется при описании светил (звезд и солнца), что обусловлено контекстом оригинала, ср.: *zweio (stern) dero ist ter zesewo rôti* 'вторая (звезда) справа красная' (*Notk., Martianus Capella* I, 40), *an dero winsterun truog er einen rôten skilt, wanda selbiu diu sunna einemo skilte gelih ist* 'в левой руке нес он (аллегорическая фигура — олицетворение Солнца) красный щит, ибо само солнце (др.-верх.-нем. *sunna* ж. р.) щиту подобно' (*Martianus Capella* I, 40). Последнее употребление (*rôt* & *sunna*) оказывается в полном соответствии с ветхозаветным контекстом — *dine lefsa sint samo ein rôtiu binta* можно считать автохтонным германским, ср. лат. *aurora* — др.-верх.-нем. *tagarôd* (*Murbacher Hymnen*, III). В парафразе *Песни Песней* Виллирама др.-верх.-

нем. *rôt* употребляется как в полном соответствии с ветхозаветным контекстом — *dine lefsa sint samo ein rôtiu binta* 'твои уста — словно алая лента' (3 Цар. IV, 5), так и в оригинальном словосочетании *rôt & apfel* 'гранат (гранатовое яблоко)', букв. 'красное яблоко', ср. *derbruch des rôten apfeles* 'половинка (букв. разлом) граната'; *bômgarto rôter epfelo* 'гранатовый сад' (букв. сад красных/гранатовых яблок). В Merigarto *rôt* встречается в кальке топонима *Красное море*, ср.: *uber daz rôta mere* 'через Красное море' и при описании этого географического объекта: *des griez sí sô rôt als ein minig unt ein pluot* 'будто его песок так красен, как сурик (свинцовая охра) и кровь' (Merigarto I, 31–33).

В контекстах средневерхненемецких памятников *rôt* выступает как постоянный эпитет золота: *rôtez golt, golt daz rôte* 'червонное золото' (NL 68, 92 ff), что имеет параллели в эддических текстах и принадлежит к формульной системе древнегерманского эпоса. Лексема выступает в качестве эпитета слов: ср.-верх.-нем. *munt* 'рот, уста' и *bluot* 'кровь' (Lexet 502–503). Характерным приемом средневерхненемецкого эпоса является использование лексемы для обозначения разнообразных душевных движений — ср. *mit rôten ougen* 'с красными (покрасневшими) глазами' (Greg. 2136 и другие памятники). Ср.-верх.-нем. *rôt sin (werden)* 'покраснеть' указывает в зависимости от контекста на проявление радости, горя, стыда, гнева, ужаса: *von freuden rôt* 'от радости красный'; *jâmers rôt* 'от горя красный'; *in schame rôt* 'от стыда красный', *von zorne rôt* 'от гнева красный'; *von vorhte rôt* 'от страха красный'; *in schricken rôt* 'от ужаса красный'. Отсюда такое контекстное употребление миннезанга, как *ich wurde rôt, swenne ich si hære nennen* 'я краснею, когда слышу, как ее упоминают' или всецело принадлежащее куртуазной традиции описание Зигфрида, краснеющего при встрече с Кримхильдой (*er wart von den gedanken vil dicke bleich unde rôt* 'от мыслей сих он (весьма) поbledнел и покраснел' — NL 285).

Ср.-верх.-нем. *rôt* засвидетельствовано в памятниках также в значении 'рыжий, рыжеволосый', развивающем переносное значение 'коварный, лживый' (*der rôte frunt* 'лжедруг, предатель' — Reinh. 357, 1808). В переносном значении употребляется *rôt* и в словосочетании *rôtez wild* 'красный зверь' (*er lief nach rôtem wilde* 'он погнался за красным зверем' — j. Tit. 1329, 1140).

Др.-верх.-нем. *rôt*, др.-сакс. *rôt* имеют соответствия в виде гот. *raups**, бург. **rauds* (реконструируется в качестве компонента имен собственных **Raudings*, **Silirauds* (Gamillscheg 1936, 143, 148, 167), др.-исл. *raudr*, др.-англ. *rēād*, др.-фриз. *rād* 'красный', тж. 'рыжий' и наряду с ними восходят к о.-герм. **raubaz* 'красный', 'рыжий' < и.-е. **rowdho-*. В. Леман и Ф. Клуге подчеркивают, что 'красный' является единственным цветообозначением, засвидетельствованным почти во всех индоевропейских языках. В доказательство приводятся многочисленные континанты и.-е. **rowdho-*: лат. диал. *rūfus, rōbus* 'красный, рыжий', умбр. (вин. п. мн. ч.) *rofu*, др.-ирл. *ruad*, валл. *rhudd*, галл. *nom. propr. Roudus*, литов. *raudas*, ст.-слав. *рудь* 'красный', 'рыжий'. И.-е. **rowdho-*, отраженное в германском, кельтском и балтийском ареалах, представляет

собою более позднее образование в сравнении с общиндоевропейской основой **rudhro-*, континуантами которой являются др.-инд. *rudhirás*, греч. ἔρυθρός 'красный', ἐρεῦθω 'краснить', лат. *ruber*, умбр. (вин. п. мн. ч.) *rufri*, ст.-слав. *рьбрь*, тох. А *rärye*, *rätram*, В *rätre* 'красный' (Lehmann 1986, 283; Kluge 1975, 609).

Желтый

Др.-верх.-нем. *gelo* (*gelaw*, *gelwer*) > н.-верх.-нем. *gelb* 'желтый'. Др.-сакс. *gelo*.

Др.-верх.-нем. *gele* выступает в качестве глоссы к лат. *croceum* 'шафрановое, золотистое' (Cod. Vindob. 460), др.-верх.-нем. *gelan* (вин. п.) — к лат. *coccin(e)um*, *rubrum* 'алоэ, красное' (Graff 1834–1846, IV, 181). Засвидетельствовано также латинизированное *gilvus* (*ros*) 'лошадь масти *gelu-*' (Cod. Trevir.) Примеры употребления *gelo*, *kelo* в переносном значении представлены в глоссах к лат. *adulta* 'зрелая', *matura* 'зрелая, спелая' (Gloss. Cod. Paris., Gloss. Cod. Reichenau) (ibid.). Др.-сакс. *gelo* засвидетельствовано в контексте *Хелианда* в употреблении, не обусловленном текстом Евангелия (и, соответственно, евангельской гармонии Татиана): слова Иисуса Христа «будьте мудры, как змии» (Мф. 10, 16) передаются в поэме как *hebbead iwan mōd... sō glawan... sō samo sō the gelowa wurm*, *nādra thiū fēha* 'имейте ваш дух столь разумным, как желтая змея, гадюка та пестрая' (Hel. 1876–1878). Не представляется возможным определить, является ли *the gelowa wurm* 'желтая змея' полным синонимом *nādra thiū fēha* 'пестрая гадюка', или же налицо окказиональная синонимия двух обозначений пресмыкающихся ('уж-желтопузик' — 'гадюка') в рамках поэтического текста.

Др.-верх.-нем. *gelo*, др.-сакс. *gelo* имеют ближайшие параллели в виде др.-исл. *gulr*, др.-англ. *geolo* 'желтый' и восходят к о.-герм. **gelwaz* < и.-е. **ghelwo-* (ср. лат. *helvus* 'медово-желтый') < **ghel-/ghl-* + **wo-* (нулевая ступень аблаута в др.-исл. *gulr* — Buck 1949, 1059; Kluge 1975, 243).

Зеленый

Др.-верх.-нем. *gruoni* (*gruone*, *gruan(n)i*, *cruone*, *cruene*) > н.-верх.-нем. *grün* 'зеленый'. Др.-сакс. *grōn*.

Др.-верх.-нем. *gruoni* засвидетельствовано у Татиана, Отфрида и Ноткера, причем для Татиана и Отфрида в данном случае также актуальна корреляция с латинским оригиналом евангельской гармонии и, соответственно, с употреблением лат. *viridis* 'зеленый' в Евангелии: ср. *gruonemo boume* (Tat. 201, 5), *gruonemo raseg* (Tat. 80, 5). Употребления *gruoni* у Ноткера в переводе Марциана Капеллы также ориентированы на лат. *viridis*, однако сфера приложения эпитета более широка: *smaragdus*, *allero steino gruonesto* 'смарagd, из всех камней зеленейший', *der (jaspis) ist etewaz crūone* 'сей (яспис) вечно зелен' (Martianus Capella I, 40). Оригинальны употребления др.-сакс. *grōni* в *Хелианде*, ср.: *an thana grōneon*

wang, an erđono berhtun 'на тот луг зеленый, в ту землю сияющую' (Hel. 757, бегство в Египет), wang, paradise gelic grōni godes wang 'зеленый луг Божий (= рай)' (Hel. 3080), was thar gard gödlic endi grōni 'был там город, прекрасный видом, и зеленый луг, раю подобный' (Hel. 3135), than was thar ēn mārī berg... the was brēd endi hōh, grōni endi scōni 'тогда была там гора славная, что была широка и высока, зелена и прекрасна' (Hel. 4234, описание горы Елеонской), хотя встречается и прямо коррелирующее с Tat. 80, 5 an grase gruoṇini (Hel. 2850).

Др.-верх.-нем. *gruoni*, др.-сакс. *grōni* имеют соответствия в виде бург. **grōnis* (лексема реконструируется в качестве компонента бургундского имени собственного **Rimi-grōnis*, причем, по-видимому, в данном применении основа имеет семантику 'свежий' — *Gamillscheg* 1936, 144), др.-исл. *grænn*, др.-англ. *grēne*, 'зеленый, свежий' и восходят к о.-герм. **grōniz*, принадлежащему к тому же этимологическому гнезду, что о.-герм. **grasan-* 'трава', **grōan(an)* 'расти', 'зеленеть' (*Lehmann* 1986, 159). Из внегерманских параллелей как наиболее надежная расценивается лат. *grāmen* 'трава' < **ghra-s-men* (*Buck* 1949, 1059; *Kluge* 1975, 274; *Lehmann* 1986, 159–160). В качестве индоевропейского источника В. Леман предполагает основу **gher-* 'выдаваться, выступать' с нулевой огласовкой и ларингальным расширителем (*Lehmann* 1986, 160). *Figura etymologica*, образуемая континуантами о.-герм. **grasan-* & **grōniz*, засвидетельствована в языке древнегерманского эпоса разных ареалов.

Синий

Др.-верх.-нем. *blā(o)* > н.-верх.-нем. *blau* 'синий'. Др.-сакс. *blāo*.

Др.-верх.-нем. *blā(o)* (*plāo*) засвидетельствовано у Ноткера в переводе Марциана Капеллы в качестве эквивалента лат. *caeruleus* '1) синий, темно-синий; голубой, лазоревый; 2) темный, темно-зеленый; темно-серый, сизый'. Ср.: *plāwiu aha, diu plāwa aha* 'синяя река (вода)' при лат. *caerulea* (тж. *livens* 'синеющая, отливающая синим, серым' — *Graff* 1834–1846, III, 238); лат. (< греч.) *glauca* 'серо-голубой, светло-синий', а также *viridis* (*viridor*) 'зеленый'; *einer (Neptunus) was fone demo merewāge plāwer* 'один (Нептун) был от волн морских синий' (*Martianus Capella* I, 43–47). В глоссах др.-верх.-нем. *blā(o)* неоднократно выступает в качестве соответствия лат. (< греч.) *hyacinthinis* (передаваемого как *hiacintinis, iacyncinīs*) 'гиацинтовый' (*Gloss. Bibl. Cod. Reichenau, Gloss. Junii* — *Graff* 1834–1846, III, 238–239). Принимая во внимание частотность корреляций, ядром семантики др.-верх.-нем. *blā(o)* следует считать значение 'синий, голубой'⁶.

⁶ Корреляция *plāwer* — *viridis* у Ноткера может объясняться либо смешением цветообозначений 'синий' — 'зеленый' (являющимся семантической фреквенталией, особенно для древних языков, но не отмеченным ни для лат. *viridis* 'зеленый', ни для континуант о.-герм. **blēwaz* и **grōniz*), либо сознательным выбором автора (олицетворение моря — Нептун предстает в «традиционно-морском (водном)» синем, а не в «средиземноморском зеленом»).

Примечательно, однако, что в глоссах др.-верх.-нем. *blāwer* соотносено с лат. *flavus* 'желтый, золотистый; белокурый' (Cod. Vindob. 232 — Graff 1834—1846, III, 238). В средневрхненемецких памятниках *blā* выступает как эпитет неба — ср. *der blāwe himel* (миннезанг) (*Lexer* 1869—1876, Sp. 294), (*ein brütlichen*) *noch plāwer denne ein lāsūr* '(фата) синее лазури' (Pz 313, 5), а также цветов — *blāwer viol* 'синяя фиалка' (миннезанг), *vil bluomen blā* 'много цветов синих' (Loh. 5680)⁷.

Др.-верх.-нем. *blā(o)*, др.-сакс. *blāo* имеют соответствия в виде др.-исл. *blár* 'синий; черный', др.-англ. *blāwen* (и *blaw* в глоссе *blata, pigmentum*) и восходят к о.-герм. **blēwaz* < и.-е. **bhel-* 'белый, светлый' + **-wo-* (ср. лат. *flāvus* 'желтый, рудо-желтый, светлый', шотл.-гэл. *blár* 'со звездочкой во лбу (о животных)', кимр. *blawr* 'серый'). Германское цвето-обозначение было заимствовано в романские и балтийские языки: ср. фр. *bleu*, ит. *biavo*, латыш. *blāws* 'синий' (*Kluge* 1975, 82).

Коричневый (бурый)

Др.-верх.-нем. *brūn* (*prūn*) > н.-верх.-нем. *braun* 'коричневый'. Др.-сакс. *brūn*.

Др.-верх.-нем. *brūn* (*prūn*) глоссирует целый ряд латинских цвето-обозначений: *fulvum* 'темное, черное' (Gloss. Junii), *purpureus* 'пурпурный' (Gloss. herradinae; ср. тж. *wormprūn* букв. 'червя пурпур' *pri purpurea* — Gloss. Cod. Reichenau), *rufus* 'красный, рыжий' (Gloss. Cod. Reichenau). Но наиболее распространенными соответствиями лексемы в глоссах все же являются лат. *fulvum* 'темное, черное' (Monseer Gloss., Cod. Emmerat. 32 и др.) и *fulvum* 'бурый, рудо-желтый, рыжий' (Cod. Vindobon. 167). Латинизированное *brunicus* (*equus*) выступает как обозначение масти лошади (Cod. Trevir. — Graff 1834—1840, III, 311). Тем не менее, латинская параллель *purpureus* заставляет предполагать для др.-верх.-нем. *brūn*, помимо спектра однородных значений типа 'бурый (темный) — бурый (рудо-желтый, рыжий)', также и значение 'лиловый' (см. ниже).

Др.-верх.-нем. *brūn*, др.-сакс. *brūn* имеют параллели в виде др.-исл. *brúnn*, др.-англ., др.-фриз. *brūn*, снл. *bruun* 'бурый, коричневый'. Вслед за И. Даль Ф. Клуге отмечает, что общегерманское **brūnaz* имело также значение 'блестящий' (*Dal* 1937, *Kluge* 1975, 97). Лексема генетически связана с тох. А *parno*, В *perne* 'блестящий', греч. φρόνη, φρόνος 'черепаша', рус. диал. *брынеть, брунеть* 'отливать белым, желтоватым, серым', *брон* 'белый, пестрый (о лошадях)' и восходит к и.-е. **bher-* 'быть ярким' + *-n-* (см. выше др.-верх.-нем. *ber(a)ht*, др.-сакс. *ber(e)ht*). Др.-верх.-нем. (франкское) *brūn* было заимствовано в романские, балтийские и славян-

⁷ В соответствии с символическими значениями цветов *blā* 'синий', *gel* 'желтый' и *swarz* 'черный' закреплены в *Парцифале* за «безобразной» Кундри, стоящей вне (и выше) куртуазного артуровского мира (*ir brütlichen...noch blāwer denne ein lāsūr* 'ее фата... синее лазури', *ir ougen... gel als ein thopazius* 'ее глаза... желтые, как топаз', *zopf... swarz* 'коса... черная' — Pz 313,5; 313, 19; 780, 19—20)

ские языки — ср. лат. *brūnus*, фр. *brun*, ит. *bruno*, литов. *brūnas*, чеш. *bruný*, хорв. *brun* ‘коричневый, бурый’ (Kluge 1975, 97).

Примечательно, что в швейцарских диалектах лексема имеет значение ‘синий’ — ср. обервальд. *brin*, энгад. *brun* (значение ‘коричневый’ передается здесь лексемой *praun* — Gamillscheg 1935, 280). В свете этих данных представляется не вполне корректным мнение Ф. Клуге о том, что употребление н.-верх.-нем. *braun* на юге Германии в значении ‘лиловый’ (о цвете фиалки, церковного траура) обусловлено отражением (контаминацией значения?) лат. *prūnum* ‘слива’ (> др.-верх.-нем. *prfrūta*, *prflūta*, н.-верх.-нем. *Pflaume* — Kluge 1975, 97). Ср. тж. корреляцию др.-верх.-нем. *brūn* — лат. *purpureus*. Равным образом, интерпретация словосочетания *braune Nacht* лишь как относящейся к эпохе барокко калки с фр. *nuit brune* не учитывает исконной синкретической семантики др.-герм. **brūnaz* ‘коричневый, бурый’, ‘блестящий (с отливом)’, ‘синий, лиловый (с отливом)’, обусловившей для соответствующих заимствований (ит. *bruno*, фр. *brun*) возможность функционирования в качестве эпитета ночи, тьмы, тени: *ombra bruna*, *nuit brune*⁸.

Серый (седой)

Др.-верх.-нем. *grā(o)* (*grāwer*) > н.-верх.-нем. *grau* ‘серый (седой)’. Др.-сакс. *grāo*.

Др.-верх.-нем. *grā(o)* употребляется у Ноткера как субстантивированное прилагательное в контексте *einer truog wīzez unde ebenfarewez tero grāwi des feimes* ‘один был одет в (букв. носил) белое и одноцветное, серое, как пена (букв. серости пены)’ (Martianus Capella I, 43–47). В средневерхненемецких памятниках прилагательное употребляется в значении ‘одноцветный’ (в противоположность *bunt*). Ср.-верх.-нем. *grā* имеет также значение ‘седой’ — ср. *ein grā wīse man* ‘седой мудрый человек’ (Pz 127, 21); *ze dem der grāwe locke hāt* ‘к тому, чей волос сед’ (Pz 162, 30); *der grāwe man* ‘седой человек’ (Pz 447, 7).

Др.-верх.-нем. *grā(o)*, др.-сакс. *grāo* возводятся исследователями к о.-герм. **grēwa-* ‘серый’, тж. ‘желтый’, континуантами которого являются остгот. **grīws*, гот. **grēws* (лексемы восстанавливаются на основании ср.-греч. γριβας — заимствования из вост.-герм.), др.-исл. *grár*, др.-англ. *græg*, др.-фриз. *grē*, снл. *grā*. В качестве соответствий о.-герм. *grēwa-* указывают на лат. *rāvus* (< и.-е. **ghr-* — Kluge 1975, 268) или на ст.-слав. *жърети* ‘снять’, литов. *žerīū*, *žerėti* ‘снять’, др.-прусс. *saru* ‘жар’ с индоевропейской основой **ghrēi-/ghrēw-* (de Vries 1962, 185). Сочетание в семантике о.-герм. **grēwa-* значений ‘серый’ и ‘желтый’ позволяет видеть не только формально, но и семантически обусловленную связь индоевропейских основ **gher-/ghr(ēi)-* и **ghel-/ghl-* (ср. о.-герм. **gelw-/gul-* ‘желтый’).

⁸ Как отмечает Ф. Клуге, итал. *ombra bruna* встречается уже у Петрарки, франц. *nuit brune* впервые засвидетельствовано в литературе у Ронсара (Kluge 1975, 97). Уместно отметить, что словосочетание *brūn & niht* засвидетельствовано в древнеанглийской поэзии.

Мутный, неясный

Др.-верх.-нем. *truobe* > н.-верх.-нем. *trübe* 'мутный, пасмурный'.
Др.-сакс. *dröbi*.

Др.-верх.-нем. *truobe* засвидетельствовано у Ноткера и в Merigarto и имеет основное значение 'мутный': *in Idumea, chuit man, si ein aha... dri manot ist si truoba* 'в Идумее, говорят, есть река... три месяца она мутная' (*Braune/Ebbinghaus* 1979, 142). У Ноткера прилагательное выступает и в переносном значении 'омраченный' (*Schützeichel* 1969, 200); у Отфрида засвидетельствован глагол *truaben* (> н.-верх.-нем. (*be*)*trüben*) 'омрачать(ся)': ср. *druabta thes muates* 'возмутился (омрачился) духом' (Отфр. III 24, 57). Др.-верх.-нем. *truobe*, др.-сакс. *dröbi* сопоставляются с др.-англ. *dröf*, др.-фриз. *drêve*, снл. *dröve*, нид. *droef* 'мутный' и наряду с н.-верх.-нем. *Treber* 'осадок при выжимании винограда и пивоварении' возводятся к о.-герм. **treb-/ *tröb-* < и.-е. **dhröbh-*. Ср. рус. диал. *дроб, дробá* 'осадок, пивные дрожжи', рус. *дробить* и др. (*Kluge* 1975, 794).

Пестрый

Др.-верх.-нем. *fēh*. Др.-сакс. *fēh*. Ср.-верх.-нем., н.-верх.-нем. *bunt* 'пестрый'.

Др.-верх.-нем. *fēh* употребляется у Отфрида и в Monseer Fragmente (*Schützeichel* 1969, 49); выступает в переносном значении: ср. *fēhemo muate* 'в разном состоянии духа' (Отфр. II 19, 24). Др.-сакс. *fēh* засвидетельствовано в рассмотренном выше (см. 'Желтый') контексте *nādra thiū fēha* 'гадюка та пестрая' (Hel. 1878).

Др.-верх.-нем. *fēh*, *fēhjan*, *sehen* (слгл.) 'окрашивать, украшать', др.-сакс. *fēh* имеют параллели в виде гот. **fēhs* (реконструируется по основе, засвидетельствованной в *filu-faihs** к греч. πολυλοικίλος 'многоцветный, многообразный'), др.-англ. *fāh* 'пестрый'; ср. тж. др.-исл. *fáinn* и руническую надпись из Einang *faihido* 'окрашенное (написанное)', др.-англ. *fāgian* 'сиять, отличаться' и восходят к и.-е. **pey-k-* 'пестрый, пегий'. Данная основа отражена в др.-инд. *puru-pésas* 'многообразный'. Как отмечает В. Леман, лексема полностью соответствует гот. *filu-faihs** (греч. πολυλοικίλος), др.-инд. *pimsāti* 'украшать', *peśalás* 'изготовленный, украшенный', тох. А *peke* 'картина, рисунок', В *paik-* 'писать', авест. *paesō* 'форма, цвет', греч. λοικίλος 'пестрый', литов. *piešyti, piēsti* 'рисовать, писать', др.-прус. *peisāi* 'пишет', ст.-слав. *пѣсць, пѣсати*; параллельная основа — и.-е. **pey-g-*, ср. др.-инд. *piñjāras* 'рудо-желтый', *piñgalás, piñgas* 'красно-бурый', лат. *pingō* 'рисовать', *pictor* 'художник', ст.-слав. *пѣзь* 'пегий', *пѣзота* 'разнообразие' (*Pokorny* 1959, 794–795; *Lehmann* 1986, 116).

Др.-верх.-нем. *fēh* вытесняется ср.-верх.-нем., ср.-ниж.-нем. *bunt* (снл., нид. *bont*) 'пестрый'. Эта восточносредневерхненемецкая лексема усвоена языковой нормой благодаря лютеровскому переводу Библии (21 случай употребления *bunt*). Первоначально *bunt* имело значение 'черно-

белый в противоположность одноцветному (о мехах)', ср. определение семантики ср.-верх.-нем. *bunt schwarz und weiß gefleckt oder gestreift* (*Lexer* 1869–1876, Sp. 383). Цветообозначение восходит к ср.-лат. *punctus* 'пестрый, испещренный', которое, в свою очередь, традиционно возводится к лат. (*mūs*) *Ponticus* 'горностаи' при разных оценках степени достоверности этимологии (*Kluge* 1975, 111).

Источники

- Die Bibel. Nach der Übersetzung Martin Luthers. Deutsche Bibelgesellschaft. Stuttgart, 1999.
- Braune W., Ebbinghaus A.* Althochdeutsches Lesebuch. Zusammengestellt und mit Wörterbuch versehen von W. Braune. Fortgeführt von K. Helm. 16. Auflage. Bearbeitet von E. A. Ebbinghaus. Tübingen, 1979.
- Gutasaga: The History of the Gotlanders. Ed. by Ch. Peel. London, 1999.
- Heliand und Genesis. Hrsg. von O. Behaghel. 2. Auflage. Halle a. S., 1910.
- Das Nibelungenlied. Mittelhochdeutscher Text und Übertragung. Hrsg., übersetzt und mit einem Anhang versehen von H. Brackert. Bd I–II. Berlin, 1997.
- Der Nibelunge Not. Kudrun. Hrsg. von E. Sievers. Leipzig, 1955.
- Notker. Notkers des Deutschen Werke. Bd I. Hrsg. von E. H. Sehrт u. Th. Starck. Halle a. S., 1933.
- Otfrids Evangelienbuch. Mit Einl., erklär. Anm. u. ausführl. Glossar hrsg. von P. Piper. I. Teil. Einl. u. Text. II. Teil. Glossar u. Abriß der Grammatik. Freiburg i. B. u. Tübingen, 1884.
- Tatian.* Lateinisch und altdeutsch. Mit ausführl. Glossar. Hrsg. von E. Sievers. Paderborn, 1872.
- Wolfram von Eschenbach.* Parzival. Mittelhochdeutscher Text nach der 6. Aufgabe von K. Lachmann. Berlin; New York, 1998.

Литература и словари

- Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976.
- Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Сквайрс Е. Р.* Ареляльная база нижненемецкого языка Ганзы. М., 1997.
- Топорова Т. В.* Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.
- Buck C. D.* Dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1949.
- Dal I.* Germ. *brün* als Epitheton von Waffen. Oslo, 1937.
- Gamillscheg E.* Romania germanica. Sprach- und Siedlungsgeschichte der Germanen auf dem Boden des alten Römerreichs. Bd I–III. Berlin; Leipzig, 1934–1936.
- Graff E. G.* Althochdeutscher Spachschatz. Bd I–VI. Berlin, 1834–1846.
- Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; N. Y., 1975.

- Lehmann W. P.* A Gothic Etymological Dictionary. Based on the 3d ed. of Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache by S. Feist. Leiden, 1986.
- Lexer M.* Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. Bd I–III. Leipzig, 1869–1876.
- Notker-Wortschatz.* Bearb. u. hrsg. von E. H. Sehr u. W. K. Legner. Halle a. S., 1955.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I–II. Bern; München, 1959.
- Schönfeld M.* Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg, 1911.
- Schützeichel R.* Althochdeutsches Wörterbuch. Tübingen, 1969.
- Schwarz E.* Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956.
- Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Leiden, 1962.

Система цветообозначений в готском языке и восточногерманском ареале

I. Специфика материала

Специфика системы цветообозначений готского языка обусловлена целым рядом экстра- и внутрилингвистических факторов. Готский — единственный язык восточногерманской группы, получивший письменную фиксацию. Готский языковой материал известен в основном по переводным письменным памятникам IV–VI вв. (переводы текстов Нового и Ветхого Завета), создание и функционирование которых было неразрывно связано с богослужебной практикой готской арианской общины. Готский язык в своих основных памятниках не является простым отражением разговорных форм, доносит нетипичную информацию через несвойственные этому древнегерманскому языку способы вербализации и потому определяется как «библейскоготский» или «церковноготский» (Scardigli 1964; Трофимова 1993; Ганина 1997).

Основным принципом перевода Св. Писания на готский было строгое соблюдение греческо-готских корреляций (Friedrichsen 1926). Тем самым каждое готское цветообозначение выступает в качестве коррелята определенного греческого цветообозначения. Это обстоятельство позволяет расценивать описание системы цветообозначений готского языка как реконструкцию.

Кроме того, обзор основных цветообозначений в древнегерманских языках, восходящих к общегерманскому уровню (Buck 1949, 1050–1059), дает основание полагать, что ряд основных позиций готской системы цветообозначения не был охвачен письменной фиксацией ввиду отсутствия соответствующих позиций в лексике оригинала. В отдельных случаях готские цветообозначения остались неизвестными по причине утраты части текстов. Однако материал заимствований в греческий и романские языки позволяет осуществить надежную реконструкцию некоторых позиций и тем самым — заполнить лакуны, возникшие по экстралингвистическим причинам. Что же касается данных других восточногерманских языков (например, бургундского, известного по достаточно обширному материалу имен собственных), то здесь метод реконструкции по косвенным данным является единственным способом описания системы цветообозначений.

Рассматривая восточногерманскую систему цветообозначений как одну из ареальных древнегерманских, необходимо иметь в виду следующие универсалии древнегерманской системы цветообозначений:

- в соответствии с принципом синкретизма семантики древнего слова большинство слов для цветообозначения 'белый' восходят к обозначе-

- ниям понятия 'блестящий, сияющий' одной лексемой (ср.: *most of the words for 'white' come from the notion of 'bright'* — Buck 1949, 1054);
- совмещаются значения 'красный' и 'рыжий' (по-видимому, в связи с этим отсутствует лексема со значением 'оранжевый');
 - отсутствует автохтонная лексема для передачи значения 'розовый';
 - значения 'синий' и 'голубой' передаются одной лексемой, причем она иногда передает еще и значение 'темный', 'черный' — ср. др.-исл. *blár sem hel* 'темный, как Хель';
 - значения 'серый' и 'седой' передаются одной лексемой, восходящей к о.-герм. **grēwaz*.

II. Система цветообозначений в восточногерманском ареале

Белый — блестящий

Гот. *hweits**¹.

В готском переводе Евангелия засвидетельствовано цветообозначение *hweits** (прилаг. -а), выступающее в качестве эквивалента греч. λευκός 'белый' в контекстах Лк. 9, 29; Мр. 9,3 и Мф. 5, 36 (Преображение Господне): *jah gawaseins is hweita skeinandeī* букв. 'и одежда Его — белою, блистающею'; *jah wastjos is... hweitos swe snaiws* букв. 'и одежды Его... белые, как снег'; *ni magt ain tagl hweit... gataujan* 'не можешь ни одного волоса сделать белым'. Существовал также производный слабый глагол *ga-hweitan* (Мр. 9, 3 — к греч. λευκᾶναι 'выбелить').

Как продолжение гот. *hweits** рассматривается исследователями крым.-гот. *wichtgata* 'album' (единственное цветообозначение в крымско-готском словаре О. Г. де Бусбека, зафиксированное, по всей очевидности, ввиду значимости данного цветообозначения в сфере хозяйства). Фонетика крым.-гот. *wichtgata* (судя по флексии, сильного прилагательного ср. р.) трактуется по-разному. Р. Мух объяснял отклонение от классического готского влиянием находящегося рядом в списке Бусбека форм *atochta* и *mycha*, тогда как З. Файст и М. Стернс предполагали диалектную метатезу *hw > wh* или уникальный способ обозначения долготы гласного посредством -ch/-h- (версии и ссылки на соответствующие работы см. *Stearns* 1978, 163; *Lehmann* 1986, 200).

Гот. *hweits**, сопоставляемое с др.-исл. *hvítir*, др.-англ., др.-фриз., др.-сакс. *hwīt*, др.-верх.-нем. (*h*)*wīz*, др.-фриз. *hwīt(t)*, снл., снн. *wīt(t)* 'белый', а также 'сияющий, блестящий', возводится к и.-е. **kwey-* 'блестящий, сияющий, белый', осложненному формантом *-d-; ср. др.-инд. *śveta*, авест. *spaeta-*, 'белый', др.-инд. *śvās* 'завтра', ст.-слав. *свѣтъ* 'светлый', *свѣтиту* 'светить, сиять', литов. *šviesti* 'сиять', *šiesūs* 'яркий, блестящий' (*Lehmann* 1986, 200; *Buck* 1949, 1054; *Pokorny* 1959, 628–629).

¹ Здесь и далее звездочка (астериск) применяется следующим образом: *N — реконструкция лексемы; N* — реконструкция именительного падежа (у глаголов — инфинитива) по сохранившимся формам; **N — гипотетическая некорректная форма.

Белый, светлый

Гот., бург. **balis*.

Значение 'белый, светлый', коррелирующее с гот. *hweits*, в восточногерманском ареале имели гот. **balis*, бург. **balis*. Последнее восстанавливается на материале имен собственных *Bala*, *Balila* (*Gamillscheg* 1936, 105). Готское слово реконструируется на основании заимствований в греческий, латынь и другие языки и означает, как и *hweits**, 'белый, блестящий', однако выступает исключительно как обозначение масти лошади. *Báλαν* — обозначение (возможно, кличка) лошади Велизария по сообщению Прокопия Кесарийского: *τουτον Ἕλληνας μὲν φαλῖόν, βάρβαροι δὲ βάλαν καλοῦσι* 'греки называли его белым (светлым), варвары — *βάλαν* (вин. п. ед. ч.)' (*Bello Goth.* V(I) 18, 6), *ἵππον τὸν βάλαν* 'коня *βάλαν*' (*ibid.*, 7). «*Cornus hippiatricorum* *Grecorum*» также содержит обозначение этой масти: *ὁ βάλας* (ἵπλος. — *H. G.*) *καλὸς καὶ εὐτόνος* '*βάλας* — добрый (конь) и хорошей масти' (*Schwyzler* 1929, 93). Соответствующее заимствование из восточногерманского (по всей очевидности, готского) засвидетельствовано в латыни VI в., ср. *De equo badeo et balane* в заголовке эпиграммы Эннидия (*Ennod. Epigr.* CCCLV; *Schwyzler* 1929, 94–95). Примечательно, что германская основа, заимствованная в балканские языки, могла обозначать 'животное с (белым) пятном, звездочкой' — ср. албан. *bal* 'собака с белым пятном', *bal'os* 'со звездочкой (о лошадях и быках)', тж. греч. *μλάλιος* < вост.-ром. **balius* (*Gamillscheg* 1935, 250). Имеющийся материал не позволяет заключить, было ли значение 'с белым пятном, звездочкой' основным для вост.-герм. **balis* У В. Лемана **bala-* определяется как 'мерцающий, серый (gray)' (*Lehmann* 1986, 59), однако данное решение спорно, так как для обозначения серой лошади в восточногерманском существовала особая лексема, также заимствованная в греческий (см. ниже 'Серый').

Этимология лексемы позволяет выделить значение 'белый, белесый, светлый' в качестве исконного — ср. литов. *balti* 'белеть', латыш. *bals* 'бледный', греч. *φαλός* 'белый, светлый', др.-рус. *бѣль*, др.-инд. *bhālam* 'блеск' < и.-е. **bhel-* 'быть светлым, блестеть, сиять' (*Pokorny* 1959, 118–120). Следует предполагать линию развития семантики, аналогичную литов. *laukas*, *lāukas* 'с белым пятном, звездочкой (о лошадях)' < и.-е. **leuk-* 'светить, сиять' (*Pokorny* 1959, 687–690; *Lehmann* 1986, 236). Важно, что в германском ареале (ср. тж. франк. *balī*) данная основа служит исключительно для обозначения масти домашних животных, а не для передачи значения «белый» применительно к одежде и т. п. (гипотетическое готское ***wasti balja* вместо **wasti hweita* 'белая одежда' так же некорректно, как, например, рус. ***вороная одежда*).

Светлый — половой

Гот. **falws*; бург. **falus* (**falws*).

Гот. **falws*, бург. **falus* (**falws*) восстанавливаются на основании заимствования германской лексемы в греческий и романские языки. Греч.

φάλβας засвидетельствовано как обозначение масти лошади в «*Cognus hippiatricorum Graecorum*» ὁ φάλβας πολλάκις καλός ἐστὶν τῶν ἑκατὼν εἰς ἄν εὐρεθεῖη 'тот (конь масти) φάλβας часто хорош, хотя из сотни один находится'; ср. тж. ἵπλος φάλβας о коне императора Ираклия в его персидском походе (Хронография Феофана — *Schwyzler* 1929, 96). Однако по этим данным семантический объем восточногерманской основы не определяется. Предполагается, что семантика греч. φάλβας эквивалентна семантике вост.-герм. **falws*, однако какой цвет был закреплен за этой основой в восточногерманском? Оправданно привлекаемые в качестве параллелей др.-англ. *fealu* 'белесый, светло-желтый, желтоватый, серый, темный', др.-верх.-нем. *falw(e)* к лат. *pallidus* 'бледный' в глоссах (*Voc. Scti Galli*) не позволяют прийти к окончательному заключению. Какой же должна быть лошадь масти **falws* (о.-герм. **falwaz*) — половой (светло-желтой), серой, темной или бледной (в последнем случае неясно, следует ли иметь в виду бледность как бесцветность или как приглушенность цвета)?

Семантика заимствований, на основании которых реконструируется бург. **falus* (**falws*) позволяет выделить в качестве основного значение 'светлый, белесый, белокурый'. Так, ром. *falvus* и *fālou* (Doubs) имеют значение 'светловолосый', 'белокурый с рыжеватым оттенком' (*Gamillscheg* 1936, 55); ср. ср.-верх.-нем. *valevahse* 'светловолосые', хотя сав. *fale* означает не только 'белый', но и 'серый, гнедой (коричнево-рыжий)' — о масти лошадей.

Индоевропейские соответствия о.-герм. **falwaz* — лат. *pallidus* 'бледный', литов. *paivas*, ср.-ирл. *liath*, кимр. *llwd* 'серый', греч. *πολύς* 'серый', *τελός*, *τελλός* 'темный', др.-инд. *pālitāh* 'серый', *pāṇḍuh* 'желтоватый' (*Kluge* 1975, 180–181) свидетельствуют о синкретической семантике < и.-е. **pol-/pel-* (ср. тж. рус. *пепел*), однако в ближайшей перспективе необходимо учитывать этимологическую корреляцию о.-герм. **falwaz* и др.-рус. *половь* 'светло-желтый', рус. *полова* 'мякина' и особ. этноним *половцы*, передававшийся в средневерхненемецком посредством кальки — этимологического соответствия *valve* < др.-верх.-нем. *falwe* (*Назаренко* 2001, 19), тем самым определяя значение 'светло-желтый, половый' как ядро семантического комплекса о.-герм. **falwaz* и предполагая, что значения типа '(светло)-серый', 'коричнево-рыжий' объединяет в данном случае представление о характерном (светлом, золотистом) отливке, которым лошадь масти **falws*, определяемая в «*Cognus hippiatricorum*» как редкая, отличается от любой «серой» или «темной».

Светлый, яркий, ясный

Гот. *bairhts*, *skeirs*; бург. **berhts*, **leuhts*.

В восточногерманском ареале существовал ряд прилагательных, передававших понятие яркости, ясности, световой насыщенности. Так, гот. *bairhts* (прилаг. -а), выступающее в переводе Св. Писания в качестве эквивалента греч. *δῆλος* 'яркий, явный' (Ин. 9, 3; ср. тж. *bairhtaba* к греч.

λαττρῶς 'явно, открыто' (Лк. 16, 19), *bairhtjan** (Ин. 7, 4), *gabairhtjan* (Мр. 4, 22) к *foсverobv* 'являть, открывать'), восходит к о.-герм. **berhtaz* 'яркий', континуанты которого представлены во всех ареалах: ср. др.-исл. *bjartr*, др.-англ. *beorht*, др.-сакс. *berht*, *beraht*, др.-верх.-нем. *beraht* 'яркий'.

Основа *berht-* выступает как первый и второй компонент древнегерманских двучленных имен собственных (Топова 1996, 68–69). Именно многочисленные имена собственные с компонентом **berht-* дают основания для реконструкции бург. **berhts*: ср. бург. **Berhta-harjis*, **Berhta-laus*, **Berhto-rida*, **Riko-berhta* (уменьшительное одночленное **Berhta* ж. р. < **Berhto* распространено во всех ареалах), **Agilberhts*, **Aliberhts* и др. (Э. Гамильшег перечисляет шесть бургундских имен собственных с первым компонентом **berht-*, 26 имен с соответствующим вторым компонентом — *Gamillscheg* 1936, 107; 161). О.-герм. **berhtaz* восходит к осложненному формантом и.-е. **bher-* 'быть ярким, сиять', причем наиболее близкие соотвествия общегерманской форме представлены в кельтских языках: ср. др.-ирл. *Flaith-bertach*, др.-брет. *Berth-walart* (с указанием на потерю велярного в кельтских формах между *г* и *t* — *Lehmann* 1986, 58; ср. тж. *Pokorny* 1959, 155–160). И.-е. основа **bher-* интерпретируется исследователями как параллельная и.-е. **bhel-* 'быть светлым, блестеть, сиять' (*Lehmann* 1986, 58); можно видеть, что в восточногерманском ареале представлены континуанты обеих основ, не являющиеся синонимами и имеющие разные сферы применения. (см. выше, гот. **balis*, бург. **balis*),

Значение 'ясный' передается готским *skeirs* (прилаг. -а или i-/ja) (Sk 4, 12) — ср. тж. гот. *gaskairjan** от греч. ἐρμηνεύειν 'толковать, объяснять' (Мр. 5, 41) и *skeireins* (ж. р. i/o) от греч. ἐρμηνεία 'толкование, объяснение' (1 Кор. 12, 10). Однако если имеющиеся готские данные являются примерами употребления этой лексемы в переносном значении, то вост.-герм. этноним (латинизир.) *Sciri* и др.-исл. *skirr*, др.-англ. *scir*, др.-фриз. *skīre*, др.-сакс. *skīr*, *skīri*, др.-верх.-нем. *schīr* 'ясный, чистый' < о.-герм. **skiriz* сообщают необходимые данные об исконном семантическом объеме основы. Примечательно, что соответствующие и.-е. основы — **skāy-*, **skōy-/ *ski-* имели значение 'мерцать, затенять' — ср. др.-инд. *chāyā* 'тень', авест. *a-saya* 'защита', греч. σκία 'тень', σκίρον 'зонтик', ст.-слав. *сънь* 'тень' (*Pokorny* 1959, 917–918; *Lehmann* 1986, 311), тогда как континуанты этих основ в германском ареале имеют значение 'ясный, сияющий' (в переносном значении — 'видный, явный, настоящий' — ср. др.-исл. *skiborinn* 'von echtem Geburt' — *Schwarz* 1956, 51).

Как 'ясный, светлый' интерпретируется также бург. **leuhts* (ср. др.-англ. *lēoht*, др.-фриз. *liācht*, др.-сакс., др.-верх.-нем. *liohht* 'светлый, ясный, прекрасный'), восстанавливаемое в виде компонента бургундских имен собственных **Leuhta-harjis*, **Leuhta-walds*, **Leuhta-wulfs* и топонима **Leuhtingos* (*Gamillscheg* 1936, 137). Соответствующее прилагательное отсутствует в готском переводе Св. Писания, однако засвидетельствованы такие глаголы, как *liuhtjan** (слг. I), греч. λαμπτείν, φαίνεин 'светить, освещать' (Мф. 5, 15), *galiuhtjan*, греч. φωτίζεин (1 Кор. 4, 5) 'освещать',

inliuhþjan, греч. φωτίσαι 'открыть, пролить свет, сделать ясным' (Еф. 3, 9), представляющие собою производные не от существительного *liuhaf* (ср. р. -а) 'свет', но от прилагательного **liuhts* — ср. *gahweittjan* < *hweits**. Тем не менее, готский переводчик использует для передачи греч. φωτεινός 'светлый' (Мф. 6, 22: ὅλον τὸ σῶμα σου φωτεινὸν ἔσται 'всё тело твоё будет светло') слово *liuhadeins**, засвидетельствованное только в этом контексте и выглядящее как окказиональное новообразование от *liuhaf* 'свет' (калька с греч. φωτεινός < φῶς 'свет'), ср., например, гот. *ahmateins* < *ahma* 'дух' при аналогичном греческом фоне (*Lehmann* 1986, 11).

О.-герм. **leuhtaz* и **leuh-s* (ср. др.-исл. *ljós* 'свет' и др. — *Lehmann* 1986, 236) имеют параллели в виде греч. λευκός 'белый' (исконно 'светлый, яркий'), др.-инд. *ruc-* 'светить, сиять', лат. *lūx* 'свет', *lūna* (< и.-е. **lowk-s-nā*, как и ст.-слав. *луна*), *L(o)ucetius* (эпитет Юпитера), галл. *Leucetios*, *Loucetius* (эпитет Марса), литов. *laukas*, *láuukas* 'с белым пятном, звездочкой (о лошадях)', ст.-слав. *луча*, *лучь* и др. < и.-е. **leuk-* 'светить, сиять' (*Buck* 1949, 1054; *Pokorny* 1959, 687–690; *Lehmann* 1986, 236).

Черный, темный

Гот. *swarts*.

Гот. *swarts* (прилаг.-а) выступает как эквивалент греч. μελάς 'черный' в контексте Мф. 5, 36: *ni magt ain tagl hweitt aiþþau swart gataujan* 'не можешь ни одного волоса сделать белым или черным' (вин. п. ср. р., единственный случай употребления). В латинизированной передаче известно также герульское имя собственное *Svartva*, интерпретируемое исследователями как сокращение (или, возможно, искажение) двучленного имени **Swarta-wulfs* — ср. др.-верх.-нем. *Swarz-olf* 'черный волк' (*Топопова* 1996, 32). Гот. *swarts* имеет соответствия в виде др.-исл. *svartr*, др.-англ. *sweart*, др.-фриз., др.-сакс. *swart*, др.-верх.-нем. *swarz* 'черный' (нулевая ступень аблаута в др.-исл. *sorta* ж. р. 'черная краска', *sorti* м. р. 'тьма, густая мгла', *sortna* слав. гл. 'чернеть'). О.-герм. **swartaz* 'черный' возводится к и.-е. **swordo-s* 'черный, грязный' — ср. лат. *sordēs* 'грязь', *sordidus* 'грязный', *sordeō* 'быть грязным' (*Pokorny* 1959, 1052; *Lehmann* 1986, 333). Вообще замечено, что в качестве обозначений черного цвета нередко выступают слова с исконной семантикой 'грязный', 'дымный' ('закопченный?'): ср. греч. μελάς 'черный' при латыш. *melns* 'черный, грязный', др.-инд. *mala-* 'грязь', *malina-* 'грязный' (*Buck* 1949, 1055). Основа **swart-* засвидетельствована также в гот. *swartzizl** к греч. το μέλον (< μελάς) 'чернила' (2 Кор. 3, 3). Как отметил В. Леман, *swartzizl** — производное от слабого глагола I класса **swartjan* 'чернить' с суффиксом, восходящем к и.-е. *-slo- или *-es- (*Lehmann* 1986, 333).

Прилагательного со значением 'темный' ('темный вообще' или 'темный' в противоположность 'светлому', 'непроглядный') в готских памятниках не засвидетельствовано. Примечательно, что соответствующие обозначения в других древнегерманских языках восходят не к единой общегерманской лексеме, но к различным ареальным прототипам (*Buck* 1949, 1052–1053).

Темный, черно-бурый, смуглый

Бург. **erps*.

Рассматривая бургундские языковые реликты, Э. Гамильшег с достаточной степенью надежности реконструирует по известному в латинской передаче ономастическому материалу имя собственное **Erpa* (уменьшит. **Erpila*), отмечаая такие известные параллели, как *Arpus* у Тацита и *Erpr* в «Старшей Эдде» (*Gamillscheg* 1936, 114). Приводимое в «Getica» имя *Eterpatara* (*Get.* 43, определенное К. Мюллэнгофом в моммсеневском «Index personarum» как *nomen obscurissimum*, трактуется М. Шёнфельдом и как (*et*) *Erpatara*, где первый компонент восходит к о.-герм. **erpa*- 'темный' (+ *-mara* < о.-герм. **mēriz* 'славный, знаменитый' с не восточногерманским переходом *ē*₁ > *ā*? — *Schönfeld* 1911, 81; ср. тж. *Топорова* 1996, 26). Вост.-герм. **erps* имеет соответствия в виде др.-исл. *jarpr* (причем имя собственное Ергр оказывается этимологическим дублетом), др.-англ. *earp*, *eorþ*, др.-верх.-нем. *erpf* 'темный, черно-бурый, смуглый'. Др.-исл. *jarpr* и др. традиционно толкуется как 'темный, темно-коричневый' (ср. *de Vries* 1962, 291). Примечательна древневерхненемецкая глосса (*Voc. Scti Galli*), где *erpf* привлекается для объяснения лат. *fuscus* 'черноватый, темный, черно-бурый, смуглый'. Судя по всему, основным в семантике вост.-герм. **erps* < о.-герм. **erpa* было значение 'темный' (ср. представление об особо отмеченном своей смуглостью Эрпе в *Hamðismál*), тем самым 'черно-бурый, темно-коричневый' рассматривался как один из видов 'темного', но не как один из видов 'бурого, коричневого'.

О.-герм. **erþ*- сближается с греч. ὀρφνός 'темно-коричневый (темно-бурый), темный', ст.-слав. *рѣбъ*, *ѣрѣбъ* 'рябой', др.-верх.-нем. *rebahoun* 'рябчик', рус. *рябчик* и возводится к и.-е. **erbh-/erebh-* 'пестрый, рябой' (*de Vries* 1962, 291). В древнегерманских языках семантический переход от значения 'пестрый, рябой' к значению 'темный' уже совершился. Примечательны, однако, что черты 'темного' Эрпа (сына Гудрун и Атли в *Atlakviða* и, соответственно, сына Гудрун и Йонакра в *Hamðismál*) представляют собою именно реликты идеи 'пестроты': он отпрыск от союза с «чужим» и его смуглость традиционно интерпретируется как указание на иноплеменное — гуннское происхождение².

Красный

Гот. *raups**, бург. **raud*.

Гот. *raups** 'красный' засвидетельствовано в контексте трактата *Skeireins*: *wullai raudai* 'волной (шерстью) красной' (*Sk* 3, 16). Бург. **rauds* 'красный' реконструируется Э. Гамильшегом в качестве первого компонента таких имен собственных, как **Raudings*, **Silirauds* (ср.: *Gamillscheg* 1936, 143, 148, 167); форма восстановлена в виде **rauds* (без обсуждения возмож-

² «Чужие» часто связывались с темными, таинственными силами. Тот же Эрп в одном из эпизодов на просьбу братьев о помощи дает ответ, кажущийся бессмысленным, а на деле оказывающийся пророческим.

ностей отвердения исконного звонкого спиранта). При этом исследователь справедливо замечает, что в латинской передаче *raud-* может отражать и основу **hrōþ-* 'слава' (Gamillscheg 1936, 143). Однако, коль скоро восточногерманское *raud̥s* представлено в готском, сомневаться в результатах этой реконструкции нет оснований, хотя степень распространенности основы **rauda-* в бургундских именах собственных может определяться по-разному. Восточногерманская лексема, как и все древнегерманские обозначения 'красного', а также 'рыжего' (ср. др.-исл. *rauðr*, др.-англ. *rēād*, др.-фриз. *rād*, др.-сакс. *rōd*, др.-верх.-нем. *rōt*) продолжает о.-герм. **raudaz* 'красный', 'рыжий' < и.-е. **rowdho-*. Приводя многочисленные параллели — континуанты и.-е. **rowdho-* — лат. диал. *rūfus*, *rōbus*, умбр. (вин. п. мн. ч.) *rofi*, др.-ирл. *ruad*, валл. *rhudd*, галл. *nom. propr. Roudus*, литов. *raudas*, ст.-слав. *рудъ* — все в значении 'красный, рыжий'. В. Леман подчеркивает, что 'красный' является единственным цветообозначением, засвидетельствованным почти во всех индоевропейских языках. По указанию исследователя, и.-е. **rowdho-*, отраженное в германском, кельтском и балтийском ареалах, представляет собою более позднее образование в сравнении с общеиндоевропейской основой **rudhro-*, континуантами которой являются др.-инд. *rudhirás*, греч. *έρυθρός* 'красный', *έρυθω* 'краснить', лат. *ruber*, умбр. (вин. п. мн. ч.) *rufri*, ст.-слав. *ръбрь*, тох. А *riārye*, *rātram*, В *rātre* 'красный' (Lehmann 1986, 283).

Желтый

Обозначение желтого как строго определенного цвета в готском и других восточногерманских языках не представлено. Решающую роль здесь сыграло отсутствие в текстах, переведившихся на готский, греческого *ξανθός* 'желтый'. Кроме того, данное цветообозначение не выступает в качестве компонента древнегерманских двучленных имен существительных, что исключает возможность привлечения косвенных данных. Однако это не означает, что восточные германцы не использовали понятие 'желтый' при передаче цвета ткани и т. п. На основании данных других древнегерманских языков можно предположить, что соответствующая восточногерманская исконная лексема являлась продолжением и.-е. **ghel-/ghl-* 'зеленый', 'желтый' > о.-герм. **gelu-/gula-* 'желтый' и выглядела как **gilus* (**gilws*?) или **guls* — ср. др.-исл. *gulr*, др.-англ. *geolo*, др.-верх.-нем. *gelo* 'желтый' (Buck 1949, 1059).

Зеленый

Бург. **grōnis*.

Готский контекст перевода Евангелия от Марка (Мр. 6, 39 — «на зеленой траве»), где было употреблено готское слово — эквивалент греч. *χλωρός* — утрачен ввиду лакуны в рукописях. Вост.-герм. **grōnis* реконструируется в качестве компонента бургундского имени собственного **Rimi-grōnis*, причем, по-видимому, в данном применении основа имеет

семантику 'свежий' — ср. др.-верх.-нем. *gruoni* 'зеленый, свежий' (*Gamillscheg* 1936, 144). Представляется, однако, что принцип синкретизма семантики древнего слова не позволяет вычленять отдельное значение 'свежий' и расценивать его как переносное.

Реконструируемое вост.-герм. (гот., бург.) **grōnis* имеет соответствия в виде др.-исл. *grópn*, др.-англ. *grēne*, др.-верх.-нем. *gruoni* 'зеленый, свежий' и, как все они, восходит к о.-герм. **grōniz*, принадлежащем к тому же этимологическому гнезду, что о.-герм. **grasan-* 'трава', **grōan(an)* 'расти', 'зеленеть' (*Lehmann* 1986, 159). Из внегерманских параллелей как наиболее надежная расценивается лат. *grāmen* 'трава' < **ghra-s-men* (*Buck* 1949, 1059; *Lehmann* 1986, 159–160). В качестве индоевропейского источника В. Леман предполагает основу **gher-* 'выдаваться, выступать' с нулевой огласовкой и ларингальным расширителем (*Lehmann* 1986, 160). *Figura etymologica*, образуемая континуантами о.-герм. **grasan-*, **grōniz*, засвидетельствована в языке древнегерманского эпоса разных ареалов. К сожалению, соответствующая готская *figura etymologica* не сохранилась по указанной выше причине.

Синий

Восточногерманская система цветообозначений последовательно воспроизводит общегерманские образцы. Есть основания полагать, что не заполненная в данном обзоре позиция 'синий' (возможно, также 'сизый', 'темный') обслуживалась лексемой, реконструируемой нами вслед за Ф. Клуге (*Kluge* 1975, 82) как **blēws* (ср. др.-исл. *blár*, др.-англ. *blawen* (и *blaw* в глоссе *blata, pigmentum*), др.-верх.-нем. *blāo* < и.-е. **bhel-* 'белый, светлый').

Серый

Ост.-гот. **grīws* < гот. **grēws*.

Данное цветообозначение не засвидетельствовано в готских текстах и не реконструируется по данным восточногерманской ономастики. Однако в византийских памятниках засвидетельствовано прилагательное γρίβας, представляющее собою обозначение масти лошади и не являющееся исконной греческой лексемой. Это слово возводится исследователями к о.-герм. **grēwa-* 'серый', тж. 'желтый' (*Kluge* 19, 268), континуантами которого являются др.-исл. *grár*, др.-англ. *græg*, др.-фриз. *grē*, др.-верх.-нем. *grāo* (мн. ч. *grāwer*), ср.-верх.-нем., снл. *grā*. Таким образом, ср.-греч γρίβας дает основания для реконструкции соответствующей восточногерманской лексемы — ост.-гот. **grīws*, диалектного варианта гот. **grēws* (о характерном для остготского переходе $\bar{e}_1 > \bar{i}$ см. *Wrede* 1891; *Schwyzler* 1929, *Гухман* 1958). В качестве соответствий о.-герм. **grēwa-* Ф. Клуге (*Kluge* 1975, 268) указывает на лат. *rāvis* < и.-е. **ghr-*, а Я. де Фрис — на ст.-слав. *жърети* 'сиять', литов. *žeriti*, *žerėti* 'сиять', др.-прусс. *saru* 'жар'; индоевропейская основа восстанавливается исследователем в виде **ghrēi-/ghrēw-* (*de Vries* 1962, 185). Сочетание в семантике о.-герм. **grēwa-* значений 'серый' и 'желтый' позволяет

видеть не только формально, но и семантически обусловленную связь индо-европейских основ *gher-/ *ghr(ēi)- и *ghel-/ *ghl- (ср. о.-герм. *gelw-/ *gul- 'желтый') — ср. соотношение и.-е. *bher- и *bhel- и их германских континуант (см. выше — 'Белый, светлый').

Мутный, неясный

Соответствующих лексем в восточногерманском ареале не засвидетельствовано.

Пестрый

Гот. *fēhs 'пестрый, многоцветный' реконструируется по основе *filu-faihs** (сущ. ж. р. -а), засвидетельствованной только в им. п. ед. ч. -но в контексте перевода Еф. 3, 10 (Cod. A = *manag-falþo* 'многообразие' Cod. B) и передающем греч. πολυποικίλος 'многоцветный, многообразный'. Греческое слово употреблено в указанном контексте Послания к Ефессянам в переносном значении (эпитет греч. σοφία 'премудрость'; слав., рус. *много-различная премудрость Божия*), что обусловило употребление готского слова в соответствующем значении. Гот. *fēhs* имеет параллели в виде др.-англ. *fāh*, др.-сакс. *fēh*, др.-верх.-нем. *fēh* 'пестрый'; ср. тж. др.-исл. *fáinn* и руническую надпись из Einang *faihido* 'окрашенное (написанное)', др.-англ. *fāgian* 'сиять, отличаться', др.-верх.-нем. *fēhjan, fehen* (слгл.) 'окрашивать, украшать' и восходит к и.-е. *peu-k-* 'пестрый, пегий'. Данная основа отражена в др.-инд. *puru-pésas* 'многообразный' (как отмечает В. Леман, лексема полностью соответствует гот. *filu-faihs**; ср. тж. греч. πολυποικίλος), *pimśáti* 'украшать', *peśalás* 'изготовленный, украшенный', тох. А *peke* 'картина, рисунок', В *paik-* 'писать', авест. *paesō* 'форма, цвет', греч. πολίκλος 'пестрый', литов. *piešiù, piěšti* 'рисовать, писать', др.-прусс. *peisāi* 'пишет', ст.-слав. *пѣстръ, пѣсати*; параллельная основа — и.-е. **peu-g-*, ср. др.-инд. *piñjāras* 'рудо-желтый', *piñgalas, piñgas* 'красно-бурый', лат. *pingō* 'рисовать', *pictor* 'художник', ст.-слав. *пѣзь* 'пегий', *пѣгота* 'разнообразие' (Pokorny 1959, 794–795; Lehmann 1986, 116).

Источники

Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Пер., вступ. ст., коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960 (репр.: СПб., 1997).

Die gotische Bibel. Hrsg. von W. Streitberg. Heidelberg, 1919, 1928. Bd. I–II.

Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von G. Neckel. Heidelberg, 1927. Bd. I. Texte. Bd. II. Glossar.

Литература и словари

Ганина Н. А. Этимологический и семасиологический анализ готской языческой лексики: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.

- Гухман М. М.* Готский язык. М., 1958 (репр.: М., 1994).
- Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001.
- Топорова Т. В.* Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.
- Трофимова Ю. М.* Лексико-семантическая система готского языка. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1993.
- Buck C. D.* Dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago; Illinois, 1949.
- Feist S.* Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Leiden, 1939.
- Friedrichsen G. W. S.* The Gothic version of the Gospels. A study in style and textual history. London, 1926.
- Gamillscheg E.* Romania germanica. Sprach- und Siedlungsgeschichte der Germanen auf dem Boden des alten Römerreichs. Bd I–III. Berlin; Leipzig, 1934–1936.
- Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin; N. Y., 1975.
- Köbler G.* Gotisches Wörterbuch. Leiden, 1989.
- Lehmann W. P.* A Gothic Etymological Dictionary. Based on the 3d ed. of Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache by Sigmund Feist. Leiden, 1986.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern; München, 1959.
- Scardigli P.* Lingua e storia dei Goti. Firenze, 1964.
- Schönfeld M.* Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg, 1911.
- Schwarz E.* Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956.
- Schwyzer E.* Germanisches und ungedeutetes in byzantinischen Pferdenamen // Zeitschrift für deutsches Altertum. Bd. 66. 1929. S. 93–100.
- Stearns M. Jr.* Crimean Gothic: Analysis and Etymology of the Corpus. Stanford, 1978.
- Vries J. de.* Altnordisches etymologisches Wörterbuch, 2. Aufl. Leiden, 1962.
- Wrede F.* Über die Sprache der Ostgoten in Italien. Strassburg, 1891.

Система цветообозначений в древнеанглийском языке

Специфика древнеанглийских цветообозначений определяется, в первую очередь, особенностями текстов, из которых они известны. Древнеанглийские тексты записывались с VII по XI в. и включают в себя как прозу, так и поэзию. Самым древним из известных нам жанров был героический эпос *Беовульф*, зародившийся в устной традиции, но какое-то время существовавший и в письменной форме. Долгое время этот жанр был единственной — и весьма авторитетной — формой хранения знаний о прошлом, поэтому возникающие новые поэтические, а позже и прозаические жанры в той или иной мере подверглись его влиянию. Особенности словоупотребления (в том числе и цветообозначений), богатая синонимика, словообразовательные модели, даже некоторые устойчивые коллокации и аллитерационные ряды — все это переходило в новые жанры английской литературы, которые возникали под влиянием христианства и по мере знакомства с латинской традицией. В IX в. при дворе короля Альфреда зарождается древнеанглийская проза, первоначально как переводная литература. В это время были переведены *Диалоги* Григория Великого, *Бозций*, *Церковная История* Бэды, *Всемирная История* Оросия, появились первые записи Англосаксонской летописи. Однако своих высот древнеанглийская проза достигает на рубеже X–XI вв., в период Бенедиктинского Возрождения, когда создаются памятники житийной литературы, проповеди, трактаты на английском языке, а также возникают новые переводы латинских текстов. Наконец, на протяжении всего древнеанглийского периода создавались англо-латинские глоссы, используемые прежде всего при обучении латыни, и некоторые древнеанглийские цветообозначения известны только из них.

Последовательность представления материала в данной статье отражает значимость того или иного цветообозначения для англосаксонской культуры: главную ценность имели те, которые обладали значением света, блеска, яркости и темноты, тусклости, мутности, и образовывали в языке группы синонимов. Блеск, яркость, свет сопутствуют героическому миру, а в религиозной прозе и поэзии, — всему, что исходит от Бога, тогда как темнота, тусклый свет — это атрибуты хаоса. Вследствие этого сначала рассматриваются обозначения с семантикой 'белый, светлый', 'черный, темный', а затем — все остальные цветообозначения.

'Белый, светлый'

Др.-англ. *hwīt*, соответствующее гот. *hweits*, др.-сакс. *hwitr*, др.-фриз., др.-сакс. *hwīt*, др.-верх.-нем. *(h)wiz* 'белый', возводится к и.-е. **kueid-* (**kuei-* с формантом *-d-*) 'светить; светлый, белый'. От этого же корня происходит

др.-инд. *svindatē* 'блестит'; с другими расширителями: литов. *sviesà* 'свет', др.-инд. *svētya-* 'белый, светлый', *svētā-* 'белый', *svity-anc* 'блестящий', литов. *sviesciù, sviesci* 'светить', *svitiù, sviteti* 'сверкать, мерцать', ст.-слав. *свѣтити, свѣт*, латыш. *kvitu, kvitet* 'сверкать, мерцать' (IEW 628–629; Buck 1054). Др.-англ. *hwīt*, засвидетельствованное в памятниках разного содержания, жанровой отнесенности и времени создания, было единственным и универсальным обозначением белого цвета в древнеанглийском. Это прилагательное могло использоваться в сочетаниях *done hwītan hlāf* 'белый хлеб', *æges hwīt æges hwīt* (acc. sg.) 'яичный белок', *snāw-hwīt* 'белоснежный', *hals is mīn hwīt* 'шея моя бела', *þā hwītan honda* 'белые руки', *earn æflan hwīt* 'орел белохвостый'. Ср. также контекст из древнеанглийского перевода Евангелия (Мф. 5, 36): *Dū ne miht ænne locc gedōn hwītne oððe blacne* 'не можешь ни одного волоса сделать белым или черным'.

В поэтическом употреблении др.-англ. *hwīt* присущ синкретизм семантики: здесь невозможно вычленить собственно цветное значение из сопутствующего ему значения блеска и яркости: *hwīt* встречается как эпитет драгоценных камней — *gimmas hwīte*, серебра — *hwītan seolfre*, доспехов — *se hwīta helm* 'и сияющий шлем' (чело зашицал) — единственный случай употребления *hwīt* в *Беовульфе* — Вео 1448). В поэзии на христианские сюжеты слово сопутствует всему, что приближено к Богу или исходит от Него, ср.: *leoht hwīt* 'белый свет' (принесенный от Господа с небес), *engel hwīt* 'белый ангел' (Сатана до падения).

Др.-англ. *beorht* 'яркий, светлый, сверкающий' (ср. гот. *bairhts*, др.-верх.-нем. *berahht*, др.-сакс. *bjartr* из о.-герм. **berhtaz*; совр. англ. *bright*) происходит от и.-е. **bher-* 'блестеть, белый', и далее родственно др.-инд. *bhrājatē-* 'сиять', кимр. *berth* 'сверкающий, красивый' (IEW 139, Onions 118, OED). В своем прямом значении др.-англ. *beorht* использовалось как эпитет солнца — *dēos beorhte sunne*, огня — *beorhtra* (огонь) 'ярче' (чем солнце) и доспехов — *beorhte frætwæ*. Сюда же можно отнести случаи, в которых *beorht* выступает как эпитет Хеорота (*bēahsele beorhta*): поскольку в *Беовульфе* говорится, что свет, исходящий от дворца, освещает окрестные земли. Вместе с тем, др.-англ. *beorht* широко использовалось в религиозной поэзии и прозе, где оно характеризовало Бога (*beorht cyning; beorht fæder*) и все, что связано с Ним и исходит от Него: царство Божие, небеса, праведные души, ангелов, землю и воду (в описаниях сотворения мира), распятие и т. д.

Др.-англ. *glæd* 'яркий, радостный' соответствует др.-сакс. *glad* (в *gladmōd*) и др.-сакс. *gladr* и возводится к и.-е. **ghlād̥h-*, *ghlād̥h-* 'гладкий', далее родственно лат. *glaber* 'гладкий', (ср. рус. *гладить, гладкий*). В германских языках исконное значение сохраняет др.-верх.-нем. *glat* 'гладкий, блестящий' (IEW 431–32, OED, Onions 399). У прилагательного *glæd* (совр. англ. *glad*) в древнеанглийский период зафиксировано несколько случаев употребления со значением 'яркий, сверкающий', например: *glæd mid golde* 'сверкающий золотом'; *glæd seolfor* 'сверкающее серебро'; *glædum gimme* (к свече Господа) 'сверкающему сокровищу' (солнцу). Как правило, в таком употреблении др.-англ. *glæd* помимо значения блеска присуще еще и оценочное

значение: *ōðer biþ golde glædra ððer biþ grundum sweartra* 'один ярче золота, другой черней преисподней'. Но уже в др.-англ. период *glæd* имело значение «радостный, веселый»: *he wearþ glæd on his ansyne* 'его лицо светилось от радости', *wīnes glæd* 'от вина веселый'; а также «добрый», ср. *bēo wið Gēatas glæd* 'будь добр (*glæd*) к гаутам, не скупись на дары'.

Др.-англ. *scīr* 'прозрачный, ясный, чистый, блестящий' (англ. диал. *shire*), соответствующее гот. *skeirs* 'ясный', др.-сакс. *skīrr* восходит к и.-е. **skai-*, **skai-*, **ski-* 'слабо светить, мерцать; затемнять', ср.: др.-инд. *chāyā* 'мерцание, тень', греч. *σκιά* 'тень', *σκίρον* 'зонтик (от солнца)', рус. *сиять*, *сень*. Значение 'тень' прослеживается у др.-англ. *scīma*, но большинство германских производных этой основы развивают значение 'сиять' — гот. *skeinan*, др.-сакс. *skīna*, др.-верх.-нем., др.-англ. *scīnan*, ср. также др.-англ. *scīma* 'свет, блеск' (IEW 917–918). В значении 'ясный' др.-англ. *scīr* могло выступать как эпитет дня (*flēogan þurh scīrne dæg* 'лететь ясным днем') и ночи (*þurh ðā scīran neaht* 'ясной ночью'), а в значении «чистый, прозрачный» — как эпитет воды (*ðā scīran wæter*) и вина (*scīr wīn*). Применительно к оружию, доспехам (и вообще металлу) др.-англ. *scīr* имело значение блеска: *scīran goldes* 'из яркого золота'; *hring-īren scīr* 'кольчуга блестящая'; *scīre helmas* 'блестящие шлемы'. Помимо этого, данное прилагательное использовалось в функции величального эпитета Бога: *Scīr Metod* букв. 'Светлый Правитель', *Scīr cuning* 'Светлый Конунг' (о Христе), *Done scīran Scippend* 'Ясного Творца'.

Др.-англ. *torht* 'яркий, блестящий, сверкающий, славный' (ср., др.-сакс. *toroht*, др.-верх.-нем. *zoraht* 'светлый, яркий, ясный'; о.-герм. **turhta-*) происходит от и.-е. **derk-*, континуанты которого в разных индоевропейских языках семантически связаны главным образом с идеей зрения, ср.: др.-инд. *perś. dadārśa* 'видел', *drś* 'взгляд', греч. *εἰςκομαι* 'смотрю', др.-ирл. *ad-con-darc* 'видел', *derc* 'глаз', также герм. **torga-* 'взгляд' (= др.-инд. *drś-*) в норв. *Torget*, *Torghatten* и т. д. (IEW 213). Др.-англ. *torht* известно только из поэтических памятников, и во всех засвидетельствованных контекстах это слово передает значение как блеска, так и славы. В *Беовульфе* *torht* выступает как один из эпитетов Хеорота (*torht hof*, 313), а в поэзии на христианские сюжеты использовалось как эпитет с сильными положительными коннотациями, в основном, как характеристика Рая и райского блаженства праведных душ: *heofanas torhte* 'сверкающие/славные небеса', *wuldres lēoht torht* 'яркий свет славы', *se torhta fugel* 'славная/яркая птица' (Феникс), 'ангелы сияющие, сильные и славные (*torhte*)', *ðæt torhte lond* 'прекрасная земля' (земной Рай), *se torhta* 'Славный (Господь)'.

Др.-англ. *lēoht* 'светлый, яркий, блестящий' (ср. др.-верх.-нем., др.-сакс. *liocht*) возводится к и.-е. **leuk-* 'светить, сиять' и имеет индоевропейские соответствия в виде: др.-инд. *gócatē* 'светит', греч. *λευκός* 'светлый, блестящий, белый', лат. *lūx* 'свет', *lūmen* 'свет' (**leuk-s-men*), *lūna* 'луна', др.-ирл. *luchair* 'блеск', рус. *луч*. От того же корня образованы др.-англ. *līegetu* 'молния', *līeg* 'огонь, пламя', *lēoma* 'блеск' (**leuk-mon-*) (IEW 687–690, Onions 527). В своем прямом значении «светлый, яркий» др.-англ. *lēoht* использовалось как эпитет огня (*lēga lēohtost* 'ярчайший из огней'; *æt lēohtum fire*

‘при ярком огне’), дня и ночи (*lēohtan dæge* ‘среди бела дня’; *lēohte nihte on sumera* ‘светлые ночи летом’), звезд (*æt lēohtum steorrum* ‘при (свете) ярких звезд’), а также оружия (*leohtan sweorde* ‘сверкающим мечом’). В религиозной поэзии и прозе *lēoht* характеризует Бога — *lifes lēohtfruma* ‘Источник света жизни’ и все, что с Богом связано — христианскую веру, учение и т. д.

Др.-англ. *blāc* ‘яркий, сверкающий; (мертвенно) бледный’ соответствует др.-сакс. *bleikr*, др.-сакс. *blēc*, др.-верх.-нем. *bleih* ‘сверкающий, белый’, которые возводятся к о.-герм. *blaiko-z*. Словари древнеанглийского языка и глоссарии к текстам (*Mitchell, Robinson* 1998 и др.) приводят в качестве непосредственного продолжения др.-англ. *blāc* совр. англ. *bleak*, однако фонетическая форма этого слова указывает на его скандинавское происхождение (из др.-сакс. *bleikr*). Совр. англ. *bleak* известно с XVI в., но нет свидетельств тому, что оно впервые появляется именно в северных диалектах (*Onions* 99, OED). К сказанному стоит добавить, что на развитие семантики др.-англ. *blāc*, вероятно, повлияло др.-англ. *blæc* ‘черный’, у которого засвидетельствовано употребление с долгим корневым гласным (OED). Др.-англ. *blāc* имело два основных значения: ‘сверкающий’ и ‘(мертвенно) бледный’, причем родство с глаголом *blīcan* ‘сиять, сверкать’ позволяет предположить, что исходным было первое значение. О. А. Смирницкая (*Смирницкая* 1990, 81) описывает семантическую историю данного прилагательного следующим образом: ‘сияющий’ > ‘светлый’ > ‘мертвенно бледный’ > ‘унылый, мрачный’. Др.-англ. *blāc* могло использоваться, если речь шла о блеске звезд (*blācum lēohte beorhte steorran*) или луны (*se mōna mid his blācan lēohte*), блеске огня (*blācan fires, blācne lēoman*) или сверкании молнии (*līgetta blāce*). Но среди природных явлений огонь в данном перечне занимает совершенно особое место, поскольку в обоих приведенных контекстах огонь ассоциируется с темнотой, смертью, потусторонним миром и т. д. В первом случае речь идет об огне, в котором язычники собираются сжечь христиан, второй представляет собой знаменитое описание подводного дворца чудовища, где все вокруг освещается ярким пламенем (*Смирницкая* 1990). Стоит отметить, что и в остальных примерах *blāc* может быть понято двояко: можно говорить о ярком свете луны (*Mead* 1899, 177), а можно — о бледном (Т. В.). Таким образом, семантический переход ‘светлый’ > ‘бледный’ совершился еще в древнеанглийский период, ср.: ‘жизнь его подошла к концу и был он бледен’ (*and he blāc*), ‘упал убитый’ (букв. ‘от меча бледный’ *heoro-blāc*) и др.

Др.-англ. *fealo* (совр. *fallow* ‘коричнево-желтый’; ср. др.-сакс. *fōlr*, др.-сакс. *falu*, др.-верх.-нем. *falo* к о.-герм. **falwaz*) происходит от и.-е. **pel-* / **pol-* ‘серый, бледный’ (IEW 804). Контингуанты данной основы в индоевропейских языках обозначают разные оттенки: от бледного, бесцветного до серого и черного (что свидетельствует о синкретизме семантики и.-е. **pel-* / **pol-*): ср. особенно др.-сакс. *falski* ‘пепел’, др.-верх.-нем. *falawiska* ‘пепел, пепельная пыль’, вестфаль. *fēl* ‘блеклый’, *fēle* ‘светлая косуля, серна, буланый конь’, далее лат. *pallidus* ‘бледный’, др.-инд. *palitā-* ‘серый, седой’, греч. *πελιτρός* ‘серый’, литов. *palvas* ‘бледно-желтый’, лат. *pullus* ‘черно-серый’, кимр. *llwyd*, ср.-ирл. *liath* ‘серый’, рус. *пелёсый* ‘пят-

нистый (о животных)' (IEW 804–5). В древнеанглийском языке, пожалуй, нет другого цветообозначения, определение семантики которого доставляло бы филологам столько трудностей. Значение этого прилагательного определяют по-разному: «pale yellow shading into red or brown, and in some cases into green» (Mead 1899, 198); «pale yellow or red coloured as withered grass or leaves, dusky, bay» (Bosworth, Toller); «tawny, dusky» (Mitchell, Robinson 1998); «yellow (varying in shade from light yellow to brown)» (Wrenn 1953). Связано это с тем, что практически не сохранилось контекстов, в которых семантика др.-англ. *fealo* имела бы однозначное толкование.

К немногочисленным исключениям можно отнести *mūs-fealu* 'мышинный цвет' и *dunfealo* (*dun* 'темный'), а также — обозначение при помощи этого слова цвета гравия или песка (*on fealwum ceosle*, ср. тж. *fealwe stræte* 'по светлой (?) дорожке'). Образованный от др.-англ. *fealo* глагол *fealwian* имел значение 'спеть (<желтеть)', но также 'вянуть'. Помимо этого, др.-англ. *fealo* могло обозначать масть лошади (считается, что именно такое значение прилагательного следует рассматривать как исконное). Однако контекст (*fealwe mēaras*, Вео 865) в данном случае не проясняет семантики др.-англ. *fealo*, напротив, для перевода этого места привлекаются данные других германских языков. Традиционно считается, что речь здесь идет о гнедых лошадях (Barley 1974, 22)¹. Таким образом, др.-англ. *fealo* сохранило синкретизм семантики и могло обозначать как светлый, так и темный цвет, что особенно хорошо видно на примере его употребления в поэзии: *fealo* может выступать как эпитет доспехов: щита (*fealwe linde*), (рукоятки) меча (*fealohilte swurd*), а также огня, в котором сторит, чтобы возродиться, Феникс (*fealo lig*) и таким образом, др.-англ. *fealo* втягивается в соответствующую синонимическую систему прилагательных: желтый, белый, светлый, далее — блестящий, сверкающий. Но в случаях, когда *fealo* используется как эпитет моря, водного потока, оно оказывается членом иной системы, в которую входят *sweart*, *wan* и другие обозначения темного цвета.

'Черный, темный'

Др.-англ. *sweart* (ср. гот. *swarts*, др.-сакс. *svartr*, др.-фриз., др.-сакс. *swart*, др.-верх.-нем. *swarz* 'черный', также др.-сакс. *sorta* 'черная краска', *sorti* 'темнота, густой туман') возводится к и.-е. **suordo-s* 'черный', 'грязный', и далее родственно лат. *sordēs* 'грязь', *sordidus* 'грязный' и *sūasum* 'пятно сажки', 'темное пятно' (IEW 1052, OED). Среди прилагательных, обозначавших черный цвет в древнеанглийском, *sweart* было самым употребительным и могло использоваться для характеристики цвета волос: *sweart feax*, оперения ворона: *swā sweart swā hræfen* 'черный как ворон', угля: *swā sweart swā cōl* 'черный как уголь', одежды: *mid sweartum clāpum* 'в черной одежде', тени: *deorc sceado sweart* 'черная тень'. В поэтических текстах, где собственно цветовое значение слова не всегда можно отделить

¹ Впрочем, существуют и иные толкования — см. статью Н. А. Ганиной о готском языке в нает. сб. — *Прим. ред.*

от оценочного, *sweart* выступало как эпитет морского потока, волн: *ēgorstrēamas swearte* 'морские черные волны'; ночи: *sweart sinniht* 'вечная ночь'; тумана: *þās sweartan mistas* 'черные туманы', а в религиозной прозе и поэзии — как эпитет к обозначениям греха, грешных душ, преисподней, огня преисподней, дьявола²: 'на этом утесе висело много черных душ (*manige swearte sāula*), и была вода под тем утесом черной (*wæter wæs sweart*)'; *engla and dēofla, hwitra and sweartra* 'ангелов и демонов, белых и черных'; 'много мы с братом злых дел совершили, черных грехов (*sweartra synna*)'; 'по этому черному пути (*on þone sweartan sīd*) они попадут в ад'; *on þā sweartan helle* 'в черном аду'; 'в глубокой долине дьявол падает в черный огонь (*in sweartne lēg*)' и др.

Deorc (совр. англ. *dark*) сближают с др.-англ. *þeorcung* 'сумерки', *dēostre* 'темный, темнота', ср.-верх.-нем. *terken* 'запачкать', др.-верх.-нем. *tarchannen, terchinen* 'скрываться, прятать(ся)', ср.-нидерл. *dork* 'трюм', ср.-ирл. *derg* 'красный' и возводят к и.-е. **dherg-* (далее к и.-е. **dher-* 'мутный осадок', IEW S. 251–252). Др.-англ. *deorc* имеет три наиболее устойчивые коллокации: 'темная ночь' (*on ðære deorcan niht*), 'темная темнота' (*deorc þēostru*) и 'темная смерть' (*se deorca dēaþ*). В переводных текстах сочетание *deorc niht* может встречаться там, где в латинской версии, стоит не атрибутивное сочетание, но только существительное *nox* 'ночь', например: *þū dæg settest, and deorce niht vs. tūis est dies et tua est nox* (Псалом 73:16) 'Твой день и Твоя ночь', то есть в древнеанглийской традиции *deorc* мыслилось как постоянный эпитет *niht*.

Wan(n) 'темный, черный, мрачный' (совр. англ. *wan*). Этимология этого слова проблематична, поскольку в германских языках у него родственных лексем нет. Однако обсуждается возможность родства между н.-англ. *wan* (др.-англ. *wan*) и *wane* 'убывание, спад', и таким образом, др.-англ. *wan* сближают с и.-е. **uā-* 'пустой, незанятый', откуда др.-инд. *ūná-* 'недостающий', греч. *ευνός* 'ограбленный, недостающий', лат. *vanus* 'пустой, тщеславный', и др., а также германские производные: гот. *wans*, др.-сакс. *vanr*, др.-фриз., др.-англ., др.-верх.-нем. *wan* 'недостающий', 'пустой' (Holthausen, 383; IEW 345, Opions, 990; OED). Др.-англ. *wan* отличается сложностью своей смысловой структуры и неясно, какой именно цвет оно обозначает в древнеанглийском. Помимо этого, др.-англ. *wan* практически не встречается в прозе, а в поэзии труднее выделить собственно цветовое значение, поскольку оно осложняется коннотациями разного рода.

Неудивительно, что значение др.-англ. *wan* регулярно поясняется посредством контекстуального синонима с более конкретным значением либо же посредством противопоставления, например: *swearte and wanne wale* (др.-англ. *wale* 'синяк, кровоподтек'), *dēoful wann and wliteleas* «дьявол *wann* и лишенный красоты». В качестве эпитета др.-англ. *wan* характеризует ворона (птицу, питающуюся мертвечиной), ср. 'черный ворон (*sē*

² В некоторых контекстах собственно цветовое значение *sweart* подавляется оценочным: ср., например, противопоставление *þæs sēlestan, þæs sweartestan* «самого лучшего и самого черного (т. е. „худшего“)».

wonna hrefn) до поживы жадный'; *wonn wælcēasega* 'черный охотник за мертвыми'; ночь, тень, облако: 'шел темной ночью (*on wanre niht*), скользил тенью' (о первой атаке Гренделя), 'тень черная (*sceadu wunn*) под небесами'; море, поток: *ofer wonne wæg* 'через черный поток'; огонь, пламя: 'поглотит черного огня зев черное пламя (*sē wonna lēg*)'. В поэзии *wan* неоднократно встречается в одном контексте с *deorc*, *sweart* и *dim*, также имеющими значение 'черный', 'темный', ср.: *sweart wæter*, *wonne wælstreamas* 'черные воды, *wonne* губительные потоки' (о Всемиром потоке); *sēo deorce niht won gewiteþ* 'темная ночь *won* подходит к концу' и др. Резонно полагать, что вследствие неопределенности своего лексического значения *wan* не вносит в контекст цветовой конкретизации, тогда как экспрессивное значение у *wan*, обладающего сильным отрицательным значением, несомненно, сильнее, чем у *deorc*, *sweart* и *dim*. Таким образом, *wan* в приведенных примерах выполняет функцию интенсификатора.

Др.-англ. *blæc* (совр. англ. *black*) не имеет точных соответствий в германских языках, но однокоренное существительное *blæc* 'чернила' сопоставляется с др.-верх.-нем. *blach*, др.-сакс. *blak* 'чернила' (Buck 1949, 1055). Словари (Buck 1949; Onions 1996) определяют этимологию данного слова как неясную, хотя Бак выдвигает гипотезу, поддержанную Ю. Покорным, который возводит др.-англ. *blæc* к и.-е. **bhleg-* 'блестеть', тем самым сближая его с др.-верх.-нем. *blecchen* 'быть видимым', *blecchazzen* 'сверкать', срнид. *blaken* 'пылать, гореть', др.-англ. *blæcern*, *blacern* 'подсвечник', др.-сакс. *blakra* 'сверкать', а также с формами с носовым (**blenk-* / **blank-*): ср.-верх.-нем. *blinken* 'сверкать', др.-верх.-нем. *blanch*, ср.-верх.-нем. *blank* 'сверкающий, блестящий, белый', др.-сакс. *blakkr* 'бледный', поэт. 'конь', др.-англ. *blanca* 'конь', др.-швед. *blakker* 'бледный, блеклый', но также 'черный, темный' и фр. *blanc*, ит. *bianco* (оба из герм.), а далее лат. *flagrāre*, греч. φλέωω 'гореть, пылать' (IEW 124–25). Др.-англ. *blæc* использовалось гораздо реже, чем общее для всех германских языков *sweart* (в поэзии, например, У. Мид выделяет 11 случаев употребления *blæc* и 84 — *sweart*). Это слово могло использоваться для описания цвета волос: 'у него были черные волосы (*blæc feax*) и бледное лицо'; ср. также Мф. 5, 36: 'не можешь ни одного волоса сделать белым или черным (*blacne*)', в поэзии выступало как эпитет черного ворона (*hrefn blaca*, Beo 1801; это единственный случай употребления *blæc* в *Беовульфе*) и моря (*blæce brimrāde*), а в религиозной поэзии — черных дьяволов (*bā blacan feond*), которые 'за гордыню все погибли'; злого духа (*blac bealowes gāst*), а также черных гадюк (*blōdige earnas and blace nædran* 'красные орлы и черные гадюки').

Др.-англ. *mierce* (ср. др.-сакс. *mirkī*, др.-сакс. *myrkr* 'темный, мрачный') происходит от и.-е. **mer-* (с гуттуральным расширителем **mer(ə)g^h-*) 'мерцать, сверкать', от которого также образовано др.-сакс. *mōirkvi*, *myrkvī* 'мрак, темнота'. Далее сближается с литов. *mirgu*, -ėti 'мерцать', латыш. *mirdzēt* 'мерцать', рус. *моргать*, греч. αἰορβόω 'темный'; с другим расширителем (**mer(ə)k-*): гот. *maurgins*, др.-англ. *mergen*, *morgen*, etc. 'утро', рус. *мрак*, *монок* (IEW 733–34). Считается, что англ. *mirk*, *murk* 'темный, мрачный' не яв-

ляется непосредственным продолжением древнеанглийской лексемы, но подверглось влиянию др.-сакс. *myrk*, поскольку не произошло перехода конечного согласного в аффрикату. Собственно цветное значение у др.-англ. *mirce* засвидетельствовано только в субстантивированном употреблении.

Дважды этим словом названы эфиопы: *gudmyrce* (*gud* значит 'битва, сражение', но могло использоваться и как субстантивный хвалебный эпитет, *myrce* — форма мн. ч.), и *aemyrca* букв. 'весь-черный' (в *on aemyrcan eðelrice* 'в стране эфиопов'). В *Беовульфе* *mirce* встречается в сочетании *ofer myrcan mōr* 'по темным болотам', характеризующем место обитания Гренделя и прочих чудовищ, то есть пространство, находящееся за пределами героического мира, темноту которого нужно понимать не просто как указание на отсутствие в нем солнечного света, но и как указание на опасность, которая таится там, где властвуют силы зла. В религиозной поэзии и прозе это слово характеризует греховные деяния и все, что связано с наказанием за грехи, и потому его цветное значение отступает на второй план. 'Темный, черный' осмысливается как 'ужасный': *mirce mānslaga* 'черный убийца', *mircast mānweorca* 'чернейший из грехов', *þa mircan gesceaft* 'ад' (букв. 'черное творение'), *mirce māndæde* 'черные злодеяния'.

Др.-англ. *brūn* соответствует др.-верх.-нем. *brūn*, др.-сакс. *brūnn* 'коричневый, бурый, с темным блеском' и происходит от и.-е. **bher-* 'блестящий, светло-коричневый'. От того же корня образованы германские обозначения медведя: др.-верх.-нем. *bero*, др.-англ. *bera*, тж. др.-сакс. *biörn* и обозначения бобра в разных группах индоевропейских языков: ав. *bawra-*, *bawri-*; лат. *fiber*, *fibrī*; др.-верх.-нем. *bibar*, др.-англ. *beofor*; р. *бобр*. В других языках у лексем, восходящих к тому же и.-е. корню и обладающих цветовым значением, преобладает либо собственно цветовая семантика, ср. литов. *bėrus*, латыш. *bers* 'гнедой', др.-инд. *babhrī-h* 'бурый', либо значение блеска: рус. *брунет* 'сверкать белизной'. Совр. англ. *brown* нельзя считать непосредственным континуантом древнеанглийского прилагательного, поскольку на него повлияло фр. *brun*, заимствованное в свою очередь из германских языков (IEW 136).

Др.-англ. *brūn* сохраняет синкретизм семантики и означает «коричневый, темный»: 'народ, коричневый (*brūne lēode*) от солнечного жара' (эфиопы), так и 'блестящий', причем в большинстве случаев отделить одно от другого невозможно, ср. употребление *brūn* в качестве эпитета шлема (*brūn-fāgne helm*), клинка (*brūn-ecg*), волны (*uð sīo brūne*), ворона (*hræfen sealobrūn*) и ночи (*niht brūnwann*). Со значением блеска *brūn* было заимствовано в романские языки, где могло использоваться как эпитет зеркала или бриллиантов (*Barley* 1974, 20). На возможность трактовки *brūn* как прилагательного, обозначающего блеск (правда, только применительно к оружию), указывал еще У. Мид (*Mead* 1899, 193–194). В случае с водой коричневый цвет обычно трактуется как указание на быстроту потока, в котором вода перемешана с песком, или на отражение в воде темного неба (*Merbach*³). Что касается металлических

³ Цит. по: (*Mead* 1899, 195), где приводится ссылка на данную работу. Но, к сожалению, выходные данные работы Мербаха в ней не указаны и разыскать ее не удалось.

предметов, то в связи с этим говорят еще и об особенностях техники обработки оружия, применяемой англосаксами (Walker 1952, Tremaine 1969). По мнению Л. Лернера прилагательное *brūn* использовалось для обозначения блестящей поверхности и не имело собственно цветового значения (Lerner 1951). Наконец, стоит упомянуть не поддержанное этимологами предположение о том, что др.-англ. *brūn* является результатом слияния двух разных основ (Dal 1938).

Salu 'мрачный, темный' (совр. *sallow* 'желтоватый, болезненный — о цвете лица') происходит от и.-е. **sal-uo-* 'грязно-серого цвета' и в германских языках имеет соответствия в виде др.-сакс. *sōlr* 'грязный', др.-верх.-нем. *salo* 'мутный, грязно-серый' (ср. также ср.-верх.-нем. *sal* 'грязь'). Далее др.-англ. *salu* родственно кимр. *salw* 'скудный, низкий', рус. *соловьи* 'желтовато-серый' (IEW 879). Др.-англ. *salu* встречается только в составе композитов: *Hrefn sweart and sealobrūn* 'ворон коричнево-черный'; *salwig-federa* 'ворон с темными перьями'; *salowigpāda* 'орел с темными перьями'.

Др.-англ. *dim* 'темный, неясный, тусклый; скрытый' родственно др.-фриз. *dim*, др.-сакс. *dimmr*, норв. *dimm*, далее др.-верх.-нем. *timbar*, швед. диал. *timmer* и возводится к о.-герм. **dim-ro-* (OED; Vries 1957, 77). Помимо германского ареала этот корень отражен в др.-ирл., гэльск. *donn* (Opions 294). От других древнеанглийских обозначений темного цвета *dim* отличается наличием в семантике значения 'неясный', поэтому наряду с темной ночью (*sīo dimme niht*), темницей (*to ðære dimma ding*) и долинами (*dena dimme*); здесь же находим и темную, т. е. неясную, скрытую болезнь (*on ðære dimman ādle*). Однако гораздо чаще др.-англ. *dim* встречается в одном контексте с другими обозначениями черного и темного цвета, где они передают сильные негативные коннотации, ср. *on þa dimman dæd* '(призывала) к черному деянию (ослушаться Господа)'. Такое употребление особенно типично для религиозной поэзии и прозы: *dim* используется как эпитет греха, смерти, дьявола, хаоса (до сотворения земли) и т. д.

О семантике др.-англ. *dun* (совр. англ. *dun* 'серовато-коричневый') мы можем судить по глоссам: к лат. *fuscus* 'темный' и немногочисленным контекстам: др.-англ. *dun* обозначает масть быков, помимо этого, встречается в описаниях холмов, курганов, камней, канавы, ступенек, а также верхней одежды. Др.-англ. *dun* родственно др.-сакс. *dun* 'ореховый, бурый'. Обсуждается возможность заимствования этого слова из кельтских языков: из основы, представленной в ср.-ирл. *donn* 'темный', кимр. *dwnn* 'бурый, темно-синий', которые далее сближаются с др.-инд. *dhūsara-* 'пыльный, серый', лат. *fuscus* 'темно-коричневый'. (IEW 268, 270). Однако другие отвергают возможность заимствования, считая др.-англ. *dun* и кельтские слова продолжением одного и.-е. корня (Opions 1996, 294).

Др.-англ. *eorþ* 'темный, мрачный, коричневый, черный' соответствует др.-сакс. *jarþr* 'коричневый', др.-верх.-нем. *erpf* 'темный, темно-бурый' и возводится к и.-е. **ēreb(h)-* 'темный, коричневый', откуда также греч. ορφύος 'темный, мрачный'. Далее др.-англ. *eorþ* сближают с др.-сакс. *iarpī* 'рябчик', др.-верх.-нем. *repa-*, *reba-huon*, швед. *rapp-höna* (из ср.-ниж.-нем.) 'куропатка'; а также с латыш. *irbe* в *meža irbe* 'рябчик'

и рус. *рябой, рябина, рябчик* (IEW 334). В засвидетельствованных контекстах др.-англ. *eorþ* обозначает цвет тучи: 'черные существа (*eorþan gesceafte*) спешат над народом' и цвет кожи египтян: *eorþ werod* 'черный народ'.

'Серый'

Серый цвет в древнеанглийском языке имеет три обозначения: *græg*, *hār* и *haso*. Др.-англ. *græg* (и.-е. **ghrē-uio-s*), ставшее основным обозначением серого цвета (*grey*) в современном английском, соответствует др.-сакс. *grár*, др.-фриз. *grē*, др.-сакс. *gra*, *grē*, др.-верх.-нем. *grāo* 'серый' и происходит от и.-е. **gher-* / **ghrē-* 'сиять, сверкать, блестеть'. Далее связано с литов. *žerūi*, *žerēti* 'сиять', *žėruóti* 'пылать, сверкать', рус. *зреть, зряя*; др.-инд. *zōra* 'заря', др.-ирл. *grían* 'солнце', а также др.-фриз., др.-сакс., др.-верх.-нем. *grīs* 'серый' (IEW 441–442). Давшее современное обозначение серого цвета, прилагательное *græg* в древнеанглийский период использовалось относительно редко. *Græg* могло выступать как эпитет меча (*græg-mæl*), кольчуги (*græhama*), волка (*wulf sē græga*), чайки (*sē græga mæw*), водного потока (*flōdgræg*).

Др.-англ. *hār* (ср. др.-сакс. *hār* 'серый, старый', др.-сакс., др.-верх.-нем. *hēr* 'достойный, почитаемый'; **hēriro*, *hēr(r)o* > *Herr* 'господин') образовано от и.-е. **kei-ro-* / **koi-ro-* 'темный, серый, коричневый'. Тот же корень, осложненный другим суффиксом, представлен в др.-англ. *hæwel* 'синий' (**haiwina-*); гот. *hiwi* 'вид, наружность', др.-сакс. *hu* 'кожа, цвет кожи'; др.-англ. *hiew*, *hi(o)w* 'внешность, цвет, красота'; англ. *hue* 'цвет, оттенок'. Далее др.-англ. *hār* сближают с др.-инд. *śi-ti* 'белый', греч. *χίραφος*, *χίρα* 'лисица', *χρρός* 'оранжево-желтый', ср.-ирл. *ciar* 'темно-коричневый', *seo* 'туман, мгла', а также рус. *серый* и *седой* (IEW 540–41). *Hār* (совр. англ. *hoar* 'седой') — наиболее употребительное в др.-англ. обозначение серого цвета — встречается в тех же сочетаниях, что и *græg*: *hāre byrnan* 'серую кольчугу', *sē hāra wulf* 'серый волк', *hārne stān* 'серый камень', *on brīme hāran* 'в сером море'. Однако помимо значения «серый» у др.-англ. *hār* также выделяется значение «седой»: *hār hilde-rinc* 'то был мудрый конунг, седовласый воин'.

Др.-англ. *haso* 'серый, сизый' в германских языках имеет соответствия в виде др.-сакс. *hass* 'серо-коричневый', также др.-верх.-нем. *hasan* 'блестящий серый, хорошо отполированный' и ср.-верх.-нем. *heswe* 'бледный, тусклый' и восходит к и.-е. **kas-* 'серый', откуда также лат. *cānus* 'серый, пепельно-серый', *cas-cus* 'старый' и название зайца в разных индоевропейских языках: др.-инд. *śasá-*, др.-верх.-нем. *haso*, др.-англ. *hara*, др.-сакс. *heri* (IEW 533). Др.-англ. *haso* могло передавать разные оттенки серого цвета: 'сизый', 'пепельно-серый' и др. и использовалось главным образом в описаниях оперения птиц: *haswe culuftran* 'сизую голубку', *done haswan earn* 'серого орла', но также могло обозначать цвет дыма: 'серый (*haswe*, pl.) дым поднимается над крышами' и даже цвет дна высохшего Красного моря: 'дороги высохли, серые пути для народа (*haswe herestræta*)'.

'Красный'

Др.-англ. *rēad* возводится к и.-е. **roudhō-* 'красный', от которого происходят обозначения красного цвета как в германских: гот. *raufþs*, др.-сакс. *raudr*, др.-англ. *rēad*, др.-верх.-нем. *rōt* 'красный', так и в других индоевропейских языках: др.-инд. *rōhita-* 'красный'; греч. *ερυθρός* 'красный', лат. *ruber* 'красный', лат. диал. *rūfus, rōbus*, др.-ирл. *rūad*, литов. *raudas*, ст.-слав. *рудъ, рѣдрь* 'красный, рыжий'. От того же корня в древнеанглийском языке существует целый ряд производных: др.-англ. *rudu* 'краснота, румянец', *rudig* 'красноватый', *ā-ryderian* 'краснеть', *rūst* 'ржавчина' (IEW 872–873).

Красный цвет едва ли можно назвать одним из самых значимых для древнеанглийской культуры. Здесь находим *rēade clæfer* 'красный клевер', *rosena rēade hēapas* 'охапки красных роз'; *sīo rēade rōd* 'крест, обогранный кровью', *rēad lig* 'красное пламя', *rēad gold* 'красное золото', *rēadfāh* 'кирпичные стены' (разрушенных римских строений, а также *be ðan Rēadan Sæ* ('Красное море, воды Красного моря', *reade strēamas* 'красные потоки'). Др.-англ. *rēad* также встречается в составе композитов (в основном, в глоссах): *blēo-rēad* 'сине-красный', *geolu-rēad* 'желто-красный' и *weolc-rēad* 'алый, темно-красный'.

Этимология др.-англ. *basu* 'пурпурный, темно-красный' неясна. Это слово считается родственным др.-англ. *beri(g)e*, др.-сакс., др.-верх.-нем. *beri* 'ягода', гот. *basi* (в *weina-basja*, асс. pl. 'виноград') и ср.-ирл. *basc* 'красный' и предположительно возводится к и.-е. **bhæ-uo-*, образованному от **bhā-* / **bhō-* / **bhæ-* 'блестеть, светить, сиять' (IEW 104–105, Onions 90). Др.-англ. *basu* известно, в основном, из глосс, где ему соответствует латинское *purpura*; в составе композита *brūn-basu* '(темно)-пурпурный, алый' и *wealh-basu* букв. 'чуждо-красный; ярко-алый' (где *wealh* 'чужеземный' > совр. *Wales*). Сочетание *baswa stān* служило обозначением топаза, то есть драгоценного камня, цвет которого варьирует от желтого до фиолетового. Др.-англ. *basu* встречается в поэтических памятниках дважды: *baswe bōcstafas* 'красные буквы' и при описании разноцветного хвоста (Феникса): часть коричневая, часть 'темно-красная' (*sum basu*), часть сверкающая».

Др.-англ. *weolc* 'алый, темно-красный' (из герм. **weluka-* к и.-е. **uel-/uele-/ulē-* 'вертеть, мотать, катать'; IEW 1140, 1142) происходит от названия моллюска *we(o)loc*, *weolc*, *wioloc* (совр. англ. *whelk*), из которого производился краситель. Это слово, относящееся к книжной лексике, известно, главным образом, в составе композитов. В глоссах сохранились следующие соответствия: *weoloc-basu* = «*purpuram*» и *weoloc-rēad* = «*socum*». Немногочисленные зафиксированные контексты употребления этого слова показывают, что оно могло обозначать не только цвет артефакта: *se wolcnrēada wæfels* 'красное одеяние', но также естественный цвет: *ðeos wurt hæfð wolcnrēade blōstman* 'у этого растения красные цветки', и даже имело переносное значение, ср.: *synna wolcnrēada* 'грехи кровавые'.

'Желтый'

Др.-англ. *geolo* (др.-сакс., др.-верх.-нем. *gelo*, ср. также др.-сакс. *gulr* 'желтый') возводится к и.-е. **ghel-/*ghl-* 'желтый, зеленый, серый или синий'. Этот же корень представлен в лат. *helvus* 'желтый', др.-инд. *hári* 'белокурый, желтый, блеклый', *háríta-* 'желтый, зеленый', греч. *χόλος* 'желчь, гнев', др.-ирл. *gel* 'блестящий, белый', кимр. *gell* 'желтый', брет. *gell* 'коричневый' (IEW 429–430). К. Бак в качестве ближайших параллелей приводит также литов. *geltonas* 'бледно-желтый' и латыш. *dzelāns* 'желтый' (Buck 1949, 1059). Сюда же относятся германские обозначения золота: гот. *gulþ*, др.-сакс. *gull*, *goll*, др.-англ., др.-фриз., др.-сакс. др.-верх.-нем. *gold* (IEW 430). Обозначение желтого цвета известно, в основном, из глосс и поэтических памятников, где оно выступает как эпитет цвета — *geolwe línde* 'желтый липовый щит'; *geolorand* 'желтый щит' и шелка — *geolo godwebb* 'искусно сотканная желтая (букв. 'божественная') ткань'. Зафиксировано и несколько композитов: *geolo-ōdl* 'желтуха', *geolo-blāc* 'бледно-желтый', *geolo-hwīt* 'желто-белый', *geolo-rēad* 'желто-красный'.

'Зеленый'

Др.-англ. *grēne* соответствует др.-верх.-нем. *gruoni*, др.-сакс. *grønn* и возводится к и.-е. **(ghrē-)/ *ghrō- / *ghrə-* 'расти, зеленеть'. От того же корня в германских языках происходит глагол 'расти': др.-англ. *grōwan*, др.-сакс. *gróa*, др.-верх.-нем. *gruoen*, а с суффиксом *-s* (и.-е. **ghrōs- / *ghras-*) — существительное «трава»: др.-англ. *græs*, гот., др.-сакс., др.-верх.-нем. *gras* (IEW 454). В качестве ближайшей параллели германской лексеме К. Баком приводится лат. *grāmen* (< **ghras-men*) 'трава' (Buck 1949, 1059). *Grēne* — единственное обозначение зеленого цвета в древнеанглийском, передававшее его различные оттенки: *of grēmum āre geworht* 'сделанный из зеленой меди'; *on grēmum trēowe* 'на зеленом дереве'; ... *grēnost* '(возьми лист того же растения, когда оно) наиболее зелено'. В поэтических памятниках зеленый цвет символизирует жизненное начало: др.-англ. *grēne* засвидетельствовано почти исключительно в религиозной поэзии. Ср.: 'тогда земля была, трава не зеленая (*græs ungrēne*); 'океан и черная бесконечная ночь покрывали черные пути' (из описания сотворения мира); 'и тогда Лот отправился земле осмотреть у Иордана, зеленую землю' (*grēne eorðan*); 'она была водой разбужена и растительностью покрыта'; 'городу должно стоять на зеленой земле' (*on eorþan grēne*); 'помнить всегда о Божьей силе, и вместе построить к ангелам на небеса зеленую дорогу' (*grēne strate*).

'Синий'

Синий цвет представлен в древнеанглийском языке тремя лексемами: *blæ-(hæwen) hæwen* и *wæden*. Др.-англ. *blæ-*, засвидетельствованное только в составе композита *blæ-hæwen* 'синий, синеватый, фиолетовый, пурпурный', в германских языках имеет соответствия в виде др.-верх.-нем. *blāo* 'синий' и др.-сакс. *blár* 'темно-синий, черный', но также ср.-верх.-нем. *blā*

‘желтый’ (Buck 1949, 1057–1058) и происходит от **bhlē-uo-s* ‘синий, желтый, белокурый’, аблаутного варианта корня **bhel-* ‘белый, светлый’. Далее др.-англ. *blæ-* родственно лат. *flāvus* ‘желто-золотой, красно-желтый, белокурый’, ср.-ирл. *blār* ‘с белым пятном на лбу’, кимр. *blawr* ‘серый’; ср. также литов. *blāvas*, латыш. *blāvs* ‘синеватый, желтый’ (из герм. — IEW 160). Др.-англ. *blæwen* встречается всего несколько раз в глоссах к лат. *perseus*, ср. также употребление *blæhwene tunescan* ‘синюю туннику’. Совр. *blue* представляет собой заимствование из старофранцузского, куда, в свою очередь, проникло из франкских диалектов (Buck 1949, 1057; OED).

Др.-англ. *hæwen* ‘синий, лазурный, пурпурный, изменивший цвет’, не имеет соответствий в других германских языках⁴. Засвидетельствованы следующие случаи употребления этого слова: *sēo hæwene lyft* ‘лазурный воздух’, *hæwen-dēage* ‘цвета гиацянты’.

Др.-англ. *wæden* ‘синий, пурпурный’ (ср. др.-фриз. *wēdu*, др.-верх.-нем. *weitin* ‘пурпурный’) образовано от к др.-англ. *wād* ‘вайда’ (растение, из которого получали краситель синего цвета); ср.: о.-герм. *waida-* — OED, Onions 1011). Это слово могло характеризовать цвет одежды: *cinewædenen cyrtel* и яда — *wið ðu wēdenan ättre*, *wið ðu geolwan ättre* ‘против синего яда, против желтого яда’.

‘Бледный’

Др.-англ. *blāt*, родственное др.-верх.-нем. *bleizza* ‘бледность’, возводится к и.-е. **bhlaido-s* ‘светлый, бледный’. Древнеанглийское слово считается точным соответствием рус. *бледный* (IEW 160). Значение др.-англ. *blāt*, обычно определяемое как ‘темный, (мертвенно) бледный, ужасный’, основано на его этимологических соответствиях, во всех же засвидетельствованных контекстах др.-англ. *blāt* его собственно цветовое значение вытеснено оценочным значением ‘страшный, ужасный’, ср.: ‘из груди мужа ручьем текла черная (*blāt*) кровь’; ‘это опасная рана, ужаснейшая из ран (*blātaſt benna*)’; ‘адский огонь (*helle fyr blāte*) горит ужасным пламенем’.

‘Пестрый’

Др.-англ. *fāg*, *fāh* ‘цветной, окрашенный, пятнистый, сверкающий’ (совр. англ. устар. *faw*) имеет соответствия в германских языках в виде гот. **(filu)-faihs* ‘(много)цветный, пестрый’, др.-верх.-нем., др.-сакс. *fēh* ‘пестрый’, ср. также др.-англ. *fāgian* ‘сверкать, блестеть’, др.-верх.-нем. *fēhan* ‘украшать’. Это прилагательное возводится к и.-е. **pey-k* ‘пестрый, пегий’ и далее родственно греч. *ποικίλος* ‘пестрый’, др.-инд. *pinjāra-* ‘красноватый, золотисто-желтый’, лат. *pingō, -ere* ‘рисовать’, литов. *piēšti* ‘рисовать, писать’, рус. *писать, пестрый* (IEW 794–95, OED). В своем первоначальном значении др.-англ. *fāh* могло характеризовать масть лошади (*fāg stēda*) и цвет змеи (*fāg wyrm*). Данное употребление могло распространяться и на

⁴ Этимологию др.-англ. *hæwen* см. в разделе др.-англ. *hār*.

неодушевленные объекты: в *Беовульфе*, например, говорится, что Грендель ступил *on fāgne flōr* 'на разноцветный пол дворца'. Но судя по засвидетельствованным контекстам, др.-англ. *fāh* гораздо чаще передавало значение 'окрашенный (неравномерно и, как правило, кровью)' или 'украшенный (как правило, золотом)', ср.: *wæter wæidrēore fāg* 'вода, окрашенная кровью', *sweord fāh and fated* 'меч, обгащенный кровью и богато украшенный' и *gār golde fāh* 'копье, украшенное золотом' и др.

Литература и словари

- Смирницкая О. А. *Sīp Bēowulfes*: границы «культурной лексики» в древнеанглийском эпосе // Слово в контексте литературной эволюции. Заговор — эпос — лирика. М., 1990. С. 74–85.
- Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка* / Пер. с нем.; Дополн. О. Н. Трубачева. 3-е изд. Т. I–IV. М., 1996.
- Barley N. F. *Old English Colour Classification: Where do Matters Stand?* // *Anglo-Saxon England*. 3. Cambridge, 1974. 15–28.
- Bessinger J. B. *A Concordance to the Anglo-Saxon Poetic Records* / Ed. by J. B. Bessinger. London, 1978.
- Bosworth J., Toller N. *An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collection of Joseph Bosworth* / Ed. and enlarged by T. N. Toller. Oxford, 1898.
- Buck C. P. *Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages*. Chicago (Illinois), 1949.
- Dal I. German. brun als Epithon von Waffen // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. 1938. Bd. 9. 219–230.
- Lerner L. D. *Colour Words in Anglo-Saxon* // *MLR*. 1951. Vol. 46, 246–249.
- Mead W. E. *Color in Old English Poetry* // *PMLA*. 1899. Vol. 14. 169–206.
- Mitchell B., Robinson F. *Beowulf... an Edition*. Oxford, 1998.
- Onions C. T. *The Oxford Dictionary of English Etymology* / Ed. by C. T. Onions. Repr. Oxford, 1996.
- Oxford English Dictionary*. Vol. I–XX. Oxford, 1978.
- Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern-München, 1959; 1965–1969.
- Tremaine H. P. *Beowulf's Ecg Brun and Other Rusty Relics* // *PQ*. 1969. 48. 145–151.
- Vries J. de. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1–12. Leiden, 1957–1961.
- Walker W. S. *The Brunecg Sword* // *MLN*. 1952. Vol. 47. 516–520.
- Wrenn C. L. (ed.). *Biowulf with the Finnsburg Fragment*. London, 1953.

Сокращения

- MLR — Modern Language Review.
PMLA — Publication of the Modern Language Association of America.
PQ — Philological Quarterly.
MLN — Modern Language Notes.

III. СОВРЕМЕННЫЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

В. Г. Кульпина

Система цветообозначений русского языка в историческом освещении¹

I. Вводный исторический очерк

Внешний облик цветообозначений, их интенционал, семантика, а также выполняемые ими функции эволюционировали и модифицировались на протяжении тысячелетий, прежде чем стать реальностью современных языков. Развиваясь во времени и пространстве, цветообозначения сохраняют некое стабильное, константное, ядро. Оно состоит из самых старых слов, зафиксированных в древнейших памятниках славянской письменности.

Их анализ показал, что количество цветообозначений было весьма невелико — менее двух десятков. Н. Б. Бахилина указывает, что в древнерусском языке «различаются основные цвета: белый, черный, красный, синий, желтый, зеленый, некоторые оттенки синего (зекрый) и желтого (плавый), а также некоторые смешанные (сизый, серый, рыжий). Некоторым разнообразием отличались лишь слова, называющие различные оттенки красного цвета — *череленый, чермный, багряный* и др.» (Бахилина 1975, 23; 11).

Количество зафиксированных цветообозначений в дошедших до нас памятниках естественным образом увеличивается. Особой динамикой увеличения состава терминов цвета отличается XVII в. В общеевропейском пространстве этот период отмечен широким развитием артефактной сферы и поисками слов, обозначающих цвет разного рода артефактов. Образуется великое множество цветообозначений от прототипических объектов, и появляются заимствования из других языков.

Поиск цветовых эталонов-прототипов идет постоянно. При этом, «давая имена цветовым оттенкам по аналогии с соответствующими предметами, человек в первую очередь привлекает те из них, которые чаще всего попадают на глаза, лучше всего ему известны» (Василевич

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 01-06-80075.

1987, 131). Ср.: *дымчатый, звездичный, осиновый, мясной, маковый, кровавый, медный, луковый* (Бахилина 1975, 81, 83). Некоторые цветообозначения возникают на основе разного рода ассоциации (*жаркой, дикой* и т. п.), причем иногда их реально-физическую цветовую сущность доподлинно установить бывает трудно. Зарождаются новые модели деривации — ср. *'снеговидный', 'снегоподобный'*. Вырабатываются устойчивые словосочетания — *сизый орел, сизый голубь* (Бахилина 1975, 83). При этом термины цвета могут менять свою сферу денотации. Так, *соловьиный* поначалу вызывал ассоциации с цветом глаз (Фасмер III, 712), впоследствии же произошла его специализация исключительно на цветоопределении лошадиной масти. Особенно значителен прирост цветообозначений начиная с позднего древнерусского периода; к середине XVIII в. в общих чертах оформился нынешний состав системы цветообозначений (Бахилина 1975, 206).

В русском фольклоре, прежде всего в сказках, встречаются специфические цветообозначения, которые редко используются в какой-либо иной сфере: *аленький цветочек* (именно в уменьшительно-ласкательной форме), *лазоревоый цветочек*. В сказках также нередко используется специфическое, устаревшее для современного общелитературного языка, цветообозначение *яхонтовый*. Оно служит эстетизации цвето- и светообозначения глаз: *глаза как яхонты горят*. Важной категорией языкового сознания является понятие многоцветности. В фольклорных произведениях оно передается лексемой *самоцветы* — так называются традиционные для России полудрагоценные камни (малахит, яшма и т. п.), ценимые за их красоту и цветовое разнообразие. Неслучайно использование этой лексики в качестве традиционного наименования ювелирных магазинов, названия музыкального коллектива и др. В самом имени «самоцветы» подразумеваются семантические компоненты разнообразия и самобытности.

Особенностью терминов цвета русского языка является наличие как полных, так и кратких прилагательных цвета (см. подробнее: Gadányi et al., 2000, 88–89)², а также использование редупликации как интенсификатора признака, ср.: *синий-синий, белым-бело, красным-красно*, в том числе и с приставочными формациями во второй части сложения, например, *желтый-прежелтый*. Ср. пример из современной поэзии: «А поля-леса зеленым-зелены дышат. / А солнце золотым-золотό летит. / А донник белым-бел медов. / А ты, душа моя... глаза синим-сини» (Васин-Макаров).

Оттеночность в современном русском языке передается прежде всего с помощью суффикса-модификатора цветности *-оват-*, причем это формобразование характерно лишь применительно к основным, абстрактным терминам цвета (ср. *зеленоватый, коричневатый*, но не *вишневоватый, *рябинововатый и т. п.).

² В качестве кратких прилагательных-терминов цвета обычно выступают основные цветообозначения.

Необходимо упомянуть о том, что в истории русского языка имелись и другие способы выражения оттенков, в частности, префиксальные — с помощью приставок *на-* и *над-*. Их роль практически аналогична той роли, которую выполняет указанный суффикс *-оват-* в современном русском языке. Ср. цветолексемы с указанными приставками в Словаре русского языка XI–XVII вв.: *надрумянъ* ‘слегка румяный, с легким румянцем’, *надрусь* ‘русоватый’, *нажелть* ‘желтоватый, светло-желтый’. «Опредмеченная» оттеночность могла передаваться также с помощью качественных существительных, образовавшихся от терминов цвета. Ср.: ст.-слав. ЖЕЛТЬ/ЖОЛТЬ. «Желтизна, желтый оттенок»). Качественные существительные от терминов цвета могли передавать также значение фона (у ткани), на который наплаивались другие цвета. Ср.: АЛЬ «алое поле в ткани»; ГОЛУБЬ «голубой фон, голубое поле (ткани, например)».

В процессе развития языка часть слов утрачивалась. Так, утратилась целая группа адъективных композитов, являвшихся в значительной мере греческими кальками, с разнообразной семантикой, содержащих в своем составе семы света и сияния (Надеикова 1961). Ср. примеры из Словаря древнерусского языка И. И. Срезневского — свѣтовитовидньи — «подобный свѣту, свѣтлый, лучезарный»; свѣтодательньи — «издающий свѣтъ, просвещающий»; свѣтодивньи — «полный дивнаго свѣта»: жилище; свѣтозарньи — сияющий, лучезарный <...> прославленный»: звезда, луч; злагозарньи: земля, источник, место и т. д.

Простое перечисление световых композитов и их значений, их денотативной отнесенности, содержащегося в них духовного и эстетического заряда, показывает огромную значимость понятия света, изумление и даже преклонение человека на Руси в древности перед этим феноменом.

Почти все перечисленные выше лексемы (кроме *лучезарный* и *светозарный*) оказались вытесненными полисемантическим прилагательным *светлый*, обладающим в обобщенно-синкретичном виде многими значениями вытесненных лексем, а также прилагательным *световой*, развившим терминологическое значение.

Утрата современным человеком пиетета в восприятии световых явлений, проявлявшегося, в частности, в самом факте существования указанных композитов, является результатом рационализации уклада жизни и сознания современного человека в ущерб повышенно-эмоциональному восприятию световых явлений в древности.

Обратимся теперь к специфическим особенностям современного русского языка в плане средств выражения сложности, оттеночности и комплексности цвета. Источником конкретного языкового материала и языковых генерализаций для анализа композитов послужили несколько монографий (Василевич 1981; Василевич и др. 2005; Краснянский 2000), словарь СЭРЛЯ, ряд публикаций по отдельным цветоименованиям, а также собранные нами эксерпции из художественной литературы.

Большие возможности для цветового творчества, порождения новых цветообозначений содержатся в конструкциях «цвета...» и далее следует

прототипический объект. Такие конструкции заполняют многие лакуны, имеющиеся в системе цветообозначения и нередко служат эстетизации выражаемых цветовых реляций (ср. *цвета мокрого асфальта, цвета крепкого чая, цвета очень молодой зелени, цвета персидской сирени*).

К числу сложных цветообозначений относятся в первую очередь дву- (реже) трехсоставные термины цвета. В то же время сложными, с комплексной образной структурой, являются и словосочетания типа: *предпасхальная бирюза московского неба, нефритовая зелень средиземноморской сосны* (Василевич и др. 2005). В то же время, возможны и цветообозначения с осложненной комплексностью на базе композитов и словосочетаний одновременно, ср.: *кирпично-красный с белым налетом*. Цветовые сложения способны передавать:

- 1) разнообразные комплексные модификации оттенков маркируемого цветом объекта, «оттеночный комплексный цвет» (Краснянский 2000, 19): серо-буро-малиновый цвет, зелено-голубая вода (там же, 18–19);
- 2) двухцветность (трехцветность): бело-сине-красный флаг;
- 3) чередование цветов — например, полос цвета, равновеликих или неодинаковой толщины, которые, отметим, нередко называются в определенной традиционной последовательности лексем (более интенсивно окрашенный цвет обычно идет первым, однако с пастельными цветообозначениями, розовым и голубым, очередность иная — ср. *бело-голубая, бело-розовая* полосы);
- 4) цветовые наплывы (вкрапления, переходы);
- 5) модификации цветности, осуществляемые с помощью таких модификаторов, как темно-, светло-, ярко-, тускло-, матово-, густо и др.;
- 6) цветосветовые явления: *ослепительно-золотой*.

Среди цветовых композитов есть узуальные, канонические, представляющие собой частотные и привычные модели (*пепельно-серый, молочно-белый, небесно-голубой*), и новообразования, отражающие процесс постоянного развития колористических сложений и словосочетаний (ср. *неоново-голубой* (СОК), *химически-малиновый* (там же), *шиферно-серый* (там же)). Одни неологизмы имеют шанс закрепиться в языке, другие же — с исчезновением их прототипического предмета-эталоны (например, шифера) могут исчезнуть без следа или в связи с дезактуализацией своего прототипа сократить сферу употребления — что скорее всего произойдет, например, с цветообозначением *чернильно-фиолетовый* (подробнее см.: Краснянский 1996; 2000).

Современный период развития русского языка характеризуется, прежде всего, развитием сложных цветообозначений. Как нам представляется, это связано с изменениями цветовосприятия у современного человека, с его стремлением к дифференциации и детализации цветовых реляций, что в свою очередь может приводить к «разделению» оттенков, «отъединению» их друг от друга» (Кульпина 2004-а, 29–32).

II. Словарь терминов цвета русского языка

Вводные замечания

Ниже описываются цветолексемы, бытующие в современном русском языке, а также те лексемы, которые представляются нам важными с точки зрения истории формирования системы цветообозначений. Анализируемые слова распределены по хроматическим категориям, или концептам.

В данной работе стремлением автора было, в частности, обдумывание проблем выработки метаязыка цветоописания и лексикографической презентации терминов цвета. В то же время схематическая строгость описания не являлась самоцелью, так как на первом плане находилась проблема адекватного отражения семантики цветолексем.

В результате предварительного анализа были отобраны самые актуальные, характерные и обладающие наибольшей наглядностью значения терминов цвета и фразеологических оборотов, базирующихся на этих терминах цвета. Семантизации типа, СЕРЫЙ: «...получающийся при смешении черного с белым» (МАС) или ЗЕЛЕНЬЙ: «один из цветов солнечного спектра, находящийся между желтым и голубым» (БТС) и другие подобные, несмотря на их широкую распространенность в одноязычной лексикографии, не используются нами как базовые, ибо они ориентированы на аспекты экстралингвистической действительности (способ получения краски или описание места цвета в пределах солнечного спектра) и отсюда недостаточно наглядны с точки зрения презентации собственно лингвистической колористической семантики.

Более предпочтительными признаются способы описания семантики терминов цвета через указание на цвет эталонного предмета-прототипа — например, КРАСНЫЙ: «цвета крови», СИНИЙ: «цвета неба в безоблачный солнечный день» и т. п.

Словарная статья на заглавное слово-цветонаименование, как правило, содержит следующую информацию:

- а) указание на исходный ареал распространения слова, например, *И.-е.* — индоевропейское, *о.-слав.* — общеславянское, *Тюрк.* — тюркизм, *Греч.* — грецизм, *Европ.* — европеизм, *Галл.* — галлицизм и др. под. При выявлении такого рода информации возникает целый ряд сложностей объективного характера;
- б) датировка цветообозначения (самая старая из зафиксированных);
- в) основные значения в современном языке. Основным источником описания семантики современных терминов цвета были академические толковые словари русского языка: БАС, СО, СОШ, МАС и БТС. Из перечисленных словарей отбирались наиболее, на наш взгляд, адекватные языковому материалу семантизации. Иногда для сопоставления приводятся семантизации из разных словарей;
- г) этимологические данные. Источником этих данных явились, главным образом, ИЭС, СлРЯ, СС, ЭССЯ, а также словари Срезневского и

Фасмера. Период появления и функционирования каждой лексемы приводится по датировкам указанных словарей, а также по данным Н. Б. Бахилиной (1975);

- д) сфера денотации, определяемая простым перечислением типичных объектов, регулярно маркируемых с помощью данного цветообозначения;
- е) основные функции цветообозначения в словосочетании с именем объекта;
- ж) семантические оппозиции с другим цветообозначением (например, *светлые волосы / темные волосы*);
- з) устойчивые сравнения и словосочетания с данным термином цвета, его переносные значения и распространенные коннотации. При описании фразеологии помимо указанных выше толковых словарей использовались также данные ФСРЯ, цитации из научных, публицистических и художественных текстов, а также материалов автора (Кульпина 2001; 2002);
- и) ономастический материал, базирующийся на терминах цвета;
- к) деминутивные модели: красенький, синенький;
- л) редупликации: желтый-прежелтый, белым-бело;
- м) цветовые этнолингвистические предпочтения, бытующие среди носителей русского языка и фольклорные мотивы, базирующиеся на терминах цвета.

Наряду с вышеназванным, словарные статьи могут содержать и другой релевантный для данной цветолексемы материал. Используются также пометы типа *книжн.*, *разг.*, *поэт.*, *устар.* (устаревшее слово) и *ист.* (историзм), указывающие на сферу распространения цветолексем и хронологию их употребления.

И последнее. Для наглядности принята следующая система шрифтов:

КОНЦЕПТ БЕЛОГО ЦВЕТА — название хроматической категории;

ОРАНЖЕВЫЙ — концепты или субконцепты в пределах хроматической категории, характеризующиеся наряду с общими цветовыми значениями с концептом, и собственными релевантными цветовыми признаками;

ВИШНЕВЫЙ — заглавные слова, значимые для современного русского языка;

БЛЕДНОВАТЫЙ — дериват заглавного слова (передает его оттенок в тех случаях, когда он релевантен с точки зрения цветоописания).

Порядок следования заглавных слов-цветообозначений в пределах словарной статьи не является жестко заданным, так как иерархия пунктов и включение/невключение какого-либо из них зависит от главенствующих, прототипических, признаков в семантике заголовочного слова и наличия/отсутствия каких-либо из признаков в семантике анализируемой лексемы. В случае полихромности лексемы, в текстах соответствующих словарных статей даются отсылки к ее описанию в составе других концептов.

КОНЦЕПТ БЕЛОГО ЦВЕТА

В рамках концепта белого цвета обычно описываются как цветовые ахроматические или близкие к ахроматическим, термины цвета, так и светолексемы³.

БЕЛЫЙ. *И.-е. противоп.* черный; «Очень светлый <...> Ясный, светлый (о времени суток, о свете) <...> Чистый» (МАС).

Относится к ахроматическим цветам, лишённым признака «цветности» (наряду с *черным* и *серым*).

Семантическая мотивация: «Цвета снега, молока, мела» (МАС). Сравнение со снегом неслучайно стоит в этом ряду первым — его приоритетность в качестве характеристики белого цвета в русскоязычном ареале имеет много подтверждений, и в частности, в пословичном творчестве (ср. пословицу ‘Белее снега не будешь’, в которой снег является своего рода эталоном белизны).

Прототипические сравнения, самые древние: ‘белый как снег, волна (овечья шерсть), руно, молоко, сыр...’; несколько более поздние сравнения — ‘белый как мрамор, пена, чеснок...’ (Бахилина 1975, 9).

Этимология: Исконнородственно др.-инд. *bhālam* ‘блеск’, *bhāti* ‘светит, сияет’, литов. *bojioti* ‘отливать белым, белеть’, латыш. *bāls* ‘бледный, блеклый’, литов. *balas* ‘белый’ (Фасмер). Ст.-слав. бѣль (а также бѣлити и бѣлость (СС, 106),

Сфера денотации: природные явления: ‘белые облака’, ‘белый туман’, ‘белый снег’ (постоянный эпитет), ‘белые ночи’ (*перен.*); артефакты: в онтологической функции: ‘белая бумага’, ‘белое платье’, ‘белый халат’, ‘белый парус’; в терминологической функции: ‘белое железо’ (оцинкованное); в культурномаркированной функции: ‘белые’ (в отличие от ‘черных’) шахматные фигуры (ср.: ‘играть белыми’), ‘белая статуя’; животные: в онтологической функции: ‘белая кошка’; в видовой функции: ‘белый медведь’, в функции постоянного эпитета: ‘белый лебедь’ (*нар.-поэт.* ‘белая лебедь’), ‘белый вист’, ‘белый голубь’, ‘белая чайка’; растения: в онтологической функции: ‘белый цветок’; в видовой функции: ‘белая акация’ (в отличие от желтой), ‘белый налив’ (сорт яблок); в функции постоянного эпитета: ‘белая береза’; грибы: ‘белый гриб’; минералы: ‘белый мрамор’.

Лексема имеет также значение ‘светлый’ или ‘очень светлый’ (МАС; СОШ). В указанном значении получают колористическую характеристику продукты питания — ‘белый хлеб’ (из сортовой пшеницы), ‘белый (липовый или клеверный) мед’, ‘белое мясо’ (грудки кур или индеек), ‘белый са-

³ Ряд исследователей говорят о первичности различения понятия света и вторичности цветоразличения, рассматривая эту закономерность как семантическую универсалию (Калыгин, Михайлова 2004; Мерзлякова 2003). Развитие семантики ряда лексем шло от понятия света к понятию цвета: «то, что семантика «белый» развивается часто из исходного значения «блестящий», является одной из семантических универсалий и наблюдается достаточно регулярно» (Михайлова 2003, 51).

харный песок' (хорошо очищенный), 'белое вино'; человек: *белыми* могут быть руки и кожа человека, а устойчивое сочетание 'белые ручки' ('белоручка') представляет собой неодобрительную оценку — так называют человека, который чурается труда; культурно-маркированная функция: термин белого цвета участвует в образовании целого ряда культурно-маркированных концептов: 'белая фата', 'белое подвенечное платье' невесты; этнолингвокультурная функция: этнолингвокультурными проявлениями любви к снегу и его поэтизацией в русскоязычном ареале является функционирование как в истории языка, так и в наши дни немалого количества сложнопроизводных прилагательных 'снегобелый', 'снегоподобный', 'белоснежный', а также *метафорических наименований* — ср. 'снежный', 'снеговой', 'снежаный', *ономастических формаций*: топонимов Снежногорск, Снежное, антропонимов Снежана, Снежина и других формаций на «снеговой» основе, а значит, базирующихся на концептуализации белого цвета. К образу снега обращено *перифрастическое словосочетание* 'белые мухи' — снежинки, а также 'Белая олимпиада' — зимние Олимпийские игры; на *перифрастической функции* основывается вторичное название Москвы — 'Белокаменная', а также строится целая семья *перифрастических номинаций*, сигнализирующих особую ценность чего-либо: 'белое золото' (о хлопке), 'белая нефть' (о газоконденсате). В поэтических текстах на русском языке термин белого цвета формирует ряд ассоциаций с цветущими весной садами — яблоневыми, вишневыми, с белой сиренью.

Термин белого цвета является одним из *этнически релевантных* — то есть особенно важных для русского этноязыкового сознания цветообозначений. 'Белый' может выступать как постоянный эпитет, маркирующий положительные свойства людей и предметов. Как указывает Ю. И. Смирнов, «у славян свой этнический мир всегда описывается светлыми красками. Свой этнический цвет — белый...» (Смирнов 1996, 60); 'белая' (о девушке) — хорошая, своя, наша (там же), 'белая береза' — хорошее, любимое дерево (Кульпина 2001, 295; 425).

Сема 'хороший' содержит целый ряд фразеологизированных номинаций с термином белого цвета. 'Белая изба / баня' — имеющая печь с дымоходом, то есть хорошая, добротная. *Белый* в данном случае может интерпретироваться как 'чистый' ('белая баня' — с дымоходом, выведенным наружу — в отличие от черной, без такового), 'белая вода' в значении 'чистая вода'. Значение *чистый* у термина белого цвета проявляется, в частности, в пословице «Мыло серо да моет бело» (БАС I, 385). С семой чистоты созвучна древнейшая *символическая функция* белого цвета, не утерянная и по сей день — это выражение святости. Так, в древних памятниках частотны словосочетания 'белые ризы' и 'св. Георгий на белом коне', в которых белый цвет является лишь средством выразить главное — причастность к святости (Бахилина 1975, 26–27). В современном языке в символической функции выступает интернационализм 'белый флаг'.

Применительно к волосам термин белого цвета означает 'светлорусый', 'белокурый' или 'седой' — ср.: 'белая борода', 'белый как лунь старик'.

Выступая с названиями источников света, это цветообозначение указывает на яркий свет ('белый свет прожекторов'). Оно может указывать на светлое время суток ('белый день'). *Фразеологический оборот* 'среди бела дня' означает [действовать] «открыто, у всех на виду, не стесняясь (разг. неодобр.)» (СОШ, 43). Совершенно иная семантика у фразеологизма 'белый свет': «земля, земной шар, человеческое сообщество» (БАС I, 383).

Ряд фразеологизмов выполняет *функцию указания на необычность*. Так, фразеологизм 'белая ворона' указывает на человека не такого, как все. Человек, которого называют 'белая кость' — это тоже человек не такой, как все, но кичащийся своим происхождением (в современном русском языке имеет иронический оттенок), а 'белый танец' (когда женщина приглашает мужчину) — это танец не такой, как обычно (когда инициатива танца исходит от мужчины).

В термине белого цвета может проявляться сема 'неизвестный, неизвестный, не проявившийся', ср.: 'белые места в биографии', 'белые пятна на карте', а также сема нереализованности, недостаточности чего-л., ср.: 'белый билет' (у мужчин, освобожденных от службы в армии, откуда 'белобилетник' «неспособный нести военную службу» — СОШ, 43), 'белые стихи'. В то же время в обороте 'пшито белыми нитками' проявляется семантика «скрывать, хитрить, делая это неловко, выдавая себя» (БАС I, 381).

Оппозиции: Термин белого цвета выступает как антипод термина *черный цвет*, причем с древнейших времен выполняет при этом символическую функцию. Противопоставление 'белые — черные' дихотомически делит сущности на две группы, например: 'белое духовенство — черное духовенство', 'белые / черные шахматные фигуры'. Эта оппозиция может принимать вид противопоставления внешнего и духовного. Ср. *паремию*: 'Рубаха черна да совесть бела'. В такого рода оппозициях 'белый' нередко предстает как положительно маркированный член, а 'черный' — как отрицательно маркированный. Такая дихотомия не всегда представлена в языке эксплицитно. Ср., например: 'черный пиар' в значении недозволенных методов продвижения своих взглядов и борьбы с соперниками (при отсутствии *'белого пиара'). Нередки ситуации, когда один из членов оппозиции дан эксплицитно, а другой подразумевается по умолчанию — ср. 'белое мясо' (например, куриное). Противопоставление 'белые — красные' отсылает нас ко временам Гражданской войны и противостояния сил, называемых в российской истории белыми и красными. Ср. также ниже оппозиции, построенные на базе дериватов от термина белого цвета.

Термин белого цвета с самого древнего периода образует большое количество *дериватов* — номинаций с самыми разными, в том числе *оппозитивными значениями*. Ср. употребление терминов белого и черного цвета в период средневековья: «Белый цвет используется в номинации человека, свободного от служения Богу (ср. бѣлоризыць 'мирянин' СС, 108), тогда как черный, напротив, человека, принявшего обет монашества (ср. чрьница 'монахиня'; чрьноризыць 'монах' чрьньсь 'монах' — СС, 783; Вендина 2002, 246–247). Ср. также противопоставление 'белец' — 'чернец',

при этом 'белец' (др.-рус., бѣльць) — это «человек, живущий в монастыре, но не постриженный в монашество (еще не чернец) — БАС I, 371.

Выступающая в терминологической функции номинация на базе термина белого цвета 'белодеревец' ('белодерёвец', 'белодеревщик'), указывает на человека, мастера, и дефинируется как «столяр, занимающийся изготовлением белых, т. е. не отделяемых окраской, протравой, полировкой и т. п. столярных изделий» (БАС). Она противопоставлена номинации на базе термина красного цвета 'краснодеревец' ('краснодеревщик') — «столяр, изготавливающий дорогие сорта мебели» (МАС).

Среди дериватов выделяются обозначения вещества. Так, 'белок' в значении «прозрачная часть яйца, белеющая при варке», противопоставлен 'желтку' как густому желтому веществу в курином яйце (СО). В то же время 'белок' как «выпуклая непрозрачная белая оболочка глаза» в цветовом плане противопоставлен 'радужной оболочке глаза' («часть оболочки глаза, по цвету к-рой различают цвет глаз» — голубой, карий и т. д. — СО). А вот в значении «сложное органическое вещество, важнейшая составная часть животных и растительных организмов» 'белок' не имеет оппозитивной цветовой лексики, коррелируя с термином 'углеводы'. К числу дериватов относятся еще этноним 'белорус', наименование женщины 'белянка' («светловолосая или белолицая» — МАС), название профессии 'белошвейка' («швея, шьющая белье» — МАС).

Имеется целый ряд терминологических номинаций, в том числе исторических, например, 'белоподкладочник' (*ирон.*): «студент-аристократ, враждебно относящийся к демократическому и революционному студенчеству (название дано по белой шелковой подкладке верхней одежды, которую носили эти студенты)» (БАС); к историческим терминам относится также термин 'белоэмигрант'. К области медицины относятся 'белые кровяные тельца' (лейкоциты), 'белокровие' (лейкоз). Большое количество номинаций обозначает животных по характерной белой или светлой окраске всего животного или его части. Ср.: заяц 'беляк' (меняющий зимой окраску на белую — в отличие от 'русака', не меняющего окраску), детеныш тюленя 'белёк', птица 'белоглазка' («с характерным ободком из белых перышек вокруг глаз» — МАС I, 78), рыба семейства карповых 'белоглазка', лососевая рыба 'белорыбца', осетровая рыба 'белуга', полярный дельфин 'белуха'. Ряд номинаций на базе термина белого цвета обозначает растения: 'белогурка' (сорт яровой пшеницы), 'белоус' (растение болот и пустошей).

: *Деминутивные формации*: 'беленький', наряду с собственно деминутивной функцией, в лексикализованных формациях разговорной речи 'беленький', 'беленькая', служит характеристике человека по цвету волос, обозначая человека со светлыми волосами — блондина или блондинку; 'белёхонький'/'белёхонек' (*разг., нар.-поэт.*), 'белёшенький'/'белёшенек' (*разг., нар.-поэт.*) означают высокую степень белизны, а также чистоты.

Формации с элементом 'бело-' представляют собой сложения, указывающие на белый цвет материала (в изделиях, постройках и т. п.), например, 'беломраморный': «изготовленный из белого мрамора, облицованный

белым мрамором», а также сложения с элементами, обозначающими части тела людей: 'белотелая'; животных: 'белогривый'; части растений: 'белоствольная'; а также сложения с другими семантическими типами производящих основ. Формации с элементом 'белый', как правило, имеют эстетическую ценность, обозначая высшую степень белизны: 'кипенно-белый'). Аналогичным образом формируется и семантика словосочетаний с термином белого цвета, например, 'ослепительно-белый'.

Редуцированная формация 'белым-бело' чаще всего означает заснеженное пространство, например, 'во дворе белым-бело' — так говорят об окрестностях после того, как выпал первый снег или после обильного снегопада; возможны также выражения с названиями цветущих белыми цветками растений, например, 'белым-бело от сирени, черемухи, от вишневого или яблоневого цвета' и в других сходных ситуациях. Формация 'белый-пребелый' означает высшую степень белизны.

БЕЛОВАТЫЙ Не совсем белый: «Приближающийся цветом к белому, с белым оттенком, отливом; белёсый: туман, осока» (БТС).

Ниже приводятся лексемы, специализированные для обозначения цвета волос.

БЕЛОБРЫСЫЙ (*разг.*). «С очень светлыми, белесыми волосами, бровями, ресницами» (МАС). *Этимология*: от праслав. **bry, brъve* 'бровь' т. е. «белобровый» (Фасмер). *Сфера денотации*: внешность человека: волосы, челка, мальчик (БТС).

БЕЛОКУРЫЙ «Светло-русый, со светло-русыми волосами» (СО; СОШ). «Со светлыми волосами <...> Светло-русый» (МАС). Имеет образную основу и сформировалось на базе сравнения — о чем свидетельствуют *этимологические данные*: «первонач. 'словно покрытый белой пылью', от *курить*. Ср. польск. *kurz* 'пыль'» (Фасмер). *Сфера денотации*: внешность человека: волосы, кудри, чуб, человек.

РУСЫЙ *И.-е.* XI–XIV вв. В современном русском языке обозначает светлые волосы. *Этимология*: др.-рус. *русь* из **rudsъ*, связанного с *рудá, рудый, рдеть, ржский*. Ср. литов. *raĩsvas* 'красноватый'... *rustés* 'жаровня', латыш. *rusis* 'коричневый', *rūsa* 'ржавчина', лат. *russus* 'красный, рыжий' (Фасмер).

В толковых словарях русского языка мультиплицируется единственная семантизация «со светло-коричневыми волосами (о человеке)» (СО; СОШ; МАС; БТС). Такое цветоопределение волос для носителя русского языка звучит не вполне естественно — ведь по-русски термин цвета *коричневый* в отношении волос не употребляется — он специализирован на артефактах — подробнее см.: (Рахилина 2000).

В современном русском языке *русый* понимается как 'темный блондин' или просто 'блондин'. Видимо, семантика лексемы получила импульсы к своему развитию и изменению на основе фонетического сходства с этнонимом 'русский' и блондином как прототипом и стереотипом русского человека — при этом совсем не имеется в виду, что, к примеру, в Рос-

сии блондинов количественно больше, чем брюнетов (в том числе и среди тех, кто относит себя непосредственно к русскому этносу)⁴.

Сфера денотации: с помощью термина цвета 'русый' могут получать цветоопределение голова (головка), борода, косы, кудряшки, метонимически весь человек.

Лексемы, утратившиеся в ходе развития русского языка (историзмы):

БРОНЬИЙ (*ист.*). X–XI вв. *И.-е.* (предположительно). «Белый, светлый» (Фасмер). Срезневский определяет слово *броньий* как «бело-серый, скворечий, буланый» (цит. по: Бахилина 1975, 27). *Этимология:* «ц.-слав. *бронь* 'белый' <...> Вероятно, родственно др.-инд. *bradhñás* 'рыжеватый, буланый'» (Фасмер). По данным «Индogerманского этимологического словаря» Й. Покорного, родословная этого цветообозначения идет от и.-е. **bher-*, и само слово *броньий*, по-видимому, старославянское (цит. по: Суrowцова 1976, 138). *Сфера денотации:* лошадиная масть.

ГРЕНИЙ (*ист.*) (грѣнии). Белый. Специализировано на обозначении масти лошадей (Срезневский).

ПОЛОВЫЙ/ПОЛОВОЙ (*ист.*). См. *концепт желтого цвета*.

БЛЕДНЫЙ. *И.-е.* X–XI вв. «Слабо окрашенный, невыразительный» (СО); «Без румянца, лишенный естественной окраски (о цвете лица)», «слабо окрашенный, неяркий», «слабый, неяркий, тусклый» (о свете) (МАС); «Почти белый», «беловатый», «слабо окрашенный», «тусклый», «неяркий» (ИЭС).

Этимология: Ст.-слав. блѣдъ 'бледный' (СС). «литов. *bleidnas* «бледный», по-видимому, заимств. из слав. <...> Ср. еще литов. *blaĩvas* «бледный, блеклый» < **blaidvas*... » (Фасмер).

Сфера денотации: светила — солнце, луна, звезды, а также слабо освещенное небо (небосклон); растения (например, цветы анемоны); грибы (например, 'бледная поганка' как часть видового названия), человек, «не имеющий румянца (о человеке и его лице; обычно как показатель болезни или какого-л. эмоционального состояния), а также кожа, загар, лицо, губы, щеки человека (БТС); эмоции: человек может быть бледным от страха; в сфере выражения эмоций (смятения чувств) 'бледный' составляет оппозицию с цветообозначением 'красный' — ср. 'то краснея, то бледнея'; физические воздействия: причиной бледности может стать потеря крови; артефакты, частотно в отношении краски, например, краски на куполах; нередко фиксирует частичную утрату окрашенности в связи с внешними воздействиями — дождя, солнца и в целом с ходом времени.

Устойчивые сравнения: 'бледный как полотно, как смерть' (*усилит.*) (БТС). В переносных значениях — неотчетливый, смутный (о воспоминаниях) (там же); невыразительный, лишенный своеобразия (язык произве-

⁴ Заметим, что в болгарском языке *рус* также означает «русый, белокурый, блондин», аналогичное значение имеет этот термин цвета и в сербском языке. В то же время, в словенском языке данное цветообозначение относится к иной хроматической категории (Суrowцова 1976, 143).

дения, его стиль). Частотны фразеологизмы типа 'бледная немочь' (об очень больном человеке), 'иметь бледный вид' (выглядеть жалким, растерянным) (там же).

В наречной форме 'бледно-' широко употребляется в качестве *модификатора цветности* (ср. *бледно-голубой*), и в этом качестве антонимичен модификатору цветности 'ярко-'.

БЛЕДНОВАТЫЙ 'Не очень хороший. Не очень качественный'. Данное цветообозначение аксиологически маркировано — его нередко употребляют в оценочно-неодобрительном плане, в плане нехватки цветности — например, говоря об *артефактах*: расцветке какой-либо ткани, о *внешности человека*: цвете лица, о *продуктах питания*: пирожках, которые не поджарились и поэтому, возможно, не пропеклись. *Перен.* 'Выглядеть бледновато' означает 'выглядеть жалко, беспомощно' (БТС). Частотны образования типа 'бледненький', *разг.* 'бледнешенький', 'бледнехонький'.

БЕЛЕСЫЙ/БЕЛЁСЫЙ. «Беловатый, тускло-белый» (СО); «Тусклый и светлый до белизны» (МАС); «Тускло-белый, беловатый» (БТС). *Этимология*: «производное от *белый* с суф. *-ес*» (Фасмер). *Сфера денотации*: *внешность человека*: волосы, брови, ресницы; *природные явления*: туман, солнце.

БЛЕСТЯЩИЙ. *О.-слав.* Светолексема от *блеск*: X–XI вв. «Сверкающий, с ярким блеском» (СОШ).

Этимология: от «*блеск*, рус.-ц.-слав. *блѣскъ* <...> родственно литов. *blaiškstaũs, blaiškštũtis* «проясняться», *blyškėti* «сверкать» (Фасмер). Ст.-слав. *блискъ* 'молния'; *вансцанник* 'блистание, сияние, блеск'; *вансцати сѧ* 'сверкать, блистать, блестять' (СС).

Сфера денотации: блестящими могут быть: человек — его глаза, губы, волосы, а также окружающие его *артефакты* — ткани (например, шелк), блузка, плащ, бусы, поверхности никелированных предметов (чайник, кастрюля...). Качеством блеска могут быть наделены и *природные объекты* — солнце, звезды, лед. *Блестящий* в русском языке часто выступает как *модификатор цветности*, так как сема блестящего может налагаться на собственно цветовые значимости. Ср.: 'блестящий красный шар', 'блестящий голубой лед'.

Оппозиции: по признаку наличия блеска и его отсутствия составляет оппозиции с лексемами *тусклый* и *матовый*.

Лексема 'блестящий' развивает целый ряд значений, которые можно определить как *суперлативные*: «великолепный, превосходный, замечательный» (СО). Этот ряд переносных значений осциллирует вокруг общего значения *совершенства* — как совершенства человека, так и перфекционизма при выполнении какой-либо работы: 'блестящий успех', 'блестящий лектор', 'блестящее будущее'. Данное общее значение получает различные модификации в зависимости от сферы употребления лексемы 'блестящий'. Так, в метаязыке музыки эта лексема указывает на виртуозность исполнителя (*Кульмина* 2003, 113). Ср. также *фразеологический оборот* 'Дела идут блестяще' (или 'Дела не блестящи').

Образует синонимический ряд вместе с *блещущий*, *блстающий*, *сияющий*, *сверкающий* (Новый объяснительный словарь... 2004, 28–32). Такими определениями могут наделяться звезды и глаза (стершаяся метафора), а также поверхности артефактов, вызывающие своим блеском/сиянием эстетический эффект.

СВЕТЛЫЙ. *И.-в.* X–XI вв. Преимущественно светолексема. «1. Излучающий сильный свет. <...> 2. Хорошо освещенный, яркий. <...> 3. Ясный, прозрачный. <...> 4. Менее яркий по цвету по сравнению с другими, бледный, не темный. <...> 5. *перен.* Радостный, ничем не омраченный, приятный (высок.). <...> 6. *перен.* Ясный, пронизательный» (СО, 610).

Лексема существует в языке столь длительный период времени, что система ее значений значительно разветвилась, образовав сложный многоплановый концепт. В современной семантике лексемы переплетены световые и цветовые аспекты, при этом главенствующими являются аспекты световые. С одной стороны, 'светлый' есть светоизлучающий (знач. 1), то есть являющийся источником света, с другой стороны — яркий и освещенный, то есть являющийся объектом освещения (знач. 2). С третьей же стороны — есть аспект свободного светопроникновения, проецирующегося в ясность и прозрачность объекта (знач. 3), а также ясности и незамутненности ума (в связи со свободным светопроникновением) — знач. 6. В связи с тем, что явление света в языковом сознании человека издревле имело положительные коннотации, это выразилось в формировании знач. 5, отражающего отношение к свету как к необычайно хорошему, радостному явлению, затрагивающему высшие чувства человека. В значении же цветового плана (4) явственно проступает аспект оппозитивности, служащий базой для формирования многочисленных оттенков (ср. *светло-голубой*, *светло-желтый*).

Этимология: Ст.-слав. свѣтъль 'светлый, сверкающий, белый' (СС) «др.-рус., ст.-слав. <...> свѣтъль <...> Праслав. *svěťь от *svěťь»; от «свет <...> др.-рус. свѣтъ, ст.-слав. свѣтъ <...> Праслав. *svěťь связано чередованием гласных со ст.-слав. *svěťiti сж «светиться», свитати. Родственно др.-инд. svētás «светлый, белый», авест. spaēta — то же, литов. šviēsti, šviēčia «светить», šveišti, šveičiū «чистить, наводить лоск», švitėti «блестеть, мерцать», švitras «наждак», др.-инд. svitrás «белый», др.-перс. spīθra — то же...» (Фасмер).

Сфера денотации: определение 'светлый' получают: излучающие свет источники света — естественного (солнце) и искусственного (лампа); время суток: 'светлый день'; 'светлая ночь', хорошо освещенная местность или отрезок территории: 'светлая поляна', помещение: 'светлая комната'. Ср. также лексемы положительной оценки освещенности: 'светлым-светло' — когда в помещении или на улице очень светло, и 'светлень' — обычно употребляемое в отношении очень светлой ночи.

Оппозиции. Выступая в значении 'не темный', 'антипод темного', рассматриваемая лексема может относиться: к человеку: 'светлые глаза',

‘светлая кожа’, ‘светлые волосы’; ср. также ‘светленький’ — человек со светлыми волосами в противоположность ‘тёмненькому’ — человеку с темными волосами, и ‘чёрненькому’ — человеку с черными волосами; к эмоциональной сфере: ‘светлое настроение’, ‘светлый взгляд’ в противоположность, например, черному настроению, угнетающему эмоциональную сферу; к артефактам: ‘светлые краски’, ‘светлое пальто, обои’; к воде: в этом случае *светлый* указывает на светлый цвет, ясность, прозрачность — ср. ‘светлая вода’ в реке (в отличие от темной), ‘светлый ручей’, *перен.* ‘светлый голос’ / ‘светлый тембр’ — высокий, чистого тембра.

Лексема ‘светлый’, содержащая во внутренней форме сему света, указывает на явления, повсеместно осмысливаемые как положительные, и развивает ряд переносных значений, обладающих положительными коннотациями. Ср. устойчивые обороты ‘светлое будущее’ (хорошее будущее), ‘светлая вера’ (оптимистическая вера), ‘светлая личность’ (в отличие от ‘темной (нехорошей) личности’), аналогично ‘светлый духом, душою’; ‘светлая голова’ (о талантливом человеке), аналогично: ‘светлый ум’.

В качестве постоянного эпитета светолексема употребляется в отношении пасхальных дней: ‘светлый праздник пасхи’, ‘светлое воскресенье’, ‘светлая заутреня’.

В зависимости от сферы употребления данной лексемы заключенный в ней положительный смысл может модифицироваться. Так, в метаязыке музыки *светлый* наиболее частотен в словосочетании ‘светлая мелодия’, и в этом случае приобретает почти терминологическое значение ‘лирическая мелодия’ (Кульпина 2003, 111).

К устаревшим значениям лексемы относится ее употребление «как постоянный эпитет царя, боярина» (МАС). Например: «Батюшка, светлый царь!» (там же).

В наречной форме элемент ‘светло-’ широко употребляется в качестве модификатора тона (ср. ‘светло-коричневый’), и в этом качестве он синонимичен модификатору ‘бледно-’ и антонимичен модификатору ‘темно-’; может употребляться в качестве метатермина цветности, служащего описанию других цветов (например, ‘голубой — это светло-синий цвет’).

СВЕТОЗАРНЫЙ (*поэт., нар.-поэт.*). Светолексема. «Озаренный ярким светом или излучающий яркий свет; сияющий, сверкающий» (МАС IV, 47); «1. Сияющий, сверкающий <...> 2. Наполненный радостью, счастьем» (БТС, 1158). *Сфера денотации*: природные явления: светозарными могут быть солнце (Даль IV, 159), облако; одежды (высокий стиль); романтические эмоции: ‘светозарная жизнь’ (БТС, 1158). В фольклорных текстах нередко является определением родины — так, в словосочетании ‘Светозарная Русь’ Русь предстает как озаренная светом или как источник света.

СЕДОЙ *И.-е. Слав.-балт.* (ИЭС). X–XI вв. «О волосах: белый вследствие потери окраски» (СО; МАС).

Этимология: Ст.-слав. *сѣдъ* ‘седой’ (СС). От «сѣдѣй <...> *сѣдъ* также *сѣдъ*, прилаг., с тем же знач. <...> Праслав. **xoido-* родственно **xoigo-* (см. серый)» (Фасмер).

Сфера денотации: волосы человека: голова, брови, борода, усы, виски (БТС), отсюда *фразеологизм* — обозначение временного предела ‘до седых волос’ (то есть до старости); животные: бобер, собака и др.; природные явления (седые — серовато-белые, белёсые): море, морская пена, туман; иней, мороз; рассвет.

Перен. ‘относящийся к далекому прошлому, древний’: ‘седые сказания, легенды’; ‘седая старина, древность’, ‘седые времена’.

СЕРЕБРЯНЫЙ *О.-слав.* X–XI вв. «Цветом или блеском напоминающий серебро» (МАС); «Блестяще-белый, цвета серебра» (БТС, 1178). Цветообозначение эстетически маркировано.

Этимология: от «серебрó <...> др.-рус. *сьребро*. Праслав. **сьrebro*, ср. литов. *sidābras*, латыш. *sidrabs, sudrabs*, др.-прусс. *siablan*, гот. *silubr* „серебро“... Это слово засвидетельствовано только в балт.-слав. и герм. По всей вероятности, древнее заимств. из какого-нибудь вост. языка» (Фасмер).

Ст.-слав. *сьребрьнь* ‘серебряный’ *сьребро* ‘серебро, серебряные монеты’ (СС, 678). К этому же периоду относится и высокопоэтическое выражение, содержащее сравнение слез с серебром: акты *сьребро съъзы върашгъ капаахъ по ланитгма на земьж* ‘Как серебро слезы горючие капают по щекам на землю’. Возможно, приведенный пример образного переосмысления существительного *сьребро* может говорить о том, что прилагательное *сьребрьнь* уже в древнейший период X–XI вв. могло существовать в качестве термина цвета.

Сфера денотации: частотно в отношении светил: луны, месяца, звезд, а также снега (снежинок) и инея. Употребляясь в отношении *седых волос*: ср. ‘серебряная седина’, ‘серебряные пряди’, создает положительный настрой в отношении «владельца» такой седины. Одно из особо любимых русским этносом цветообозначений, оно включается в названия литературных произведений («Князь Серебряный» А. К. Толстого); выступает в фамилиях (‘Серебряков’); служит номинационной базой топонимов и гидронимов (г. Серебрянск, река Серебрянка) и т. д. Создает благоприятный эмоциональный фон, положительно характеризует человека, другое существо или вещь, в отношении которых употребляется.

СЕРЕБРИСТЫЙ «Отливающий серебром; блестяще-белый» (БТС). Цветообозначение эстетически маркировано. **Сфера денотации:** природные объекты и явления: иней, облака, луна, блеск звезд; волосы / голова человека (о седых/седоватых волосах); вид растений: ‘серебристый ландыш’, ‘серебристый тополь’; вид / порода животных: ‘серебристый кролик’, ‘серебристый хек’, мех животных. Нередко выражает оттенокности: ‘серебристо-жемчужный’, ‘серебристо-серый’ (Василевич 1981, 36; 180).

ЯРКИЙ *Ср.-рус.* С XVI в. (ИЭС). От *ярый* (*ист.*): *о.-слав.* X–XI вв. Светолексема. Оценочный модификатор цветности. «1. Дающий сильный свет, сияющий <...> 2. О цвете: резкий по чистоте и свежести тона <...> 3. *перен.* Выдающийся в каком-н. отношении» (СО; близкой является и дефиниция в БТС).

Этимология: ст.-слав. *яръ* 'жестокий, суровый' (СС); «др.-рус. *яръ* <...> Сюда же относится *ярый* «яркий, сверкающий» <...> Праслав. **ǰarъ* родственно греч. ζῆρος «огненный, сильный, несмешанный (о вине)» <...> недостоверна связь с лат. *ira* «гнев», др.-инд. *irasyati* «гневаётся» (Фасмер). См. также *ярь*: «ярь-медянка, краситель, уже в XVII в.» (там же); «произв. от др.-рус. *яръ, ярый* 'весенний'» (ИЭС II, 47).

Сфера денотации: среди основных значений лексемы — «очень сильный, сияющий, ослепительный, излучающий яркий свет» (МАС). В этом значении сочетается с источниками естественного и искусственного света: светило, солнце, луна, звезды, молния, огонь, зарево, костер (ср. выражение 'ярко гореть'), лампа. В значении же «отличающийся чистотой и концентрированностью тона, цвета» (БТС) характеризует внешность человека с точки зрения насыщенности естественного цвета: глаза, румянец; растения: цветы, листва; артефакты: ленты, платья. В переносных значениях: «выделяющийся среди других по силе, воздействию и т. п., выдающийся в каком-л. отношении»; «производящий сильное впечатление своей убедительностью, выразительностью и т. п.» (МАС): ср. 'яркий талант', 'яркий пример', 'яркое впечатление', 'яркое явление', 'яркое доказательство', 'яркая игра', 'яркая речь'. В наречной форме 'ярко-' распространен в качестве модификатора цветности: ср.: 'ярко-розовый', антонимичен модификатору 'бледно-'; может употребляться в качестве метатермина цветности, служащего описанию других цветов, например, 'алый — это ярко-красный цвет'.

ЯРКОВАТЫЙ. 'Обладающий несколько излишней яркостью (о цвете и свете)'. Лексема с отрицательно-оценочной семантикой. **Сфера денотации:** источники света, в первую очередь искусственного, критически оцениваемые как слишком ярко светящие: свет, лампа; артефакты как носители слишком яркого цвета, критикуемые как безвкусные: ткани, предметы одежды.

ЯСНЫЙ *И.-е.* X–XI вв. Светолексема. Как и любая другая лексема, долго живущая в языке, развила полифонию значений, которую лексикографы стремятся учесть во всей их полноте, ср.: «1. Яркий, сияющий, светлый <...> 2. Ничем не затемненный, безоблачный, не пасмурный. <...> 3. *перен.* Ничем не омраченный, спокойный, чистый. <...> 4. Хорошо видимый, слышимый, осязаемый, воспринимаемый; отчетливый. <...> 5. Логичный, убедительный, четкий. <...> 6. Очевидный, не оставляющий сомнений в чем-л.» (МАС).

Этимология: ст.-слав. *яснь* 'ясный, чистый, отчетливый' (СС); «ясный = *ясньны* 'ясный'» (Срезневский). «Др.-рус., ст.-слав. *яснь*. <...> Отсюда *ясня* «просека», *яска* «яркая звезда». || «Прасл. *(j)ěsnъ родственно литов. *aiškus* «ясный, четкий», *uškus* — то же, *ėiškus* — то же <...> а также *искра*, далее сближают с др.-инд. *uśas*, ср. р. «великолепие, пышность, блеск» (Фасмер).

Сфера денотации: природные объекты и явления: солнце, заря, небо, месяц, луна, погода, воздух, ночь; время суток: день, ночь: звездная

ночь; эмоции: *перен.*: в значении 'спокойный, ничем не омраченный': взор, взгляд, глаза, улыбка, душа, а также 'понятный, хорошо воспринимаемый'. Ср. (*разг.*) 'Ясно.' (Да, согласен, понял); 'Ясное дело!' (выражение согласия, подтверждения). Ср. также 'Вопрос ясен', 'Внести ясность', 'Привнести ясность'.

Оппозиции: антипод 'темного': 'ясное небо' — 'темное небо'.

Приводимые ниже цветообозначения не являются полностью ахроматическими; с рассмотренными лексемами, составляющими концепт белого цвета, они находятся в отношениях цветосветовой синонимии (*Василевич и др.* 2005).

ЖЕМЧУЖНЫЙ *Вост.-слав.* С 1161 г. (ИЭС). «Чисто белый с блеском, напоминающим жемчуг» (СОШ); «Цвета белого жемчуга, серебристо-белый, опаловый» (*Василевич и др.* 2005, 121). Эстетически ценное цветообозначение.

Этимология: от «жемчуг <...> др.-рус. *женчугъ* <...> Специфически вост.-слав. слово, восходящее к др.-тюрк. *jänçü* 1) «жемчуг», 2) название Сыр-Дарьи <...> вероятно, кит. происхождения» (Фасмер).

Сфера денотации: **внешность человека**: 'жемчужные зубы': об очень красивых зубах, **природные явления**: морская пена, мерцание звезд; **дерево**: ствол березы.

ОПАЛОВЫЙ *Европ.* «Молочно-белый, с желтизной или голубиной, цвета опала» (МАС; БТС); «Молочно-голубой, цвета опала» (СОШ); «Цвета молочного опала, матово-белый с радужный отливом; примерно то же, что *жемчужно-белый*» (*Василевич и др.* 2005, 122). Эстетически ценное цветообозначение. *Этимология*: *опал* — драгоценный камень молочного цвета. От др.-инд. *úpalaś* 'камень' через нем. *Opal* или фр. *opale* из лат. *opalus*, греч. *ὀπάλλος* (Фасмер).

Сфера денотации: **природные явления**: небо, море, дым, облако.

ПЕРЛАМУТРОВЫЙ *Европ.* XIX в. «Напоминающий перламутр своим блеском, нежностью окраски» (МАС; БТС); «Переливчатый, серебристо-розовый, напоминающий окраску перламутра» (СОШ); «Цвета белого жемчуга, серебристо-белый, опаловый» (*Василевич и др.* 2005, 122). Эстетически ценное цветообозначение. *Этимология*: от *перламутр*, *перломутр*, *перломут*, *берламот*. <...> Заимств. из нем. *Perlemutter* <...> *Perlenmutter* <...> то же <...> Ср. фр. *mère-perle*, ср.-лат. *māter perlarum* «мать жемчуга» (Фасмер). *Сфера денотации*: **природные явления**: капли дождя, вода в водоеме, облака; **внешность человека**: 'перламутровая бледность лица'; **животные**: раковины моллюсков как прототипический эталон цветообозначения; **артефакты**: пуговица, пряжка.

КОНЦЕПТ ЧЕРНОГО, ТЕМНОГО ЦВЕТА

ЧЕРНЫЙ *И.-е.* X–XI вв. «1. Цвета сажи, угля; *противоп.* белому <...> 2. Темный, в *противоп.* чему-н. более светлому, именуемому белым. *Ч. хлеб. Ч. гриб* <...>» (СО). Относится к ахроматическим цветам.

Имеет разветвленную систему значений, многие из которых подверглись процессам фразеологизации. Семантическую мотивацию, обращенную к цвету сажи и угля, имеют все дефиниции термина черного цвета, и все дефиниции содержат также в своем составе оппозитивную семантику сопоставления с белым цветом. В древнейших памятниках 'черный' мог употребляться в значении «не собственно черный (например, цвет сажи), а цвет темный, темнее, интенсивнее обычно свойственного данному предмету, например, *черные глаза, черные тучи* и пр.» (Бахилина 1975, 29).

Этимология: ст.-слав. чрънь 'черный' (СС); «др.-рус. чрънь» <...> Праслав. *čьръпъ из *čьръхъ, которое родственно литов. Kirsna — название реки, др.-прус. kirsnap «черный», др.-инд. kṛṣṇás, сюда же литов. kėršas «черно-белый, пятнистый» (Фасмер).

Сфера денотации: природные явления: дым, тучи, буря; внешность человека: 'черные глаза'; 'человек с черными волосами', аналогичное значение имеет разговорный деминутивный вариант 'черненький', 'черненькая' (о человеке с черными/темными волосами), 'черный от загара' (то есть с кожей, потемневшей от воздействия солнечных лучей), 'черный от сажи, от копоти' (то есть грязный и от грязи — темный); 'черные руки' может означать 'темные руки' (от грязной физической работы); животные: указывает на онтологию цвета ('черный щенок') и на род/вид животных — например, 'черная акула' (в отличие от 'белой акулы' и других видов акул, не получающих цветовых определений), 'черный дрозд', 'черный дятел' (в отличие от других типов); растения: указывает на онтологию цвета (черные ягоды) — и на род/вид растений — 'черная бузина' (в отличие от нечерной, «обычной», бузины), 'черный виноград' (в отличие, например, от зеленых сортов), 'черный лес' (лиственный лес); сорт/тип продуктов: 'черный хлеб' (из ржаной муки в отличие от белого и серого, изготавливаемых из пшеничной муки); 'черная (осетровая) икра' в отличие, например, от красной (кетовой); 'черный кофе' как чистый продукт без примесей, коррелирует с другими типами кофе — например, растворимым, со сливками, капучино, желудёвым; 'черный чай' (в отличие от зеленого и др. различающихся по цвету сортов) и т. д.; артефакты: 'черная краска; очки; шашки; костюм, платье, шляпа'; в сфере артефактов может проявляться культурно-маркирующая функция: 'черный костюм', 'черный фрак' — как вид элегантной одежды для особо торжественных случаев; 'черное платье', 'черный костюм', 'черный платок' и т. п. как показатель траура, ср.: 'женщина в черном' (в трауре); перифрастическая функция: 'черное золото' (о нефти); эмоциональная сфера: в ряде переносных значений проявляется значение «грустный, безрадостный»: 'черное настроение', 'черная тоска', 'черные мысли', 'черный год'; 'тяжелый': 'черные дни', 'черный день, период, год, черная полоса жизни', 'черные страницы истории', 'черная работа' (тяжелый неквалифицированный физический труд). Ср. также 'черная сторона жизни' (аналогично 'темная сторона жизни') в смысле 'грустная сторона жизни'; 'черный (почерневший) от горя' (ср. *Лицо стало черным от горя*). С помощью термина черного цвета в словосочетаниях 'черная душа', 'черная зависть', 'чер-

ные деяния', 'черная измена', 'черные мысли' и т. п., рисуется отрицательный облик человека — низкого и коварного (МАС).

Фразеологические обороты: «изобразить что-н. в черных красках»; «видеть все в черном свете» обозначают пессимистический взгляд на вещи (СО). *Пословица* «Черного кобеля не отмоешь до бела» говорит об устойчивости некоторых отрицательных человеческих качеств. В ряде *устойчивых сочетаний и оборотов* с термином черного цвета присутствует семантика таинственности, магичности, ср.: 'черная кошка', 'черная магия' и др.

В сочетании 'черная изба' (курная изба) лексема служит указанием на реалии. Другие примеры употребления в терминологической сфере: 'черная дыра' в астрономии, 'черный болт' (необработанная заготовка для болта) в металлообработке, 'черный дуб' (мореный) в деревообрабатывающей промышленности.

В значении 'не основной, а побочный' употребляются такие словосочетания, как 'черный ход', 'черная лестница' — при этом предполагается, что есть и основной вход, и основная лестница.

Оппозиция черного и белого широко представлена в обозначении художественных артефактов — белые и черные клавиши фортепьяно, аналогично: фигуры в шахматах. В оппозиции 'черная смерть' — 'белая смерть' ее первый цветовой компонент означает быструю смерть (от чумы), а 'белая смерть' символизирует медленную смерть (на почве излишнего потребления сахара и соли или от наркотиков), при этом метафора белой смерти подкрепляется образом белого цвета сахара, соли, а также наркотических веществ такого же цвета.

Оппозиция черного и белого с древних времен имела символическую значимость. «Прилагательное *черный* в древних памятниках используется, как и *белый*, в христианской символике, где *черный* значит, в противоположность *белому*, 'принадлежащий темным силам', 'причастный к сонмищу бесов'...» (Бахилина 1975, 29).

'Черный' в ряде фразеологических оборотов может означать 'нелегальный', 'опасный', 'вредный': 'черная биржа' указывает на нелегальную деятельность, 'черный список' — на нелегально, тайно существующий некий список, включение в который знаменует собой опасность. В обороте «Черное дело сделал кто-н.» термин черного цвета указывает на вредные действия с роковым результатом.

Композит 'черно-белый' указывает на двухцветность объекта (ср. словосочетание с этими контрастными цветообозначениями в «двухцветном» имени собаки 'Белый Бим Черное Ухо') или на чередование черного и белого цветов: 'платье в черно-белую клетку'.

В переносных значениях указанный композит сигнализирует примитивный, упрощенный взгляд на вещи, без учета нюансов.

Редупликативная формация указывает на заполненность какого-то пространства предметами черного цвета: (*черным-черно от...*).

Термин черного цвета образует большое количество дериватов с самыми разными значениями: 'черноголовка' (травянистое растение), 'чернотал' (кустарник, один из видов ивы), 'черноколоска' и 'черноуска'

(сорта пшеницы), 'чернокорень' (ядовитое растение), 'чернотоп/чернотроп' (из речи охотников) — часто употребляется в значении дорог в осенние холода до первого снега.

ВОРОНОЙ. *О.-слав.* «Черный (о масти лошади; о лошади этой масти)» (БТС). Ср.: вороныи 'вороний', враньи 'вороной, черный' (*Срезневский* I. Стб. 303, 313). *Этимология:* от «вброн, вороной «черной масти». Исконнородственно литов. *vařnas*, др.-прус. *warnis* 'ворон'...» (Фасмер). И.-е. корень *uer- 'жечь', сжигать, делаться черным' (ИЭС). *Сфера денотации:* с древних времен специализировано на обозначении масти лошадей: конь, жеребец.

ЖГУЧИЙ/ЖГУЧЕ-ЧЕРНЫЙ Особенно насыщенный черный цвет. *Этимология:* от «жгу, жечь, диал. инф. *жечи, жегчи* <...> ст.-слав. *жешти, жегж* <...> праслав. **žegъ* из **gegъ* <...> др.-прус. *жыгж* <...> Родственно литов. *degù, dėgti* «жечь», латыш. *dego, degt* «гореть», др.-инд. *dāhati*...» (Фасмер). *Сфера денотации:* прежде всего волосы, например, 'жгучий бронеет' — «человек с совершенно черными волосами» (СО).

ИССИНЯ-ЧЕРНЫЙ Черный с синим отливом. *Сфера денотации:* внешность человека: волосы.

ЦВЕТА ВОРОНОВА КРЫЛА Насыщенный черный цвет. *Сфера денотации:* в первую очередь внешность человека: волосы.

ЧЕРНЯВЫЙ (*разг.-сниж.*) «Темноволосый и смуглый» (БТС). *Сфера денотации:* внешность человека: волосы, голова, губчик, кожа.

ТЕМНЫЙ *О.-слав.* X–XI вв. «Лишенный света, погруженный во тьму, а также по цвету близкий к черному, не светлый» (СО), «со слабым, скудным светом» (МАС). *Этимология:* «др.-рус., ст.-слав. *тъмьнъ* <...> Из *тъмьль* от **тъма* <...> из **temenos*...» (Фасмер). Ср. также в Старославянском словаре основные значения лексемы *тъмьнъ* и ее переносные значения, восходящие к X–XI вв.: 1) 'темный, неосвещенный, лишенный света'; 2) 'темный (по цвету); черный'; *перен.* 'плохой, дурной'; *перен.* 'темный, непонятный'.

Сфера денотации: природные объекты и явления: небо, тучи, вода; время суток: ночь, день; совокупность растений: 'темный лес' (это или густой лес, в котором мало света, или лиственный лес); местность, помещение: город, комната; путь: дорога, аллея, лестница; внешность человека: 'темные волосы, глаза'; артефакты: очки, одежда (костюм, платье), ср.: 'женщина в темном'; серебро; зеркало; продукты: мука, хлеб.

Переносные значения: «сомнительного свойства или репутации, непорядочный, неблагоприятный, подозрительный» (МАС); лексема развивает также значения чего-то непонятного, сокрытого от глаз или даже наводящего на подозрения — например, 'темные дела (делишки, деянья)', темная история', 'темные силы'. В карточных играх 'играть втемную' — «заявлять о желании играть, не посмотрев своих карт, наудачу» (РИБС, 160), но в современном языке развилось и более общее значение: если кто-то

играет втемную — значит, что-то скрывает. Ср. также *фразеологические синонимы* 'темная личность' и 'темная лошадка', означающие подозрительного человека с неясным прошлым. В эмоциональной сфере выявляется значение — «несущий, причиняющий зло, вред, низкий, злобный, дурной» (МАС), связанное с разрушительными эмоциями: 'темное предчувствие', 'темная злоба'.

С соматическими проявлениями эмоциональной сферы человека связан *фразеологизм* 'в глазах потемнело (помутилось, позеленело)', означающий, что «кому-либо становится дурно, плохо, обычно от усталости, слабости, волнения и т. п.» (ФСРЯ).

Цветотермин 'темный' составляет оппозицию со 'светлым'. Ср.: 'темная сторона жизни' (то есть мрачная и безрадостная) — 'светлая сторона жизни'. Во фразеологии на базе данного термина цвета проявляется и значение невежественности, отсталости. Ср.: 'темный человек' — невежественный, отсталый, некультурный; 'темное царство' — символ невежества. Выражение 'Мы люди темные' представляет собой проявление ложной скромности и некоторого лукавства человека, уверенного в своих силах.

В наречной форме *темно-* может выступать в качестве модификатора тона (ср. 'темно-зеленый' как модификацию термина зеленого цвета); в качестве метатермина цветности при описании каких-либо цветов (например, 'вишневый — это темно-красный').

ТЕМНОВАТЫЙ указывает на недостаточность света в помещении или оценивает какой-л. артефакт: окраску дома, цвет одежды — как слишком темный или недостаточно светлый.

МОРОЧЬНЫЙ (ист.). О.-слав. «Мрачный, темный» (Срезневский).

Этимология: мръкнѣти 'померкнуть'; мръченик 'мерцание, затмение, темнота' (СС); «морбчѣти, морокун „колдун“, морочѣти „темнеть“, воронезск. <...> от мѡрок, мрак» (Фасмер).

Сфера денотации: световые явления.

МРАЧНЫЙ/МРАЧЬНЫЙ (ист.). О.-слав. «Темный, погруженный во мрак» (СО); «Мрачный о свете» (Срезневский); «1. Полутемный, едва светящийся. <...> 2. Производящий гнетущее впечатление темнотой, сумрачностью...» (БТС). *Этимология:* от «мрак. Заимств. из ц.-слав. ...» (Фасмер II, 668). *Сфера денотации:* световые явления: ночь, улица, свет, огонь потухающего костра; природные явления: лес, пещера; артефакты: дом, пальто. Цвет артефактов с помощью данного цветообозначения получает оценку как угнетающий, как недостаточно приятный, яркий, радостный и т. п.

ПЕЛЁСЫЙ (ист.). Темный, бурый, сероватый, пестрый, цветной, желтоватый, белесоватый, желтый (Срезневский). В семантике лексемы наблюдается столь большой цветовой разброс, что трудно обнаружить ее цветовой прототип-эталон. Впрочем, этимологический материал литовского и латышского языков показывает, что исходно тем животным, к которому относилось данное цветообозначение, была мышь, а веществом-

прототипом была плесень (Фасмер). *Этимология*: «от литов. *palszas* — желтоватый, бѣлесоватый» (Срезневский); «пятнистый (о животных)» <...> др.-рус., д.-слав. *пелесь* <...> др.-инд. *palitás* «серый» (Фасмер).

Сфера денотации: «пелесьи = пельсьи — темный, бурый»: например, козы, овцы; «сѣроватый»: мозг; «пестрый, цветной»: артефакты, в том числе культурно маркированные: сосуды, ризы (Срезневский).

СМУГЛЫЙ / СМУГЛЯВЫЙ (*разг.*), **СМАГЛЫЙ/СМЯГЛЫЙ** (*ист.*). *О.-слав.* X–XI вв. (ИЭС II, 181). «Более темный по сравнению с обычным цветом кожи...» (МАС); «темноватый, словно покрытый загаром (о коже)» (БТС). *Этимология*: «Считается родственным ср.-верх.-нем. *stouch* „дым“... Смяглый, возможно, представляет собой экспрессивную палатализацию формы **stag-*» (Фасмер). «Др.-рус. с XI в. <...> ст.-слав. *смагль* <...> *смаглый* „смуглый, темный“ (с XVI в.) <...> С гласным у не позже XVII в.» (ИЭС). *Сфера денотации*: внешность человека: ‘смуглая девушка’ (*поэт.* ‘смуглянка’), его кожа: рук, шеи, лица.

СМУРЫЙ (*ист.*) *Слав.* «смұрый; темно-серый; мрачный» <...>, *смур*, *смурá*, *смұро*, ср. также *мұрый*, *пáсмурный*, *хмұра*. <...> Ср. др.-исл. *теут* «кмурый; дряблый, рыхлый», греч. *βιαυρός* (Фасмер). *Сфера денотации*: человек и день (БТС).

КОНЦЕПТ КРАСНОГО ЦВЕТА

КРАСНЫЙ *Слав.* X–XI вв. В значении термина цвета с XV–XVI вв. Современное значение и семантическая мотивация: «цвета крови» (СО) или: «цвета крови, спелых ягод земляники, яркого цветка мака» (СОШ).

Этимология: ст.-слав. *красьнь* ‘красивый, приятный’; *краса* ‘украшение’; *красити* ‘украшать’ (СС). «Значение „красный“ вторично по отношению к „красивый, прекрасный“» (Фасмер). «Если ранние примеры употребления прилагательного *красный* в качестве названия цвета часто сомнительны и датировка требует обоснований, то очевидно, что с середины XVI в. слово употребляется в своей новой роли, завоеывая все более прочные позиции» (Бахитина 1975, 169). Более ранняя датировка начала употребления лексемы ‘красный’ в качестве термина цвета (XV в.) отмечена в ИЭС.

Сфера денотации: природные явления: закат, солнце; растения: онтологический цвет: ‘красная рябина’; сорт/вид: ‘красный перец’ (в отличие от других цветковых разновидностей перца), ‘красное дерево’ (в отличие от древесины других пород и других цветов); совокупности растений: ‘красный лес’ (хвойный) (МАС); продукты: ‘красная икра’ (в отличие от ‘черной икры’) (см. выше); напитки: ‘красное вино’ (из темных сортов винограда); артефакты, в том числе культурные реалии: ‘красная краска’, ‘красное знамя’; эмоции: ‘красный от каких-либо чувств’: ‘красный от смущения’; соматические реакции на температурные и др. воздействия: ‘красное от мороза/алкоголя лицо’; ‘красный/покрасневший от прилива крови’.

Переносные значения и ассоциации: термин красного цвета вызывает в русскоязычном ареале конкретные ассоциации с кровью, пролитой во время революционных боев, с периодом гражданской войны; 'красный' — это также относящийся к левым, или революционным, силам как в России, так и за ее пределами.

Фразеологизм на базе сравнения: «Как красная тряпка для быка (о том, кто или что способен разозлить или еще больше раздражить кого-л.» (БТС); *фразеологизм на базе метафоры:* 'красный свет' как запрещающий сигнал светофора.

Реликтовое значение лексемы 'красный' как 'красивый, лучший, яркий, наиболее ценный сорт чего-н.', закрепилось в целом ряде устойчивых сочетаний и фразеологических оборотов: *нар.-поэт.* 'красное солнышко' — то есть яркое, ясное; 'Владимир — Красное солнышко'; 'красный зверь' (ценный, например, медведь — СО); 'красная дичь' — лучшая болотная дичь; 'красная рыба' — рыба особо ценных пород; 'красный день календаря' — важный, лучший день в году (он отмечен в календаре красными цифрами); постоянные эпитеты 'красна/красная девица', 'лето красное' (красивое, прекрасное лето).

Деминутив 'красненький' употребляется прежде всего в отношении плодов: 'красненькое яблочко' и артефактов: 'красненький сарафанчик'). В разговорной речи формация 'красненький' может выступать как эффе-мизм гриба (подосиновика), а в форме среднего рода 'красненькое' (в разговорной речи) означает алкогольный напиток 'красное вино' (БТС). *Редуплицированные формации* имеют значение большого пространства, на котором густо расположено что-либо красное: 'красным-красно' (от ягод). *Пословицы:* 'На миру и смерть красна'; 'Долг платежом красен'.

АЛЫЙ *Тюрк.* С XIV в. (1351 г.). «Светло-красный; ярко-красный» (БАС); «Светло-красный». (МАС); «Ярко-красный» (ТС). *Этимология:* «др.-рус. *аль* в грамотах с XIV в.; корень в форме *al* повсеместно встречается в тюркских языках» (Фасмер).

Термин цвета 'алый' в русскоязычном ареале воспринимается как необычайно хороший и милый сердцу и как эстетическая ценность, поэтому его денотативная сфера соотносится только с приятными вещами. 'Алая кровь' проливается в благородных целях, за родину; 'алая лента' у девушки или 'алый кушак' у парня имеют положительные и эстетические коннотации, которые метонимически переносятся на их владельца. Цветообозначение, безусловно, относится к этнорелевантным, особенно важным для русскоязычного пространства. Его ценностно-эстетический заряд отражается в антропонимике в виде женского имени Алёна (уменьш.-ласк. Алёнушка, соврем. Аля), соврем. мужского имени Алик. Специфическим употреблением данного термина цвета является словосочетание 'аленький цветочек', выступающее в русском фольклоре.

Сфера денотации: **заря;** **цветы:** розы, маки; **ягоды:** малина. Вторично выступает для цветоопределения человека: девичьи 'алые щеки, губы', и артефактов: прежде всего как отделка, как дополнительный цвет в оде-

жде: лента, пояс, лампасы, элементы вышивки; артефакты, культурно маркированные в русскоязычном ареале: 'алые паруса', 'алый стяг'.

БАГРОВЫЙ *Слав.* X–XI вв. «Красный густого, темного оттенка» (СО); «Густо-красный, пурпуровый» (МАС); «Густо-красный; цвета крови; пурпурный; темно-красный с синеватым отливом» (БТС).

Этимология: от «баг(о)р 'пурпур, пурпурная раковина'; отсюда рус. багряный 'пурпурного цвета'» (Фасмер). Ст.-слав. багъръ багрец (краска), багряница, пурпур (СС). «В памятниках др.-рус. письменности багровый известно с начала XVI в. <...> восходит к редкому др.-рус. книжн. (с XI в.) прил. багрь — 'багряный', 'червлёный' и сущ. багрь (багъръ, багрь) — «червлёной цвет» (ИЭС).

Сферы денотации: природные явления и «антропогенные» события — таким может быть небо на закате, пламя и дым пожара, употребление данного термина цвета предвещает неприятные и даже роковые события (например, иноземное нашествие) и потому вызывает реакцию тревоги; внешность человека — использование данного термина цвета при описании человеческого лица (всего лица, носа, шрама или синяка) сигнализирует нездоровье, лицо такого цвета или часть тела имеет нездоровый вид — «красный с синеватым или лиловатым оттенком» (МАС). Таким образом, данный термин цвета в современном русском языке является отрицательно маркированным.

БАГРЯНЫЙ *Слав.* X–XI вв. «Ярко-красный» (БТС). *Этимология* аналог. 'багровый' (см. выше). В истории языка «цветообозначения с корнем *bagъ- представлены в древних памятниках прилагательными багрь и багрянъ» (Бахилина 1975, 32).

В отечественной лексикографии семантизация лексемы 'багряный' традиционно осуществляется через отсылку к лексеме багровый. Таким образом, багровый имеет в сознании лексикографов более высокий ранг. Впрочем, в БТС 'багровый' и 'багряный' описываются автономно, что отражает их равновеликий статус в современном русском языке.

Сфера денотации: 'багряный' является положительно маркированным цветообозначением и служит для цветоопределения природных явлений: солнца, зари; растений: осенней природы: листьев, кустов, леса, может характеризовать по цвету артефакты, прежде всего выступающие в высоком стиле, в том числе исторические реалии: риза, стяг.

Д е р и в а т 'багряница' (*ист.*) означает «Мантия багряного цвета, надевавшаяся в торжественных случаях как символ верховной власти; порфира» (БТС). 'Багрянец' — субстантив от термина цвета 'багряный', чаще всего выступает как цвет зари (ср. *позт.* «окрасился месья багрянцем»).

БРУСНИЧНЫЙ *Ср.-рус.* Лексема зафиксирована в качестве цветообозначения в Словаре русского языка XI–XVII в. В семантизации цвета наблюдаются существенные расхождения: «густо-розовый» (СО); «густо-розовый, цвета созревающей брусники» (СОШ); «брусничный цвет» (МАС); «темно-красный, цвета спелой брусники» (БТС); «Цвета спелых ягод брусники, светло-красный, густо-розовый» (Василевич и др. 2005,

120). *Этимология*: «Связано с брус, рус.-ц.-слав. (о)брусити „гладить, точить“, ст.-слав. съврысати <...> потому что спелые ягоды легко срываются. Сравнивается с литов. *brūkė*, латыш. *brūklene* ‘брусника’» (Фасмер).

Сфера денотации: артефакты: одежда. В Словаре Даля у прилагательного ‘брусничный’ цветовая семантика не отмечена, а в качестве термина цвета выступает *брусвяный* — «арх. красный, багряный, цвета брусники» (Даль).

КИРПИЧНЫЙ *Тюрк.* «Жоричневато-красный, цвета кирпича» (МАС; БТС); «Красновато-коричневый, цвета обожженной глины, красного кирпича» (СОШ); «Кирпичным называют цвет, свойственный красному кирпичу (ТС). *Этимология*: от кирпич: С XIV в.» (ИЭС); «др.-рус. *кирпичь* <...> *кирпичный* <...> Заимств. из тюрк.» (Фасмер). *Сфера денотации*: артефакты и внешность человека: загар, румянец. Наречная формация *кирпично-* может служить в качестве модификатора цветности: «с красновато-кирпичным оттенком, например, *кирпично-бурый, кирпично-красный*» (СОШ).

КОРАЛЛОВЫЙ *Европ.* Современные семантизации осциллируют в пределах от светло-красного (СОШ) до ярко-красного (СО; МАС; БТС). Во всех случаях в качестве прототипа указывается цвет коралла. *Этимология*: от коралла. «народн. *коралёк*, впервые в 1589 г.» (Срезневский); «<...> лат. *corallium*, греч. *χορράλλιον*. Возм., семитского происхождения...» (Фасмер).

Сфера денотации. Рассматриваемый термин цвета «заброширован» за жанрами художественной литературы, сферой внешности человека и выступает как цветообозначение губ; артефакты выступают реже: губная помада, блузка. Хотя самые распространенные украшения из коралла не назовешь ярко-красными, тем не менее, в русском языковом сознании восприятие прототипа, по-видимому, отошло от его реально-физических характеристик. Возможно, его принадлежность к сфере художественного творчества и предопределила «образное преувеличение» яркости его цветовых качеств.

МАЛИНОВЫЙ *О.-слав.* «Темно-красный, цвета ягод малины» (МАС; БТС); «Густо-красный с фиолетовым оттенком, цвета малины» (СОШ); «Насыщенно-розовый с лиловатым оттенком» (Василевич и др. 2005, 121). Как видим, разброс в цветоопределениях малинового цвета весьма велик.

Этимология: «Родственно литов. *mėlinas* «голубой», *mėlyna* ‘пятно’, др.-прус. *melne* ‘синее пятно’, латыш. *melns* ‘черный’, др.-прус. *mīlinan* ‘пятно’, литов. *melsvas* ‘синеватый’, др.-инд. *malinás* ‘нечистый, черный’. И.-е. корень **mel-* для обозначения темных и вообще нечистых, грязноватых цветовых оттенков» (Фасмер).

Сфера денотации: внешность человека: щеки; артефакты: одежда, природные явления: полоса зари; ‘малиновый звон’ означает «приятный, красивый, мягкий по тембру звон (о звоне колокола, бубенчиков)» (СОШ).

МАЛИНОВО-КРАСНЫЙ, МАЛИНОВО-РОЗОВЫЙ «с малиновым оттенком» (СОШ).

ПУНЦОВЫЙ (*книжн.*). *Полон.* или *Галл.* С Петровского времени. «Ярко-красный, багровый» (СО; СОШ; БТС); «Ярко-красный» (МАС). *Этимология:* «Через польск. *ropnowy* от фр. *ropseau* „ярко-красный“» (Фасмер). «В русском языке слово известно с Петровского времени, причем сначала в форме пунсовый <...> Форма с *y* вм. с появилась несколько позже, с середины XVIII в. В словарях с 1762 г. Восходит, в конечном счете, к фр. *ropseau* — „темно-красный“, ср. ст.-фр. *ropcal* — „максамосейка“» (ИЭС, 83).

Сфера денотации: внешность человека: губы, щеки, румянец; растения: маки; природные явления: небо; артефакты: шелк, ленточка.

ПУРПУР/ПУРПУРНЫЙ/ПУРПУРОВЫЙ (*книжн.*). *Европ.* С Петровского времени (*Василевич и др.* 2005). «Темно- или ярко-красный цвет (первоначально ценное красящее вещество)» (СО); «ярко-красный с фиолетовым оттенком; багряный» (БАС); «темно-красный или лиловато-красный цвет» (БТС).

Этимология: «Из ближневосточных языков слово пришло в греческий, оттуда в латынь, в русский язык было заимствовано из немецкого вместе с окружавшим его ореолом указания на принадлежность к власти имущим (*Василевич, Миценко* 2003, 55–57); «Вероятно, через нем. *Purpur* (с XV в. ...)» (Фасмер).

Сфера денотации: артефакты, в том числе культурно-маркированные: мантия, сутана; природные явления: закат. В адвербиальной форме **пурпурно-** выступает в качестве модификатора цветности в сочетании с цветообозначениями той же цветовой гаммы: ‘пурпурно-красный’, ‘пурпурно-малиновый’, ‘пурпурно-розовый’, ‘пурпурно-фиолетовый’, и в сочетании с другими цветообозначениями: ‘пурпурно-синий’, ‘пурпурно-черный’ (СОШ). О социолингвистической истории данного цветообозначения см. подробнее: (*Василевич, Миценко* 2003).

РДЯНЫЙ (*поэт.*). *И.-е.* «Красный, алый» (МАС). *Этимология:* от «рдеть, рдею <...> рус.-ц.-слав. *рьдѣти* <...> „краснеть“. Связано с *рудá*. || Ср. лат. *tubeo*, -ēre „краснеть“... *рудá* <...> Праслав. **ruda* родственно литов. *gaudas* „буланый“, *gaudá* „плотва“, *rūdas* „бурый“, <...> др.-инд. *gōhitas*, ж. *gōhinī* „красный, рыжеватый“» (Фасмер).

Сфера денотации: природные явления: полоска зари, закат; растения: листья осины; артефакты: знамена, ленты. В глагольном качестве служит выражению эмоций, ср.: ‘Лицо рдеет от удовольствия, от стыда...’, что означает появление на щеках румянца от указанных эмоций. Вообще ‘Рдеть/рдеться’ (*книж.*) «резко выделяться (о чем-н. красном), отливать красным цветом, краснеть» (СО).

РУМЯНЫЙ/РУМЯН. *И.-е.* X–XI вв. «Словно нарумяненный, подернутый мѣстами алою, яркою красниною, поялѣвший, зардѣвший, зардѣлый, съ румянцемъ. *Румяный*, вообще яркаго, прїятнаго алаго цвѣта» (*Даль*). «Покрытый румянцем; румянец — розовый или алый цвет щек» (МАС).

Этимология: *роумѣнь* 'румяный'; ...*роумѣно* лице кмоу кстѣ '...румяное лицо у него' (СС). «Др.-рус. *румянь*, ст.-слав. *роумѣнь* <...> || Прасл. **rutěнь* из **rutěнь* от *рудѣ*, *рудѣй*, *рдеть*, *русѣй*)» (Фасмер).

Сфера денотации: внешность человека, прежде всего — цветообозначение щек (приятного и здорового вида), также всего лица и губ. 'Покрыться румянцем' — покраснеть (например, от смущения). Образное цветообозначение природных явлений: зари, восхода, облаков, небосклона; плодов: яблок: 'румяное яблоко' — «с красным алым пятном, с красным боком (о плодах)» (МАС); продуктов выпекания и жарения: «с золотисто-коричневым оттенком (о цвете выпекаемых и жареных продуктов питания)» — 'румяный пирог, пирожок' означают поджаристую корочку у жареного мяса, рыбы, пирога.

РЯБИНОВЫЙ «Оранжево-красный, цвета ягод рябины» (МАС); «Оранжево-красный, цвета зрелых ягод рябин» (СОШ; БТС). **Этимология:** от «*рябина*, ц.-слав. *рябрь*, *ерябрь* 'хуропатка'. Считают исходным **erebь* 'рябчик', **erebь* 'бурый'» (Фасмер). **Сфера денотации:** артефакты: ткани, одежда.

ВИШНЕВЫЙ О.-слав. Конец XIV в. (Бахилина 1975, 247). «Темно-красный густого тона» (СО); «темно-красный, цвета вишни» (МАС; БТС); «цвѣта вишни, масака, изчерна малиновѣй» (Даль).

Этимология: Родственно др.-верх.-нем. *wihhsila*, ср.-верх.-нем. *wihsel* 'черешня', которые сближаются, далее, с лат. *viscum*, греч. ἴξος 'птичий клей, омела', потому что вишневый клей и ягоды омелы применяются как птичий клей» (Фасмер); «вишневые / = вишнявыи» (Срезневский; в примерах это цвет бархатной ткани). Семантическая сущность цветообозначения в истории русского языка могла быть другая, нежели в современный период. Так, Н. Б. Бахилина отмечает, что в XVII–XVIII вв. этим термином называли цвет некоторых драгоценных камней, например, аметиста, хотя последний принято относить к фиолетовой цветовой гамме (Бахилина 1975, 247–248).

Сфера денотации: артефакты: ткани, предметы одежды, губная помада. Данная номинация цвета воспринимается как приятная, вызывает положительные ассоциации со зрелыми плодами вишневого дерева. Выступает в сложениях преимущественно для передачи разных оттенков красного и бордового цветов. Ср: 'вишнево-коричневый', 'вишнево-красный', 'вишнево-малиновый', 'вишнево-пурпурный' (Краснянский 2000).

БОРДОВЫЙ/БОРДО/БОРДОВЫЙ (ист.) / **БУРДОВЫЙ** (ист.). Европ. «То же, что темно-красный» (СО); «Темно-красный, цвета вина бордо» (БТС). **Этимология:** *бардбѣй*, *бурдбѣй* «цвет бордо» <...> Производное от *бордбѣ* «красное вино из Бордо», впервые в форме *бардеус* пришло в Россию из фр. *Bordeaux* в эпоху Петра I...» (Фасмер). **Сфера денотации:** артефакты: платье, кофта, шляпа, шторы.

СВЕКОЛЬНЫЙ Грец. «Лиловато-красный, цвета красной свеклы» (МАС). «Лиловато-красный, цвета свеклы» (СОШ). «Цвета свеклы, сине-

вато-красный» (БТС); «Цвета вареной свеклы без кожуры, малиново-красный, вишнево-красный, ярко-вишневый» (Василевич и др. 2005, 122). Последняя дефиниция представляется наиболее адекватной, так как термин цвета, как правило, обозначает цвет в каких-то цветовых пределах, а не как фиксированную точку в цветовом спектре. *Этимология*: «от свекла. <...> др.-рус. *сейкль* <...> серб.-ц.-слав. *свекль*. Заимств. из греч. *σεβτλον*» (Фасмер). *Сфера денотации*: внешность человека; щеки, уши, румянец; *артефакты*: предметы одежды.

Ниже дается группа древних терминов красного цвета восходящих к и.-е. корням, вместе с тем (согласно приведенным примерам) различающихся сферами денотации. Цветовые различия между этими цветоименованиями сейчас трудноустановимы.

ЧЕРВЛЁНЫЙ (*ист.*). И.-е. X–XI вв. — XVII в., единич. примеры в XIX–XX вв. (Бахилина 1975, 135). *Этимология*: чръвлѣнь ‘красный, пурпурный’; чръвлѣнь ‘ткань багряного цвета’ (СС); «др.-рус. *чървень*, *чъралень* <...> || Прасл. *čьrvjěspь <...> от čьrvь (см. червь)...» (Фасмер). *Сфера денотации*: *артефакты* (ткани).

ЧЕРМНЫЙ (*ист.*). И.-е. X–XI вв. В русском языке XI–XVII вв., единич. примеры в XIX–XX вв. (Бахилина 1975, 134–135). *Этимология*: «ц.-слав., народн. *черѣмный* „рыжеволосый“ <...> черемнуха „краснуха, скарлатина“, др.-рус. *чърмень* „красный, рыжий“, ст.-слав. *чръмень* <...> Производные от праслав. *čьrvьspь „червь“ <...> др.-инд. *kṛmīṣ* „червь, личинка“» (Фасмер). Ср. *чръменьок морк* / *чръмное море* ‘Красное море’ (СС).

ЧЕРВЧАТЫЙ (*ист.*). И.-е. X–XI вв. — XVII в., единич. примеры в XIX–XX вв. «Красный» (Бахилина 1975, 134–135). *Этимология* аналогично ‘червлёный’ и ‘чермный’.

ЧЕРВОННЫЙ (*устар.*). И.-е. *Этимология*: аналогично ‘червлёный’ и ‘чермный’. *Сфера денотации*: природные явления: закат; человек: кровь человека; *артефакты*: лента; золото, деньги из золота, при этом ‘червонное золото’ — «высокопробный сплав золота с медью, применявшийся для изготовления червонцев и других монет» (БТС).

КАРМАЗИННЫЙ (*ист.*). И.-е. *Этимология*: От «кармазин „ткань темно-красного цвета“, кармазинный „алый“ <...> Через польск. *karmin* или нем. *Karmesin* из ит. *carmesino*, которое восходит к араб. *qirmāzī*, *qirmizī* „ярко-красный, багряный“, от др.-инд. *kṛmīṣ* „червь“» (Фасмер). *Сфера денотации*: *артефакты*: ткани: сукно; изделия из тканей: платье.

КАРМИННЫЙ/КАРМИНОВЫЙ (*устар.*). *Европ.* С 1712 г. «Яркая красная краска из кошенили» (СО); «Ярко-красный, цвета кармина» (МАС). *Этимология*: от «кармин «красная краска». Через нем. *Karmin* (уже в 1712 г.) или прямо из фр. *carmin*, объясняемого контаминацией араб. *qirmiz* и *minium*...» (Фасмер). *Сфера денотации*: *артефакты*: ткани, лак; *растения*: плоды.

ОБРОЩЕННЫЙ (*ист.*). XI–XIV вв.

ПОРФИРА (ист.) X–XI вв. Грец. «Пурпурная мантия монарха» (Фасмер). *Этимология*: порѣѣвѣра ‘багряница, пурпур’ (СС, 481), рус.-ц.-слав. <...> Из греч. πορφύρα (Фасмер).

ПРАПРУД/ПРАПРУДА (ист.). И.-е. X–XI вв. «Багряный, багровый, пурпурный» (СС); «пурпур, драгоц. ткань» (Фасмер); «Для названия царской, торжественной одежды, кроме слов с корнем *bagъ- используются также существительные *прапрудъ* (*прапруда*), *порфира*» (*Бахилина*, 33). *Этимология*. В источниках представлена богатая вариантность данного цветообозначения, ср.: прапржда, прѣпржда; прѣпрждъ ‘пурпур (*богатая одежда пурпурного цвета*)’; прапржднь, прѣпржднь ‘багряный, багровый, пурпурный’ (СС). Ср. также: *препруда*, *препржда* «пурпур, драгоц. ткань», церк., ц.-слав. *прапрждъ*, *прапрждь*, *прѣпрждь* — то же. Древнейшая форма неясна; *пра- или *рег, но, во всяком случае, связано с *пряду*. Из *prōd-, *prēd-» (Фасмер). *Сфера денотации*: «Для названия царской, торжественной одежды» (*Бахилина* 1975, 33).

МАСАКА́ (ист.). «Темно-красный цвѣтъ, ѣзсиня-малиновый» (*Даль*). *Этимология*: «лиловый» <...> Темное слово. Едва ли от фр. massicot «желтая свинцовая краска» <...> Ср. фин. mansikka «земляника» (Фасмер). *Сфера денотации*: артефакты: ткани.

РОЗОВЫЙ Европ. *Семантическая мотивация*: в соответствии со сложившейся лексикографической традицией ‘розовый’ семантизируется как ‘бледно-красный’ или ‘неярко красный’ (СО; МАС; БТС; ТС). Однако имеется и другая семантизация, обращенная к цвету растений как носителей прототипических цветовых признаков: «цвета недозрелой мякоти арбуза, цветков яблони, белый с красноватым оттенком» (СОШ).

Этимология: «Как и укр. *рожевий*, польск. *rózowy*, произведено от *róza* или соответственно польск. *róża* „роза“ (Брюкнер). Рус. слово получено, возм., от укр. и польск. с вторичным воздействием *róza*» (Фасмер).

Сфера денотации: природные явления: закат, лучи, небосклон; человек: прежде всего дети (‘розовый малыш’) и молодые девушки; части тела человека: щеки (покрытые румянцем), губы, ногти, язык; растения: розовое дерево; животные: поросенок, фламинго; артефакты: лента, платье; минералы (в терминологической функции родовидовой дифференциации): ‘розовый шпат’, ‘розовый турмалин’. Обозначение масти лошади с помощью термина розового цвета (ср. семантизацию: «свѣтложелѣзистая и с мѣдным отливомъ» — Даль) является реликтовым, а Есенинское «проскакать на розовом коне» не вызывает у нас ассоциаций со специфической лошадиной мастью, но, отсылая нас к основному цветообозначению, кажется цветовым неологизмом мастера слова.

Переносные значения: «ничем не омраченный»: ‘розовое детство, розовые мечты, надежды’ — с явной оптимистической подоплекой, причем этот оптимизм необязательно имеет солидную основу (МАС). *Фразеологические обороты*: ‘видеть, представлять кого-л., что-л. в розовом свете (цвете)’, ‘смотреть сквозь розовые очки’ означает ‘идеализировать и не замечать не-

достатков'. Вызываемые *ассоциации*: применительно к природным явлениям розовый цвет является признаком красоты и вызывает приятные ощущения, применительно к человеку является признаком молодости, здоровья и отсюда приятного внешнего вида. В то же время этот цвет может восприниматься как слишком «сладкий», о чем свидетельствуют примеры его семантического развития в композитах типа 'невинно-розовый', 'леденцово-розовый', 'детски-розовый') и (*иронич.*) 'поросычье-розовый' (СОК).

Адвербиально-суффиксальная формация *розовато-* может выступать в качестве модификатора тона, передавая тонкие оттенки каких-либо цветов, например, 'розовато-белый', и выступать в качестве метатермина цвета, служащего описанию других цветов: ср. 'лиловый' как 'розовато-голубой'.

ФИОЛЕТОВЫЙ *Европ.* «Цвета фиалки, синий с красноватым оттенком» (СО); «Синий с красноватым оттенком, темно-лиловый, цвета фиалки» (БАС; МАС); «То же, что лиловый» (СОШ); «Синий с красноватым оттенком, темно-лиловый» (БТС). Отметим, что фиолетовый цвет не является для русского языкового сознания важным цветом. В отечественной лексикографии в большинстве семантизаций фиолетового цвета в качестве отправного пункта выступает термин синего цвета.

Этимология: «Судя по наличию *-ф-*, заимств. через нем. *Violett* — то же из фр. *violette*, лат. *viola* „фиалка“...» (Фасмер). *Сфера денотации*: цветы; минералы; артефакты: ткани, одежда, краски, чернила.

ЛИЛОВЫЙ (*книжн.*). *И.-е.* «Цвета сирени или фиалки, фиолетовый» (СО); «Цвета фиалки или темных соцветий сирени, фиолетовый» (СОШ). Другие словари не интерпретируют 'лиловый' и 'фиолетовый' как синонимичные. Ср.: «Светло-фиолетовый, цвета сирени или фиалки» (МАС; БТС); «Цвета фиалки или сирени; розовато-голубой, светло-фиолетовый» (БАС); «Густо-сиреневый, малиново-синий, фиалковый, светло-фиолетовый (ИЭС); «красновато-синий, несколько светлее и краснее, чем фиолетовый» (*Василевич и др.* 2005, 121). Обращает на себя внимание, что ряд дефиниций термина 'лиловый' обращен к синему/голубому цвету, некоторые же ограничиваются пределами фиолетовой гаммы.

Цветообозначение *лиловый* в русском языке значительно более часто, чем *фиолетовый*, а его денотативная отнесенность значительно шире. Это цветообозначение вызывает положительные ассоциации, нередко выступает в художественной прозе и поэзии и воспринимается как изысканное. *Этимология*: «через нем. *lila* или фр. *lilas* 'сиреневый, лиловый' из араб. *lilāk* 'сирень', которое восходит к др.-инд. *līlās* 'темно-синий'» (Фасмер). «В русском языке слово *лиловый* известно с начала XIX в. В словарях — с 1847 г. Первоисточник ищут на востоке» (ИЭС). *Сфера денотации*: природные явления: облака, тучи, небо; цветы: колокольчики, сирень, анемоны; артефакты: женская одежда; кожа человека: 'лиловый синяк' (кровоподтек на коже вследствие удара или ушиба).

ЛИЛОВЕТЬ «Выделяться своим лиловым цветом, виднеться (о чем-л. лиловом, например, о сливовых плодах)»; «Становиться лиловым, приоб-

ретать лиловый оттенок» (например, о небе, о синяке) — БТС. **ЛИЛОВАТЫЙ** Слегка лиловый.

ФИАЛКОВЫЙ (*редк.*). *Европ.* С 1704 г. (ИЭС). «Светло-фиолетовый, цвета фиалки» (СОШ); «Фиолетовый, цвета фиалки» (БТС); «Цвета обыкновенной фиалки, нежно-фиолетовый, насыщенно-сиреневый» (*Василевич и др.* 2005, 123). Не во всех рассмотренных нами словарях выделяется такое цветоопределение. В некоторых случаях на заглавное слово **фиалка** приводится лишь значение «указание на запах этого растения» (СО, МАС).

Этимология: «В словарях *фиалка*, *фиалковый* отмечается с 1704 г. <...>. В конечном счете восходит к лат. *viola* 'фиалка' или 'левкой', также название фиолетового цвета. Происхождение (видимо, неиндоевропейское) не выяснено. В славянские языки (сначала западнославянские) слово попало при немецком посредстве. В русский язык оно перекочевало из западных языков» (ИЭС). Обращаем внимание, что термины 'фиолетовый' и 'фиалковый' определяются друг через друга в качестве метатерминов.

СИРЕНЕВЫЙ *Ср.-рус.* «Бледно-лиловый, цвета сирени» (МАС; БТС); «Светло-лиловый, цвета сирени» (СОШ). «Цвета обыкновенной сирени, светло-фиолетовый, нежно-лиловый, фиалковый» (*Василевич и др.*, 122). Как видим, в приведенных дефинициях — и особенно, в последней, очерчены достаточно широкие границы цветового варьирования термина цвета. По-видимому, последняя дефиниция отражает изменения в цветовом эталоне-прототипе, происходящие одновременно с распространением более насыщенных цветом сортов сирени. Отсюда и более широкая цветовая «амплитуда» в дефиниции.

Этимология: от сирень, «народн. *синель*, ряз. <...> метатеза и сближение с *синий* <...> Заимств. через нем. диал. *Sirene, Syringe* от лат. *syrix, syringa* — то же из греч. *σβρίϋξ* „трубка“. Это растение называется так потому, что его прямые ветки имеют толстую сердцевину, которую легко выдавить, после чего ветка становится полый, как трубка...» (Фасмер).

Сфера денотации: природные явления: морская вода в необычных состояниях, туман, небо; растения: цветы, артефакты: одежда. Цветообозначение является важным и любимым в ареале распространения русского языка: оно образует поэмы, в том числе в песенной поэзии, например, в популярной песне: «Сиреневый туман над нами проплывает...». Участвует в цветоопределении оттеночных тонов с колористически близкими терминами цвета: СИРЕНЕВО-РОЗОВЫЙ, СИРЕНЕВО-СИНИЙ, СИРЕНЕВО-ФИОЛЕТОВЫЙ.

РЫЖИЙ *И.-е.* X–XI вв. «Красный, огненный, смесь цветов: красного, желтого и бураго, разных гней и отгнковъ» (Даль); «Красно-желтый или желто-красный» (БАС); «Красновато-желтый» (БТС). *Этимология:* «ц.-слав. *рыждь* <...> Праслав. *гудъ* || Связано с *рудá*, *рдеть*, *ржа́чина*...» (Фасмер); «*рудá* <...> Праслав. **ruda* родственно литов. *gaudas* „буланный“, *gaudá* „плотва“, *rúdas* „бурый“, <...> др.-инд. *gōhitas*, ж. *gōhīni* „красный, рыжеватый“» (Фасмер).

Сфера денотации: волосы человека: усы, борода, голова, веснушки на его лице; сам человек (называемый рыжим по цвету его волос); особенно часто термин рыжего цвета выступает как определение крашенных волос женщины — ср. конструкцию 'покраситься в рыжий цвет'; растения: рябина; грибы: 'рыжие лисички'; животные: корова, лошадь, белка, воробей; постоянный эпитет в фольклоре: 'рыжая лиса' (ср. также эфемизм лисы 'рыжая' и обращение к ней в сказках: «Рыжая!»); почвы, минералы и др. субстанции: глина, песок; артефакты: а) «онтологически» рыжие: сумка, туфли, меховая шапка; б) рыжие как знак изменения цвета под воздействием каких-либо факторов, например, вследствие изношенности, а также выцветших, красновато-бурых и вообще непонятно-го цвета предметов: 'рыжая'/'порыжевшая' обувь, шапка, мех, дубленка. Термин рыжего цвета является основной номинации гриба 'рыжика', входящей к XVI в.» (ИЭС). *Прозвище и обращение 'Рыжик' (разг.)* — «прозвище рыжего человека или рыжего животного; обращение к рыжему человеку или животному» (БАС). В разговорной речи выступает фраза: «Что я, рыжий, что ли?» в значении — «я не глупее, не хуже других».

ГНЕДОЙ *О.-слав.* Лошадиная масть: «красновато-рыжий с черным хвостом и гривой...» (СО). *Этимология:* «Достоверной этимологии нет» (Фасмер).

ИГРЕНЕВЫЙ/ИГРЕНЬ (*устар.*). *Тюрк.* «Рыжий, со светлой гривой и хвостом (о масти лошади)» (СО). В то же время БТС указывает на белую гриву и хвост как атрибут игреновой/игрени лошади. *Этимология:* «как и многие названия лошадиных мастей, заимств. из тюрк.: алт. jägrän, järän «рыжий», также «дикая степная коза...» (Фасмер).

ЛИСИЙ (*диал.*). *Слав.* «'рыжий, рыжеватый' (волог., сев.-двинск., арх., онеж., костр., новг.)» (ЭССЯ, 151). *Этимология:* «от лис <...> лиса, лисица: этимология этой лексемы неясна» (Фасмер). *Сфера денотации:* артефакты; животные; растения; грибы ('лисичка').

РЁДРЫЙ (*ист.*). *И.-е.* «рыжий, красно-желтый» (о рогатом скоте) <...> русск-ц.-слав. рьдъръ <...> др.-инд. *rudhirās* «красный, кровавый...» (Фасмер).

РУДЫЙ/РУДОЙ (*ист.*). *И.-е.* XI–XII вв. В современном языке встречается во фразеологизированных рудиментах. «Красный. <...> Рыжий» (МАС); «*Нар.-разг.* Красный. *Рудая крыша дома.* || Рыжий. *Р. конь*» (БТС). *Этимология:* тульск. <...> *рудой* «рыжий» <...>, др.-рус. *рудъ* <...> Связано с *рудá, рёдрый, рýсий*. Ср. литов. *gaũdas* «красный, буланый» (Фасмер). *Сфера денотации:* растения: сосна; животные: лошадь; артефакты: крыша.

САВРАСЫЙ/СОВРАСЫЙ (лошадиная масть), *устар.* С 1391 г. (Фасмер). «Светло-гнедой с черными гривой и хвостом (о масти лошадей)» (СО; МАС; СОШ). *Этимология* неясна: «недостоверно произведение от тюрк. *sary* 'желтый' > *sapsary* 'целиком желтый'» (Фасмер). *Поговорка:* «На саврасой не объедепшь» (Не обманешь).

ТЕРРАКОТОВЫЙ «Красновато-коричневый» (СО); «Красновато-коричневый, цвета терракоты» (МАС; БТС); «светло-коричневый с красноватым оттенком, цвета обожженной глины» (СОШ); «цвета терракоты, темно-рыжий, кирпично-красный, медно-красный» (*Василевич и др.* 2005, 123). Как видим, семантизация терракотового цвета допускает цветовое варьирование в определенных пределах. *Этимология*: от **терракота**: «Обожженная цветная глина, а также неглазурованные изделия из нее» (МАС). *Сфера денотации*: артефакты: платье, туфли, краска; в терминологической функции: 'терракотовые почвы'.

КОНЦЕПТ ЖЕЛТОГО ЦВЕТА

ЖЕЛТЫЙ *Прасл.* XI–XII вв. В современном русском является основным цветообозначением желтого цвета. «Цвѣта солнца или золота, различной яркости и оттѣнковъ» (Даль); «Цвета песка, золота» (СО); «Имеющий цвет яичного желтка, спелых колосьев, золота» (БАС). В качестве прототипа желтого цвета в лексикографии русского языка часто выступает яичный желток (МАС; БТС).

Этимология: «праслав. **žьlъ* родственно литов. *geltas*, лагш. *dzelts*, др.-прус. *gelatunap* 'желтый', греч. *χόλος, χολή* «желчь». Ср. еще *зеленá, желчь*. С рефлексом др. задненёбного сюда же относится группа слов *золото, зеленый*» (Фасмер). А. Ф. Журавлев, на основе данных этимологического словаря И. Покорного, указывает на происхождение термина желтого цвета от и.-е. **g'hel-* 'желтый'» (*Журавлев* 2005, 114). Н. Б. Бахилина отмечает малую употребительность цветообозначения *желтый* в памятниках XI–XII вв. и ограниченность его употребления преимущественно цветом волос (*Бахилина* 1975, 37).

Сфера денотации: природные явления, например, светила: солнце, луна (такой луна бывает в нехорошие для человека минуты); растения: груши, пшеница; вид растений: 'желтая акация' (в отличие от белой), 'желтая лилия' (в отличие, например, от белой или красной); осенние листья; животные: птица, бабочка; внешность человека в болезненном или увядшем состоянии, вид частей его тела в вышеуказанных состояниях: 'желтое лицо', 'желтые руки'; минералы и разного рода вещества: янтарь, песок, воск; продукты: мед, масло, жир; в терминологической функции: 'желтая лихорадка' (мед). *Перен.* 'желтая пресса' — соглашательская пресса. 'Желтый-прежелтый' (например, луг от лютиков) — редупликация выражает большую концентрацию цвета на внушительном отрезке территории.

В *деривационном* плане цветообозначение исключительно активно. Ср. образованные на его базе многочисленные дериваты и композиты, обозначающие растения: 'желтинник' (вид кустарника), 'желтушник' (дикорастущее лекарственное растение) и животных: 'желтоглазка' (вид птицы), 'желтобрюх' (вид ужа), 'желтопузик' (вид ящерицы) и т. п.

КАНАРЕЖНЫЙ *Лат.* С Петровского времени. «светло-желтый» (СО); «светло-желтый, цвета перьев канарейки» (СОШ); «ярко-желтый,

цвета оперения канарейки» (МАС; БТС); «цвета перьев желтой канарейки, насыщенно-желтый, ярко-желтый» (Василевич и др. 2005, 121). *Этимология*: от канарейка. «Встречается впервые в эпоху Петра I <...> Через фр. сапати — то же, которое происходит из исп. сапати, н.-лат. avis Сапати «канарская птица» <...> т. е. «птица с Канарских островов...» (Фасмер). *Сфера денотации*: артефакты: рубашка, блузка, кофта, ботинки; растения: цветы.

ЛИМОННЫЙ (*книжн.*). С XVI в. (ИЭС). «Светло-желтый, цвета кожуры лимона» (МАС; СОШ; БТС). *Этимология*: от лимон. «Др.-рус. лимонъ <...> заимств. через н.-греч. λιμόνι или непосредственно из ит. limone <...> Источником ром. слова является араб.-перс. limūn, происходящее из Индии...» (Фасмер). «Прил. лимонный как обозначение цвета встр. в Описи имущества ц. Ив. Вас. 1582–1584 гг. ...» (ИЭС). *Сфера денотации*: природные явления: закат; растения: цветы, листья; артефакты: одежда.

СОЛОМЕННЫЙ *О.-слав.* «Светло-желтый» (СО; БТС); «Светло-желтый, цвета соломы» (МАС; СОШ) *Этимология*: от солома. «Праслав. *solma» (Фасмер). «И.-е. основа *k'olp̄tā 'солома, тростник', ср. латыш. saīms, др.-прус. salme 'солома, соломинка'» (ИЭС). *Сфера денотации*: внешность человека: волосы, брови; артефакты.

ЯНТАРНЫЙ *Балт.-слав.* С 1551 г. (Фасмер). «Прозрачно-желтый» (СО); «золотисто-желтый, цвета янтая» (МАС); «цвета темного янтая, темно-желтый, медовый» (Василевич и др. 2005, 123). *Этимология*: от «янтая» <...> др.-рус. ентарь <...> Заимств. из литов. gintaras — то же, латыш. dzitars, dziņtars...» (Фасмер). *Сфера денотации*: продукты: густые и вязкие: мед, варенье; осенние листья и сама осень (СЭРЛЯ).

ЯХОНТОВЫЙ (*уст.*). С XV в. (ИЭС). От яхонт: «Старинное название рубина и сапфира» (СО). «Старинное название некоторых драгоценных камней (рубина, реже сапфира и др.)» (БТС). Сравнение, имеющее старинную родословную: «Глаза, как яхонты, горят».

Этимология: от яхонт: «старинное название прозрачной разновидности корунда, синего (см. сапфир) и красного (см. рубин) цвета» (ИЭС) «от ср.-лат. hyacinthus, греч. ὑάκινθος, которое считают Эгейским элементом <...> Непосредственно из греч. происходит рус.-ц.-слав. акинть, акунть, акинфъ» (Фасмер). Несколько иной точки зрения относительно путей проникновения в русский язык слова 'яхонт' придерживается словарь ИЭС: «слово яхут восходит в конечном счете к араб. yāqūt «гиацинт», «сапфир», «рубин», которое попало к нам, очевидно, при тюркском посредничестве» (ИЭС). *Сфера денотации*: артефакты; возможно, глаза.

Как явствует из приведенных данных, яхонтовый было обращено к совершенно разным — красной и синей — долям цветового спектра. Возможно, именно в этом соединении столь разных цветовых сущностей могла крыться причина его утраты. В то же время, в семантике слова яхонт первоначально на первый план выдвигалось значение «красивый, многоцветный, яркий». «Яхонт — это общее старорусское название ювелирных разновидностей ко р у н д а» (Куликов 1982, 137). Со временем, благодаря

усилиям специалистов-минералогов и ювелиров, была осуществлена четкая дифференциация цветовых ювелирных разновидностей корунда и, в частности, отделение друг от друга его синей и красной разновидностей, которые — под названием сапфира и рубина — воспринимаются современным человеком, не занимающимся профессионально минералогией, как совершенно разные драгоценные камни.

КРЕМОВЫЙ *Европ.* «Бледно-желтый, с желтоватым оттенком» (СО); «бледно-желтый, белый с желтоватым оттенком» (СОШ); «белый с желтоватым оттенком, цвета сливок (МАС; БТС); «цвета сливочного заварного крема, белый с желтоватым оттенком, светло-палевый» (*Василевич и др.* 2005, 121). *Этимология:* от «крем, из фр. *crème* сливки, крем, мазь...» (Фасмер). *Сфера денотации:* артефакты: костюм, платье, туфли.

ПАЛЕВЫЙ *Галл.* «Соломенного цвета, светло-желтый» (Фасмер); «бледно-желтый с розоватым оттенком» (СО; СОШ); «соломенно-желтый с чуть розоватым оттенком, цвета чайной розы» (*Василевич и др.* 2005, 122). *Этимология:* «Обычно объясняют из фр. *paillé* — то же *paillé* 'солома' от *paîle* 'бледный'» (Фасмер). *Сфера денотации* (на базе экземплификации толковых словарей): артефакты: платье; природные явления: облака; в терминологической функции: продукт нефтехимии 'палевое масло'⁵.

ТЕЛЕСНЫЙ *Слав.* «Желтовато-белый с розоватым оттенком» (МАС); «желтовато-белый с розоватым оттенком; цвета тела» (БТС); «бледно-розовый, цвета тела» (СОШ); «цвета тела европеоида, светлый желтовато-розовый» (*Василевич и др.* 2005, 123). *Этимология:* от «тѣло <...> др.-рус. *тѣло* <...> ст.-слав. *тѣло*...» (Фасмер). *Сфера денотации:* артефакты: краска, пудра, чулки, платье.

ЗОЛОТОЙ/ЗЛАТОЙ (*устар.*). *И.-е.* X–XI вв. «Цвета золота, блестяще-желтый» (СО; МАС). *Этимология:* от золото, «прилаг. *золотой* <...> ст.-слав. *злато* <...> Родственно вост.-литов. *želtas* „золотой, золотисто-желтый“, латыш. *zēlts* „золото“, „золотой“ <...> др.-инд. *hīṅgaṃ* „золото“, авест. *zaṅaṇa-* — то же, также др.-инд. *hāgi-* „желтый, зеленый, зеленватый“...» (Фасмер).

Сфера денотации: природные явления: солнце, солнечные лучи; месяц, звезды, гучи на закате; огонь, огни, огоньки; отрезки территории: нива; растения: цветы как онтологический цвет: 'золотой цветок'; название вида: 'золотой шар'; осенние листья (образно), осень (по цвету листьев); человек: волосы, кудри; животные: рыбка, жук. *Переносные значения:* благоприятный период в жизни человека: дни, годы, время. Сложнопроизводные цветообозначения от *золотой* в др.-рус. представляли собой цветосветовой комплекс, свернутое сравнение — например, *златозарьныи:* о свече и свете и *златосианьныи:* о лице, крыльях, окруженных сиянием (Срезневский).

ЗОЛОТИСТЫЙ «Цветом похожий на золото, блестяще-желтого отлива, оттенка» (БАС). *Сфера денотации:* внешность человека: волосы;

⁵ Подробнее об этом термине и содержащей его терминосистеме см.: Кульпина 2004-6, 22.

природные явления: закат, месяц; **животные:** масть; **растения:** яблоко, груша; также вид растения: 'золотистый лютик'; **минерал:** топаз.

Ниже даются словарные статьи цветовых терминов-историзмов и устаревших цветообозначений, *сфера денотации* которых связана преимущественно с цветоопределением животных.

БУЛАНЫЙ (о лошадиной масти) (*устар.*) *Тюрк.* «Светло-желтая масть лошадей, а также других животных, цвет оперения птиц...» (СОШ); «Светло-желтый с черным хвостом и гривой...» (СО). *Этимология:* «Считается заимств. из сев.-тюрк. *bulan*... <...> (Ср. тат. *болан* 'олень')» (Фасмер).

ПОЛОВЫЙ/ПОВОЙ (*ист.*) / **ПЛАВЫЙ** (*ист.*) *И-е.* X–XI вв. «Светло-желтый, блеклый» (Фасмер). Н. Б. Бахилина отмечает, что в славянских языках семантика прилагательных с корнем *polъ-* достаточно неопределенна — они означают то желтоватый, то синеватый цвета (Бахилина 1975, 38). *Этимология:* ст.-слав. *плавъ* 'светло-желтый, блеклый'. Праслав. **polъ* родственно литов. *paľvas* 'буланный, светло-желтый'. Др.-инд. *palitās* 'старец, седой', *palitām* 'седые волосы' (Фасмер). *Сфера денотации:* «бѣловатый, изъ желта бѣлый <...> половой, въ бѣлыхъ пятнах <...> до сих поръ употребляется для обозначенія масти собакъ» (Срезневский).

СОЛОВЫЙ/СОЛОВОЙ (*устар.*) *Др.-рус.* «Тусклый, мутный» (о взгляде, простореч.) (БАС); «О масти лошадей; желтоватый (в сочетании со светлым хвостом и светлой гривой)» (СОШ). *Этимология:* = рус.-ц.-слав. *славоочикъ* *γλαυχίτης* = = *сѣроочие*, сюда же *соловцы* мн. «небольшие волны с белыми гребешками» (Фасмер). *Сфера денотации:* **животное:** лошадь, **внешность человека:** взгляд.

ОРАНЖЕВЫЙ *Европ.* Со второй пол. XVIII в. (Бахилина 1975, 240). «Желтый с красноватым оттенком, цвета апельсина» (СО); «имеющий окраску одного из основных цветов спектра — среднего между красным и желтым; цвета апельсина» (МАС).

Этимология: «заимств. из фр. *orange* 'апельсин', возм., через нем. *orange* (с 1616 г. ...), источником которого является перс.-араб. *nāranj*. Родину последнего ищут в Индии; ср. др.-инд. *nārangas* 'апельсиновое дерево'» (Фасмер). *Сфера денотации:* **растения:** апельсин, цветы: ноготки; **природные явления:** солнечные лучи, закат; **артефакты:** предметы одежды, абажуры; в терминологической функции в специальных текстах.

АПЕЛЬСИНОВЫЙ «Оранжевый, цвета кожуры спелого апельсина» (СОШ, 27); «Цвета апельсина, оранжево-желтый» (БТС); «Цвета апельсиновой корки, оранжевый, ярко-оранжевый» (Василевич и др., 120).

Этимология: от «апельсин, заимств. из голланд. *Appelsien*, которое вместе с н.-верх.-нем. *Apfelsine* <...> происходит из фр. *pomme de Sine*. Апельсин был завезен португальцами из Китая в 1548 г.» (Фасмер). *Сфера денотации:* **артефакты:** одеяло, джемпер; **внешность человека:** крашенные волосы.

МОРКОВНЫЙ *О.-слав.* «Оранжевый, цвета моркови» (БТС). В качестве цветового эталона данного цветообозначения принята морковь оран-

жевого цвета, хотя нередки и желтые разновидности. *Этимология*: от «морковь» <...> Прасл. *търку <...> родственно д.-в. н. mot(a)na „морковь“» (Фасмер). *Сфера денотации*: артефакты: ткани, одежда, губная помада; человек: кожа щек, возм., ‘морковный румянец’ (СЭРЛЯ).

РУДОЖЕЛТЫЙ XV–XX вв. (Бахилина 1975, 238–240; 246). Как утверждается в монографии (Василевич и др. 2005, 53), двусоставное прилагательное *рудожелтый* с XV в. было основным словом для обозначения оранжевых оттенков и обозначало буквально смешанный красно-желтый цвет. *Этимологию* лексемы *руда* как составной части цветообозначения *рудожелтый* см. выше (РУДЫЙ/РУДОЙ).

В истории русского языка использовались также цветообозначения **ЖАРКОЙ, ОГНЕННЫЙ, ПОМЕРАНЦЕВЫЙ**, конкурировавшие со 2-й пол. XVIII в. с термином *оранжевый* и вытесненные им (Бахилина 1975, 246). Отметим еще **АМАРАНТОВЫЙ** цвет — это «ранжевый, жаркой» (Даль).

КОНЦЕПТ ЗЕЛЕНОГО ЦВЕТА

ЗЕЛЕНЫЙ И.-е. X–XI вв. «Цвета травы, листьев» (СО).

Этимология: «ст.-слав. зеленъ<...> Родственно литов. žālias, латыш. zaļs «зеленый», др.-прус. saligan — то же <...> др.-инд. hīraṇyaṃ «золото», авест. zaṛaṇya- — то же, др.-инд. háriṣ, авест. zaīri- «желтый, золотистый», лат. helvus «желтоватый»: литов. želvas, žalsvas «зеленоватый» (Фасмер).

Сфера денотации: растения, их совокупности: трава, листья, дерево, поляна, лес: ‘зеленый лес’ (устойчивый эпитет); артефакты: краска, крыша, забор, сукно, ‘зеленый огонек’ такси; продукты: зелень: петрушка, укроп и т. п.; ‘зеленые щи’ (из щавеля, шпината), ‘зеленый чай’; эмоциональные и физические состояния: ‘зеленое лицо’ (от страха, болезни, изможденности); цвет лица, кожи (нездоровый, с земляным оттенком); плоды: зеленый осмысливается как незрелый: ‘зеленое яблоко’ как незрелое яблоко; термин зеленого цвета образует многочисленные антропологические метафоры со значением «Очень юный, не достигший зрелости; неопытный вследствие молодости» (Солганик 1999, 202) — ср. ‘зеленый юноша’, ‘зеленая молодежь’; ‘зеленый возраст’, ‘зеленая пора’ (юность). Отсюда выражение ‘Молодо-зелено’ — снисходительно по поводу неопытности молодых людей.

Переносные значения термина цвета ‘зеленый’ осциллируют вокруг понятий зеленого цвета растений и зеленого сигнала светофора, разрешающего свободный проезд. Так, зеленый — это «относящийся к растениям, состоящий, сделанный из зелени» (СОШ): ‘зеленый корм’, ‘зеленый конвейер’ как постоянное снабжение скота зеленым свежим кормом; ‘зеленая зона’ — метоним. ‘полоса зеленых насаждений вокруг крупных городов’, в том же значении метафора ‘зеленые легкие города’; ‘зеленый навес’, ‘зеленый шатер’ (под кронами деревьев). ‘Зеленая улица’ — перенос на базе семантики зеленого света как разрешающего сигнала светофора: «Обозначение свободного на всем протяжении пути для транспорта (главным образом железнодорожного)» (Солганик 1999, 203). ‘Дать зеле-

ную улицу' — «создавать, создать особо благоприятные условия для движения кого-л., чего-л.»; 'зеленая волна' — «автоматическая система, режим светофорного регулирования, обеспечивающий оптимальный режим транспортного движения в городе» (БТС, 362). *Фразеологизм* 'зеленая тоска' означает ужасную тоску (*зеленый* выступает как интенсификатор признака). *Фразеологизм* 'зеленый змей' (разг.) может означать водку и вино, и вообще так говорят «о спиртном как источнике большого искушения» (БТС). 'Елки зеленые' — «разг. сниж., употребляется для выражения досады, удивления и т. п.». Понятие 'зеленые' (интернационализм) — о представителях экологических партий и движений.

Деминутив 'зелененький' (*уменьш.-ласк.*): кузнечик; 'зеленехонький'/'зеленешенький' (*нар.-поэт.*): луга, поля. 'Зеленёхонек' может быть человек в плохом физическом состоянии (Там же). 'Зеленеть' — «становиться зеленым, приобретать зеленый цвет»: о лугах, деревьях и др. зеленых растениях или массивах.

ЗЕЛЕНОВАТЫЙ Слегка зеленый. *Сфера денотации*: природные явления: вода; внешность человека: глаза; артефакты.

ИЗУМРУДНЫЙ *О.-слав.* С XV в. Поэтическая разновидность термина зеленого цвета. «Прозрачно-зеленый, цвета изумруда» (СОШ). Цветообозначение проявляет независимость от эталона-прототипа в том смысле, что внушает нам образ очень зеленого и исключительно красивого камня; в природе цвет минерала, послужившего прототипом данного термина, необязательно колористически насыщен и далеко не всегда пробуждает столь яркую эмоцию.

Этимология: «Др.-рус. *изумруть* <...> Заимств. через тур. *zümürüt* и перс.-араб. *zimitirid* из греч. *σμάραγδος*. Др.-рус. *измарагдь*. Греч. название восходит к праиндоевр. *maragda-*, др.-инд. *aśmā marakatam* 'смарагд' (Фасмер). Выделенная *сфера денотации* опирается на однотипную экзemplификацию в используемых нами толковых словарях: *природные явления*: 'изумрудная вода': в море, заливе; *растения*: 'изумрудная трава', *окказионально артефакты*: блузка.

САЛАТНЫЙ/САЛАТОВЫЙ *Галл.* «Бледно-зеленый» (СО). «Бледно-зеленый, цвета листьев салата» (СОШ); «бледно-зеленый, цвета салата» (БТС). *Этимология*: от салат. «Через фр. *salade* из ит. *salata* «салат, то, что засолено» (Фасмер). *Сфера денотации*: *артефакты*: 'автомобиль салатного цвета', 'салатовая блузка'.

Ниже приводится группа терминов *темно-зеленого* цвета и слова желто-зеленой цветовой гаммы со сложными цветовыми переходами между ними.

БОЛОТНЫЙ «Цвета болота или травы, растущей на болоте; темно-зеленый с желтоватым оттенком» (БТС). *Этимология*: от «болото <...> Родственно литов. *báltas* „белый“ <...> алб. *baltë* „тина, болото, глина, земля“ — иллирийского происхождения...» (Фасмер). *Сфера денотации*: *артефакты*: 'куртка болотного цвета'.

БУТЫЛОЧНЫЙ *Галл.* С Петровского времени. «Темно-зеленый цвет» (МАС). *Этимология:* от «бутылка, бутылъ <...> С 1694 г., у Петра I; <...> Заимств. через укр., польск. *butelka* или прямо из фр. *bouteille* — то же, от ср.-лат. *buticula*: *butis*, *buttis* „бочка“» (Фасмер). *Сфера денотации:* артефакты: ткани, одежда.

ГОРОХОВЫЙ «Цвета вареного гороха, желто-зеленый» (*Василевич и др.* 2005, 120). *Этимология:* от «горѡх <...> Вероятно, родственно литов. *garšvā* ‘сорная трава „снить“’, др.-инд. *ghárṣati*, *ghṛṣtás* ‘тереть, тертый’» (Фасмер). *Сфера денотации:* артефакты: одежда.

ЗАЩИТНЫЙ/(ЗАЩИТНОГО ЦВЕТА) «Серовато-зеленый, делающий (предмет, его покров и т. д.) малозаметным, плохо различимым...» (МАС); «Серовато-зеленый с коричневым оттенком» (БТС). *Этимология:* от «щит <...> др.-рус. *щитъ*, ст.-слав. *штѣтъ* <...> Праслав. **ščiti* родственно литов. *skīėtas* ‘перекладина на бороне, ткацкое бердо’ <...> лат. *scūtum* «щит» (Фасмер).

Сфера денотации. Таким термином цвета обозначаются прежде всего артефакты, причем такие, которые каким-либо образом связаны с военной сферой: одежда: гимнастерка, рюкзак, военные объекты: блиндаж, орудия: танк и т. п. Словосочетание ‘защитная окраска’ (синоним — ‘покровительственная окраска’) в качестве зоо- и биотермина употребляется в отношении животных, имеющих такую природную окраску, которая делает их незаметными для врагов, невидимыми.

ОЛИВКОВЫЙ «Цвета спелых оливок или пареной травы, желто-зеленый» (*Василевич и др.* 2005, 122). *Этимология:* от «олива, олівка. Из ит. *oliva*, лат. *olīva* от *oleum*...» (Фасмер). *Сфера денотации:* артефакты: одежда, краска.

ФИСТАШКОВЫЙ «Светло-зеленый, цвета ядра фисташки» (СОШ, 853). «Цвета ядра спелой фисташки, бледный грязновато-зеленый» (*Василевич и др.* 2005, 123). *Этимология:* «по-видимому, заимств. из тур. *fıstık* — то же <...> но подверглось морфологическому воздействию фр. *pistache* из ит. *pistacchio*. Обе группы названий восходят к греч. *πιστάχιου* — то же, источник которого ищут в Персии...» (Фасмер). *Сфера денотации:* артефакты: ткани, краски.

ХАКИ *Иран.* «Коричнево-зеленый, защитный. <...> Плотная ткань такого цвета, а также форменная одежда из такой ткани» (СОШ).

Этимология: В «Каталоге названий цвета в русском языке» указывается на значительные расхождения в восприятии данного цвета и его семантической интерпретации. См.: «англ. *khaki*, которое, в свою очередь, происходит от перс. *hak* ‘земля, пыль’; сложный серовато-буро-зеленый цвет. Слово *хаки* первоначально появилось в конце XIX в., но не прижилось. До 1920 г. его с успехом заменяло слово *защитный*. Возможно, поэтому в толковании слова *хаки* того времени наблюдался большой разницей — от темно-коричневого до грязно-зеленого» (*Василевич и др.* 2002, 67). См. также семантизацию данного цветообозначения, выполненную

указанными авторами: «Цвета ткани военного обмундирования, серовато-зеленый с грязно-желтым оттенком; более желтый, чем болотный и более зеленый, чем табачный» (Василевич и др. 2005, 123).

Сфера денотации: артефакты: прежде всего одежда военнослужащих.

КОНЦЕПТ СИНЕГО, ТЕМНО-СИНЕГО, ГОЛУБОГО ЦВЕТА

СИНИЙ О.-слав. XI–XII вв. *Современная семантическая мотивация:* «цвета цветков василька» (МАС).

И. И. Срезневский выделяет у синего цвета следующую систему значений (фрагменты в кавычках и цитируемые небуквально см.: (Срезневский III. Стб. 356)): а) темно-голубой, синий; б) «синеватый, отливающий голубымъ цвѣтомъ (как эпитетъ молніи): «чръныа тѣчи съ мора идутъ <...> а въ ннѣхъ трепещутъ синнн мѣмнн». Сл. плк. Игор. (Срезневский III. Стб. 356); в) посинѣвший отъ кровоподтековъ; г) багровый, налитый кровью: о глазах; д) «темный; изъ-синя темный (синяя мгла, пучина, облака, эпитет вина) — «синее вино съ трудомъ смѣшено». Сл. плк. Игор.»; е) темнокожий: — «И выша ү неп (ү царицы) люди черны, а нныє синн; ж) черный: — «Синна яко сажа кдинъ <...> **Элопы синн;** з) потемнѣвший, сумрачный; и) «синнаа орда — название Ногайской орды»; к) «синее море — название Аральского моря».

Этимология: «др.-рус. синь, ц.-слав. синь <...> Родственно *сиять* (см.) или *сивый*, литов. šyvas «светлой масти», др.-инд. суйтās «черный, темный» <...> Созвучные фин.-уг. названия: фин. sini «синий» (Фасмер III, 624). «лазоревый, темноголубой, цвѣтомъ гуще, темнѣе голубаго» (Даль IV, 186).

Бахилина отмечает, что группа синего цвета в памятниках XI–XII вв. представлена лишь цветообозначением ‘синий’ (Бахилина 1975, 35). При этом «прилагательное *синий* в древних памятниках имеет сложную систему значений, которая, видимо, обусловлена его историей; однако основное его значение совпадает с современным <...> Можно думать, что в этот древнейший период прилагательное *синий* еще не выкристаллизовалось окончательно как цветообозначение, называющее один из основных цветов спектра. В нем еще сохранились какие-то черты более древнего состояния, когда оно было либо более многозначно, либо, напротив, называло просто темный цвет. Так, в памятниках XI–XII вв. мы находим примеры, где *синий* значит ‘темный’ и даже ‘черный’...» (Бахилина 1975, 35). Н. Б. Бахилина указывает на первоначальное значение данного термина цвета ‘сияющий’, ‘блестящий’ (Бахилина 1975, 176) и высказывает предположение, что «слово по происхождению и в древности близко к цветообозначению, т. е. что в нем сохранилось значение ‘относящийся к свету, блеску’, но не ‘блестящий’, ‘сверкающий’, а напротив, ‘темный’, ‘тусклый’, ‘лишенный блеска, сияния’» (там же).

‘Синий’ — эта лексема сама по себе, без дополнительных «прикрас», способна волновать носителя русского языка, вызывая у него романтические и другие высшие чувства (см. выше во вводной части). Термин сине-

го цвета играет большую роль в формировании эстетического, патристического и этнического чувства. Символ России — Московский Кремль, предстает в поэтическом творчестве, и в том числе в песенной поэзии, как правило, на фоне синего цвета как цвета неба, водных пространств (моря, озера), синих цветов (васильков, незабудок).

Сфера денотации: внешность человека: 'синие глаза' (романтическая характеристика), в то же время 'синее / посиневшее лицо, руки или губы' свидетельствуют о нездоровье их обладателя (проблемах с сердечной деятельностью или переохлаждении); **природные объекты и явления:** небо: цвет неба также имеет положительно-романтическую оценку и, как и васильки, может служить эталоном синего цвета; водоемы: море, озеро, река; дым, дымок; дымка; даль/дали; огненная стихия: 'синее пламя'; время суток: вечер, ночь; **цветы:** васильки, незабудки, колокольчики и др.; **артефакты:** «краска, платье, костюм, юбка, брюки, рубашка, блузка, кофта, пальто, плащ, свитер, шляпа, нитки, лента, бант, ткань, материал, материя (разг.), машина, автобус, сумка, карандаш, чернила, тушь» (УСС, 507); **элементы метаязыка цветообозначения:** цвет; фон, полоса, пятно; выступая в терминологической функции, нередко служит выделению видов: 'синий ясень', 'синий чистотел' (БАС XIII. Стб. 831).

Для русского языка характерно наличие большого числа лексем для обозначения «свойства быть синим», «определенного» синего цвета, свидетельствующих о важности термина синего цвета для русского языкового сознания. Ср. у В. И. Даля ряд таких лексем, обозначающих в обобщенном плане понятие синего цвета: «Синь, *синесть, синевá, синетá, синеда, синина* свойство, качество, состоянье синяго, синий цвѣтъ» (Даль IV, 186). Ср. в современном русском языке дериваты, характеризующие чаще всего явления природы: 'синь', 'синева', 'просинь'; см. также у Есенина стихотворение, начинающееся словами «Несказанное, синее, нежное» (давшими стихотворению название), в котором 'синее' является определенной и высокопоэтизированной сущностью.

Устойчивые сравнения: 'глаза синие как небо, как море, как васильки'; 'сине море' (нар.-поэт.) (БТС, 1187). **Поговорка:** «Гори (всё, оно и т. п.) синим пламенем (огнем)!». **Разг.-сниж.** Пропади все пропадом!» (БТС, 1187). **Фразеологизм** 'синий чулок' («неодобр.» — сухая педантка, лишённая женственности и погруженная в книжные, отвлеченные интересы) (СО), имеет аналог в разных языках. **Деминутив:** 'Синенький' (о платке, платье — *уменьш.-ласк.*) — служит обозначению цвета артефактов (СО, 623). 'Синенькие' (на юге России разг. название баклажанов).

ВАСИЛЬКОВЫЙ (поэт.). *Гр.-сл.* С XVII в. «Ярко-синий, цвета василька» (МАС; СОШ; БТС); «Цвета васильков, чисто-синий, ярко-синий» (Василевич и др. 2005, 120). **Этимология:** от «василек — цветок „Centaurea cyanus“ <...> греч. βασιλῆον <...> Гр.-сл. ...» (Фасмер). **Сфера денотации:** внешность человека: глаза; природные явления: синева: неба, моря; минералы; артефакты: ткани.

ЛАЗОРЕВЫЙ/ЛАЗУРЕВЫЙ (*нар.-поэт., устар.*). С XVII в. в народной словесности: лазурный. *Л. цветом* (СО); «В народной словесности: голубой, лазурный» (СОШ); «*Народно-поэт. лазурный*» (МАС). *Сфера денотации: природные явления*: даль, небо, пучина вод; *растения*: 'лазоревый цветочек' (*нар.-поэт.*); *в терминологической функции*: название минерала 'лазоревый камень': «сложный минерал голубого цвета, в состав которого входит лазурит» (БТС).

ЛАЗУРНЫЙ (*книжно.-поэт.*). С XVII в. «Цвета лазури, ярко-синий» (СО); «Цвета лазури, светло-синий» (СОШ); «Светло-синий, цвета ясного неба; небесно-голубой» (МАС; БТС); «Чистый ярко-голубой, насыщенно-голубой, небесно-голубой» (*Василевич и др. 2005, 121*). *Сфера денотации: природные явления* — небо, море, берег (у теплого южного моря). *Перен.* 'лазурные мечты' (идиллические, несбыточные).

ЛАЗУРЬ / ЛАЗОРЬ. XVI в. «1. Светло-синий цвет, синева (устар. и высок). *Небесная л.* 2. Краска светло-синего цвета» (СО). «1. <...> Светло-синий, лазурный цвет. *Лазурь неба, моря. Небесная лазурь* || Безоблачное голубое небо. 2. Краска светло-синего цвета. *Берлинская л.*» (БТС).

Этимология: Др.-рус. *лазорь* <...> Через польск. *lazur* <...>, чеш. *lazur*. Из ср.-верх.-нем. *lazûr, lasûr* «голубой камень», которое восходит через ср.-лат. *lazurium, lasurium* <...> араб. *lâzavard...* (Фасмер). *Сфера денотации: природные явления*: небо — «небесная лазурь»; *артефакт*: «светло-синяя краска».

САПФИРОВЫЙ/САПФИРНЫЙ (*поэт.*). О.-слав. С XV в. «Синий, цвета сапфира» (МАС; СОШ); «ярко-синий, цвета сапфира» (БТС).

Этимология: от «сафѣр, сапфѣр (XV в.)» <...> «ц.-слав., др.-рус. *сапѣфирь, самѣфирь* <...> от др.-еврейск. *sappîr* из др.-инд. *saṃpīrīya-* 'сапфир', буквально 'любимый Сатурном'» (Фасмер). *Сфера денотации: природные явления*: море, небо, переливы волн; *внешность человека*: глаза; *артефакты*.

ТЕМНО-СИНИЙ Темный оттенок синего цвета. Известен с древнейших времен. В Словаре Срезневского выделен в самостоятельную словарную статью. Здесь зафиксировано два значения данной лексемы: тьмъносънныи/темносънныи: пример а) темно-синий, б) мрачный. В лексикографической традиции его не принято вычленять в отдельную словарную статью, хотя это важный цвет для русскоязычного сообщества, часть триады цветообозначений 'голубой', 'синий', 'темно-синий'. Это цветообозначение входит в группу самых частотных композитов, более того, открывает их ряд (*Краснянский 2000, 30*). *Сфера денотации: природные явления*: ночь, вечер; *артефакты*: ткани: шерсть, бархат, предметы одежды, книжные переплеты; *внешность человека*: поэтич. 'темно-синие глаза'.

ИНДИГО (*устар.*). Темно-синий. «Добываемое химическим путем темно-синее красящее вещество (в прошлом добывалось из сока некоторых тропических растений; синтез освоен с XIX в.)» (БТС).

Этимология: «Вероятно, через нем. Indigo или исп. indigo от лат. indicum, греч. ἰνδύχιν» (Фасмер). *Сфера денотации:* артефакты: одежда.

АДЕЛАИДА (*устар.*). «Темно-синий цвет» (Федосюк 1998, 194). *Этимология:* от имени Аделаида. *Сфера денотации:* артефакты: расцветка ткани (там же).

ГОЛУБОЙ *О.-слав.* XI–XII вв. «С окраской небесного, светло-синего цвета» (СО); «Светло-синий, цвета незабудки» (СОШ); «Имеющий окраску одного из основных цветов спектра — среднего между зеленым и синим; цвета ясного неба; светло-синий, лазурный, лазоревый» (МАС); «Цвета ясного неба; светло-синий, лазоревый, лазурный» (БАС). В приведенных выше семантизациях подчеркиваются разные аспекты колористики термина голубого цвета. Ср. также семантизацию в Словаре русского языка XI–XVII вв., которая наглядно показывает, что в истории русского языка рассматриваемый термин цвета имел иную цветовую значимость и сферу денотации — ‘пепельный, пепельно-серый (о масти животного)’. Н. Б. Бахилина указывает, что в памятниках древнерусского периода прилагательное *голубой* употребляется только в качестве названия конской масти; следует полагать, что это не был просто серый цвет, а, вероятно, серый с каким-то оттенком (Бахилина 1975, 194). О концептуализации этого цвета в русском языке многое может сказать его семантизация у Даля: «светлосиний, лазоревый, ярко-небеснаго цвѣта <...> Народ голубымъ называет то синее, то сѣрое или темнодикаго цвѣта; голубая лошадь, пепельная, мышастая, иногда даже и съ желтизной...».

Этимология: «от *голубь* — по синему отливу шейных перьев голубя <...> *голубой* ввиду ограниченного распространения в слав. явно вторично по отношению к **golqъb*» (Фасмер).

Сфера денотации: природные явления: небо; озеро, река; огонь (как голубой характеризуется в том числе огонь горящего в домах природного газа); день, вечер; внешность человека: глаза; цветы: колокольчики, незабудки; животные: ‘голубая норка’ (животное сероватого цвета), ‘голубой песец’ (животное серовато-бежеватого цвета), ‘голубой жеребец’ (см. в развитие темы: «В „Воскресении“ Л. Толстого читаем про длинноногого голубого жеребенка. Лошади голубой масти были и есть. Голубым, или *мышастым*, называли серовато-сизый, пепельный цвет, такой, как у обычного голубя–сизаря» (Федосюк 1998, 209); артефакты: платье, конверт, обои; ‘голубой экран телевизора’; *перен.* (с абстрактной лексикой): ‘голубая мечта’, ‘голубой сон’ — о мечте, которая «самая заветная, сокровенная, но обычно несбыточная» (БТС); *перифр.:* ‘голубые магистрали страны’ (о крупных реках); *фразеол. интернационализм* ‘голубая кровь’ / ‘голубых кровей’ относится к людям аристократического происхождения.

Распространенный *фразеологизм:* *поднести, преподнести* и т. п. на блюдечке с голубой каемочкой ‘дать в готовом виде, освободив кого-л. от собственных затрат сил, времени и т. п.’ (БТС).

От того же корня, что и термин голубого цвета образовалось старинное название красителя: «*Голубец* м. голубая мѣдная краска; водная углекислая окись мѣди» (Даль).

ЗЕКРЫЙ/ЗЕРКИЙ/ИЗЕКРЫЙ (ист.). Грец. XI–XII вв. Синий. Используется в нек. переводных памятниках древнейшей поры для названия цвета глаз и цвета камня. Как цветообозначение прилагательное *зекрый* очень неопределенно. Этим словом переводится греческое *γλαυρός*, довольно многозначное: 'светло-синий', 'голубой', 'светло-серый', 'сизый', 'зеленоватый', а также 'светлый', 'сверкающий', 'блистающий', предположительно, его значение «'светлый', 'яркий', т. е. и по отношению к глазам не значит 'голубого цвета', а просто 'светлоглазый'. По отношению к камню это тоже может быть не цвет, а блеск (Бахилина 1975, 36–37).

Этимология: «зѣркий 'голубоглазый', только рус.-ц.-слав., с колебаниями формы; *зекрь*, *изекрь*, *зеркъ* *γλαυρός* <...> Относят к *зреть* <...> возм., из **зерькъ*, **изерькъ*? Исходная форма неясна (Фасмер II, 95). Соотнесенность со *сферой денотации* неоднозначна. Так, в Словаре И. И. Срезневского не отмечается способность данного цветообозначения выражать блеск: «зекрый — синеглазый, голубоглазый — о человеке (названном по имени) и глазах человека».

БИРЮЗОВЫЙ Иран. «Зеленовато-голубой» (СО; СОШ); «Нежно-голубой, цвета бирюзы» (МАС); «Голубой или зеленовато-голубой; цвета бирюзы» (БТС). Интересно, что когда создатели колористических дефиниций не связаны канонами словарной дефиниции толкового словаря, в семантизациях цветообозначений могут проявляться элементы эмоционального и романтического. Ср., например, определение 'пронзительно-голубой' в дефиниции: «Цвета бирюзы, пронзительно-голубой с тонкой прозеленью» (Василевич и др. 2005, 120).

Этимология: от «бирюзá, раньше *берюза*, грам. 1509 г. <...> Заимств. через тур. *riğüzá* — то же, *riğüza* из перс. *riğze*, авест. **raitağδšah*...» (Фасмер). От «БИРЮЗА = БЕРЮЗА: — камень бирюза, цвѣтъ на немъ голубъ» (Срезневский). **Сфера денотации:** природные объекты: небо, море; артефакты: купола церквей; ткани; одежда.

ЦВЕТ МОРСКОЙ ВОЛНЫ «Зеленовато-голубой» (СОШ). **Сфера денотации:** артефакты: ткани, одежда.

КОНЦЕПТ КОРИЧНЕВОГО, БУРОГО ЦВЕТА

Различие между коричневым и бурым может рассматриваться в той плоскости, что термин коричневого цвета «забронирован» в русском языке в первую очередь за сферой артефактов: краской, крышей, ботинками, шнурками и т. п., то есть искусственной средой, а термин бурого цвета приспособлен скорее для цветообозначения объектов естественной среды: земли, деревьев, их стволов; животного мира: медведей, лошадей и др. животных. О меньшей исходной органичности термина коричневого цвета для русскоязычного ареала — по сравнению с термином бурого цвета —

может свидетельствовать отсутствие самостоятельной статьи *коричневый* в Словаре В. Даля. Более подробно о соотношении слов *бурый* и *коричневый* см. (Рахилина 2000, 177–178).

КОРИЧНЕВЫЙ *Ср.-рус.* «Темный, буро-желтый (цвета жареного кофе и желудя)» (СО); «Цвета жареного кофе и спелого желудя» (СОШ); «Цвета корицы или жареного кофе» (МАС; БТС). *Этимология:* «др.-рус. *корица* <...> *коричневый*, букв. „цвета корицы“» (Фасмер). *Сфера денотации:* в первую очередь **артефакты:** карандаш, фломастер, обивка мебели, костюм (БТС, 457). ‘Коричневые яблоки’ — «обиходное название коричных яблок» (СОШ). *Фразеологизм:* «Коричневая чума» (о фашистах; *презр.*); «коричневорубашечник. То же, что фашист».

КАРИЙ *Тюрк.* «Черный, темный». Современная семантизация: «Коричневый (о цвете глаз)» (БТС). О масти лошади: «Темно-гнедой, но несколько светлее каракового, с буроватым отливом на ногах» (Там же). *Этимология:* «др.-рус. *карий* „черный“ <...> Из тур., тат., и т. д. кага „черный“» (Фасмер). *Сфера денотации:* **внешность человека:** глаза.

КАШТАНОВЫЙ «Рыжебурый, яркий бурый» (Даль); «Коричневый, цвета каштана» (БТС). *Этимология:* источник: «арм. *kaskeni* „каштановый“» (Фасмер). *Сфера денотации.* В общелитературном языке выступает как цветообозначение волос. В терминологической функции ‘каштановые почвы’ означает «тип почв, образовавшийся под воздействием растительности сухих степей» (БТС).

ПЮСОВЫЙ (расцветка ткани) (*устар.*). *Галл.* Темно-коричневый. *Этимология:* от фр. *puise* ‘блоха’ (Федосюк, 194).

БЕЖЕВЫЙ/БЕЖ *Европ.* «Светло-коричневый с розовато-желтым оттенком» (МАС). *Этимология:* галлицизм. *Сфера денотации:* **артефакты.**

БУРЫЙ *И.-е.* XI–XIV вв. «Кофейный, коричневый, ореховый, смурый, йскрасна черноватый, такая-жь конская масть, между рыжею и воронью» (Даль); «Серовато-коричневый <...> О масти, шерсти: черный с красноватым отливом» (СО); «Серовато-коричневатый <...> Темно-коричневый с красноватым отливом (о масти лошади)» (МАС). *Этимология:* «др.-рус. слово <...> Заимств. через посредство тур. *buğ* «рыжей масти из перс. *bōg* „гнедой, рыжей масти“; ср. др.-инд. *babhrūṣ* „рыжеватобурый, гнедой“» (Фасмер).

Сфера денотации: **почвы:** в онтологической функции: ‘бурая степь’, ‘бурый песок’ (МАС I, 127); в терминологической функции: ‘бурые почвы’ (Там же); **минералы:** в терминологической функции: «*Бурый желѣзнякъ*, вид желѣзной руды. *Бурый уголь*, вид каменного угля» (Даль I, 144); **животные:** род/вид: ‘бурый медведь’, ‘бурая корова, лошадь, лисица»; **растения:** ‘бурая пшеница’, ‘бурые водоросли’ (красноватые); **ржавеющее железо:** ‘бурые пятна ржавчины»; **зоонимы:** Бурка/Бурко (кличка лошади или собаки), Буренка (кличка коровы) (Даль I, 144).

Служит для цветообозначения естественных объектов, не выступает в отношении артефактов. Сфера охвата у цветообозначения 'бурый' постоянно сужается в пользу цветообозначения 'коричневый' (Рахилина 2000, 179).

Пословицы: «Хорошо на бурку валить, бурка все сvezеть», «Умыкали бурку крутыя горки», «Ни сиво, ни буро, ни то, ни се» (Даль). В сказках: «Сивка бурка, в'кцій каурка <...> конь и бурый, и сивый, и каурый» (Даль).

Ниже сгруппированы словарные статьи с *устаревшими* цветообозначениями, специализированными на цветообозначении животных.

БУРНАСТЫЙ (*устар.*) «Рыжебурый, безъ черноты и огневой красноты» (Даль). *Сфера денотации*: специализирован на цветообозначении меха, особенно лисьего.

КАРАКОВЫЙ (*устар.*). *Тюрк.* «Темно-коричневая с бледными подпалинами на морде и в паху масть лошади» (Фасмер).

КАУРЫЙ (*устар.*). *Тюрк.* «Светло-каштановый, рыжеватый (о масти лошади)» (МАС); «Светло-гнедой (о лошадиной масти)» (Фасмер). *Каурка*: «лошадь каурой масти» (МАС). *Этимология*: стар. *курый* <...> *кауриться* «мрачно смотреть» <...> Др.-рус. слав. <...> Из тюрк. (Фасмер).

МУРУГИЙ (*устар.*). «Рыже-бурый или буро-черный (о масти животных)» (МАС); «Пятнистый, полосатый (темное по цветному фону)» (Фасмер). *Этимология*: из *погогъ, ср. польск. *погад* «темная полоса, полосатый (о животном)» <...> Связано с *марать*...» (Фасмер).

МУРЫЙ/СМУРЫЙ (*ист.*) «Темно-коричневый», мурастый «полосатый», чеш. *moura* «серая (бурая) корова || Родственно греч. *μίβρος* „темный, черный“)...» (Фасмер).

КОНЦЕПТ СЕРОГО ЦВЕТА

СЕРЫЙ *Прасл. О.-слав.* XI–XII вв. Относится к ахроматическим цветам. «Цвета пепла» (СО), «цвета дыма, асфальта, мыши; средний между черным и белым» (БТС). Активное цветообозначение русского языка.

Этимология: «др.-рус., рус.-ц.-слав. *сѣръ* <...> Ввиду зап.-слав. ξ можно говорить только о праслав. **hoigō-*» (Фасмер). Как отмечает Н. Б. Бахилина, в памятниках XI–XII вв. встречается редко, причем только в народной речи и только в словосочетании *серый волк* (в *Слове о полку Игореве*) (Бахилина 1975, 38–39).

Сфера денотации: человек: его внешность — 'серый цвет глаз' нередко говорит о серьезности и вдумчивости их носителя; в русскоязычном арсале такие глаза являются ценностью; 'серый цвет лица, щек' означает бледность и землистый, то есть нездоровый, оттенок на почве болезни или каких-либо сильных отрицательных воздействий на эмоциональную сферу; *артефакты*: шерсть, ткань, сукно; одежда: шинель, пальто, подкладка; здания; автомобили; бумага (обычно низкого качества, из вторсырья); *продукты*: 'серый хлеб' (из пшеничной муки грубого помола); *природные объекты и метеорологические явления*: 'серое

небо, тучи»; с названиями времени суток указывает на несолнечную, пасмурную, дождливую погоду: 'серый день'; минералы: гранит, мрамор и др. субстанции: 'серая пыль'; почвы в терминологической функции: 'серые почвы'; разного рода субстанции в терминологической функции: 'серое вещество мозга'; животные в онтологической функции: 'серая птичка, кошка, крыса'; в видовой функции: 'серая цапля', 'серый гусь' (в отличие от других цветовых разновидностей); в фольклоризирующей функции как *постоянный эпитет*: 'серый заяц', 'серый волк'; зоонимы: 'Серый', 'Серко': распространенное имя серой лошади или кошки; эвфемизм волка, зайца: 'Серый'; деминутивное определение 'серенький': 'серенький козлик', 'серенький котик' как частотный ласковый атрибут названия животного или обращение к нему.

М. А. Суровцова указывает, что «во всех славянских языках слово является обычным выражением цветового значения «серый» с общим применением, но в большинстве случаев не для волос» (Суровцова 1976, 141).

Переносные употребления осциллируют в семантических пределах обычного, обыденного, неинтересного, ничем не примечательного, заурядного, отсюда устойчивые словосочетания 'серое существование', 'серая жизнь', 'серая пьеса'. Фразеологизм 'серый человек' характеризует малообразованного человека, с узкими горизонтами; с этим фразеологизмом перекликается другой: «серого вещества не хватает у кого-н. (глуповат, несообразителен; разг. шутол.)» (СОШ). Поскольку серое вещество в мозгу «отвечает» за интеллект, данная характеристика представляет собой уничижительную оценку умственных способностей человека.

БУСЫЙ (*ист.*) *Тюрк.* «Темно-серый, пепельный», *бусеть, бусовать* «становиться серым, голубым, темнеть» (Фасмер). Известно в истории языка и в современных говорах. Неоднократно встречается в «Слове о полку Игореве», в том числе и в виде дериватов от этого цветообозначения: «бусый», «бусов», «бусеть», «буско» (Виноградова 2003, 71–72). *Этимология*: «Неясно. Старое объяснение из тур., др.-тюрк. *boz* «серый, темный» (Фасмер). *Сфера денотации*: природные явления: синевя вечернего неба; животные: шерсть у кошки.

ДИКИЙ/ДИКЕНЬКИЙ (*устар.*) *Слав.* «Съроватый, сѣрый, пепельный, подсѣдный; не буросѣрый, а голубосѣрый» (Даль). «Светло-серый» (Федосюк 1998, 194). *Этимология*: «Родственно *dīvis* (см.). Ср. литов. *dūkas* „вольный, незанятый, праздный“...» (Фасмер). Отметим, что у прилагательного *dīvis*, на которое дается отсылка, цветовая семантика не наблюдается (Фасмер). *Сфера денотации*: артефакты: ткани, одежда.

ДЫМЧАТЫЙ *Ср.-рус.* «Пепельно-серый, цвета дыма» (МАС; БТС); «светло-серый, цвета дыма» (СОШ).

Этимология: от «дым <...> ст.-слав. *дымь* <...> Родственно литов. *dūmai* мн. „дым“, латыш. *dūmi*, др.-прус. *dūmis*, др.-инд. *dhūmās* „дым“, лат. *fūmus* то же» (Фасмер). *Сфера денотации*: животные: кошки; артефакты: очки, стекло; минералы в терминологической функции: 'дымча-

тый топаз', 'дымчатый кварц': «разновидность прозрачного или полупрозрачного кварца сероватого или бурого цвета...» (БТС). Выступает в функции модификатора цветности: 'дымчато-серый', 'дымчато-синий'.

ЗЕМЛИСТЫЙ *О.-слав.* «О цвете лица: серовато-бледный» (СОШ). *Этимология:* от земля. «Родственно литов. žemė „земля“, латыш. zeme, др.-прус. zemte <...> — то же, сюда же литов. žemas „низкий“, латыш. zems — то же, авест., др.-перс. zam — „земля“» (Фасмер). *Сфера денотации:* человек: части тела: лицо и руки усталого, изможденного тяжелой работой или болезнью человека.

МАРЕНГО «Ткань черного цвета с белыми нитями. <...> Черный с сероватым отливом (о цвете)» (БТС); «Черный с отдельными серыми нитками, придающими ткани серый отлив, серовато-черный» (*Василевич и др.* 2005, 121). *Этимология:* от ит. marengo (БТС). *Сфера денотации:* артефакты: ткани, трикотаж; одежда: пальто.

МЫШИНЫЙ / МЫШИЙ (*ист.*). *О.-слав.* «Серый, цвета мыши» (МАС; БТС); «Темно-серый» (*Рахилина* 2000, 176). *Этимология:* от мышь. *И.-е.* «ст.-слав. мышь <...> *И.-е.* основа на согласный: др.-инд. mīṣ- м. „мышь“...» (Фасмер).

Сфера денотации: артефакты: ткани и изделия из них: мундир. Далеко не всё темно-серое можно определить с помощью вышеупомянутого термина цвета. Таковым вряд ли может быть шелк или другая какая-то легкая ткань, так как данный термин цвета служит определением материала с плотной фактурой.

Во фразеологической функции: 'мышинный жеребчик': «Молодящийся старик, любящий ухаживать за молодыми женщинами» (БТС).

МЫШАСТЫЙ (о лошадиной масти) (*устар.*). «Серый, цвета мыши...» (СО).

ПЕПЕЛЬНЫЙ/ПОПЕЛЬНЫЙ (*ист.*). *Балт.-слав.* XI–XIV вв. Ст.-слав. попелъ, пепелъ 'пепел'. X–XI вв. «Сероватый, похожий цветом на пепел» (МАС); «Седовато-серый, дымчатый» (БТС).

Этимология: «Родственно др.-прус. pelappe «зола», литов. pelenai мн., латыш. pelni то же <...> греч. πάλη „пыль, мелкая мука“ <...> далее сюда же ст.-слав. полѣти (...) палити; см. полѣно, палить, пламя...» (Фасмер). *Сфера денотации:* волосы, артефакты: 'пепельные волосы', 'волосы пепельного цвета'. Нередко служит модификатором цветности в цветовых комбинациях с неконтрастными данному цветообозначению цветами, ср.: 'пепельно-голубой', 'пепельно-жемчужный', 'пепельно-каштановый', 'пепельно-русый', 'пепельно-седой', 'пепельно-серый'.

СВИНЦОВЫЙ XI–XII вв. «Мрачной синевато-серой окраски» (СО, 611); «Синевато-серый, цвета свинца» (СОШ); «Темно-серый, цвета свинца» (МАС; БТС). *Этимология:* от свинец. «Др.-рус., ц.-слав. свинць <...> Родственно литов. švinas „свинец“, латыш. svins; дальнейшие родственные связи недостоверны — с греч. χόαινος м. „синее вещество“, гомер. χόαινεος „стального цвета“, которое считается заимствованным из неизвестного

языка...» (Фасмер). *Сфера денотации*: природные явления: небосклон, небо, тучи, волны, блеск.

СИВЫЙ *И.-е. О.-слав.* X–XI вв. «Темно-сѣрый съ сѣдиною (о конской масти)» (Срезневский). **Сивыць** «сивый конь» (Там же). «Серовато-сизый (о масти лошадей)» (СО). «1. О масти животных, обычно лошадей: серовато-сизый. 2. Седой, с проседью. *Сивая борода*» (СОШ). С проседью, седой (о волосах и о человеке с такими волосами) 3. Тускло-серый» (БТС).

Этимология: «Др.-рус. *сивъ* <...> Родственно литов. *šyvas* „светлосерый, сивый, седой“ <...> далее сюда же др.-инд. *śuāvás* „темный“...» (Фасмер). *Сфера денотации*: животные: масть животных, прежде всего лошади; шерсть собаки, собака с такой шерстью: ‘сивая собака’; внешность человека: борода, усы; артефакты: выгоревшее платье, то есть лишившееся своего первоначального цвета; продукты питания: ‘сивый чай’ (не очень хорошего качества, спитой).

СТАЛЬНОЙ *Герм.* С XV в. «О цвете: серебристо-серый» (СО); «Напоминающий сталь, похожий на сталь по цвету» (МАС); «Имеющий цвет стали; серебристо-серый» (БТС). *Этимология*: от «сталь. С XV в. «Из н.-верх.-нем. Stahl „сталь“, ниж.-нем. нидерл. Staal...» (Фасмер). *Сфера денотации*: водная стихия — например, гладь моря, воды залива; внешность человека: ‘стальной взгляд’ (не очень приятный для того, на кого смотрят таким взглядом); артефакты: куртка.

ЧАГРАВЫЙ/ЧЕГРАВЫЙ (*устар.*) *Тюрк.* «Темно-пепельный» (Федосюк 1998, 209). *Этимология*: «заимств. из тюрк., ср. чагат. *čegär* „буланый“ (о лошади)“, казах. *šayŋg* „сероглазый“, алт. *šokur* „пестрый“, чув. *tšagŋg* „желтоватый, бурый“» (Фасмер). *Сфера денотации*: животные: масть лошадей.

ЧАЛЫЙ (*устар.*) *Тюрк.* «Сѣробурый» (Срезневский); «Серый с примесью другого цвета (о масти лошади; о лошади этой масти)» (БТС); «Серый с примесью другой шерсти» (Федосюк 1998, 209). *Этимология*: «заимств. из тур., тел., уйг. *čal* „серый, седой; чалый (масть лошадей)“» (Фасмер). *Сфера денотации*: животные: масть лошадей.

СИЗЫЙ *Балт.-слав.* XI–XII вв. «Темный, черный съ просинью и съ бѣлесоватымъ, голубоватымъ отливомъ; сѣросиний, дикаго цвѣта, съ синевою, съ голубой игрою» (Даль); «темно-серый с синеватым оттенком» (СО); «темно-серый с синеватым отливом» (БТС); «серо-синий, сероголубой» (МАС).

Этимология: «др.-рус. *сизый* <...> Скорее всего от того же, что и *сивый*...» (Фасмер). *Сфера денотации*: природные объекты и явления: небо, тучи, туман, мгла, дым; внешность человека: ‘сизый нос’ (синеватый) как знак нездоровья человека и его неэстетичного вида; растения: в онтологической функции; родовидовые отношения: ‘сизая ежевика’; животные: в онтологической функции; родовидовые отношения: ‘сизый голубь’, ‘сизая чайка’; оперенье птиц: *перен.*: цветообозначения пернатых переходят на человека, формируя устойчивые цветовые комплексы, прежде всего в фольклоре. Так, ‘голубь сизокрылый’ / ‘сизый голубь (голубо-

чек)', 'сизая голубка', 'сизый орел' — устойчивые словосочетания, выступающие в адресивной и гоноративной функциях и с древнейших времен служащие ласковым обращением к любимому человеку или упоминанием о нем.

КОНЦЕПТ МУТНОГО, НЕЯСНОГО ЦВЕТА

МУТНЫЙ *И.-е.* X–XI вв. «1. О жидкостях: непрозрачный, нечистый (от смешения с чем-н.) <...> 2. Потускневший, затуманенный <...> 3. О сознании: помраченный, смутный» (СО). *Этимология:* от мутить, мучу. Ст.-слав. мѣтити, мѣштѣж <...> Родственно др.-инд. *manthayati* «трясет, мешает» (Фасмер).

Сфера денотации: в качестве первичной функции характеризует жидкие субстанции, водные потоки и водоемы: река, пруд; «непрозрачный, нечистый от засорения, смешения с чем-л. (о какой-л. жидкости)» (МАС); природные объекты и явления: определяет качество света и воздушной среды: небо, окутанное мглой и туманом, неясный свет; поверхности артефактов: указывает на непромытые, неочищенные поверхности прозрачных или блестящих предметов: «потускневший, затуманенный — о блестящей поверхности, прозрачном стекле и т. п.» (БТС); зеркало, окно, самовар; человек: о глазах, взгляде. Составляет оппозицию к ЯСНЫЙ; метатермин цвета, характеризующий некачественность цветовой гаммы: ее нечеткость, «смазанность». «*Перен.*: о сознании — помраченном или смутном. *Мутная голова.* Поговорка *В мутной воде рыбу ловить:* извлекать выгоду из чего-н., пользуясь неясностью обстановки, чьими-л. затруднениями» (СО).

ЗАМУТНЕННЫЙ. Мутный, неясный, нечеткий, характеризующийся отсутствием цвета или смазанной цветовой гаммой.

МГЛЕННЫЙ/МЕГЛЕННЫЙ/МЕГЛЯНЫЙ (*ист.*). Ср. мгыльни = мегленги. «Туманный, наполненный мглой» (Срезневский). В современном русском языке выступает существительное мгла. Семантику этого существительного Т. М. Николаева определяет как «некоторую непрозрачность, затуманенность видения, но и элемент субстанциального заполнения, наличия какой-то суспензии, создающей «мглистость». Кроме того, само появление мглы связано и с темным, обычно не-дневным, временем суток. Иначе говоря, мгла — это нечто вроде завесы, непрозрачной и мрачной, с частым психологическим налетом — ореолом грусти и печали <...> завеса, скрывающая (или открывающая) иной мир, путь в него...» (Николаева 1999, 223). И далее: «Мгла соотносится в древнерусских текстах с тьмой» (там же, 226]. Т. М. Николаева показывает на примерах, что «слово мгла является одним из ключевых в общей семантике текста «Слова о полку Игореве» (там же), а круг его значений, по крайней мере, частично, совпадает с его использованием А. С. Пушкиным, Ф. Тютчевым, А. Белым и другими русскими поэтами.

ПАСМУРНЫЙ «С небом, покрытым облаками, предвещающими дождь, сумрачный; *перен.* о человеке: мрачный, невеселый, также вид,

лицо» (СО). *Этимология*: пасмурный, пасмур „ворчун, брюзга“. Обычно сближается с хмура „облако“ <...> Возможно, родственно с греч. ἀμαυρός «темный, слепой» (Фасмер). *Сфера денотации*: природные явления: облака, небо, погода; время суток: день, утро; время года: осень; внешность человека: вид, лицо; эмоции: настроение; освещенность: комната.

ТУМАННЫЙ *Тюрк.* «Окутанный, покрытый, подернутый туманом» (МАС); «Непрозрачный из-за тумана» (СОШ); «Лишенный яркости; мутный тусклый <...> Неотчетливо видимый, слабо различимый; неясный, расплывчатый» (БАС). *Этимология*: От «туман (туман, мгла) <...> Из тур. topan ‘десять тысяч’, аналогично тьма» (Фасмер). *Сфера денотации*: природные явления: дымка, мгла, даль, море, утро, очертанья (гор), силуэт (человека). *Перен.*: ‘туманный мыслитель’ (склонный к идеализированию) (БАС); неясный, непонятный: ‘туманный намек’, ‘туманный смысл’, ‘туманное объяснение’ (СОШ), ‘туманное прошлое’ (БАС); грустный: ‘туманный взор’ (БАС).

ТУСКЛЫЙ «Мутный, непрозрачный» (МАС), «матовый, не блестящий» (СО), «противоп.: яркий, блестящий...» (БТС). *Этимология*: от «туск „туман, темнота“ <...> Считается родственным др.-сакс. thiustri „мрачный“, др.-фриз. thiūstere, англос. diestre — то же, а также арм. *t'usk <...> „черный, коричневый, темный“ (*tusk-))» (Фасмер). *Сфера денотации*: световые явления: свет светил: луна (неяркая); свет искусственных источников света — фонаря, лампы (неяркий); артефакты: серебро, стекло, зеркало (без блеска); расцветка ткани (невывразительная); картина, фотография, печать (поблекшие); внешность человека: глаза, взгляд (невывразительные). *Перен.* бессодержательный, скучный, серый: ‘тусклая жизнь’, ‘тусклая книга’.

ХМУРЫЙ Пасмурный, сумрачный (МАС). *Этимология*: от «хмура „туча“ <...> Родственно смурый „темный“, пасмурный <...> по-видимому, является выражением отрицательной экспрессии» (Фасмер). *Сфера денотации*: природные (метеорологические) объекты и явления: день, небо, погода; характеризует ситуацию отсутствия цвета, вернее, его непроявленности; человек: угрюмый, накупившийся (СО).

Ср. также коррелирующие с доминантой ряда слова: ЗАТУМАНЕННЫЙ (взгляд). СМАЗАННЫЙ, СТЕРШИЙСЯ, ВЫЦВЕТШИЙ, ЛИНЯЛЫЙ/ПОЛИНЯВШИЙ, ПОБЛЕКШИЙ, ПОРЬЖЕВШИЙ.

КОНЦЕПТ ПЕСТРОГО ЦВЕТА

В пределах данной категории отдельную большую группу составляют масти лошадей, в названиях которых имеется информация об их цветовой неоднородности, например, лошадь с крупными светлыми пятнами именуется пегой, а с небольшими темными пятнами — чубарой (Дыбо 2004, 14). Более подробно о параметрах описания типов неоднородности мастей лошадей см. (Дыбо 2004, 14–16).

ПЕСТРЫЙ *О.-слав.* «Покрытый разноцветными пятнами, полосами и т. п.; составленный из чего-либо окрашенного в различные цвета» (БАС); «Разноцветный» (БТС). Лексема многозначна. В Словаре Срезневского даны следующие значения лексем пѣстрыи / пестрыи: «пятнистый, пестрый (о козах); разноцвѣтный, цвѣтной; разнообразный; хитрый лукавый...». В Словаре В. И. Даля семантика цветолексемы иллюстрируется с помощью целого ряда аспектных синонимов, в том числе имеющих диалектное распространение, а также с помощью фразеологизмов и паремий: «разноцвѣтный, рябый, разнолѣсый, клѣтчатыи, полосатыи, пятнастый, пѣтйи, разномастый, перепелесый; цвѣтной, узорочный, расписной, не одной масти, краски, цвѣта, не сплошной». В зависимости от типа объекта может указывать как на ахроматические, так и на хроматические цвета.

Этимология: «др.-рус., ц.-слав. *пѣстръ* <...> Связано чередованием корневого гласного с *писѣть*, ср. ст.-слав. *пѣсати* <...> Родственно литов. *raižas* «пятно от сажи», греч. *ποικίλος* «пестрый», др.-инд. *ṛeṣas* 'форма, вид, цвет'» (Фасмер).

Сфера денотации: издревле употребляется в отношении животных, в том числе мифических: «Смысл определения „пестрый“ может иметь полярные значения даже в приложении к одному и тому же животному <...> Указанием на дьявольскую сущность служит признание *пестрый* в сказаниях об аспиде, дятле, рыси» (Белова 1998, 47). Может употребляться в отношении насекомых (бабочек), о чем, к примеру, свидетельствуют эпитеты 'пестрая' и 'пестрокрылая', указывающие на пестроту окраски бабочки (Зеленецкий 1913). Кроме того, определяет: артефакты: ковер, половик, обои, ткань, платье, рубашка; совокупность растений: букет, поляна; животных (ср.: «Скотинка с пестри́нкой, съ пятномъ, с отмѣтиной. *На лбу коровы пестри́нка*» — Даль). *Перен.*: 'неодинаковый по составу, состоящий из разных элементов' ('пестрая толпа', 'пестрый состав участников', 'пестрые впечатления', 'пестрая жизнь' — БТС).

Ряд фразеологизмов и паремий, в частности, зафиксированных в Словаре В. И. Даля, дезактуализировался, и для современного русского языка лексикографически не отмечается. Ср.: «*Пестрый слогъ, пестрая речь, неровная, нескладная, либо разнородная, по набору выражений. Один говорить — краснó, а двое говорить — пестрó. Пестрый-годъ, каз. голодный, нужный, гдѣ все ѣдят, безъ разбору*».

Проиллюстрированные выше значения выступают у целого ряда дериватов. ПЕСТРИТ ('пестрит в глазах') «Об ощущении пестроты, ряби». Зоонимы: || *Пеструха, пеструшка*, кличка пестрой коровы или курицы. ПЕСТРЯДЬ ПЕСТРЯДИНА. «Грубая льняная или бумажная ткань из разноцветных ниток, обычно домотканая» (СО). Отсюда ПЕСТРОТКАНЫЙ. «О тканях: пестрый от чередования в основе и в утке разноцветных нитей» (СОШ).

ЧУБАРЫЙ (*устар.*) *Тюрк.* «С темными пятнами по светлой шерсти или вообще с пятнами шерсти другого цвета (о масти лошади)» (МАС); «Пестрый, рябой» (Фасмер).

ПЕГИЙ «Пятнистый, пестрый (о масти животных)» (СО); «С пятнами другого цвета, разношерстный (о животных, обычно о лошадях)» (БАС). Неоднородность окраски при таком цветообозначении наблюдается по всей поверхности животного.

ПЯТНИСТЫЙ «С пятнами, по цвету отличающимися от основной окраски» (СОШ).

РЯБОЙ *И.-е.* (возможно, доиндоевр.). X–XI вв. (Фасмер). «Имеющий рябины, углубления <...> С пятнами другого цвета на основном фоне, пестрый» (СО). *Сфера денотации:* человек: лицо: рябое, с рябинами (от оспы); поверхность водоема; животные: кобыла, корова, курица, скворец; фолькл.: 'курочка-ряба' — «персонаж русской народной сказки» (БТС), «рябая курочка, снесшая золотое яичко» (СОШ). *Фразеологизм* 'в глазах рябит' («об ощущении пестроты, мелькающих точек, пятнышек перед глазами») (МАС).

ТИГРОВЫЙ «Желтый с темными полосами, цвета шкуры тигра» (БТС).

ПУКЕТОВЫЙ (устар.) («от испорченного букет) — расписанный цветам») (*Федосюк* 1998). *Сфера денотации:* ткань (расцветка).

ЦВЕТНОЙ. *О.-слав.* X–XI вв. Хроматический (антипод ахроматической гаммы). Неодноцветный, многоцветный, разноцветный, окрашенный. «Окрашенный, имеющий какой-н. цвет или цвета, не черный и не белый» (СО).

Этимология: Ст.-слав. цвѣтънъ. Цветущий, покрытый цветами (СС). От цвѣтъъ цветок, цветущее растение, цвѣтъьць цветок <...> цвет, лучшая, отборная часть; цвѣсти цвести, *перен.* процветать (СС). цвѣтъъ — покрытый цвѣтами; цветок; луг; цвет; краска, красящее вещество (Срезневский). От цвет. «Праслав. *kvěť, *kvisti, *květq родственно латыш. kvītēt, kvītu «мерцать, блестеть», kvītināt «заставлять мерцать» (Фасмер).

III. Некоторые выводы

Проанализированный материал терминов цвета от древности до наших дней показывает, что в сфере цветообозначений имеет место константное ядро цветолексем, восходящих преимущественно к древнейшим индоевропейским корням.

Исследователями отмечается, что эволюция осуществляется в направлении уменьшения доли цветоименований — названий красителей (типа *киноварь, лазорь, охра*) в пользу цветообозначений, образованных от эталонов-прототипов типа *вишневый* от 'вишня', *кофейный* от 'кофе'.

Знаменательно, что основные — абстрактные — цветообозначения являются базой для формирования дериватов и неосемантизмов как в литературном русском языке, так и в его диалектах. Деривационная активность таких терминов цвета на порядок выше, чем у цветообозначений, образованных от эталонов-прототипов и заимствованных. Характерно также, что только основным терминам цвета присущ ряд структурообра-

зующих признаков. Речь идет, например, о способности образовывать формы кратких прилагательных (ср. *желт*), суффиксальный способ указания на оттеночность (*голубоватый*), редуцированные формации с усилительно-экспрессивной семантикой (*синий-синий, желтый-прежелтый, зеленым-зелено*).

Современные способы формирования оттеночности базируются в большой мере на комбинировании терминов цвета, а также на комбинациях терминов цвета с названиями предметов-цветоносителей и широком использовании предметных ассоциаций (*смоляно-черный, кирпично-красный*). Продолжается языковой поиск оптимальных средств выражения цветовой оттеночности (например, *неоновый цвет*) и новых способов использования цветосветовых маркеров для характеристики объектов окружающей действительности.

Цветовой этноприоритет синего цвета был присущ русскому языку еще в глубокой древности. Категория *синего/голубого этноцвета* постоянно «обрастает» переносными значениями и романтично-положительными коннотациями, оставаясь важной и актуальной для этноязыкового сознания.

Развивается аксиология и эстетика цветоименований. В частности, ценностью становится понятие многоцветности, понятие же «пестроты» как негармоничного сочетания красок оценивается скорее отрицательно.

Широкое развитие артефактной сферы в настоящее время проецируется в бурное развитие денотативной сферы цветообозначений: практически каждый из терминов цвета, которыми располагает русский язык, способен служить цветоопределению артефактов.

Функционирование в древнерусском языке многочисленных образных атрибутивных композитов, содержащих в своем составе понятие света (типа 'златосиянный', 'светозрачный', 'светодивный' и т. п.), говорит о характерной для концептуализации мира в древние периоды человеческой истории мифологизации сознания, а факт их утраты есть свидетельство процесса демифологизации. Своего рода компенсацией утраченного лексического богатства отражения световых понятий в современном русском языке является широкое развитие системы цветосветовых модификаторов типа 'ярко-', 'тускло-', 'матово-', 'блестяще-' и т. п. В целом изменение способов отражения световой и цветовой субстанции свидетельствует о существенном различии в лингвопонятийном составе картины мира древнего и современного человека, причем различия эти связаны с определенной деромантизацией понятия света у современного человека и рационализацией его сознания в целом, в том числе рационализацией отношения к свету в связи с доступностью его искусственных источников.

Приведенный нами лексикографический материал дефиниций терминов цвета показывает, что мнения об интенционале конкретного цветообозначения у разных лексикографов могут значительно различаться. Характерно, что даже один цветовой прототип-эталон может вызывать многоаспектные цветовые ассоциации, осциллирующие в каких-то цветовых пределах (думается, к такому типу дефиниций близки многие семантиза-

ции, приведенные в «Каталоге названий цвета в русском языке» (Василевич и др. 2002).

Новая концепция лексикографического описания терминов цвета как сложноструктурных концептов позволила бы дать более адекватное лексикографическое цветоописание, соответствующее структурам современных знаний о мире.

Литература

- Апресян Ю. Д.* Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература РАН, 1995.
- Бахилина Н. Б.* История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975.
- Белова О. В.* Символика цвета в славянских книжных сказаниях о животных // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. М.: Индрик, 1998. Т. II. С. 44–50.
- Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Василевич А. П.* Обозначение цвета в современном русском языке. Рук. деп. в ИНИОН СССР № 7699. М., 1981.
- Василевич А. П.* Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. На материале цветообозначения в языках разных систем. М.: Наука, 1987.
- Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.* Каталог названий цвета в русском языке. М.: Смысл, 2002.
- Василевич А. П., Мищенко С. С.* Пурпур: к истории цвета и слова // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т. 62. № 1. 2003. С. 55–59.
- Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.* Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига/URSS, 2005.
- Вендина Т. И.* Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков // Славянский альманах 1998. М.: Индрик, 1998. С. 277–304.
- Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002.
- Виноградова В. Л.* Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» // Русская авторская лексикография XIX–XX вв. Антология. М.: Азбуковник, 2003. С. 66–79.
- Гальченко М. Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избр. работы / Труды Центрального музея древнерусской культуры им. Андрея Рублева. М.; СПб., 2001. Т. 1. 496 с.
- Герасимов Г. И.* Снежно-белый, изумрудно-зеленый // Русская речь. 1978. № 2. С. 79–84.
- Дыбо А. В.* Названия мастей в русском языке: система и происхождение // Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии. Материалы крупного стола / Филол. фак. МГУ; Институт языкознания РАН (ред. А. П. Василевич). М., 2004. С. 14–16.
- Журавлев А. Ф.* Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» М.: Индрик, 2005.

- Калыгин В. П., Михайлова Т. А.* К проблеме реконструкции галло-бриттской системы цветообозначений // Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии. Материалы круглого стола / Филол. фак. МГУ; Институт языкознания РАН (ред. А. П. Василевич). М., 2004. С. 16–20.
- Краснянский В. В.* Об опыте словаря сложных эпитетов // Русистика сегодня. 1996. № 4. С. 96–112.
- Краснянский В. В.* Сложные цветообозначения русской речи. Орехово-Зуево: Орехово-Зуевский гос. пед. институт, 2000.
- Кульпина В. Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / М.: Московский Лицей, 2001.
- Кульпина В. Г.* Цветосветовые ментальные образы как элемент музыкальной эмоции и метаязыка воображения // Мир психологии. 2002. № 4. С. 103–116.
- Кульпина В. Г.* Факторы динамизации эволюционных процессов в русской и польской цветономинации. Материалы круглого стола / Филол. фак. МГУ; Институт языкознания РАН (ред. А. П. Василевич). М., 2004-а. С. 29–32.
- Кульпина В. Г.* Научные направления лингвистики цвета: традиции и перспективы // Языки в современном мире. Материалы конференции. В 2 т. / Отв. ред. Е. Д. Чемоданова. М., 2004-б. Т. 2. С. 9–26.
- Мерзлякова А. Х.* Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков). М.: URSS, 2003.
- Михайлова Т. А.* Понятие «цвета» как лексико-семантического квалификатора* (к уточнению семантики древнеирландского *gel*) // Вестник МГУ. Сер. 9 Филология. 2003. № 5. С. 43–53.
- Моисеенко Л. Н.* Художественно-изобразительная роль синего цвета в прозе В. Набокова // Gadányi K., Mojszejenko L., Mojszejenko V. Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000. С. 136–142.
- Надвикова Т. Ф.* Книжные слова в «Хождении игумена Даниила» // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961. С. 132–144.
- Николаева Т. М.* Мгла // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М.: Индрик, 1999. (Вып. 13). С. 223–229.
- Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Рус. словари, 2000.
- Смирнов Ю. И.* Славянские фольклорные представления о других народах // Древняя Русь и Запад. М.: Наследие, 1996. С. 60–62.
- Смирнов Ю. И.* Фольклор в этническом взаимодействии // Круглый стол «Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте)». М.: Институт славяноведения РАН, 1999.
- Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2001.
- Суровцова М. А.* Выражение цветовых значений в общеславянском языке // Этимологические исследования по русскому языку / Под ред. Н. М. Шанского. М.: Изд-во МГУ, 1976. Вып. 8. С. 136–155.

- Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта; Наука, 1998.
- Gadányi K., Mojszejenko L., Mojszejenko V.* Сопоставительная характеристика прилагательных цвета в некоторых славянских языках // Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000. С. 7–132.
- Lindgren Nelli.* Цветообозначения в русских иконописных подлинниках // Nazwy barw i wymiarów. Colour and measure terms. Stockholm: Stockholms universitet. Slaviska institutionen. 1997. 9–23.

Основные словари

- БАС** — Словарь современного русского литературного языка / Гл. ред. В. И. Чернышев. М.; Л.: Наука, 1948–1965.
- БТС** — Большой толковый словарь русского языка / Автор и рук. проекта, сост. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1996.
- ГЭС** — Географический энциклопедический словарь: Географические названия / Гл. ред. А. Ф. Трёшников. 2-е изд., доп. М.: Советская энциклопедия, 1989.
- Даль** — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. М.: Русский язык, 1978–1980.
- ИЭС** — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1994.
- МАС** — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
- РИБС** — Российский историко-бытовой словарь / Автор-составитель Л. В. Беловинский. М.: ТРИТЭ; Российский архив, 1999.
- РПУС** — Русские пословицы и поговорки: Учебный словарь. М.: Школа-пресс, 1994.
- СлРЯ** — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. 1975. 369 с.; Вып. 3. 1976. 288 с.; Вып. 4. 1977. 403 с.; Вып. 5. 1978. 392 с.; Вып. 10. 1983.
- СО** — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1987.
- СОК** — Словник отражений // Краснянский В. В. Сложные цветообозначения русской речи. Орехово-Зуево, 2000. С. 151–226.
- СОШ** — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1997.
- Срезневский** — *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Т. I, II, III. М.: Книга, 1989.
- СС** — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999.
- СЭРЛЯ** — *Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979.

- ТС — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель; АСТ, 2003. 1582 [2] с.
- УСС — Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. М.: Русский язык, 1978.
- Фасмер — *Фасмер Макс.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд., стереотип. В 4-х т. М.: Прогресс, 1986.
- Федосюк — *Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта; Наука, 1998. 264 с.
- ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1978.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Отв. ред. О. Н. Трубачев. Вып. 15. М.: Наука, 1988.

Источники эксцерпций и справочники

- Бунин И. А.* Повести, рассказы, воспоминания. М.: Московский рабочий, 1961. 632 с.
- Васин-Макаров А.* Дикий мед. Стихи. М.: Студия, 2002. 143 с.
- Делаланд Надя.* Кизяк местных яков (Стихи и Драконьи сказки). М., 2002. 172 с.
- Зеленецкий А. Л.* Эпитеты литературной русской речи. Ч. I. М., 1913. 200 с.
- Куликов Б. Ф.* Словарь камней-самоцветов. Л.: Недра, 1982. 159 с. 1л. ил.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004.
- Самойлов Д.* Обычные слова: Стихотворения. М.: ЭКСМО-ПРЕСС; ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000.
- Солганик Г. Я.* Стилистический словарь публицистики. М.: Рус. словари, 1999.

Система цветообозначений в болгарском языке

Общие замечания

Материалом для статьи послужили данные словарей болгарского языка (толковых, этимологических, диалектных, переводных, фразеологических, иностранных слов, словаря фамилий и имен), а также фольклорные и этнографические данные и записи полевых экспедиций¹. Для сопоставительного анализа и для уточнения семантики использовались еще словари южнославянских языков — сербскохорватского и македонского.

Группа слов-цветообозначений, как, впрочем, и вся лексическая система болгарского языка, отличается специфическими чертами в рамках славянского континуума. Прежде всего, болгарский язык, как язык, наиболее близкий к старославянскому (в болгарской лингвистической терминологии «староболгарскому»), сохранил основную цветовую гамму в том виде, в каком она зафиксирована древними письменными памятниками. Естественно, что с течением времени общеславянские цветообозначения в болгарском языке приобрели дополнительные коннотации и метафорические значения, экспрессивность, изменились их сочетаемость и узус, синонимические ряды. Это обусловлено отчасти тем фактом, что болгарский язык входит в балканский языковой союз (БЯС), а словари балканских языков (в ситуациях билингвизма, полилингвизма и языковых контактов) включают в себя ряд общих для языков Балкан (славянских и неславянских) лексем, в том числе и цветообозначений. Кроме того, болгарский язык подвергся сильному иноязычному воздействию: в IX–X вв. — греческому, в XIV–XIX вв. — турецкому, в конце XIX в. — русскому². В результате некоторые цветообозначения дублируют друг друга. Так, в болгарском весьма распространен тур. корень *кара* («черный»), хотя его узус ограничен преимущественно языком фольклора, животноводческой лексикой и именами собственными.

Таким образом, лексика цвета должна исследоваться на общеславянском и общепалканском фоне — такова специфика болгарского словаря в целом. При анализе цветовой лексики нужно учитывать и диалектные материалы из разных областей Болгарии. Литературный язык, кодифицированный в XIX в., не дает всей цветовой гаммы, известной болгарам. Диа-

¹ Сведения об экспедициях см. в конце работы.

² Влияние русского языка на болгарский в советский период (после 1944 г.) также очень велико, но применительно к цветообозначениям оно почти не оказало влияния, кроме калькирования и заимствования интернациональной революционной и исторической символики (*белые* — антиреволюционные силы; *Красная армия* и др.).

лекты различаются по степени проникновения заимствований (например, на востоке их значительно больше), кроме того, различаются они и по степени сохранности общеславянской лексики и ее семантики.

Цветообозначения, образованные от заимствований, прижились на болгарской языковой почве и подверглись фонетическим и морфологическим процессам ассимиляции.

Цветовые прилагательные в своем историческом развитии разделили судьбу всех прилагательных болгарского языка (наличие кратких и полных форм, неизменяемых форм прилагательных турецкого происхождения — *дор*). Доминируют краткие прилагательные (*бял, черен*); полная форма восстанавливается при определенном артикле (в том числе в прозвищах — *Белия, Черния*), в ономастике: в многочисленных топонимах (*Бели Осъм, Черни Осъм*), именах собственных, кличках животных и т. д. Субстантивация цветовых прилагательных — регулярный процесс: ср.: *Носеше блуза в червено* 'Она была одета в блузку красного (цвета)'

Для болгарского языка существенны фонетические изменения, которые до сих пор актуальны для диалектной картины. Это находит отражение и в цветовой лексике. Упомянем хотя бы то, что важнейшая ятевая изоглосса проявляется в прилагательном *бял/бел*: под влиянием столичного говора сейчас распространяется зап.-болг. (диалектное) *бел*. Фонетические процессы чередования и замены *я/е* наблюдаются и в заимствованных цветообозначениях, что свидетельствует об их полной адаптации: *пембян/пембен* и др.

В болгарском языке хорошо развита система выражения степени насыщенности цвета. Используются морфологические средства: префикс *въз-* и/или суффикса *-нивав* (регулярное образование): *възбял, беленивав* 'беловатый, белесый', *възчервен* 'красноватый', суффиксы *-ест*: *алест* и пр. Существуют также композиты с общеславянскими начальными *тъмно-* ('темно'), *светло-*, *ярко-*, *бледо-*, *бледно-* и диалектным тур. неизменяемым *ачик* ('ярко'). Для экспрессии и усиления свойства используется удвоение основы: *бял-беличък, чер-черен* и др.

Распространены комбинации цветов: *жълто-зелен, черно-бял* и др. Многообразны дериваты от цветовых прилагательных — простые и сложные слова, класс глаголов, наподобие русских *зеленеть* (болг. *зеленя*), *краснеть* (болг. *червенея*) и др.

Цвет играет важную роль в языковой картине мира болгар, что находит отражение в разных фольклорных жанрах и в демонологических представлениях. В народной культуре можно выделить такую сферу, как цветовая магия, которая включает в себя продуцирующие и превентивные акты. Кроме того, цветовая символика используется в магической обрядности (так, по цветам радуги гадали о плодородии и др.).

Ниже приводятся данные по цветообозначениям современного болгарского языка, распределенные по концептам цвета. Эти данные касаются наиболее важных цветонаименований и включают этимологические и семантические сведения, а также информацию о сфере их употребительности, переносных значениях и обрядовой цветовой символике.

БЕЛЫЙ

БЯЛ/БЕЛ стб *бѣль*, и-е корень *bhē-* «блестеть» (МБТР, 54). Литов. *balas* «белый», лат. *bāls* «бледный», греч. *φαλός* «белый» (БЕР 1, 107–109). Кроме традиционного значения — «цвета снега», болг. *бел* обладает позитивными свойствами (= привлекательное), служит синонимом красивого, ср. паремии *Бело, ама чуждо* 'Белое, но чужое'. В песнях *белый* постоянный эпитет к именам собственным (*бяла Рускъ*), в обращениях, преимущественно к болгарке: *Станко ле, бяла Вратчанко* (Геров 1, 98), но иногда и к румынке, гречанке и пр. Особенно часто отмечается белое лицо (*бяло лице*) в фольклорных песнях: *Бялуту ѝ лице / бялу кат сирене...* (букв. 'Ее белое лицо, бело, как белый сыр').

Ст. Илчев приводит множество имен собственных и фамилий от *бел-*: *Бяло/Бельо, Белчо* — мужские имена с прозрачной внутренней формой, которые даются ребенку с пожеланием того, чтобы он был красивым (Илчев, 71). Нередко прозвища основаны на выделении признака белизны (седины): *Беловеждия* — человек с черными волосами, но седыми бровями, *Белперчинов* — человек с белой прядью в волосах (от тур. *percet* — «прядь волос, чуб»). *Бел* присоединяется к именам, так образованы фамилии: *Беливанов, Белниколов* (там же). Мне кажется, что подобное присоединение цветовой основы обусловлено турецким влиянием, ср. ниже *Караиванов, Карагеоргиев* и др.

Можно говорить и о географической цветовой ориентации у болгар: *Бяло море* — запад, Эгейское море (возможно, в противовес *Черному морю* на востоке), отсюда и беломорци — эмигранты из Тракии, ср. топонимы: *Бяла Слатина, Бели Вит. Белый* — также постоянный эпитет к Дунаю: *Видях мома хубава / На край бяла Дунава*; к камню: *Вода тече по бело камъне* (ор. *sit.*).

Особенно популярно это обозначение применительно к названиям флоры и фауны, где используются многочисленные дериваты от *бел*, в том числе и клички животных: *Белобозка* — корова с белым выменем, *Бела* — овца или корова, кличка белошерстного животного, имя собственное женское; *Белчин* — белый баран; *белевица* — рыба судак; *бяла марта* — маргаритка, *бяла Рада* — вьюнок; *бял равнец* — тысячелистник.

Белый означает «серебряный», особенно в фольклоре и в метаязыке образности: *Бели пари* 'серебряные деньги', *бяла пара* 'серебряная монета').

На этом цветообозначении основан ряд мифологических лексем: *Белогорка* 'самодива'. Теонимическая лексика фиксируется лишь во фразеологизмах: *Нямам си бяла Бога от тоя човек* 'Нет мне покоя от этого человека'; *Да видя и аз бяла бога* 'отдохнуть'; *Викам до бяла бога* 'кричать очень громко'.

Слово имеет богатую словообразовательную парадигму: *белист, възбял, убял, прибял, беликав, безликав, белизнав, белиськ* 'белесый, беловатый', *белосвам, бялвам се* 'белеть' и др.

Следует отметить и метафорические словосочетания: *Бяла Рада* 'ракхия', *бяла чума* 'туберкулез' (МБТР, 247–249); хронимы *бяла събота*

(суббота на масленичной неделе), *бяла неделя* (Петдесетница) — РБЕ 1: 907; кулинарные термины *бел мъж* (угощение из горячей брынзы, размешанной с мукой и оливковым маслом — экспедиция в Стакевци).

Белый/черный — важное противопоставление во фразеологии, одна из самых употребительных оппозиций, если говорить о цветовых прилагательных (*Бели пари за черни дни; На бяло казвам черно* и др.). Болгарская этнография традиционно делит этнос по цвету традиционных костюмов на две группы: *белодрешковци* и *чернодрешковци*. Ср. также белый (более архаичный, но менее распространенный в наши дни) и черный траур в Болгарии (и на Балканах); *белец* 'мирянин', тогда как *чернец* 'монах'.

Еще одно сочетание цветов существенно для языковой картины мира болгар — это *бял-червен* 'белый и румяный' (ср. рус. *кровь с молоком*). Оно используется преимущественно в описаниях человека и находит отражение в магической практике, связанной с родами³: продуцирование разными способами белого цвета кожи и одновременно румянца — посыпание мукой, потирание яйцом — для белизны; поливание красным вином, потирание яблоком — для румянца и т. п. (подробнее см.: *Седакова* 2001; ср. болг. песни: *На лице бяла и червена* — СБНУ 1956, 47, 267).

Сочетания цветов, оттенки передаются при помощи *бяло-*: *бялорозов, бялосинкав* (РБЕ 1, 909), а усиление признака — при помощи удвоения основы: *бял-беленичък* 'белым-белешенький'.

СВЕТЪЛ, ЯРЪК по семантике и узусу идентичны однокоренным русским цветообозначениям. *БЛЕСТЯЩ* имеет своим синонимом *СВЕТНАЛ* (причастие, однокоренное с *светъл*).

БЛЕД, БЛЕДЕН, БЛЕДАВ — О.-слав. (МЕПР, 33–34), ср.-болг. *блъдь* '1. слабо окрашенный; 2. невыразительный; 3. без румянца' (БТР, 591); 'бело-желтый' (МБТР, 166).

Словообразования: *бледня, бледнолик* (БЕР 1, 55–56): *възблед, бледожълт, бледорозов, бледосин, бледочервен* (Геров 1, 51).

АЧИК от тур. *açik*, 'открытый, явный', *Ачик червено* — 'светло красное' (БЕР 1, 22); 'светлый' (о цветах), 'ясный' (о погоде) — Геров 1, 16.

ЧЕРНЫЙ, ТЕМНЫЙ

ЧЕРЕН, ЧЕР — цветообозначение общего праславянского фонда; имеет следующие основные значения: 1. Цвета сажи, обгоревшего дерева. 2. Цвет, близкий черному — черный хлеб. 3. Темный (о ночи). 4. Лишенный радости (*Черен живот*). 5. Несчастный, проклятый (БТР, 1102 — ср.: *Нося*

³ Отмеченность слишком белого или слишком темного (смуглого) цвета кожи фиксируется и сейчас. Так, в с. Равна информантка, комментируя разный цвет кожи своих двух сыновей (один, белолицый, похож на ее родню, другой — очень смуглый, похож на родню мужа), упомянула традиционную примету: на кого глянет женщина, когда впервые почувствует шевеление ребенка, на того он и будет похож. Это вызвало неодобрение ее матери, бросившей реплику: «На цыгана ты посмотрела, что ли, почему он такой черный?»

черно 'быть в трауре'; *Роден съм на черен вторник, на черна събота* 'Родиться в черный вторник, в черную субботу' (о несчастливом человеке).

В литературном языке используются анатомические термины: *Черен дроб / Бял дроб* (печень — легкие). *Черен арап* — герой эпоса о Крали Марко (РСБЖЕ 3, 611).

Черньо — мужское имя; *Черна* — женское имя. Народные имена святых образованы от этой основы: *Света Черна* — *света Мавра*. В южной Болгарии *Черна Наишаташа* — день св. Анастасии, который празднуется «от смерти», ср. также обозначения духов болезни *черна чума*. Ср. также в проклятиях, где черный служит синонимом смерти: «Да те помете черната метла» (ФРБЕ 2, 771).

В народной эстетике черное является позитивным свойством, если речь идет о глазах и бровях, ср. стереотипический портрет девушки: *Да ти видя бялута лице / да ти видя черните йочи / черни ли са чоряшуви* 'Чтобы я увидел твоё белое лицо, черные глаза, черные глаза, черешневые' (СБНУ, 1956, 47, 136).

Фамилии и прозвища: *Черния* (об очень смуглом), *Чернейко*; *Черновеждов* и *Черноглавов* Ст. Илчев считает калькой с тур. *каракаши, карабаши* (Илчев, 540). Имена собственные *Черньо* и *Черна* имеют защитные свойства, особенно распространены в восточной Болгарии, наряду с редкими *Мавро, Негро* (ор. cit., 541). Действительно, существует обрядовая практика мазать ребенка сажей или чем-либо черным перед тем, как его выносить из дома («от сглаза»), жениху и невесте также рисуют черные точки на лбу с подобной целью.

Словообразования: *чернея, черня, чернец, черноризец; чернобрад, черновежд, черноок* и др.

Устойчивые сравнения: *черен като кютюк* 'уголь', *като циганин* 'цыган', *като вельр* 'кабан', *като опален пън* 'обгоревший пень' (Геров 5, 545–546).

См. ниже о турецком заимствовании *кара = черен*.

ТЪМЕН по семантике и узусу не отличается от однокоренного русского цветообозначения (БТР, 1030).

МУРГАВ известен и славянским, и балканским языкам; о лице и коже «смуглый, темноватый, темно-коричневый» (БТР, 475). В. Э. Орел (1985) возводит болг. *мург-* к раннеалб. *turg* 'темный, черный, серый', ср. арум. *turg* 'коричневый, серый'; рум. *turg* 'коричневый', серб. *мургаст*, алб. *tirk*, греч. *μαυρος* 'черный'. Ср. рус. *мургуий*, укр. *мургий* 'темносерый, серочерный' (БЕР 4, 332).

Болг. *Мургаши* 'вершина горы', ср. алб. *turgasch* 'сине-белый, сине-пепельный' и чеш. диал. *turgaša* 'овца с темными пятнами'; ср. также арум. *turgu* (имя свиньи, кошки, собаки) — МЕРП, 308; БЕР 4, 332. *Мурга* — овца с темной шерстью (Севл.), прозвище овцы с черной или пестрой головой (Троян), корова темной масти (Пирдоп). *Мурго* — прозвище вола с темной шерстью, мужчина темнокожий, темноволосый. *Мургавина* — «смуглость» (Геров 3, 92).

СМУГЪЛ — русизм (БТР, 944; РСБКЕ 3, 251). Словарь XIX в. (Геров) эту лексему не фиксирует.

КРАСНЫЙ, РОЗОВЫЙ

ЧЕРВЕН — о.-слав. «красный» (*красен* как цветообозначение совсем не используется, означает «красивый»; см. также ниже о *румен*).

Метафорические словосочетания: *Червен Петко* — ‘вино’ (БТР, 1101), *червен вятър* — обозначение кожных заболеваний — кори, оспы и др., *червена кобила* (букв. ‘красная кобыла’) — «пожар»; *червен лук* ‘лук’ (в отличие от *бел лук* ‘чеснок’ — БТР: 1101), *червендалест човек* ‘человек с грубым красным лицом’.

Словообразование: *Червенея*, *червенина* («покраснение, краснота»), *червенушка* ‘рыжик’ (гриб).

Фамилии от прозвищ: *Червенаков*, *Червенпетков* (ср. *Червен Петко* — вино, т. е. тот, кто любит выпить), ср. также реализацию значений «рыжий» в прозвищах и соответствующих фамилиях: *Червеня* ‘Рыжий’, *Червенди-мов*, *Червениванов* и др. (Илчев, 538).

Устойчивые сравнения: *червен като рак*, *като божур*, *като Битолски просяк* ‘красный как рак, как пион, как побирушка из Битоли’.

Фразеологизм *Вържи си червенко* ‘Завяжи себе красное’ ср. рус. *Завязать узелок* на память (Геров 5, 543; ФРБЕ 2, 771) отчасти отражает обрядовую практику болгар. Предметы красного цвета чаще всего используются в болгарских (и балканских) ритуалах (Алмалех 1997; Schubert 1988). Красная нить — это традиционный оберег от смерти, от нечистой силы, болезней и пр. Красное в сочетании с белым воплощается в *мартенице* — сплетении красной и белой нитей, традиционно использующееся 1 марта. Термин получил широкое распространение и означает сочетание красного с белым.

Понятие «красноватый» передается формами: *възчервен*, *червеникав*, *червеничък*. *Червен-червеничък* передает экспрессию, высокую степень признака.

АЛЕН, *АЛАВ*, *АЛЕСТ* ‘алый’ возводится болгарскими этимологами к тур. *al* ‘яркокрасный’ (РЧД, 54), причем отмечается морфологическая адаптация слова с использованием продуктивных болгарских аффиксов: *ален*, *аленя* — ср.: *зелен*, *червен*; *алосвам* ‘красить красной краской’ (МЕПР, 5; РСБКЕ 1, 11; БЕР 1, 9).

Лексикографы расходятся в описании точного значения слова. Ср.: «красный с желтым оттенком» (Геров 1, 8); «багряный, кроваво-красный, пурпурный» (МБТР, 68); (диал., редко) «красный, ярко красный» (БЕР 1, 9); о коне «рыжий»: *Алчо* — ласк. для коня (ср. *белчо*, *дорчо*, *сивчо*) — МБТР, 71.

Имя собственное *Алена* (по аналогии с *Румена*), прозвище *Аленак* ‘румяный’ (Илчев, 46).

БАГРЕН и.-е. **bhgh-ro* (*bhgh-ro*) — первоначально «макать, окунать». (БТР, 37); «темно-красный, пурпурный»; (редко) «пурпурно-красный» (РБЕ 1, 372); «темно-алый» (МБТР, 97).

Словообразования и ономастика: *Багреница* (диал.) 'синяя', *багрем* 'акация', село *Багриловото*, имена *Багрена*, *Багрянов*. В болгарском языке основа продуктивна: *багра* 'краска', *багря* — 'красить', ср. рус., белорус., укр. *баз(о)р* 'красная краска', но серб.-хорв. *багрена* 'акация' (БЕР 1, 25).

ВИНЕВ, ВИНЕН 'темно-красный' (РСБКЕ 1, 118; МБТР, 302). Известно словосочетание *Винени очи* 'глаза цвета вина'. Глаза такого цвета, по болгарским представлениям, свидетельствуют об изнеженности (РБЕ 2, 188). *Виненочервен* 'темно-красный'.

РОЗОВ «бледно-красный со слабым желтоватым оттенком» (БТР, 885); перен. «приятный, в хорошем состоянии» (РСБКЕ 3, 119); «цвета розы, красноватый, румяный». Интересно, что распространенный в болгарском языке термин *гул* 'роза' (заимств. от тур.) цветообозначения не дало.

РИЖ(АВ) общеславянское 'цвета ржавчины': *рижса коса*, *рижда брада*, *рижса кобила* (БТР, 880). В болгарском языке в этом значении чаще используется *червен*.

РУМЕН (нар., поэт.): общеславянское, применительно к человеку и к природным объектам: 'румяный' (человек, заря, облака). *На лице бяло, румено* (БТР, 888; РСБКЕ 3, 125).

БОЖУРЕСТ — цветообозначение балканского распространения: срхрв. *божур*, алб. *božur*, рум. *vișor, bojor* (БТР, 63). *Божур* по диалектам обозначает различные красные цветы: пион, георгин, дикий мак. Устойчивое сравнение *Червен като божур* (Геров 1, 58–59). Возможно, отсюда и само цветовое прилагательное, синоним *червен*. Вообще же этимология слова не понятна (МБТР, 189; БЕР 1, 63; РСБКЕ 1, 75).

ПЕМБЕ (неизм.) «ярко розовый», «светло красный»; (разг.) «ярко розовый» (РСБКЕ 3, 479); «кричаще розовый» (РЧД, 643). От тур. *rembe* 'ярко розовый' < *renbe* 'хлопок' < перс. *Rānbā* 'хлопок'. Балканизм — ср. серб. *пембе*; *пембелија*; макед. *пембе*, *пембелија*; рум. *rembe*; арум. *rembê* (БЕР 5, 145). Фонетические процессы в диалектах: *пембян* (Ихтим.), *пемпено* (Дряновско), *пимпяв* (Троян), *бембен* (Соф.), *бенбен* (Видин).

Произв. *пембав*, *пембляв*, *пембен*, *пембенлия*, *пембеница* 'розовая чешня' (БТР: 641).

ФИОЛЕТОВЫЙ

ВИОЛЕТОВ От фр. и далес от лат *viola* 'фиалка' (МЕПР, 67) — «фиолетовый». Синонимы: *теменужен* и *лилав* «цвета сирени, фиалки» (БТР, 419; РСБКЕ 3, 20). Часто используется для обозначения оттенков: *виолето-*, *виолетовосин*, *виолетовокафяв*, *виолетовочервен* и др. (РБЕ 2: 193).

МОРАВ, МОР — возможно, балканизм. «Фиолетовый, смесь красного и синего» (БТР, 469; БЕР 4, 237); «темный красно-синий» (МБТР, 303). Тур. *mor* — и болг. *мор фередже* ('черная паранджа'), греч. *таυρος* 'черный', словен. *mor* 'черный', алб. *mor* «темно-синий, фиолетовый» (МЕПР, 304; РСБКЕ 3, 100).

ЖЕЛТЫЙ

ЖЪЛТ о.-слав. (РСБКЕ 1, 349). «Цвет спелой айвы, лимона. Болезненный цвет лица» (БТР, 219. По некоторым данным означает и «оранжевый») (Геров 2, 23).

Словообразования: *жълтеница*, *жълтея*; *жълтурка* (цветок?), *жълтинак* 'желчь' (МБТР, 681; БЕР 1, 563). Мифологическая лексика: *жълт вятър* 'самодива, самовила'.

Фразеологизм *Има си жълто около устата* 'У него на губах желтое' ср. рус. *У него на губах молоко не обсохло*. В фольклоре часто наблюдается слияние желтого и золотого: *жълтица* — 'золотая монета'; желтый воспринимается как «прекрасный, красивый, дорогой»: *На спукани пети жълти чехли* 'На потрескавшиеся пятки нарядные тапки'.

Как и в русском языке, участвует в обозначении болезни, желчи, желчного пузыря: *жълчка*, *жълтеница* 'желтуха', а также — метафорически — туберкулеза: *Жълтата гостенка*.

Сравнения: *жълт като смин*, *жълт като папуняк*, *като восък*; отсюда и *жълтак* — пожелтевший человек (МБТР, 168; МБТР, 681). Покойник в болгарских представлениях всегда желтого цвета (никогда бледного или белого — *Седакова* 2001).

Пословица: *Който е лют, той бива жълт* 'Кто сердится, тот желтеет'.

Оттенки: *възжълт*, *жълтичък*; *жълт-жълтеникав*.

ЗЕЛЕНЫЙ

ЗЕЛЕН — общеславянское со значением «цвета свежей травы»; «незрелый, неопытный» (Геров 2, 150). Из типично болгарских значений отметим собират. субстантив *зелените* 'мусульмане, турки'.

В лингвистической литературе обсуждается фольклорное словосочетание *зелен кон* (нар.) «1) белый, светло-серый конь; 2) своеобразный человек», известное и сербскому фольклору. М. Рачева считает, что часто встречающийся эпитет *зелен* применительно к коню, *кон зеленаш* = конь светлой масти — это результат турецкого влияния, где *kok/gok* означает и «синий», и «зеленый», и «светлый», ср. также обозначения *сив-зелен кон*. Она приводит данные из других балканских языков с подобным словосочетанием, ср. рум. *cai verzi* 'зеленый конь' (*Рачева* 1984, 752).

Словообразования и топонимы: *зеленя*, *Зелени камък*, *Зелениград*, *Зелениково*, река *Зеленика* (БЕР 1, 632; РСБКЕ 1, 451).

Постоянные эпитеты: *Гора зелена* 'лес зеленый'; словосочетание *млад зелен* (умер *млад зелен*).

Устойчивое сравнение: *Зелен е като яд*.

СИНИЙ, ГОЛУБОЙ

СИН — О.-слав. «цвет яркого неба». Обозначения голубого при помощи одной лексемы (ср. рус. *галубой*) в болгарском отсутствуют, светлые оттенки синего передаются с помощью аффиксов *синкав*, *възсин*.

Из фразеологии отметим *ставам син-зелен* (разг.) 'бледнеть от гнева и ярости'; ср. также «цветовую» реакцию в результате эмоций *посинявам от смях* 'посинеть от смеха' (ФРБЕ 2, 340).

Словообразования: *Синеок*, *Синьогушка* 'синица'.

Устойчивые словосочетания: *синя кръв* 'благородный, голубых кровей'; *син като пуйча глава* 'синий как голова индейки' (Герв 5, 165).

МОДЪР — ср.-болг. *модър* (о.-слав., кроме вост. славян.); и-е корень **mad* с неясной этимологией. Предполагаемое развитие семантики — водянистый > мутный > неясный > темный > синий (БЕР 4, 202–203; МЕРР, 303).

В литературном языке «цвет василька (болг. *синчец* — БТР, 922), синий, бирюзовый». По диалектам цвета, обозначаемые этим прилагательным, различаются и по семантике, и по сочетаемости: «синий, красный» (Кюст.), «синий» (Самоков), о погоде — «ясный», о человеке — «свежий». Ср. словообразования: *модреница* — «почва с синим оттенком», *модрил* — «синеглазый парень». Имена собственные и топонимы: *Модра* (Илчев, 341), *Модра река*, *Модро поле* (Кюст.).

ПЛАВ — книж. уст. *сивосин* 'серо-синий', *беложълт* 'бело-желтый' (Герв 4, 37), *плави* (о глазах — *светло-синий*), ср.-болг. *плавъ*, *плавогривъсть*.

О.-слав.: серб.-хорв. *плав* 'синий, светловолосый, бледно-желтый', словен. *plav*, *plava* 'синий', рус. *половый/половой/плавый* 'светло-желтый', укр. *паловий* (ст.-рус. *паловъ* 'светло-желтый'), чеш. *plavý*, слов. *plavy* 'синий', пол. *plowy*, горнолуж. нижнелуж. *plowy*. Праслав. **palvъ*. Родств. литов. *palvas*, *palvā* 'желтоватый', лат. *pallidus* (*<*palvodos*) 'бледный', др.-инд. *palitā* — 'седой человек, старик', греч. *παλιός* 'серый', И.-е. **pel-*.

Значение различается по диалектам (БЕР 5, 286). Цветовая палитра, обозначаемая данным прилагательным, выглядит следующим образом: «бежевый, белесый», «серый, пепельный» (Ихтиманско); о человеке «светловолосый, со светлыми глазами» (Самоков); «голубоглазый» (Кюстендил); о человеке «светло-русый и голубоглазый» (Пирдоп), «русый, светлоглазый» (Софийско); «в светлых красках», диал. «синий», «красноватый» (Трынско); «серый»; «бледный о человеке», о человеке «каштановый» (Трынско); об овце, козе «сива», плава о женщине — русая (Трынско); плаво коричневое (Трынско); плаво «русое» (Трынско); темно-красное (Перн.). Цвет между белым и красным (Беленско).

Произв. *плавоок* — уст. «голубоглазый», *изплавевам* «становиться русым» (Самоков).

КОРИЧНЕВЫЙ, БУРЫЙ

КАФЯВ Лексема фиксируется в болг. яз. с XVII в., первоначально в форме *кахъв*, *кахъяв* (Герв), заимствована из тур. *kahve* < (простонар. *kave* от араб. *قهوة* «вино», затем «кофе») — БЕР 2, 281; РСБКЕ, 593. Корень хорошо освоен в болгарском языке, ср. оттенки цвета *възкафяв*, имена собственные *Кафеджиев*, *Кафъов* (обл.), *Кафе дере* (БТР, 343; МБТР, 1011).

КЕСТЕНЯВ «каштановый», «карий», «светло-коричневый» применительно к людям (*кафява коса, кафяви очи*), из тур. *kestane* (БЕР 1,344; РСБКЕ 1, 599; МЕПР, 236). О животных «каурый»: *кестене-дору* (неизм.), *кестеняво-дорест* (обл. прост.) (Герв 2, 362; МБТР, 1018; БЕР 1, 344).

ШОКОЛАДОВ, ШОКОЛАДЕН. «Темно-коричневый, цвета шоколада» (БТР, 1120; РСБКЕ 3, 655).

СЕРЫЙ

СИВ. О.-слав., основное обозначение серого и седого в болг. яз. Имеет следующие значения: 1. Цвета пепла, между черным и белым. *Сива крава* 'серая корова' 2. О волосах — седые. 3. Невзрачный, не впечатляющий, неинтересный, грустный (БТР, 920). Дериваты используются в качестве кличек животных, имен собственных: *Сивка* — серая корова, *Сивчо* — конь, *Сивко, Сиво* — мужское имя (Герв 5, 162).

СУР. Ср.-болг. *суръ*. По мнению Ст. Младенова, от сев.-тюр. *şoro*, то же и в *сивый, серый* (МЕПР, 618). Основные значения: 1. Светло-серый. 2. С черными и белыми волосами, с разноцветной шерстью — о масти *Сур Елен* 'серый олень' (БТР, 979). Особенно часто употребляется в фольклоре: *Сура земля* — в песнях. Последнее словосочетание наводит на мысль о родственности *сур* и *сыр* (ср. рус. *мать сыра-земля*; болг. *суров* 'сырой').

БОЗАВ, БОЗОВ. (разг.) «светло-коричневый с пепельно-серым оттенком; серо-бежевый» (РСБКЕ 1, 74). *Бозав човек* — с проседью (БЕР 1, 715; Герв 1, 59), *бозава овца* (МБТР, 188). От тур. *boz* «серый» с аффиксом — *ав*, ср. пары *морав* и *тор*, *мургав* и рум. *tiurg, riж* и *рижав, розав* и *роза* и т. п. (БЕР 1, 63).

ПЕСТРЫЙ

ШАРЕН Согласно Ст. Младенову, от тур. *sary* — «желтый» (МЕПР, 691). В совр. болг. имеет следующие значения: 1. Разноцветный 2. разносоставный 3. (перен.) красивый, ср. *шарено дете* (БТР, 1113).

Через это цветное прилагательное обозначается типичная болгарская реалья: *шарена сол* — соль с сухими приправами.

Из обрядовой лексики отметим *шарено хоро* — ритуальный свадебный танец, хоровод, когда танцуют все — и молодые, и старые.

Потенциальная опасность пестрого представлена в табуированном обозначении кожных болезней *баба Шарка* (болезнь, которая оставляет после себя шрамы на коже).

ПЪСТЪР «в мелкие отчетливые цветные пятна; разноцветный» (БТР, 831). Перен. «разнообразный».

Словообразования: *пъстрей* 'пестреть, пестреться'; *пъстроока мома* — девушка с яркими (пестрыми) глазами.

Пестрый эксплицирует соединение различного, противоположного, амбивалентность. Это проявляется в народных представлениях о радуге. В

с. Равна записан рассказ (мотив этот очень распространенный) о том, что если пройти под радугой, то девочка станет мальчиком, и наоборот. Интересно, что такая возможность объясняется *пестротой* радуги — возможность перехода от одного к другому (экспедиция Равна).

ПИСАН «Пестрый», «красивый, ярко украшенный» (РСБКЕ 2, 495). *Писана торба, писана хурка, Гледам някого като писано яйце* (БЕР 5,270–271). *Баба Писанка* = *баба Шарка* (кожная болезнь), *писанко* — табуированный термин животного ласка.

Слова, описывающие масти животных, следует выделить в отдельную группу. Здесь доминируют заимствования общебалканского характера, хотя встречаются и общеславянские лексемы. Приведем характерные примеры.

ВРАН от *вран* 'ворона'. Серб., алб. *vranë* 'мрачный, темный'. Преимущ. о коне и буйволе: с черной шерстью или черным лбом. Имя животного — *Вранчо* (обл.) — БТР, 100.

Враносам, враносвам 'красить в черный цвет', *вранест* 'черноватый', *вранец* 'черный конь', *вранило, вранилка* 'черная краска для волос или бровей'.

Река *Врана*, село *Враняк*. Постоянный эпитет: *вран кон*; погов.: *С врани кон, сини седла* 'На вороном коне с синим седлом' (Геров 1, 153).

ДОРИ/ЕСТ, ДОРИЯ, ДОРЕЛИЯ от тур. *dori* 'темно-красный' (РБЕ 4, 310): масть животного — каштановый, гнедой, рыжий (МБТР, 580; МЕНР, 146 — обл.; БЕР 1, 413). *Доралия, дорян* (под влиянием *вран*), *дор* (БЕР 1, 413) — 'гнедой, каурый, карий, караковый' (Геров 1, 346). Ср.: серб. *дорат* 'гнедой конь', *доратаст* 'темно-рыжий, бурый, почти гнедой' (СРС, 99), макед. «то же» (БТР,177; РЧД, 267).

АБРАШ 'с белыми, светлыми пятнами', согласно словарям (РБЕ 1, 153 и др.), используется при описании людей и лошадей, в Равне же — *абраш* это определение для окраса всех животных.

Абрашест (МЕНР, 1) от тур. *abraş*. 1. 'конь, у которого есть белые, светлые или черные пятна, пестрый', 2. 'человек, у которого на коже есть веснушки или белые пятна' (Геров 1, 3); 'человек с белыми волосами, усами, бородой, белокурый' (РЧД, 19). *Абрашест кон* — 'с белым пятном под хвостом' (МБТР, 53).

БРЯЗ (обычно о буйволе) 'с белыми пятнами' (БЕР 1: 85). *Брези биволи* (БТР, 71; РБЕ 1: 817) 'с белым пятном на лбу или под хвостом'. Зап. *Бреза, Брежско* имена буйволицы и буйвола. Ие *bherg'o-s*, алб. *bardh(ë)* 'белый', заимств. в рум. *braz*.

САКАР, сакáр, сакáрест 'с белым пятном на лбу' используется при описании буйволов (Геров 5, 109; РРОДД, 438). В говоре с. Равна это эпитет для любого животного. Животные с различным окрасом именуется по основному цвету, если же у них есть пятна на голове, независимо от того, где эти пятна находятся (вокруг глаз, на ушах, на лбу и т. д.), используется

одна и та же лексема (*абраш*, *сакар* или *карабаш*), хотя в других говорах используются различные лексемы.

ВАКЪЛ, ВАКЛЕСТ 'с черными пятнами вокруг глаз' (об овце, баране); (разг.) с черными волосами и глазами: *вакла девойка* (РБЕ 2, 22; БТР, 79); *ваклуша* (БЕР 1, 113). Имя собств. *Ваклин, Ваклинов*. От: рум. *Oacheș* < *ochi* «око» (МЕПР, 57), ср. рум. *Văcălaș* 'сажа' (МБТР, 255) с аналогичной этимологией.

КАРАБАШ — букв. 'с черной головой'. Может означать 'овцу с пятнами на голове' (Дервент, Дедсагачко). Это балканизм, ср. н.-греч. *Καραπιάς*, а также н.-греч. *Καρα*, арум. *sara*, алб. *kara*, срхв. *кара*, рум. *sara*, макед. *кара севада* 'тяжелая любовь', *кара смърт* 'трагическая смерть' (РМЈ 1, 320–321).

Производные: *карабашест* 'серая шерсть' в Ихтиманско, *карабашес(т)* 'буйвол с черным пятном на лбу' в Силистренско (БЕР 2, 228). Очевидно, что животноводческий термин *карабаш* (от тур. *kara* 'черный' и *baş* 'голова') претерпел по диалектам значительные изменения в семантике. Это подтверждает и спектр значений слова *карабаш* в Равне: 'баран, овца с желтой мордой'; 'овца с белыми ушами', 'овца с темными/рыжими пятнами вокруг глаз', то же и о козах. Нередко для описания животных с пятнистым окрасом используются слова со значением 'пестрый' — *пъстър* или *шарен*. Лексикографы приводят свыше 200 прозвищ и фамилий с корнем *кара-* (Илчев, 240).

Греч. *καριπιάσι* 'лаванда', арум. *carabăși* 'белая овца с черным на голове', алб. *Karabashë* 'черный жук', серб. фамилия *Карабаш*, рум. *çărăbăș*, *sărăbăș* (об овце) 'с черной мордой'.

Кара(а)гач «вяз» — от тур. *kara* 'черный' и *agâç* 'дерево'. Заимств. в арум. *sârăuăși* 'вяз'. *Карабалък* «речная кефаль», букв. 'черная рыба', из тур. *kara balık*.

Кара 'черный, страшный' (МБТР, 1003). *Карабаш* 'черноголовый, в черном головном уборе'; *карагъоз* 'черноглазый'; *каракаш* 'чернобровый'; фамилии *Кара-Кольо, Караколев* (Героу 2, 350).

ЯРЕБЕСТ (о курах) «пестрая» (экспедиция в Равна).

Источники

- БЕР — Български етимологичен речник. София, 1971. Т. 1.
 БТР — Български тълковен речник. София, 1973.
 Героу — Героу Н. Речник на българския език. София, 1975–1978. Т. 1–6.
 Илчев — Илчев Ст. Речник на личните и фамилни имена у българите. София, 1969.
 МБТР — Младенов Ст. Български тълковен речник. София, 1951. Т. 1. А–К.
 МЕПР — Младенов Ст. Етимологичен и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
 РБЕ — Речник на българския език. София, 1977. Т. 1.

- PMJ — Речник на македонскиот јазик. Скопје, 1965. Т. 1–3.
- РСБКЕ — Речник на сѐвременниот български книжовен език. София, 1955. Т. 1–3.
- СБНУ — Сборник за народни умотворения и книгопис. София, 1889. Кн. 1 (продолжающее издание).
- СРС — Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь. М., 1982.
- ФРБЕ — Фразеологичен речник на българския език. Т. 1–2. София, 1975.

Полевые записи

- Экспедиция 1997 г. в с. Равна Варненской обл. по проекту Малого Диалектологического атласа балканских языков (МДАБЯ). Архив хранится в ИЛИ РАН.
- Экспедиция 2000 г. в с. Шипково Ловечской обл. в составе экспедиции ДИОС под председательством Т. Спиридонова, Болгария.
- Экспедиция 2001 г. в с. Стакевци, район Белоградчика — в составе экспедиции ДИОС под председательством Т. Спиридонова, Болгария.

Литература

- Алмалех М. Цветовете в балканския фолклор. София, 1997.
- Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975.
- Генова Д. За някои проблеми при разпледането на цветовата лексика (преглед на литература) // Език и литература. София, 1989. № 4. С. 82–97.
- Мурьянов М. Ф. К интерпретации старославянских цветообозначений // Вопросы Языкознания. 1978. № 5. С. 93–109.
- Орел В. Э. Балканские этимологии // Этимология 1983. М., 1985.
- Raceva M. Zur semasiologisch-etymologischen Farbbezeichnung *zelen // Zeitschrift für Slawistik. 1984. 29. № 5. 748–783.
- Raceva M. Zur historisch-etymologischen Farbezeichnung MOR // Studia Turcologica Cracovensia. 1998. № 5.
- Седякова И. А. Цветообозначения и их символика в славянских родинах // Кодови словенских култура. Београд, 2001.
- Суровцова М. А. Выражение цветовых значений в общеславянском языке // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1970. С. 136–155.
- Ханегрефс Н. Наименования на цветовете в балканските езици // Съпоставително езикознание. 1980. № 2. 3–19.
- Schubert G. Farben und ihre Symbolik bei den Bulgaren // Втори международен конгрес по българистика. Доклади. 15. Фолклор. София, 1988. 46–71.

Цветонаименования в литовском языке

Практически все наименования цветов в литовском языке имеют индоевропейское происхождение. Большая часть цветонаименований родственна соответствующим лексемам в славянских языках (*báltas* 'белый', *geltōnas* 'желтый', *raudōnas* 'красный', *rūdas* 'коричневый', *žalias* 'зеленый'). Исключение составляют только наименования синего цвета (*mėlynas*, родственного рус. *малина*, но не имеющего соответствий среди цветообозначений в славянских языках) и черного (*juodas*, по поводу происхождения этого слова нет единого мнения).

Наименования основных цветов можно разделить на следующие группы: 1) 'белый' *báltas*; 2) 'черный' *juodas*; 3) 'синий' *mėlynas*; 4) 'красный'/'коричневый' *raudōnas*/*rūdas* (от одного корня **rud*); 5) 'зеленый'/'желтый' *žalias*/*geltōnas* (восходящие к одной и.-с. основе **ghel*-). Почти все основные цветонаименования (кроме желтого) фиксируются с начала появления письменных источников литовского языка (1547 г.), наименование желтого цвета отмечено позднее (XVIII в.). Более позднего происхождения лексемы, обозначающие промежуточные цвета и оттенки ('голубой', 'бурый', 'зеленоватый') — они отмечены в источниках XIX в. Наиболее позднего происхождения лексемы 'фиолетовый' и 'розовый' (фиксируются в словарях XX в.).

Помимо основных цветонаименований, в литовском языке существуют лексемы для обозначения оттенков, образующиеся, как правило, от основных слов с помощью суффикса *-sv-*, значение которого можно было бы интерпретировать как 'более светлый': *báltas* 'белый' → *baltšvas* 'белесый, беловатый', *juodas* 'черный' → *juošvas* 'черноватый', *raudōnas* 'красный' → *raišvas* 'красноватый, розовый', *rūdas* 'коричневый' → *rūšvas* 'рыжеватый, бурый, светло-коричневый' и т. п. Ту же функцию выполняют префикс *apy-* и суффикс *-ok-* (со значением 'приблизительно, около'): *apyjuodis* 'черноватый', *apyraudonis* 'красноватый', *apyrūkis* 'сероватый'; *baltōkas* 'беловатый', *gelsvōkas* 'желтоватый', *juodōkas* 'черноватый' и т. п. Впрочем, *-ok-* зачастую придает производному существительному значение 'конь соответствующего цвета': *baltōkas* 'белый конь', *juodōkas* 'вороной конь'.

Все основные цветонаименования достаточно продуктивны, от них образуется большое количество производных (как правило, путем словосложения), обозначающих, например, масть животных, наименования растений или особенности человека: *baltasnikis* 'беломордый', *gelsvakāse* 'желтокосяя', *rudakāklis* 'с рыжей шеей', *baltaziėdis* 'с белыми цветками', *geltonpiėnė* 'чистотел' (букв. 'с желтым соком'), *juodligė* 'сибирская язва' (букв. 'черная болезнь'), *raudonligė* 'рожа свиней' (букв. 'красная болезнь'),

rūdmėsė 'рыжик' (букв. 'с рыжим мясом'), *juodvabalis* 'навозный жук' (букв. 'черный жук'), *raudongūžė* 'снегирь' (букв. 'с красной грудкой').

Интересны отадъективные существительные, образующиеся от основы с помощью окончания *-is* (вместо обычного для прилагательных цвета окончания *-as*) и имеющие значение 'животное (чаще — лошадь) соответствующей масти', ср.: *báltis* 'белое животное', *juodis* 'животное черной масти', *raūdis* 'животное рыжей масти', *gėlsvīs* 'саврас', *gėltis* 'буланая лошадь', *rūdis* 'рыжий человек, животное', *žālis* 'животное бурой масти'. Вероятно, это говорит о восприятии цвета в тесной связи с объектом — его носителем, в данном случае — с животным, для обозначения которого цвет имеет, естественно, первостепенное значение (в фольклорных текстах цвет животного равнозначен имени человека).

Помимо основных цветов и их словообразовательных вариантов, в литовском языке (так же, как и в русском) существуют наименования оттенков, обозначаемых через указание на соответствующие природные объекты, например: *alyvinis* 'сиреневый' (от *alyvā* 'сирень'), *aviētinis* 'малиновый' (от *aviētė* 'малина'), *vyšninis* 'вишневый' (от *vyšniā* 'вишня'), *samaninis* 'цвета мха' (от *sāmanos* 'мох').

Названия промежуточных цветов образуются путем словосложения, когда два основы (первая из которых обычно обозначает оттенок, а вторая — «основной» цвет) складываются в одно слово, например: *gėlsvarūdis* 'желтовато-коричневый', *žalsvarūdis* 'зеленовато-бурый'; или с помощью словосочетания, один член которого имеет форму наречия, например: *mėlynai violetinis* 'сине-фиолетовый', *gėlsvai raūšvas* 'желтовато-розовый', *žalsvai gėltōnas* 'зеленовато-желтый'. Наряду с этим часто используются двухсоставные термины цвета, ср.: *burōkų raudonūmo* 'свекольно-красный' (букв. 'красноты свеклы'), *levāndų mėlynūmo* 'лавандово-синий' (букв. 'синевы лаванды'), *obelieš žiedų rausvūmo* 'яблоневорозовый' (букв. 'розовости цветов яблони'), *salōtų žalūmo* 'салатно-зеленый' (букв. 'зелени салата') и т. п.

Среди наименований оттенков также встречаются заимствования-кальки из других языков, например: *orānžinis* 'оранжевый', *bordō* 'бордовый', *purpurinis* 'пурпурный', *violetinis* 'фиолетовый'.

Степень яркости и насыщенности цвета выражается с помощью соответствующих наречий: *rūškiai* 'ярко-', *šviėšiai* 'светло-', *skaiėšciai* 'ясно-', *taĩsiai* 'темно-', *sōdriai* 'сочно-', *vāiskiai* 'прозрачно-', *blaĩkiai* 'бледно-', *ėveĩniai* 'нежно-': *taĩsiai žālias* 'темно-зеленый', *rūškiai raudōnas* 'ярко-красный', *vāiskiai žydras* 'прозрачно-голубой' и т. д.

Цветовозначения довольно сильно отличаются друг от друга по объему семантической информации. Наибольшее количество различных значений и, соответственно, более широкое семантическое поле имеют лексемы *ėviesūs* 'светлый' и *tamsūs* 'темный'. Из «основных» цветонаименований наибольшим количеством дополнительных и переносных значений обладает *žālias* 'зеленый', затем — *bāltas* 'белый', *juodas* 'черный', *raudōnas* 'красный' и *mārgas* 'пестрый'. Наиболее узкие значения имеют *pilkas* 'серый', *rūdas* 'коричневый', *mėlynas* 'синий' и *gėltōnas* 'желтый'.

Семантическая наполненность слов-цветонаименований напрямую связана со значимостью соответствующих цветов в литовской народной традиции: наиболее часто употребляемыми цветами в народном искусстве (вышивании тканей, окраске мебели, в народном костюме) являются *белый, красный и зеленый*; далее следуют *коричневый и фиолетовый*, а *серый, синий и желтый* употребляются значительно реже¹.

Важные для литовской культуры цвета нашли отражение в литовском государственном флаге: на нем изображены три горизонтальные полосы — *желтая, зеленая, красная*. Создатели флага специально подбирали цвета, актуальные для народной традиции, чаще всего используемые для окраски тканей и украшения поясов — *красный и зеленый*. *Желтый* же цвет был выбран потому что, по мнению создателей флага, символизировал зарю — символ восходящего солнца был актуален для молодого независимого государства. Позднее толкование символики цветов флага несколько изменилось: известный литовский филолог Й. Басанавичюс пояснял, что *«красный — это цвет крови, пролитой за отечество, зеленый — символ жизни, а желтый — символ плодов этой жизни»*. Современная исследовательница литовской народной культуры А. Вишняускайте интерпретирует *желтый* цвет флага как символ плодородных литовских полей, золотых пшеничных и ржаных колосьев. Так или иначе, эти три цвета стали символами литовского края.

Заметим, что в литовском фольклоре наиболее популярны три другие цвета — *белый, зеленый и пестрый*. *Белый цвет* является наиболее употребительным эпитетом в народной поэзии (и наиболее популярным цветом в литовской народной традиции вообще): он содержит весь спектр положительных оценок, чаще всего используется для обозначения духовной близости и теплых чувств по отношению к членам семьи, родному дому. Эпитет *пестрый* также имеет важное значение в фольклоре и часто обозначает яркость, блеск, красоту, веселье. О магическом значении этого эпитета будет подробнее сказано ниже. Также магическое значение имеет в фольклоре *зеленый цвет*: помимо символа жизни, цветения, плодородия он обозначал крепость, здоровье, силу, красоту и считался своеобразным оберегом (о символике зеленого цвета также будет подробнее написано далее).

Оценочные составляющие семантики цветонаименований распределяются следующим образом: однозначно положительными коннотациями обладают *белый, блестящий, яркий, светлый*; явно негативными коннотациями обладают *черный, темный, синий, коричневый*; как положительные, так и отрицательные коннотации могут иметь *красный, зеленый, пестрый*. Нейтральны в оценочном смысле *желтый и серый* цвета.

Далее приводятся подробные сведения о каждом концепте цвета по следующей схеме:

¹ Часть приводимых здесь и далее данных получены с сайтов: Anthology of Lithuanian Ethnoculture: http://ausis.gf.vu.lt/eka/costume/coost_c.html и Lietuvių audinių raštai — Lietuvių audinių raštai: <http://daugenis.mch.mii.lt/audiniurastai/Simboliui/Spalvos.htm>. Основная семантическая и этимологическая информация получена из источников, приведенных в конце статьи.

1. Этимология; историческая справка (когда впервые лексема была зафиксирована в письменных источниках).
2. Семантика (основные, дополнительные и переносные значения).
3. Символика в народной культуре и фольклоре (если отмечена).
4. Оценка современными носителями языка (данные опросов, исследований, экспериментов — если таковые имеются).

Белый, светлый, яркий, блестящий

BÁLTAS 'белый'

(1) Восходит к и.-е. корням *bhā-, *bhē-; исконнородственно др.-инд. *bhālam* 'блеск', *bhāti* 'светит, сияет'; родственно рус. *белый*, болг. *бял*, словен. *běl*, чеш. *bílý*, польск. *biały* и т. д.; ср. в других и.-е. языках: авест. *bāmya* 'блестящий, сияющий', арм. *bal* 'бледность, блеклость', греч. *φαλίδς* 'блестящий, белый'; кимр. *bal* 'беловищий', алб. *ballë* 'лоб', др.-исл. *bál* 'огонь'. От того же корня литов. *balà* 'болото' (Фасмер; Fraenkel).

Впервые лексема была зафиксирована в Библии Й. Бреткунаса (1590 г., см. ВВ) в основном значении и в значении 'светлый, ясный'. Переносные значения были зафиксированы позднее: значение 'далекий' — в произведениях С. Даукантаса (1793–1864); значения 'чистый' и 'блестящий' — в сборнике песен А. Юшкевича (JV 1883); 'милый, дорогой' — в сборнике песен 1829 г. (StnD); 'хороший, невинный' — в немецко-литовском словаре 1713–1744 гг. (В).

(2) Наиболее типичными эталонами белого цвета в литовском языке считаются: снег, молоко, полотно, бумага, береста, соль, лебедь.

Основные значения:

- 'белый, т. е. цвета снега, молока': *Obelė žydi balta kaip apsnigta* 'Яблоня цветет белая как заснеженная'; *Pražydo baltosios lelijos* 'Зацвели белые лилии';
- 'светлый, почти как снег, молоко': *Ana tokia balta, graži, kaip iš pieno ištraukta* 'Она такая белая, красивая, как из молока вынута'.

Дополнительные значения:

- 'забеленный, заправленный сметаной или молоком': *Putrelė balta — jau turit karvę vedusią* 'Похлебка белая — уже корова у вас отелилась';
- 'чистый, хорошо вымытый': *Baltas kaip iš pirties* 'Белый как из бани'; *Numazgok stalą, kad būtų baltas* 'Вымой стол, чтоб был белый';
- 'светлый, ясный': *O kad išauštų balta dienele ir užtekėtų šviesi saulele* 'Ой чтоб занялся белый денек и поднялось светлое солнышко'; *Kelkis, kelkis, sūneli, jau balta dienele* 'Вставай, вставай, сынок, уже белый денек';
- 'светлый, блестящий': *Mokėjo baltus pinigėlius* 'Платил белые денжки'; *Ei krinta ašaružės kaip baltieji perlėliai* 'Эх, падают слезки как белые жемчужинки'.

Переносные значения:

- ‘милый, дорогой’: *O ko verki, dukrele, o ko verki, baltoji?* ‘А что плачешь, доченька, а что плачешь, белая?’; *Motinėle mano, baltutyte mano* ‘Ма-тушка моя, беленькая моя’;
- ‘хороший, невинный’: *Visi balti, visi geri, o dar riejatės* ‘Все белые, все хорошие, а еще ругаетесь’; *Svieta baltojo (gerų žmonių) nedaug* ‘Света белого (хороших людей) немного’;

Дополнительные коннотации:

- ‘бледный, побелевший’: *Baltas kaip avižos grūdas* ‘Белый как зерно овса’;
- ‘созревший (о хлебах)’: *Rugiai jau balti, greitai reiks pianti* ‘Рожь уже белая, скоро надо будет жать’;
- ‘светловолосый’: *Jų vaikai visi in tėvą, balti* ‘Их дети все в отца, белые’;
- ‘далекий’: *Tokie suėjimai jau žinomi baltoje senovėje* ‘Такие сходжения известны уже в белой древности’ (LKŽ VII, 1030–1031).

Компонент основного значения ‘светлый, блестящий’, который, несомненно, ассоциируется с внешней и внутренней чистотой и ясностью, определяет, по-видимому, большую часть переносных значений. Соотнесение эпитета ‘белый’ с внешностью человека (светлые волосы, светлая кожа), вероятно, отразилось и в общих эпитетах, обращенных к человеку (ср. ‘белая голова’). Коннотация ‘белого’ — ‘хороший, близкий, милый, родной’, возможно, была производной от первоначального значения ‘свой’ (т. е. светловолосый) в противоположность черному, темному ‘чужому’. Коннотация ‘далекий’, вероятно, в данном случае имеет другое значение — не ‘удаленный’, а ‘старый’ (‘седой’), ср. регулярное соотношение ‘белый’ — ‘седой’, зафиксированное и в литовском языке.

В народных изречениях ‘белый’ часто противопоставляется ‘черному’, и на этой оппозиции строится смысл: *Baltas pievas, juodos avys, kas išmano, tas jas gano* ‘Белые луга, черные овцы, кто умеет, тот их пасет’ (загадка; отгадка — «написанный текст»); *Juodoj žemėj balta duona auga* ‘На черной земле белый хлеб растет’. ‘Белый’ может обозначать как отсутствие чего-то: *Gausi tu iš manęs — du baltu, trečią kaip sniegas (nieko negausi)* ‘Получишь ты от меня — два белых, третий как снег (= ничего не получишь)’; так и обилие: *Druskos ded baltai (daug), kad nekirmėtų* ‘Соли клади бело (= много), чтоб не было червей’.

Другие фразеологизмы: *vienais baltaisiai* ‘букв. только в белом’ = ‘только в нижнем белье’ (от *baltiniai* ‘белье’); *baltomis žiūrėti* букв. ‘белыми смотреть’ = ‘хоситься’ (вероятно ассоциируется со сверканием белков глаз при косом взгляде); *balta galva* ‘белая голова’ = ‘женщина’: *Nuog baltos galvos buvo pradžia nuodėmės pirmosios* ‘От белой головы было начало первого греха’ (белой головой могли называть женщину из-за традиционных белых головных уборов, которые носили литовские женщины) (LKŽ).

(3) В фольклорных текстах эпитет 'белый' является самым распространенным. Он может относиться как к объектам неживой природы, так и к человеку. Применительно к человеку этот эпитет обладает комплексом значений 'хороший, честный, чистый, нравственный'. *Baltas* у балтов отличается от аналогичного славянского и в некотором смысле может соотноситься с рус. *красный* в значении 'красивый, хороший'. В литовском фольклоре этот эпитет часто отмечает близких людей и обозначает тоску по родным, теплые чувства, любовь, сочувствие и взаимопонимание (Sauka 1970, 186–187). 'Белый' является также эпитетом солнца, дающего тепло и свет, ясного дня и зари. В целом, можно сказать, что этот эпитет является символом добра, красоты, благополучия, тепла и света.

Несомненно, имел этот цвет и сакральное значение. Литовская обрядность придавала большое значение белым одеждам. Это был цвет торжественных обрядов, подчеркивающих святость и возвышенность совершаемых действий. Прежде всего, как и у многих других народов, белый цвет был актуален в свадебной обрядности. Во время свадьбы сватья повязывала невесте на голову белый платок. В Восточной Литве во 2-й пол. XIX в. — нач. XX в. во время свадьбы родители молодых исполняли первый танец, надев белые перчатки, чтобы жизнь молодых была светлой. Наряду с черным, белый использовался и во время похорон в качестве цвета траура. Плакальщицы на погребальных церемониях были одеты в белые одежды. Белый цвет сопутствовал практически всем праздникам: в сочетании с пурпурным его использовали во время Рождества, с зеленым — на Пасху, с красным — на Троицу, с черным — на День Всех Святых. Белый и синий считались «жалобными цветами».

Весьма популярен был белый цвет во всевозможных календарных обрядах — прежде всего это было связано со сбором урожая льна. Белый цвет льна подчеркивался, с ним связывалась идея плодородия и достатка. На первый сев весной пахари одевались в белые рубахи. В конце сбора и обработки льна стол застилался белой льняной скатертью. По данным Б. Бурачаса, если «на столе — буханка белого хлеба, белый сыр и кувшин с белой пеной», тогда говорят, «лен надо обмыть, чтобы более белым было полотно». В Сочельник женщины ставили на одежду белые заплатки (или шили белые одежды), чтобы овцы принесли белых ягнят. Белый цвет, таким образом, ассоциировался с силами добра в противовес темным силам: литовцы Вильнюсского края считали, что черт боится льна.

(4) В представлении современных жителей Литвы белый цвет является символом радости и невинности. По данным ассоциативного эксперимента, у носителей литовского языка первыми, самыми частыми реакциями на это слово являются «снег» и «бумага»; много ассоциаций связаны с одеждой и тканями: («одежда», «ткань», «халат», «скатерть», «полотенце»). С белым цветом часто ассоциируются явления, связанные с природой: «день», «туман», «облако», «сыр», «молоко», «лебедь», «аист», «ландыш», «береза», «заяц»; а также реалии, связанные с «больницей», «свадьбой» и «сном». Этот цвет наделяется следующими эпитетами и

оценками: «светлый», «чистый», «красивый», «околодный», «хороший», «легкий», «приятный», «спокойный», «ясный» (Steponavičienė). Приведенные ассоциации в целом соответствуют приведенным выше языковым и фольклорным данным. В литовской поэзии XX в. белый — наиболее часто употребляемый эпитет. Помимо прямого значения и указанных выше дополнительных ('чистый', 'ясный', 'святой'), он также имеет коннотации, связанные с эмоциями: тоской, грустью (из-за чего-то потерянного, далекого, малого), а также с ощущением потери, расставания, смерти (Juzelėnienė 2000, 11).

ŠVIESŪS 'светлый'

(1) Прилагательное образовано от *šviesd* 'свет', *šviesti* 'светить'. Расширение корня *šviet-* из **šveit-* с помощью суффикса *s-*. Родственно рус. *свет*, словен. *svēt* 'мир, люди', чеш. *svět* 'мир', польск. *świat* 'свет' и т. д. Ср. др.-инд. *svētás* 'светлый, белый', *śvētá, śvētya* 'белый, свет', авест. *sraēta-, spita-* 'белый' (Фасмер; Fraenkel).

Впервые в письменном тексте лексема была зафиксирована в Постилле М. Даукши (1599 г., см. DP). Наиболее ранними по фиксации значениями лексемы являются 'светлый', 'блестящий', 'ясный, настоящий', а также переносные значения 'имеющий свет веры' и 'святой' (также отмеченные в Постилле М. Даукши и текстах М. Мажвидаса). В словаре 1620 г. (SD) зафиксировано значение 'хорошо видящий'; в словаре 1851 г. (N) — значение 'яркий, четкий (о голосе)'; переносные значения 'хороший, легкий', 'радостный', 'благородный, прекрасный', видимо, более позднего происхождения — они зафиксированы в словаре выпуска 1932–1968 гг. (NdŽ).

(2) Наиболее типичные эталоны светлого цвета в литовском языке следующие: солнце, заря, утро, день, звезда, месяц, небо, весна, луч, путь, окно, огонь, лампа, свеча.

Основные значения:

- 'который светит, освещает, освещенный чем-то': *Savas dūmas ir už svetimą ugnį šviesesnis* 'Свой дым светлее чужого огня'; *Šviesu kaip nuo mėnulio* 'Светло как от месяца';
- 'с белым оттенком': *Šviesi dukrelė kai saulytė, raudona kai žemuogė* 'Светлая дочь как солнышко, красная как земляника'; *Pasižiūrėjo į jo šviesus kaip šiaudai plaukus* 'Посмотрел на его светлые как сено волосы'; *šviesus kaip sniegas* 'светлый как снег';
- 'блестящий, сверкающий': *šviesus kaip dalgelis, kardas* 'светлый как коса, меч'.

Дополнительные и переносные значения:

- 'прозрачный, чистый': *Šviesiame vandens[e]je, žvejodamas su kryte, nieko neužkabinsi — žuvis mato* 'В светлой воде, ловя рыбу сачком, ничего не поймает — рыбы видят';
- 'ясный, яркий, четкий (о голосе)': *šviesus balsas* 'светлый голос';

- ‘хорошо видящий (о глазах)’: *Tavo šviesesnės akys, įverk siūlą į adatą* ‘Твои глаза светлее, воткни нитку в иголку’; *Akys jo buvo nešviesios, mažai matė* ‘Глаза его были несветлые, мало видели’;
- ‘выглядящий здоровым, бодрым, поправившимся’: *Dar šviesus buvo žmogus, o mirė* ‘Еще светлый был человек, а умер’;
- ‘хороший, вкусный’: *Kur šviesnis kąsnelis, tai vis jam ir sūnui, o sau kaip yra, taip gerai* ‘Который посветлее кусок, то это все ему и сыну, а себе какой есть, тот и хорошо’;
- ‘хороший, легкий, без хлопот, бед’: *Visa tvarka buvo šviesesnė kaip Lietuvoj* ‘Весь порядок был светлее, чем в Литве’; *A kad nors senatvėj šviesiau paguvenčiau!* ‘А чтобы хотя бы в старости светлее пожить!’;
- ‘способный хорошо думать, трезвый’: *Išsimiegok, pasilsėk, eik šviesia galva į darbą* ‘Выспись, отдохни, иди на работу со светлой головой’;
- ‘ясный, несомненный, понятный’: *Tatai Dievas šviesiai išreiškė* ‘Это Бог светло выразил’; *Apaštalas šviesiai ir atvirai mokia* ‘Апостолы светло и открыто учат’;
- ‘в хорошем настроении, веселый, радостный, счастливый’: *Visados jis buvo geros nuotaikos, besišypsantis, šviesus* ‘Всегда он был в хорошем настроении, светлый’; *Gyveni ir gyveni — vis šviesu* ‘Живешь и живешь — все светло’;
- ‘пустой’: *Pilve šviesu* ‘В животе светло’;
- ‘просвещенный, образованный, культурный’: *Kūmai, duok tu man tą vaiką, aš jį gražiai užaugysiu, išmokysiu, ir bus šviesus žmogus* ‘Кум, дай ты мне этого ребенка, я его хорошо воспитаю, обучу, и будет светлый человек’;
- ‘благородный, прекрасный, честный, значительный, достойный уважения’: *Na, kaip su šviesia asaba nevalia derėtis* ‘Ну, со светлой особой нельзя торговаться’; *Šviesi pana karalaitė* ‘Светлая госпожа королева’;
- ‘святой’, ‘имеющий свет веры’: *Pulks angelų danguj šviesus garbą tau duost* ‘Полк ангелов в небе светлый тебе славу воздаст’;
- ‘благородный, почтенный’: *Šviesi pana karalaitė* ‘Светлая госпожа королева’

Дополнительные коннотации

- ‘умный, хитрый, сообразительный’: *Šviesi mano mergiotė, ne kožnas nagan paimdavo* ‘Светлая у меня девка, не каждый мог прибрать к рукам’;
- ‘достойный уважения’: *Kunigaikštis Radzivilas 1649 m. daleidęs mokslinyciai vadintis šviesia gimnazija* ‘Князь Радзивилл в 1649 г. позволил школе называться светлой гиназией’;
- ‘праздничный’: *Taip puošėsi eidamos išviesias vietas, vestuves, atlaidus* ‘Так наряжались собираясь в светлые места, на свадьбу, день покаяния’ (LKŽ XV, 554–558).

Общее значение дополнительных коннотаций лексики 'светлый' можно было бы обозначить как 'совершенный во всех отношениях, обладающий каким-то положительным качеством в высшей мере'. Это, вероятно, соотносится с компонентом основного значения 'светлого' как 'яркого, блестящего'. Примечательно, что эпитет 'светлый' применяется не только к объектам и явлениям, для которых актуален признак света (вода, глаза, ум, жизнь — в переносном значении), но и к таким, для которых этот признак не релевантен и в отношении которых этот эпитет становится просто синонимом 'хорошего': голос, здоровье, еда. Вероятно, это свидетельство расширения значения эпитета вследствие его яркой положительной оценки. Значение 'светлый' как 'положительный, хороший, радостный' используется и во фразеологических сочетаниях с обозначением частей тела человека: *akysė šviesiai* 'в глазах светло' = '1) улучшилось самочувствие; 2) стало веселее'; *ant galvos šviesi* 'на голове светло' = 'хорошее, лучшее самочувствие'; *širdyje šviesiau* 'на сердце светлей' = 'веселее'; *šviesios akys* 'светлые глаза' = 'умный, образованный, просвещенный' (LKŽ XV, 554–558).

(4) В ассоциативном эксперименте носители литовского языка связывали с эпитетом «светлый» прежде всего явления природы: «небо», «утро», «день», «солнце», «облако», «месяц»; встречались также реакции, связанные с человеком: «человек», «волосы», «блондин», «лицо»; с помещением: «комната», «окно», со светом: «лампа», «стекло». Явно связаны с отмеченными выше переносными значениями следующие ответы: «ум», «жизнь», «мир», «завтра», «память», «надежда», «радость», «наука». Характеристики этого эпитета были следующие: «ясный», «белый», «красивый», «приятный», «яркий», «радостный», «хороший», «счастливый», «песельный» (*Steponavičienė*). Как видно по этим результатам, они полностью соответствуют выше приведенным словарным значениям. Очевидно, для носителей языка актуальны, прежде всего, переносные значения слова.

BLIZGŪS 'блестящий'

(1) Образовано от глагола *blizgėti* 'сверкать, мерцать, блестеть', связанного с рус. *блеск*, *блестать* и т. д. (Фасмер). Сюда же относятся литов. *blaiškūjūtis* 'проясняться', *blūškūti* 'бледнеть', *blyškūs* 'бледный', *blikstelėti* 'блеснуть, сверкнуть', *blizgėti* 'блестеть, сверкать', *blyškėti* 'бледнеть; блестеть'. Связано с др.-в.-нем. *blīndan* 'становиться бледным', др.-исл. *blíkja* 'появиться, блестеть, светить', *blík* 'блеск'. Близкими словами являются литов. *blūzgana* 'перхоть', а также варианты с *p*: *plėizgės*, *plėiskės* 'посконь (мужское растение конопли)' (*Fraenkel*). Лексема впервые зафиксирована в словаре (SP 1629).

(2) Основное и единственное значение 'блестящий': *Blizgus šilkas* 'Блестящий шелк'; *Linai blizgūs, ilgai ant lauko buvo* 'Лен блестящий, долго на поле был'; *Ir atvežė blizgus batūs su pentiniais* 'И привез блестящие ботинки со шпорами' (LKŽ I, 937).

RYŠKŪS 'яркий'

(1) Входит в ряд однокоренных слов: *ryškėti* 'становиться явным, проявляться', *reikšti* 'значить, означать', *raiškūs* 'ясный, выразительный', *reikšmė* 'значение', *reikšmingas* 'значительный', *reiškinyš* 'явление', *raiškā* 'выражение'. Все эти слова связаны с др.-рус. *rěsnъ*, *rěsnota* 'правда, истина', словен. *réšen* 'серьезный', *resno*, *rešnica* 'правда, истина'. Первонач. форма слав. *rěsnъ* — **rěsknъs*. Подобным образом связаны слав. *jasnъ* и литов. *aiškūs* 'ясный' (Fraenkel).

Лексема впервые зафиксирована в произведениях Каликста Кассаковского (1821–1880). В основном значении 'очень ясный' она выступает в сочинениях Й. Яблонскиса (1860–1930). Остальные значения, видимо, более позднего происхождения, фиксируются только в словарях XX в.

(2) Эталоны: письмо, рисунок ткани.

Основные значения:

- 'очень ясный, выразительный, хорошо заметный': ~ *raidės* 'буквы'; ~ *raštai* 'надписи'; *ryškiai rašo* 'ярко пишет';
- 'привлекающий внимание своим цветом': ~ *audeklas* 'ткань'; ~ *suknelė* 'платье'. *Burna buvo ryškiai raudona* 'Рот был ярко-красный'.

Дополнительные и переносные значения (LKŽ XI, 706):

- 'ясно слышимый, звучный': ~ *kalba* 'язык'; ~ *šautuvo šūvis* 'выстрел ружья'; *Ryškiai skaito, kalba* 'Ярко читает, говорит'; *Įtemptosios fonemos tariamos ryškiau, negu neįtemptos* 'Напряженные фонемы произносятся ярче, чем ненапряженные';
- 'выделяющийся из других, чем-то отличающийся': *P. Cvirka — savito ryškaus talento rašytojas* 'П. Цвирка — писатель своеобразного яркого характера';
- 'ясно осознаваемый, понятный, убедительный': *ryškus pavyzdys* 'яркий пример'; *ryškus skirtumas* 'яркое различие'.

Цветовое значение является для этого прилагательного второстепенным. Первоначальным и основным значением, видимо, следует считать 'ясный, отчетливый', что характеризует скорее степень контрастности, чем цвет как таковой.

Черный, темный

JUODAS 'черный'

(1) По мнению Э. Френкеля не имеет надежной этимологии (Fraenkel). Существуют две основные гипотезы. Автор первой, Х. Педерсен, сближает эту лексему с иран. *adaig* 'ночь', возм. лат. *āter* 'черный', умбр. *adro* (из **ādro*) 'черный, темный, мрачный, губительный' (Pedersen 1933, 69–71). Х. Петерссон сравнивает литов. *jūodas* с латыш. *īls* 'совершенно темный', рус. *ил*, греч. *ἰλύς* 'тина, грязь' и т. д. (*jūodas* восходит к праформе **jō-do-*, а и.-е. **ǵ* в *ἰλύς* могло редуцироваться из

*jō) (Petersson 1921, 125). Э. Френкель и С. Каралюнас (1977) критикуют обе эти гипотезы по причине их фонетической несостоятельности: в словах, сопоставленных Петерссоном, общим является только один гласный *ī, а если принять этимологию Педерсена, то приходится признать согласный j в начале слова протетическим, что довольно проблематично, т. к. все три балт. языка свидетельствуют о том, что он этимологический.

С. Каралюнас сближает *jūodas* с литов. *judėti* 'двигаться', *jūdinti* 'двигать, трогать' (*jūodas* восходит к праформе *jōud-, аллоформа которой в редуцированной степени аблаута была *jūd-*, ср. литов. *jūdėti* 'чернеть') через значение корня *jud-* 'гнить, тлеть, тухнуть, протухать, портиться'. К тому же семантическому ряду родственных лексем он относит литов. *judrā* 'вихрь', *jāudra* 'бура', *jāudytis* 'шалить, шуметь, гневаться, ругаться', *jāustis* 'браниться, *jāudyti/jāudinti* 'волновать, возбуждать'; латыш. *juodi* 'души убитых на войне'. Этот ряд связан со слав. *juditi (болг. *юдя*, укр. *юда* 'род злого духа, нечистой силы', *юдити* 'искушать, подстрекать', блр. *юдзиць* 'поступать лицемерно; чернить, клеветать', латыш. *juods* 'лепий, злой дух', польск. *judzić* 'подстрекать; натравливать', словен. *judati se* 'ссориться, драться' (Каралюнас 1977, 129–137).

Впервые лексема была зафиксирована в Постилле Моркунаса (MP 1600). В значении 'темный, поздний' она отмечена в произведении С. Даукантаса (1793–1864). В значении 'почерневший от работы' — в сочинениях Й. Яблонскиса (1860–1930); 'нечистый, поношенный' — в сборнике песен А. Юшкевича (JV 1883). Наиболее позднее значение — 'тяжелый, мрачный' — зафиксировано в словарях в XX в.

(2) Эталоном черного цвета в литовском языке считаются: уголь, деготь, головешка, дно котла, воронье крыло, грач, сажа, дым, земля, грязь. Примечательно, что кровь тоже может быть черной: *Tekėjo mano juodas kraujelis, kaip lelijos žiedelis* 'Текла моя черная кровь, как цветок лилии'; *Mano mandierėlis gražiai parėdytas, juodais kraujais aptaškytas* 'Мой мундирчик красиво шит, черной кровью обрызган'.

Основное значение: 'цвета угля, темный': *Juoda karvė, baltas pienas* 'Черная корова, белое молоко'; *Juodi debesėliai plaukia* 'Черные тучи плывут'.

Дополнительные и переносные значения (LKŽ IV, 393–395):

- 'незасеянный (о почве)': *Avižieną paliksim juodu pūdymu* 'Овсяное жниво оставим черным паром';
- 'почерневший, загрязненный (от работы)': *Juodos rankos pasaulį peni* 'Черные руки мир кормят';
- 'грязный, поношенный': *Nenešiot per daug juodais (marškiniais), duok išskalbtį* 'Не носи слишком черное (рубашки), дай постирать'; *Juodos kojos, nors ropes sėk* 'Черные ноги, хоть репу сажай';
- 'темный, поздний': *Anas gal(i) lig juodos nakties laukti* 'Он может до черной ночи ждать';

- ‘незабеленный, сухой, без молока и мяса (о посте)’: *Pabūnam ir juodai (be pieno) kol karvės neturėjusios* ‘Побудем и по-черному (без молока) пока коровы не отелятся’;
- ‘тяжелый, бедный, грустный, мрачный’: *Juodi (baisūs, naramūs) gandai šliaužė nuo Dono aukštumos* ‘Черные (страшные, беспокойные) слухи ползли от Донской возвышенности’;
- ‘противный, нечестный’: *Anas juodas pijokas buvo (=amžinas girtuoklis)* ‘Он был черным пьяницей (= вечный пьяница)’, *Ėda vienas kitą dėl juodų niekų (menkniekių)* ‘Грызут друг друга из-за черных пустяков (мелочей)’.

Дополнительные значения эпитета *черный* создают аксиологическую оппозицию эпитету *белый*: это прослеживается на всех уровнях значений, как по отношению к внешним характеристикам объекта (пицца с молоком / без молока, чистые / грязные руки), так и к внутренним (хороший, благородный, честный / противный, нечестный). Ср. пословицы: *Balti dantys juodas duonos nemėgsta* ‘Белые зубы черного хлеба не любят’, *Iš dviejų juodų nepadarysi nė vieno balto* ‘Из двух черных не сделаешь ни одного белого’, *Tyli — nei juoda, nei balta (nesako nei už, nei prieš)* ‘Молчит — ни черного, ни белого’ (= ‘не говорит ни за, ни против’).

Во многих аспектах значения ‘черный’ противопоставляется и эпитету *светлый*, например, в коннотациях, связанных с пустотой / заполненностью, ср.: *Žmonių juoda (labai daug) — eina ir eina be perstojo* ‘Людей черно (очень много) — идут и идут не переставая’. В современной разговорной речи *juodai* ‘черно’ имеет значение ‘сильно, совсем, совершенно’ (что можно было бы сравнить с русским разг. *пить по-черному*, но литов. эквивалент имеет более широкое значение). В поговорках ‘черный’ может использоваться и как эквивалент немаркированного эпитета: «такой же», ср.: *Juodas juodo nekenčia (toks tokio)* ‘Черный черного ненавидит (такой такого же)’, *Bėda tau, bėda juodui — kalbėjo katilas puodui* ‘Беда тебе, беда черному — говорил котел горшку’; *Tegul jau bus tavo velnias juodesnis (tegul bus, kaip tu sakai)* ‘Пусть уж будет твой черт чернее (пусть будет, как ты говоришь)’ (LKŽ IV, 393–395).

(3) В народной культуре черный цвет использовался прежде всего как цвет траура, означал грусть и несчастье. Однако в этом смысле он часто не противопоставлялся белому, а использовался наряду с ним: в Восточной Литве во время похоронных процессий использовались белые и черные ткани, в Западной Литве — чаще черные, в некоторых других частях Литвы в качестве траурных цветов использовались черный, зеленый, синий. Черный и белый использовались также в День Всех Святых, а в некоторых местностях — также в Рождество и на Пасху.

(4) Современными носителями литовского языка черный оценивается как цвет, связанный с грустью и несчастьем. Ассоциации информантов на слово «черный» содержали эталоны черного цвета («сажа», «уголь»), другие природные объекты, к которым этот эпитет может быть

отнесен: «ночь», «небо», «туча», «вода», «земля», «дым», «почва», «хлеб», «шерсть», «дерево», «лес». Отмечались также ассоциации, связанные с человеком: «человек», «волосы», «цыган», «негр» и с животными: «кот» (самая частая реакция на слово «черный»), «собака», «ворона». С черным цветом также соотносится ряд артефактов: «горшок», «чернила», «ботинок», «гроб», «труба», «паровоз», «котел», «тушь», «буквы», «тень», «колодец». Естественно, черный ассоциируется с «трауром», «смертью», «горем», «похоронами», «несчастьем». Этот эпитет оценивается как «темный», «страшный», «грустный», «неживой», «слепой», «некрасивый», «нечистый», «старый» (Šteponavičienė).

В литовской поэзии XX в. черный имеет следующие коннотации: 'связанный с несчастьем, грустью, мукой, отчаянием, неизвестностью, смертью, будничностью и т. п.' (Juzelėnienė 2001, 13).

TAMSŪS 'темный'

(1) От *tamsà* 'тьма', родственно рус. *тьма*, *темный*, ср. др.-инд. *tamas* 'мрак' (Фасмер). Впервые лексема была зафиксирована в Катехизисе 1598 г. (РК). Значение 'черноватый' отмечено в издании Библии 1590 г. (ВВ). Значение 'в который попадает мало света' зафиксировано в (SP 1629). Переносные значения 'нехороший, противный', 'не проявляющийся явно', 'не освещенный светом ума, веры' зафиксированы в (DP 1599). Более позднего происхождения значения 'грустный, мрачный' и 'неученый' — они фиксировались в словарях XX в.

(2) Эталонем темного в литовском языке считается ночь, вечер, угол, комната, ад, изба, хлев, лес, туча, глина.

Основные значения:

- 'объятый темнотой': *Aklam ir diena tamsu* 'Слепому и днем темно';
- 'плохо освещенный или неосвещенный': ~ *kambarys* 'темная комната'; ~ *kaip pekloje* 'темно как в аду'; ~ *kaip vilko nasruose* 'темно как в ноздрях волка';
- 'распространяющий мало света': *Tamsiai dega lempa* 'Темно горит лампа'.

Дополнительные и переносные значения:

- 'слабо, плохо видящий или совсем не видящий': *Tamsios akys, laikraščio nepaskaitinėju* 'Темные глаза, не могу газету прочитать';
- 'не светлого цвета, черноватый': *Medus jeigu eglyno — tamsus būna, o jei lauku — šviesus* 'Мед если из ельника — темный бывает, а если с полей — светлый';
- 'очень грустный, хмурый': *Vaikštai tamsus kaip debesis* 'Ходишь темный как туча'; *Liub šokti, dainuoti — netamsiai gyvenom* 'Бывало плясали, пели — не темно жили';
- 'тяжелый, трудный': *Visaip yra ūkėje buvę, ale tankiau tamsios dienos* 'Всяко бывало в хозяйстве, но чаще темные дни'; *Anksčiau viskas buvo tamsiau* 'Раньше все было темнее';

- ‘бесчестный, противный, злой’: *Tamsūs jūsų darbai, tamsu jūsų širdy* ‘Темные ваши дела, темно у вас на сердце’;
- ‘неясный, туманный, непонятный’: *Jono apsišreiškimo knygos dyvnai tamsios, nepermatomos* ‘Книги явления Иоанна странно темные, непонятные’;
- ‘неученый, отсталый, непросвещенный’: *Ar ne aišku, kad žmonės pas mus yra tamsūs kaip čebato aulos* ‘Разве не ясно, что люди у нас темные как голенище сапога’;
- ‘редуцированный’ (звук; лингв.): *Mūsų tarmėse, ypač Rytų Lietuvoje, labai dažnai artikuliuojamas a su atitrauktu liežuviu į užpakalį, dėl to jis darosi daug tamsesnis negu vakariečių* ‘В наших говорах, особенно в Восточной Литве, очень часто *a* артикулируется с отодвинутым назад языком, поэтому он становится более темным, чем западный’.

Дополнительные коннотации:

- ‘в который мало попадает или не попадает свет’: *giria tamsi* ‘темный лес’;
- ‘плохо пропускающий свет’: *Kam padirbai žemas triobas, kam įdėjai tamsus langus* ‘Зачем сделал низкие избы, зачем вставил темные окна’;
- ‘темноволосый’: *Ana an tėvą, tamsi tokia, juodutė* ‘Она в отца, темная такая, черная’;
- ‘явно не проявляющийся, неизвестный’: *Top [atskalūnai] bažnyčią Christaus ne šviesia, ne regima ir ne pažįstama, bet tamsia, uždengta, paslėpta ir pačiam Dievui nepažįstama daro* ‘Так раскольники церковь Христову не светлой, не видимой и не знакомой, но темной, закрытой и не знакомой самому Богу делают’ (LKŽ XV, 799–803).

Так же, как ‘белый’ и ‘черный’, ‘светлый’ и ‘темный’ составляют семантическую оппозицию. Естественно, основой оппозиции является наличие/отсутствие света. Но дополнительные коннотации со значением ‘хороший’/‘плохой’, ‘легкий’/‘тяжелый’, ‘радостный’/‘грустный’, ‘честный’/‘бесчестный’ также образуют смысловые пары. Ср. поговорку: *Kava tamsi — mintys šviesios, degtinė šviesi — mintys tamsios* ‘Кофе темный — мысли светлые, водка светлая — мысли темные’. Примечательно, что эти эпитеты относятся и к звуку (‘ясный, звучный голос’ / ‘редуцированный, задний звук’). Так же, как и в отношении ‘черного’, ‘темно’ используется в значении ‘много’: *Kad privažiavo žmonių, net tamsu* ‘Сколько понаехало народу, даже темно’. В этом значении эпитет также противопоставляется ‘светлому’ (=‘пустому’). Однако ‘темно’ может означать и ‘пусто’: *Kai užbūni visą dieną nevalgęs, tai į pilvelį tamsu* ‘Когда весь день не ешь, то в животе темно’.

(4) Со словом «темный» у носителей литовского языка ассоциировались прежде всего плохо освещенные помещения: «комната», «коридор», «угол», «подвал», и только немногие явления, имеющие отношение к естественной природе: «ночь», «вечер», «лес», «небо», «туча», «осень», «вода». «Темный», как и «черный», вызывает негативные эмоции и оценки:

«страшный», «грустный», «холодный», «плохой», «непонятный», «пустынный», «сырой» (Steponavičienė).

Красный (розовый, фиолетовый)

RAUDŌNAS 'красный, алый'

(1) Родственно праслав. **ruda*, рус. *руда, румяный, рудый, рудой, рысь, рыжий*. Ср. др.-инд. *rudhiras* 'красный, кровавый' (Фасмер). Форма аблаута с *ũ* — литов. *rūdas, rūšvas, rusnūs* 'коричневый'. В других и.-е. языках: тох. А *rātram, riārya* 'красный', В *rātre* 'красный' (Fraenkel). Лексема впервые зафиксирована в (DP 1599). В значении 'светящийся красным цветом' она зафиксирована в немецко-литовском словаре (R 1747), в значении 'покрасневший' — в словаре (SP 1629).

(2) Эталонами красного цвета служат в литовском языке: зарево, калина, огонь, мак, горящие угли, крест, вино, ягоды, кровь, свекла.

Основные значения:

- 'крайний теплый цвет радуги': *Žydi putinėlis raudonais žiedeliais, o šermukšnėlė da beraudonesniais* 'Цветет калина красными цветами, а смородина еще более красными';
- 'покрасневший, розовый': *Išėjo žmona daržo ravėt, parėjo kai ugnis raudona* 'Ушла жена полоть огород, пришла как огонь красная';
- 'рыжий': *Mūs telaitis raudonas* 'Наш теленок красный'; *Ano didžioji mergelka esanti raudonais plaukais* 'Его старшая девка с красными волосами'; *Priėmė gražiai svečius, senūciams atnešė raudono aluko* 'Хорошо принял гостей, старикам принес красного пива'.

Дополнительные и переносные значения:

- 'совсем обглоданный, голо подрезанный': *Nu šimet nieko žolės nėra, išgriaužta raudonai — utėlę pamatytum* 'Ну в этом году совсем травы нет, вырезана красно — вошь увидеть можно'; *Ima dalgė raudonai* 'Берет коса красно';
- 'большой, сильный': *Tai jį pinigų raudonai primygsi (labai reikalaus)* 'Так денег по-красному будет не доставать (очень потребуется)';

Дополнительные коннотации:

- 'светящийся этим цветом': *Saulė balta prieš liūt, raudona — prieš šilumą* 'Солнце белое перед дождем, красное — перед теплом';
- 'раскрасневшийся, вспотевший (от стыда, злости, волнения и под.)': *Užpyko, liko raudonas kaip žarija* 'Разозлился, стал красным как угли' (LKŽ XI, 253–256).

Переносные значения основаны на общей коннотации, которую можно определить как 'превосходная степень некоторого качества', причем качество может оцениваться как негативно, так и позитивно (ср. *Šimet kviečiai bus raudoni (=dideli, puikūs)* 'В этом году пшеница будет красная'

(= 'высокая, прекрасная'). Значение 'красный' = 'красивый, хороший' также реализуется в поговорках и пословицах: *Ne tas puikus, kas raudonas, bet kas kam patinka* 'Не тот хорош, кто красивый, но кто кому нравится'; *Raudonas — nuo tolo malonus, baltas — nuo tolo šaltas* 'Красный — издалека приятный, белый — издалека холодный'.

'Красный' как эпитет человека (щеки, лица) используется обычно с позитивным оттенком: *Geltonos kaselės, raudonas veidelis, ta yr mano dukrelė, ta yr mano jaunoji* 'Желтые косы, красное личико, это моя дочка, моя молодая'; *Mergelė baltą priglausti šalta, o kuri raudona ta kaist iš tolo* 'Девушку белую обнять холодно, а которая красная, та греет издалека'; *Grazus tavo bernytis — veidai raudoni, plaukai geltoni* 'Красив твой парень — щеки красные, волосы желтые'; Тем не менее 'красный' может иногда выражать и крайнюю степень негативного качества, ср.: *Ak tu, gyvate raudonoji!* 'Ах ты, змея красная!'; *Žalty tu raudonasis, ką padirbai?! 'Уж ты красивый, что ты наделал?!'* ('змея' и 'уж' используются как ругательства в литовском языке); *raudonos kepurės reikalauti* 'красной шапки просить' = 'хотеть, чтобы кто-то униженно, сильно просил о чем-л.' (LKŽ).

(3) Красный цвет довольно популярен в народной культуре: во всех районах Литвы, а особенно в западной части, одежду украшали чаще всего именно красным цветом. В Восточной Литве во время свадьбы бочка с пивом, принадлежавшая свату, украшалась красным поясом или полотенцем; также красные пояса дарили гостям, пришедшим на свадьбу. Красный цвет считался оберегом: скоту на шею повязывали красную веревку, чтобы не загрыз волк. В литовской народной культуре красному приписывалось значение жертвы, любви и огня. Однако красный мог предвещать и несчастье: по данным А. Греймаса, богиня Лайма, предсказывая будущее, меняла цвета своего пояса, и если она выбирала красный цвет, это означало плохой год. Таким образом, значение красного цвета было амбивалентным: он мог означать как счастье, достаток, красоту, так и несчастье, беду, боль. Красный цвет в обрядах мог соседствовать с белым (на свадьбе, во время Троицы, похорон), черным (например, в Страстную Пятницу одевались в черные, иногда — красные одежды), зеленым (во время календарных обрядов, посвященных урожаю, плодородию, использовались красный и зеленый цвета).

(4) Современные носители литовского языка считают красный символом крови, любви и боли. В ассоциациях литовцев на слово «красный» преобладают реалии, связанные с миром природы: «яблоко», «гвоздика», «помидор», «пион», «роза», «георгин», «свекла», «мак», «вино», «закат», «солнце», «петух», «горячий уголь», «огонь». Некоторые ассоциации связаны с человеком и современной жизнью: «кровь», «лицо», «знамя», «светофор», «крест». Эмоции и оценки, вызываемые этим словом, довольно противоречивы: «яркий», «красивый», «некрасивый», «созревший», «пылкий», «глупый», «опасность», «светлый», «темно» (Steponavičienė).

В литовской поэзии XX в. красный цвет прежде всего связан с кровью и имеет два противоположных значения: 1) сопутствует страсти, люб-

ви, красоте, здоровью; 2) связан с кровью, беспокойством, угрозой, смертью, борьбой (*Juzelėnienė* 2001, 14–15).

RAŪSVAS 'розовый, красноватый'

(1) Родственно рус. *русы́й* (из **rudsъ*, связанного с *руда*, *рудый*, *рдеть*) (Фасмер). Впервые зафиксировано в работах Леопольда Гейтлера (G 1875). Переносное значение, видимо, появилось под влиянием русского языка, впервые отмечено в печати советского периода.

(2) Основное значение: 'светло-красный' (*Medžių lapai rudenį pasirodo rausvi* 'Листья деревьев осенью становятся красноватыми'; *rausvieji debesys* 'красноватые облака').

Переносное значение: 'идиллический, слишком ясный' (*Pirma gyvenimo audra gali išblaškyti jo rausvas svajones* 'Первая жизненная буря может развеять его розовые мечты') (LKŽ XI, 322).

RŪŽINIS 'розовый'

(1) Образовано от сущ. *rōžė* 'роза', родственного рус. *роза* (из лат. *rosa*) (Фасмер). Впервые зафиксировано в словаре 1620 г. (SD) в значении 'цвета розы'. В остальных значениях лексема стала использоваться позднее, в XIX–XX вв.

(2) Основные значения (LKŽ XI, 1041):

- 'цвета цветка розы, розовый': *Obelų žiedai daugiausia esti rožiniai, su įvairiais atspalviais* 'Цветы яблони чаще всего розовые с различными оттенками'; *Priešaisėjo ta pati liekna, aukšta mergina su rožiniais nuo vėjo skruostais* 'Навстречу шла та самая стройная высокая девушка с розовыми от ветра щеками';
- 'принадлежащий розе': *Rožinis stiebas rudenį yra be žiedų ir be lapų* 'Розовый стебель осенью без цветков и без листьев';
- 'похожий на розу': *Rožinė pelargonija* 'Розовая пеларгония';
- 'вредящий розам': *Rožinis lapsukis* 'Розовая листовертка'.

RŪŽAVAS 'розовый'

(1) Славизм, калька с польск. *rózowy* 'розовый'. Впервые была зафиксирована в словаре 1932–1968 гг. (NdŽ).

(2) Основное значение: 'розовый': *Ružavus burokus rūgėna* 'Розовую свеклу маринуют'; *Ružavosios bulbės yra blaiviai ružavos, skāra plona* 'Розовая картошка ясно розовая, шкура тонкая' (LKŽ XI, 848).

Используется чаще в разговорной речи, в отличие от двух других синонимов, поэтому, как правило, имеет одно конкретное значение, в то время как *raušvas* и *rōžinis* развили переносные значения 'радостный, идиллический', ср.: *Jis mėgo vaizduoti tuos laikus rožinėmis (patraukliomis, idealizuojamomis) spalvomis* 'Он любил изображать те времена розовыми (привлекательными, идеализированными) цветами'. В подобном значении лексема *ružavas* не зафиксирована, в то время как *raušvas* — возможно (см. пример выше).

VIOLĒTINIS 'фиолетовый'

(1) Заимствовано из фр. *violet* от лат. *viola* 'фиалка' (Фасмер). Впервые зафиксировано в словаре 1932–1968 гг. (NdŽ).

(2) Основное значение: 'розово-синий цвет': *Augusto Rugenio veida ištušė violetinės dėmės, akys apmigijo* 'Лицо Аугустаса Ругяниса покрылось фиолетовыми пятнами, глаза затуманились'.

(3) Фиолетовый цвет не часто встречается в народной культуре. Иногда он использовался в качестве траурного во время похоронных обрядов. Также фиолетовый цвет был актуален во время постов (перед Рождеством и Пасхой).

Желтый

GELTŌNAS 'желтый'

(1) Восходит к и.-е. *ǵhel-. К тому же корню относятся греч. *χολή* 'желчь', *χόλος* 'гнев, ярость', лат. *fel, fellis* 'желчь, желчный пузырь', авест. *zāra* 'желчь'. Родственно праслав. *žltъ, соответственно — рус. *желтый*, болг. *жълт*, серб.-хорв. *жут*, словен. *žolt*, чеш. *žlutý*, словц. *žltý*, польск. *żółty*, прус. *gelatynan*. С рефлексом другого заднеязычного сюда же относится группа *золото, зеленый*, ср. также литов. *žėli* 'расти', *žālias* 'зеленый', *žolė* 'трава', *gėlė* 'цветок' (Фасмер; Fraenkel).

Лексема впервые была зафиксирована в словаре Ф. Руига (R 1747).

(2) Эталонами желтого цвета в литовском языке считаются: желток яйца, золото, воск, лен, поля, дыплята, пиво, косы, волосы.

Основное значение: 'цвет золота, солнца': *Jeį raudoni žiedai, tai geltoni obuoliai* 'Если цветы красные, то яблоки желтые'; *Pušys aukštos, lygutės, geltonos kaip žvakės* 'Сосны высокие, ровные, желтые как свечи' (LKŽ III, 223–224).

Этот цвет не так популярен, как другие основные цвета, поэтому, вероятно, соответствующая лексема не имеет дополнительных и переносных значений. Эпитет 'желтый' в отношении человека используется чаще всего применительно к определению волос и кос: *Geltonos kaselės, raudonas veidelis, ta yr mano dukrelė, ta yr mano jaunoji* 'Желтые косы, красное лицо, это моя дочка, это моя молодая'. Более популярно в определении артефактов, ср.: *Gėriau alutį geltoną, kad būčiau balta raudona* 'Пила пиво желтое, чтоб была бела-красна'.

(3) В народной культуре желтый цвет практически не задействован, в народном костюме он мог использоваться только в качестве полос, украшающих пояса, в дополнение к другим цветам, но никогда не доминировал.

(4) Современные носители литовского языка оценивают желтый цвет скорее негативно: многие подчеркивали, что желтый цвет не подходит для подарка. Этот цвет означает разлуку. В ассоциациях на слово *желтый* преобладают объекты растительного мира: «лист», «цветок», «апельсин», «яблоко», «яблоня», «лимон», «сосна», «ромашка», «клен», «злаки», «луг», «подсолнух», «поле», «лес», «тыква», а также другие явления и предметы,

связанные с естественной природой: «солнце», «луна», «песок», «янтарь», «осень», «лето», «клюв», «бабочка», «щыпленок», «утенок», «мед», «сыр», «желток», «масло». Оценка желтого довольно противоречива: он определяется как «светлый», «яркий», «красивый», «созревший», но и «некрасивый», «неприятный», связан с «разлукой», «ненавистью», «несчастьем», но и с «теплом» и «светом» (*Steponavičiūnė*).

В литовской поэзии XX века основная коннотация желтого цвета негативная — связанная с тоской, грустью, осенью, разлукой, а также с тоской по дому, по родине (*Juzelėnienė* 2001, 16).

GEĽSVAS ‘желтоватый’

(1) Образовано от *gel̄tas* с помощью суффикса *-sv-*. Впервые отмечено в сборнике жемайтийских песен (D 1846).

(2) Основное значение: ‘желтоватый’: *Ko rasoja vainikėliai ant gelsvų kasėlių?* ‘Почему покрыты росой веночки на желтоватых косах?’, *Siuntė mane močiutė gelsvų linėlių rauti* ‘Посылала меня матушка желтоватый лен собирать’, *Rūtėlės gelsvai žydi, žaliosios gelsvai žydi* ‘Рута желтовато цветет, зеленая желтовато цветет’ (LKŽ III, 220).

Зеленый

ŽĀLIAS ‘зеленый’

(1) Этимологически связано с латыш. *zaiļš* (которое, как и литов. *žalias* имеет еще значение ‘здоровый, крепкий; беззаботный, веселый’), прус. *salignan*. Из балтийских языков лексема заимствована в финно-угорские: эст. *haljas* ‘блестящий, чистый, зеленый’, *haljakas* ‘светло-зеленый’, фин. *haljakka* ‘бледный, светло-серый, блеклый’. Далее соотносится с литов. *žilas* ‘седой’, *žėlti* ‘расти, вырастать’, *žālas* ‘бурый’, *žaltys* ‘уж’, *žolė* ‘трава’, родственно и *gel̄tas* ‘желтый’ [*> geltōnas*] (Fraenkel 1287). Далее родственно рус. *зеленый*, *зелье*, *золото*, *зола*. Связано с др.-инд. *hiraṇyam* ‘золото’, авест. *zaranya* ‘то же’, др.-инд. *hāris*, авест. *zairi* ‘желтый, золотистый’, лат. *helvus* ‘желтоватый’ (Фасмер).

Впервые лексема была зафиксирована в первом издании словаря (SD 1629). В нем отмечалось основное значение (цвета) и переносное значение ‘термически необработанный, сырой’. Переносное значение ‘неспелый’ было впервые отмечено в словаре Нессельмана (N 1851). Остальные переносные значения лексем зафиксированы только в словарях XX в.: ‘не смягченный’ (о коже), ‘необработанный’ — в польско-литовском словаре 1915 г. (L); ‘сильный’, ‘небеленый’, ‘неочищенный’ (о спирте) — в литовско-немецком словаре 1932–1968 г. (NdŽ); ‘очень молодой’ — в словаре современного литовского языка 1954 г. (DŽ).

(2) Эталонами зеленого цвета в литовском языке считаются: трава, мох, рута, кузнечик, лягушка, лес, дерево, огурец, лук.

Основное значение: ‘один из основных цветов спектра, находящийся между желтым и голубым; цвета травы; зеленеющий (как растение)’: *Storos tankios šakos, tokios žalios kaip rūta, gražiai gulė viena ant kitos* ‘Тол-

стые, густые ветви, зеленые как рута, красиво лежали одна на другой'; *Veiną dieną vanduo Nemune žalias plaukia, kitą — mėlynas* 'В один день вода в Немане зеленая течет, в другой — синяя'; *Imsui ašotelį, laistysiu medelį, kad greičiau žaliuotų žaliejai lapeliai* 'Возьму кувшинчик, буду поливать деревце, чтобы быстрее зазеленели зеленые листочки'.

Дополнительные и переносные значения:

- 'нарядный, украшенный, красивый': *Ir įvedė į naują klėtuzę, pasodino už žalio stalužio* 'И привели в новый амбарчик, посадили за зеленый столик';
- 'очень бледный, изменившийся от волнения (о цвете лица)': *Kad pasakiau, kad Dievas lietuvis, lenkės žalios pasdaro iš pikumo* 'Когда сказал, что Бог — литовец, польки стали зелеными от злости';
- 'содержащий влагу, невысохший, не сухой': *Lentos pjaunamos iš žalių rąstų* 'Доски делают из зеленых бревен'; *Džiovina pečiun grūdus, ba žalių nesumalsi* 'Сушат в печи зерна, так как зеленые не смелешь';
- 'не созревший, неспелый (о фруктах, ягодах, зерновых)': *Rugiai da negalima pjaut, da visai žaliutukai* 'Рожь еще нельзя жать, еще совсем зеленая';
- 'не обработанный термически, не(до)варенный, не(до)жаренный': *Žalia mėsa, neišvirusi* 'Зеленое мясо, не сварилось'; *Atanešė duonos, tai žalia — trūksta kepimo* 'Принесла хлеб, так зеленый — не пропекся';
- 'не обработанный, нуждающийся в обработке': *Projektas, žinoma, buvo dar žalias, reikėjo jį papildyti* 'Проект, конечно, был еще зеленый, нужно его дополнить';
- 'небеленый (о льняных нитках, холсте)': *Pasiuvo marškinius nebalinto, iokio žalio audklo* 'Сшила рубашу из небеленого, такого зеленого холста';
- 'не забеленный (о супе без сметаны)': *Žalią bulbynę srėbė, taip tai gyvena* 'Зеленый картофельный суп хлебали, так и жили';
- 'очень молодой, неопытный, незрелый, неразумный': *Mes nemokyti, žali žmonės* 'Мы неученые, зеленые люди'; *Maža kas gali pasitaikyti žalioje jaunystėje* 'Мало ли что может случиться в зеленой молодости';
- 'сильный, твердый', 'могучий': *Žalias arklys, tvirtas* 'Зеленый конь, крепкий'; *Žalia ranka nukaros tave ponas Dievas už palaidūnystę* 'Зеленой рукой наказает тебя Господь Бог за распущенность';
- 'беззаботный': *Visą amžių linksmai, žaliai gyvena, o ant amžiaus galo atsuko antrą galą* 'Весь век весело, зелено жили, а под конец века все по-другому обернулось';

Дополнительные коннотации:

- 'много': *Policininkų net žalia, o tvarkos neyra visai* 'Полицейских аж зелено, а порядка нет совсем';
- 'находящиеся в лесу (партизаны)': *Iš giralės parlėkė žalių kareivių* 'Из лесочка выбежали зеленые солдаты';

- 'красивый, приятный': *Atvažiavo bernužėlis pas jauną mergelę, nusiprauskie, mergužėle, tu žaliu vyneliu* 'Приехал паренек к молодой девушке, умойся, девушка, ты зеленым вином';
- 'свежий': *Da žalias tenai sūris, o čia jau sudžiūvęs* 'Там еще зеленый сыр, а этот уже сухой';
- 'несмягченный, недубленный, необработанный (о коже, шубе)': *Čebatėliai žalios skūros; kad pažiūriu — šunienos* 'Чоботы из зеленой кожи, посмотрел — собачьей';
- 'неочищенный, неректифицированный (о спирте)': *Žaliaviniam spiritui tinkamesnis terminas žalias spiritas* 'Сырьевому спирту самый подходящий термин — зеленый спирт' (LKŽ XX, 108–117).

Множество переносных и дополнительных значений, вероятно, объясняется популярностью этого цветообозначения в литовском языке. Актуальность зеленого цвета, несомненно, связана с семантикой жизни, цветения, плодородия. Однако налицо амбивалентная оценка значений: с одной стороны, 'зеленый' обозначает недостаточность выраженности признака, ущербность, незаконченность, незрелость ('непригодный для еды' — о ягодах, плодах, не готовом блюде; 'не готовый к употреблению' — о холсте, бревнах, коже; 'не достигший определенного уровня' — об умственных способностях, работе). Семантика «ущербности» проявляется и в таких фразеологизмах, как: *žalia varna* 'зеленая ворона' = 'ротозей'. Выражения типа: *kaip žalias nedega* 'как зеленый не горит', *kaip žalia malka dega* 'как зеленое бревно горит', имеют несколько значений: 1) 'плохо, так себе (живет)'; 2) 'бедный'; 3) 'так говорят о лентяе'; 4) 'медленно (работает)'.

С другой стороны, некоторые значения, наоборот, основаны на семантике «полноты признака», «хорошего качества»: 'могучий', 'сильный, твердый', 'свежий', 'нарядный'. Вероятно, такая противоречивость семантики связана с оценкой 'молодого' (что естественным образом соотносится с 'зеленым' как признаком начала обновления природы). С одной стороны, 'молодой' еще не обладает многими признаками целостности и зрелости, с другой — он, как правило, здоров, красив, силен и беззаботен. Тем не менее, в литовской фразеологии отражается скорее негативное отношение к признаку 'зеленый', ср.: *akyse žalia* 'в глазах зелено' = 'о слабости, плохом состоянии'; *akyse žalia atlieka* 'в глазах зелено становится' = 'надоедает'; *kryžius žaliao medžio* 'крест из зеленого дерева' = 'большая беда, трудности'; *žalias akyse* букв. 'зеленый в глазах' = о ком-то ненавистном; *rūta žalioji* 'рута зеленая' = ругательство; *žalias aguonas krėsti* 'зеленый мак трести' = 'оговорить кого-то, ругать'.

Однако есть немногочисленные выражения, в которых 'зеленый' имеет явно положительный оттенок: *žalia diena* 'зеленый день' = 'хорошо (жить)'; *žalioji gatvė* 'зеленая улица' = 'открытый путь'; *žalia ranka* 'зеленая рука' = 1) 'неопытный', 2) 'о судьбе', 3) 'добрые пожелания'; *žalio dvaro ponaitis* 'господин зеленого двора' = 'о гордом человеке, любящем наряжаться'. Вероятно, амбивалентность оценки связана еще и с семанти-

кой пограничности, которой обладает зеленый цвет, что возможно, нашло отражение в выражениях со значением «ни то, ни се», ср.: *nei virtas, nei žalias* ‘ни вареный, ни зеленый’ = ‘не вполне нормальный’, *žalias raudonas* ‘зеленый красный’ = ‘о людях разнообразных взглядов’.

(3) Зеленый — один из самых популярных эпитетов в фольклоре. В народной поэзии этот эпитет прежде всего употребляется применительно к природе, обозначая не только ее цвет, но и идею жизни, здоровья, плодородия. Однако, как отмечает Саука, он не настолько отделился от образа растения, чтобы стать отвлеченным символом молодости, силы и чистоты, как в античной и средневековой поэзии (Саука 1970, 189). Такое конкретное восприятие зеленого цвета, тем не менее, отразилось в народных обрядах, связанных с плодородием и защитой. Растительный орнамент, изображавшийся на кроватях и сундуках, определял и появление эпитета ‘зеленый’, применяемого к ним: *Atsigulsiu prie bernučio į žalią lovęle* ‘Лягу к пареньку в зеленую кровать’. Однако во многих случаях, как подчеркивают исследователи, зеленая кровать обозначала свадебное ложе, и сама символика зеленого цвета была связана со свадебной обрядностью: амбар, в котором часто ставили кровать для молодоженов, украшался зелеными венками; многие атрибуты невесты и свадебного обряда имели также эпитет ‘зеленый’ (как, например, ‘зеленая сеть’, которую стелили на кровать молодоженов), комната, в которой проходил свадебный обряд, также называлась ‘зеленой’. Идея плодovitости, зарождающейся новой жизни находила продолжение и в определениях детской колыбели, которая также имела эпитет ‘зеленая’: *Kūdikėlis šinkarėlės [šį žalųjį lopšėlį... ‘Младенец шинкарки в эту зеленую колыбельку...’* Примечательно, что в этом значении зеленый противопоставляется белому как знаку смерти: *Gyte n’išgysiu, tavo nebūsiu, / Darydūk man grabelį / Baltos liepos lenteliu! / Geriau sakykie, mergyte mano, / Geriau sakykie, jaunuoji mano, / Darydūk man vygele / Žalios liepos lenteliu!* ‘Выздороветь не выздоровлю, твоим не буду, / сделай мне гробик / из досок белой липы! / Лучше скажи, девочка моя, / лучше скажи, молодая моя, / сделай мне колыбель / из досок зеленой липы!’.

Зеленый цвет сопровождал человека и далее по мере роста: особенно отмечался период взросления девушки от полового созревания до замужества, когда на голове девушка носила венок из руты, а косы украшались зелеными ветками или бантами, возможно, поэтому косы имели эпитет ‘зеленые’: *Ir atsagstė žaliąsias kaseles, Ir nukėlė rutų vainikėlį* ‘И расплела зеленые косы, и сняла рутовый веночек’. Несомненно, зеленый цвет участвовал и в календарных обрядах, связанных с плодородием, урожаем (например, в честь появления первой зелени весной играли в игру ‘зеленый-живой’, смысл которой заключался в том, что нужно было носить при себе зеленые ветки; во время Масленицы одевались в зеленые одежды). Постоянный эпитет вина — ‘зеленое’, обсуждаемый многими исследователями (чаще всего он считается заимствованным у славян), также соотносится с растительной символикой и идеей возрождения жизни (в частности, подчеркивается, что песни с подобным рефреном исполнялись в Рождество).

Несомненно важно и магическое значение, связанное с символикой зеленого цвета и определяемое его срединным положением в цветовом спектре, которое проявлялось в маркировании границы между профанным и сакральным, «этим» и «тем», «своим» и «чужим» миром: в обрядах, связанных с переходом, преодолением этих границ, ворота, двери, порог, окна, маркирующие границу, украшались зеленью или растительным орнаментом (или красились в зеленый цвет) и имели эпитет 'зеленый': *O kai prijaujai uošvelės dvarelį, žalio vario vartelius...* 'А как приехал к двору тещи, к зеленым медным воротам...'; *Įsmargink langelius su žolynėliais, parvešiu mergele su retynėliais* 'Укрась окна зеленью, приведу девушку с покрывалом'. Такое же значение имели и символические посредники в обрядах перехода — зеленый мост, зеленый корабль, зеленый шелк, по которому можно было переправиться в мир мертвых (*Kavaliauskienė* 2002).

Зеленый является одним из самых популярных цветов, используемых в литовском народном костюме. Наиболее часто он встречается в сочетании с красным. Особенно часто использовались ткани зеленого цвета во время Пасхи, в первое воскресенье после Троицы, во время обрядов, связанных с урожаем (наряду с красным), а также в похоронных обрядах.

(4) По оценкам современных литовцев, зеленый цвет имеет двойное значение: надежда и одиночество. Практически все реакции носителей литовского языка на слово «зеленый» связаны с природными объектами: «дерево», «лес», «лист», «травя», «поле», «гора», «луг», «сад», «огурец», «яблоко», «береза», «капустя», «растение», «рута», «клевер», «горох», «озеро», «берег», «уж», «ящерица», «лягушка», «кузнечик», «крокодил», «вода», «весна», «лето», «вино». Эпитет «зеленый» оценивался в целом позитивно: «красивый», «приятно», «надежда» (наряду с «незрелый», «невареный») (*Steponavičienė*).

В литовской поэзии XX в. «зеленый» имеет противоречивые коннотации: 1) грусть, дом, родина, тоска по чему-то близкому, покою; 2) связь с возрождением, жизнью; 3) связь с чем-то плохим. «Зеленый» ассоциируется одновременно с любовью, покоем и со страхом (*Juzelėnienė* 2001, 13).

ŽALŠVAS 'зеленоватый'

(1) Образовано от *žalias* с помощью суффикса *-sv-*. Впервые зафиксировано в словаре Дионизаса Пошпки (1757–1830).

(2) Основные значения:

- 'светло-зеленый': *Aliejus aguoninis gelsvas, o kanapinis žalsvas* 'Маковое масло желтоватое, а конопляное — зеленоватое'; *Ir lygi kaip stiklas jūra buvo visai ne juoda, o žalsva* 'И словно стекло, море было совсем не черное, а зеленоватое';
- 'зеленеющий светло-зеленым цветом (о растениях)': *Teip greit pavasaris prasidėjo, jau visi medžiai žalsvi* 'Так быстро весна началась, уже все деревья светло-зеленые';
- 'покрытый илом': *Purvinas, žalsvas, toki kaip dumblukai, kap kas (žydintis vanduo)* 'Грязная, зеленоватая, как водоросли, как (цветущая вода)';

Переносные значения:

- ‘не созревший, неспелый’: *Pjovém rugius da žalsvus ir pirty džiovenom* ‘Жали рожь еще зеленоватую и в бане сушили’;
- ‘не прожаренный, не проваренный’: *Duona kiek žalsva, par greit išėmiau iš pečiaus* ‘Хлеб немного зеленоватый, слишком быстро вынул из печи’ (LKŽ XX, 141–142).

Синий, голубой

MĒLYNAS ‘синий’

(1) Связано с литов. *mólis* ‘глина’, далее с литов. *tuĩvė* ‘ил’, родственно рус. *малина*, латыш. *melns* ‘черный’, др.-инд. *mála-* ‘грязь, мусор’, *maliná* ‘грязный’, греч. *μέλας* ‘черный’, *μολύνεiv* ‘пачкать, загрязнять’, галл. *melinus* ‘черный цвет’, кимр. *melyn* ‘flavus, fulvus, stoseus’, др.-в.-нем. *anamāli* ‘пятно, шрам’, *māl* ‘пятно’, гот. *meljan* ‘писать’. Также сближается с алб. *meūene, meūeze* ‘вяз, ильм, берест’, *mjere* ‘несчастный, злополучный’ (Фасмер; Graepkel).

Лексема впервые была отмечена в словаре (SD 1629).

(2) Эталонами синего цвета в литовском языке считаются небо, море, глаза, сирень, желудок гуся (курицы) (последнее часто используется в сочетаниях ‘синий как ~’).

Основные значения:

- ‘один из основных цветов спектра, средний между фиолетовым и зеленым’: *Aš parvesiu tau martelę geltonom kaselėm, mėlynom akelėm* ‘Я приведу тебе невестку с желтыми кусами, синими глазами’; *Džiaukis, žeme, jūrą mėlyną pamilus!* ‘Радуйся, земля, море синее полюбив!’;
- ‘посиневший’: *Sudaužyta ranka mėlyna* ‘Разбитая рука синяя’; *Kas labai piktas, to nosis mėlyna* ‘Кто очень злой, у того нос синий’.

Дополнительные коннотации: ‘плохой, тяжелый (о жизни)’: *Jau jo mėlynos dienos, gyvenimas baigiasi* ‘Уж у него синие дни, жизнь кончилась’; *Ir tum mėlynos dienos, visko trūksta* ‘И у нас синие дни, всего не хватает’ (LKŽ VII, 1030–1031).

Коннотация ‘плохой, тяжелый’ сближает семантику синего цвета с черным (надо отметить, что не только в переносном, но и в прямом значении эти цвета часто сближаются). Ср.: *Kad dalgis mėlinas kaip žąsies skilvis — toks dalgis prastas* ‘Коса синяя как гусиный желудок — такая плохая коса’; *mėlinėlė* ‘денатурированный спирт, плохая водка’. К значению ‘темный, черный’ отсылает и употребление эпитета ‘синий’ в отношении дыма: *Visi vyrai tiek rūko, kad kambarį mėlyna nuo dūmų* ‘Все мужчины столько курят, что в комнате сине от дыма’; *Mėlynai prirūkyta troba* ‘До синевы (букв. сине) задымленная изба’. В переносном значении ‘синий’, как и ‘черный’ (‘темный’, ‘красный’) употребляется и в смысле ‘очень много, сильно, совершенно, в крайней степени’: *Kitados, tokiais reikalais nuvažiuaves, būdavo,*

mėlynai priviešėsiu 'Иной раз, бывало, по таким делам приехав, до посинения (букв. сине) гостил' (LKŽ VII, 1030–1031).

(3) В литовской народной традиции синий цвет не популярен. В различных местах Литвы раньше считался цветом траура и иногда использовался во время похорон (наряду с черным, белым, фиолетовым). По некоторым данным, во время Вербного воскресенья Распятие украшалось синим цветом. Также синий цвет использовался во время поста (Рождественского и Великого).

(4) Ассоциации на слово «синий» относятся прежде всего к определениям воды и неба: «небо», «облако», «море», «вода», «озеро», а также к другим объектам природы и артефактам: «василек», «лес», «лен», «глаза», «синяк», «джинсы». Оценки «синего» немногочисленны: он определяется как «красивый» и «холодный» (*Steponavičienė*).

В современной литовской поэзии синий близок по значению зеленому: он также соотносится с тоской по дому, родине, спокойствием и страхом, однако к этому добавляются ещё значения вечности, бесконечности и веры (*Juzelėnienė* 2001, 15).

MEĽSVAS 'синеватый, светло-синий'

(1) Образовано от *mėlynas* с помощью суффикса *-sv-*. Впервые зафиксировано в словаре (J 1897).

(2) Основное значение: 'светло-синий': *Akutės melsvos, rankos baltos, bet širdys ju kaip ledas šaltos* 'Глазки светло-синие, руки белые, но сердца их как лед холодные'; *Aukštas ponaitis, melsva skrybėlaitė (linas)* 'Высокий господин, светло-синяя шляпка (лён)' (LKŽ VII, 1039).

ŽYDRAS 'голубой, лазурный'

(1) Согласно Э. Френкелю, связано не с латыш. *dzīdrs* 'лазурный', *dzidrs* 'светлый' (как утверждал К. Буга), а с литов. *žydėti* 'цвести', *žiedėti*, *žiedas* 'цветок'. Из дальнейших возможных соответствий указывается только гот. *keinan* 'прорасти, зародиться', др.-в.-нем. *kīmo* 'росток, зародыш'. (Fraenkel). В значении 'голубой' лексема впервые зафиксирована в сочинениях Й. Яблонскиса (1860–1930).

(2) Эталонном голубого в литовском языке считаются: небо, глаза, цветы льна.

Основные значения:

- 'светло-синий, небесный': *Beveik visų akys žydros ir, žiūrėdamos į kitą žmogų, jos šviečia kaip dangaus ar jūros prisiminimai* 'Почти у всех глаза голубые и, когда они смотрят на другого человека, они светятся как воспоминания о небе или море'; *Oi užkris, užkris už vainikelio žydras linų žiedelis* 'Ой, выпадет, выпадет из веночка голубой цветочек льна';
- 'фиолетовый' — это значение зафиксировано только в польско-литовском словаре Дионизаса Пошки (ок. 1757–1830);
- 'темно-синий' — в таком значении эта лексема выступает в произведениях Симонаса Даукантаса (1793–1864) (D-S 1846) (LKŽ XX, 508).

Коричневый, бурый

RŪDAS 'коричневый, рыжий'

(1) *rūdas* 'коричневый, бурый, карий, рыжий' имеет то же происхождение, что и *raudonas* 'красный' (см. выше), ср. рус. *руда*. В значении 'рыжеволосый' лексема была впервые зафиксирована в Библии 1590 г. (BB); в значении 'коричневый' — в словаре (SP 1629). В переносном значении 'бедный' лексема была отмечена в словаре (M 1894).

(2) Эталонами коричневого (рыжего) цвета могут считаться пиво, табак, тараканы, муравьи, белка, собака, сермяга.

Основные значения. Примечательно, что в литовском языке не различаются цвета 'рыжий' и 'коричневый' — оба эти оттенка обозначаются одной лексемой:

- 'темно-желтый': *rudi linai* 'коричневый (рыжий) лен'; *Pasdaro vanduo rudas nuo alksnio* 'Стала вода коричневой (рыжей) от ольхи'; *Rydenį ir žuo rudas* 'Осенью и собака коричневая (рыжая)';
- 'небогатый, «сермяжник»': *Joniškėčiai žmonės rudi, bet geri* 'Йонишкенцы люди коричневые, но добрые' (LKŽ XI, 862).

Негативные коннотации эпитета 'коричневый' выражаются в таких народных изречениях: *Kas rudas, tai brudas* 'Что коричневое, то грязь'; *Jei akys rudos ir plaukai rudi — žmogus piktas* 'Если глаза коричневые (карие) и волосы коричневые (рыжие) — человек злой'; *Jo blogos akys — rudo žmogaus saugokis* 'У него плохие глаза — опасайся коричневого (рыжего) человека' (LKŽ XI, 862). Природный коричневый (рыжий) цвет ассоциируется с осенью: литов. *rudiū* 'осень' — того же корня, что и *rūdas*. Значение 'коричневый' — 'небогатый', вероятно, связано с цветом одежды (в частности, с коричневым кафтаном, который носили небогатые люди).

ŽĀLAS 'бурый'

(1) Этимологически связано с *žalias* 'зеленый' (см. выше). Впервые зафиксировано в словаре (KB 1843).

(2) Основное значение: 'темно-рыжего цвета (о скоте)': *Žalas jautis, o arklys raudas* 'Бурый бык, а конь — рыжий'; *Pavažiuk jau už Raseinių — ir margos (karvės), jau nelabai pamatysi žalos* 'Поезжай уж за Расейняй — и пестрые (коровы), уже не очень увидишь бурых' (LKŽ XX, 97).

Серый

PILKAS 'серый'

(1) Родственно рус. *пелёсый*, др.-рус. *пелесь* 'pullus', *плесень*, словен. *peles* 'сорт винограда', др.-инд. *pālītās* 'серый', ж. *pālīkī*, греч. *πελιός* 'посиневший (от кровоподтеков)', *πελιτνός* 'бледно-синий', *πολιός* 'серый', лат. *palleo* 'я бледен', *palumbēs* 'порода голубей', *pallidus* 'бледный', *pullus* 'темно-серый', алб. *plak* 'старец' (Фасмер). Сюда же относятся литов. *pelėjai* 'плесень', *pelėti* 'плесневеть', *pelė* 'мышь', *pelkė* 'болото', *pelėkas*

‘мышинного цвета’, *pelėšiai* ‘плесень’, *pálšas* ‘блеклый’, *plūkti* ‘течь, струиться, плыть; обливаться водой, потом, слезами, кровью’. *Pilkas* ‘серый’ и *pėlkė* ‘болото’ связаны так же, как *báltas* ‘белый’ и *balà* ‘лужа’ (Fraenkel).

В значении ‘серый’ лексема впервые была отмечена в словаре (SD 1620), в значении ‘палевый’ — в словаре (J 1897), в переносном значении ‘одинаковый, незначительный’ — в словаре (NdŽ 1932–1968).

(2) Эталоном серого цвета в литовском языке можно назвать мышь, волка, ежа, землю, пепел, кукушку.

Основные значения:

- ‘цвета пепла, свинца’: *Naktį visos katės pilkos* ‘Ночью все кошки серы’; *Kai mėlynas — juokiasi, kai pilkas — verkia (dangus)* ‘Когда синее — смеется, когда серое — плачет (небо)’;
- ‘палевый’: *pilkas arklys* ‘палевая лошадь’.

Переносное значение: ‘одинаковый, незначительный’: *Mano dienos pilkos, be galo pilkos ir negyvos, visos vienodos* ‘Мои дни серые, бесконечно серые и неживые, все одинаковые’; *pilkas gyvenimas* ‘серая жизнь’ (LKŽ IX, 988).

В значении ‘одинаковый, ничем не выделяющийся’ ‘серый’ может приближаться к ‘черному’ и ‘коричневому’, ср., например, в значении ‘такой же’: *Pilkas gimiau, pilkas ir mirsiu (koks gimiau, toks ir mirsiu)* ‘Серым родился, серым и умру (каким родился, таким и умру)’, ср. в таком же значении ‘черный’; в значении ‘небогатый’: *pilkasermiegis — sodietis, kaimietis (kuris dėvi paprastą, dažniausiai pilką sėrmėgą)* ‘серосермяжный — крестьянин (который носит обычный, чаще всего серый кафтан)’; *pilkpiliētis — nekilnojo luomo piliētis* ‘серый гражданин — гражданин небогатого сословия’ (LKŽ IX, 988).

(4) В литовской современной поэзии серый цвет связан с грустью, тоской, скукой, будничностью, вызывает негативные эмоции (*Juzelėnienė* 2001, 16).

Пестрый

MÁRGAS ‘пестрый’

(1) Связано с литов. *mīrgėti, mīrgsėti* ‘моргать, мигать’, *mārgiuoti* ‘переливаться’, латыш. *mīrgi* ‘видения, грезы’, *mīrgu, mīrdzēt* ‘отливать, мерцать, сверкать’, рус. *моргать, меркнуть, мерцать*, польск. *mrużać* ‘моргать, мигать’, др.-исл. *myrkr* ‘темный’, *mjörkvi* ‘густой туман’, гот. *maurgins* ‘утро’, др.-верх.-нем., др.-сакс. *morgan* ‘утро’, возм. также др.-инд. вед. *markás* ‘затмение солнца’ (Фасмер). По мнению Френкеля, связано или с латыш. *mūrgs* ‘фантазия’, мн. ч. *mūrgi* ‘привидения’, *mūrgiuoti* ‘фантазировать’, сюда же относится гот. *maūrgins* ‘утро’; или с литов. *mėrkti* ‘закрывать глаза’ и со ст.-слав. *трькнѣти, тракъ*, сюда же относится др.-исл. *myrkvi, myrkr* ‘темнота, мрак’. Также возможна связь с др.-инд. *mrgá-* ‘лесной зверь, газель’ или ‘птица’, авест. *marəja-* ‘птица’ (Fraenkel).

В основном значении эта лексема впервые зафиксирована в Библии 1590 г. (ВВ); в значении ‘различный, смешанный’ — в литовско-немецком словаре 1800 г. (МŽ). Позднее фиксируются переносные значения ‘красивый, прекрасный’ (в сборнике песен JV 1883) и ‘плохой, никакой’ (ТР 1880–1882).

(2) Эталоном пестрого в литовском языке могут служить сундук, змея, дятел.

Основное значение: ‘с пятнами, полосками, орнаментом не одного цвета, рябой, полосатый’: *Jauna buvau pas močiutę, margų juostų aš neaudžiau* ‘Молодая была я у матушки, пестрых поясов не ткала’; *Ko liūdi, jaunoji, ko rytai? Ar ne tavo jaunos dieneles, ar ne tavo margosios skrynelės?* ‘Что грустишь, молодая, что рукой подперлась? Не твои ли молодые денки, не твои ли пестрые сундучки?’.

Переносные значения:

- ‘разнообразный, смешанный, неодинаковый’: *marga žiūrovų minia* ‘пестрая толпа зрителей’; *Taip ir slinko margos dienos* ‘Так и ползли пестрые дни’; *Pasaulis margas kaip genys, jame visokių pilna* ‘Мир пестрый как дятел, в нем всего полно’;
- ‘красивый, прекрасный’: *Margas dvaras, deimanto langeliai* ‘Пестрый дворец, алмазные окошки’; *Margi dvarai, šalti barščiai (viršuj puiku, apačioj prasta)* ‘Пестрый дворец, холодный борщ (снаружи (букв. наверху) красиво, внутри (букв. внизу) плохо)’;
- ‘плохой, никакой’: *Dešimt metų vaikas niekas, dar protas margas* ‘В десять лет ребенок никто, еще ум пестрый’; *Su jo išgijimu visai margai išsirodę (neaišku, abejotina, netikra)* ‘С его выздоровлением совсем пестро оказалось (неясно, сомнительно)’;
- ‘с неровной поверхностью, шершавый’: *Aš noriu margų blynų (tam tikroje su įdubimais keptuvėje keptu)* ‘Я хочу пестрых блинов (которые пекут на специальной сковородке с углублениями)’;
- ‘исписанный’: *Rašo, kad tik popierius būtų margas* ‘Пишет, чтоб только бумага была пестрая’.

По-видимому, основной компонент значения ‘пестрого’ — ‘неровный, негладкий, изменчивый’ определил и появление различных оценочных коннотаций. Если считать одинаковость негативным явлением, то ‘пестрый’ в противоположность ей будет иметь положительное значение (ср. красивый = разнообразный мир, красочный = не одноцветный наряд). В случае же, если ровность, ясность имеет положительное значение, ‘пестрый’ оказывается негативным: ср. неразвитый (= неустойчивый) разум, неровная (= беспокойная) жизнь, неизвестная (= переменчивая) ситуация. Подобная переменчивая оценочная коннотация отражается и в таком производном, как *margstyti* ‘сомневаться, раздумывать’. ‘Пестрый’ в поговорках и поверьях имеет значение ‘редкий, невиданный’ и поэтому выделяющийся: *Nusišauksi kaip margas arklys (margas arklys labai retas; visi, ji*

pamatę, klausinėja, kieno jis) 'Заслужишь плохую репутацию как пестрый конь (пестрый конь встречается очень редко, все, кто его видит, спрашивают, чей он)'.

В поверьях признак пестроты также может быть как положительным знаком, так и отрицательным, ср.: *Ant margo arklio toli nenujosi* 'На пестром коне далеко не уедешь'; *Padaryk iš margo beržo ratus, tai nigdi nesulaužysi* 'Сделай из пестрой березы повозку, так никогда не поломаешь'. 'Пестрый' может обладать противоречивыми значениями также и в отношении обозначаемого количества, ср.: *Dirba kaip margas jautis (labai sunkiai)* 'Работает как пестрый бык (очень тяжело)'; *margas niekutis = niekas* 'пестрая мелочь' = 'пустяк', ср. *Eikit, duosiu jums didelį margą niekutį (nieko neduosiu)* 'Идите, дам вам большую пеструю мелочь (ничего не дам)' (LKŽ VII, 850–851).

(3) 'Пестрый' является одним из самых популярных (если не самым популярным) эпитетом в литовском фольклоре. Чаще всего он обозначает не рябые (черно-белые) объекты, а разноцветные, яркие, в этом смысле он мог бы быть сопоставлен с русскими эпитетами 'ясный, свержающий'. 'Пестрый' — постоянный эпитет женской одежды, которая обгчно была соткана из разноцветных ярких тканей, красивое платье так и называлась *marginė*. Такой наряд считался не только красивым, но и богатым, дорогим. В пестрое старались одеваться во время праздников (в частности, в ночь на Ивана Купала). Пестрыми были и многие атрибуты человека: расписные сундуки, другая мебель, инструменты для работы — в этом смысле 'пестрый' приобретал значение 'резной, с орнаментом'. О том, что 'расписной' является синонимом 'пестрого' свидетельствует и название пасхальных яицек, «писанок» — литов. *margučiai*; *mārginti* 'расписывать' (букв. 'пестрить'). Д. Саука определяет общее значение этого эпитета в фольклоре как 'лучший, прекрасный, желанный': *Ir prijolau kiemužėlį, Mergos margą dvaružėlį, Mergos margą dvaružį* 'И приехал я ко двору, пестрому двору девицы' (Саука 1970, 189). Примечательно, что эпитет 'пестрый' чаще определяет женщин — не только красочную женскую одежду, но и другие атрибуты (ср. в приведенном примере игру слов *margà* 'пестрая' — *mergà* 'девица').

Исследованию литов. *mārgas* посвящена работа Л. Г. Невской (1984), по мнению которой основой семантики этого эпитета является противопоставление по количеству света: 'изобилие света, блеск, сияние' / 'слепой'. На этой оппозиции строятся и главные значения эпитета в народной культуре. Если к первому значению можно отнести выше описанные коннотации ('красивый, прекрасный'), то ко второму, по всей видимости, относятся многочисленные случаи соотнесения этого эпитета с представителями «нижнего» мира, хтоническими персонажами, связанными с противником Промовержца: в литовском фольклоре этим эпитетом наделяются конь, корова, овца, свинья, кот, собака, птица, змея, рыба. В применении к трем последним эпитет 'пестрый' является постоянным: *margaspañnis*, *margaguñklis* 'зяблик', *margulė* 'маленькая ядовитая змея', *marguolė* 'гадюка'. Таким образом,

этимологическая связь литов. *margas* 'пестрый' с 'моргать, мигать', то есть с «дискретным распределением света и тьмы» (Невская 1984) подтверждается фольклорными данными и ставит этот эпитет в ряд медиаторов между «этим» и «потусторонним» миром, между жизнью и смертью, светом и тьмой. Ср. данные о том, что мигание, моргание является признаком ведьмы: *Kad koki boba, supykus ir į vidų įbėgus, im bartis, akis į visus meta mirkčiodama ir jos apatinė lūpa dreb, tai ta jau ragana* 'Если какая-то баба в злости вбежит в дом и станет ругаться и будет бросать на всех взгляд моргая, и нижняя губа у нее будет дрожать, то это ведьма' (цит. по: Разаускас 2002, 326–327). Таким образом, моргание, т. е. прерывистость света и тьмы рассматривается как признак нечистой силы, см. о соотношении видимости, видений, сна и реальности в связи с прерывистостью зрения и нашим восприятием мира в свете литовских фольклорных данных в: Разаускас 2002).

Литература

- Каряунас С. К этимологии литов. *jūodas* 'черный' // Этимология 1975. М., 1977.
- Невская Л. Г. Литов. *margas* (семантические связи постоянного эпитета) // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984.
- Разаускас Д. Мать Майя. Размышления по поводу двух литовских омонимов: *mōja* 'мать' *moja* 'мах' // Балто-славянские исследования XV. М., 2002.
- Juzelėnienė S. Būdvardžių semantika ir stilistika «XX amžiaus lietuvių poezijoje»: spalvų reikšmės būdvardžių konotacijos. Kaunas, 2001.
- Kavaliauskienė A. Žalios spalvos simbolika lietuvių liaudies pasilėžiūroje // Liaudies kultūra. 2002. № 3.
- Pedersen H. Une étymologie Balto-Celtique // Studi Baltici. III. 1933.
- Petersson H. Studien über die indogermanische Heteroklisie. Lund, 1921.
- Sauka D. Tautosakos savitumas ir vertė. Vilnius, 1970.

Источники и сокращения

- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. СПб., 1996.
- В — Lexicon Germano-Lithvanicvm et Litvanico-Germanicvm, darinnen... von Iacobo Brodowskij, Praeentore Trempensi (рукопись 1713–1744 гг.).
- ВВ — Biblia tatai esti Wissas Schwentas Raschtas Lietuwischkai pergulditas per Jana Bretkuna Lietuwos Plebona Karaliaucziuię (рукопись 1590 г.).
- D — S. Daukanto. Dajnes Žiamajtiū... Petropilie, 1846.
- DP — Postilla Catholica. Tai est: Iżguldimas Ewangeliiu kiekwienos Nedelos ir szwętes per wissus metus. Per Kunigą Mikaloiv Davkszą Kanoniką Mednikū, iż łekiszko perguldita. Su wala ir dataidimu wireusiuų. Wilniui, Drukarnioi Akademios Societatis Iesv, A. D. 1599.
- DŽ — Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1954.

- Fraenkel** — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg-Göttingen, 1955.
- G** — *Litauische studien.* Auswahl aus den ältesten denkmälern, dialectische beispiele, lexikalische und sprachwissenschaftliche beiträge von Dr. Leopold Geitler. Prag, 1875.
- J** — *Литовский словарь А. Юшкевича съ толкованіемъ словъ на русскомъ и польскомъ языкахъ.* Томъ 1. Вып. 1. СПб., 1897; Вып. 2. СПб., 1904; Вып. 3 (тома 2-го. Вып. 1). Пг., 1922.
- JV** — *Lietuviškos svotbinės dajnos, užrašytos par Antaną Juškevičę ir išsprendintos par Joną Juškevičę.* Petropylė, 1883.
- KB** — *Beiträge zur Kunde der littauischen Sprache, von Friedrich Kurschat...* Erstes Heft. Deutsch-littauische Phraseologie der Präpositionen. Königsberg, 1843.
- L** — *Lietuviškos ir angliškos kalbų žodynas.* Sutaisė Antanas Lalis. Chicago, 1915.
- LKŽ** — *Lietuvių kalbos žodynas.* Vilnius, 1941–2002.
- M** — *Miežinis M.* Lietuviszkai-latviškai-lenkiszka-rusiszkas žodynas. Tilžėje, 1894.
- MP** — *Postilla Lietuwiszka Tatai est Iżguldimas prastas Ewangeliu ant kožnos Nedelios ir Szwentes per wisus metus, kurios pagal buda sena Bažnicžioy Dieva est skaitomos. Nu isz nauia su didžiu perweizdeghimu est izduota...* Wilnivy per Jokubą Morkuną... *Metuose Diewa 1600.*
- MŽ** — *Littauisch-deutsches und Deutsch-littauisches Wörter-Buch...* Königsberg, 1800.
- N** — *Wörterbuch der Littauischen Sprache von G. H. F. Nesselmann.* Königsberg, 1851.
- NdŽ** — *Lietuvių rašomosios kalbos žodynas. Lietuviškai-vokiška dalis. I–V tm.* Sudarė M. Niedermann'as, A. Senn'as, F. Brender'is ir A. Salys. Heidelberg, 1932–1968.
- PK** — *Polski z Litewskim Katechism Albo Krotkie w iedno mieysce zebranie, wiary y powin-ności Krześćciańskiey...* Nakładem Jego Mści ana Malchera Pietkiewicza, Pisarza ziemskiego Wileńskiego. W Wilnie, Drukował Stanislaw Wierzeyski, Roku 1598.
- R** — *Littauisch-Deutsches und Deutsch-Littauisches Lexicon...* von Philipp Ruhig. Königsberg, 1747.
- SD** — *Dictionarium trium lingvarum, In usum Studiosae Juventus, Avtore...* Constantino Szyrwid... Qvinta editio... Vilnae... M. DCC. XIII.
- SP** — *Šyrwids Punktay sakimu (Punkty kazań).* Teil I: 1629. Teil II: 1644.
- Steponavičienė** — *Steponavičienė S.* Lietuvių kalbos žodinių asociacijų žodynas. Vilnius, 1986.
- StnD** — *Daynas žemaycziu surynktas yr ysždutas par Symona Stanewicze Mokslynyka Lyteraturas yr Gražiuju Prytirymu.* Wyniuje Spaustuwiej B. Neumana *Metuose 1829.*
- TP** — *Tiesos Prietelius.* Verlag und Druck von G. Trauszies in Prökuls. 1880–1882.

Система цветообозначений в гойдельских языках

Современные гойдельские языки (ирландский, шотландский и мэнский) восходят к разговорным вариантам живых диалектов древнеирландского языка, с одной стороны, и литературному древнеирландскому языку, во многом находящемуся под влиянием книжной средневековой латыни, с другой. В свою очередь, система цветообозначений в данных языках оказывается продолжением протокельтской системы, характеризующейся достаточно уникальной для европейских языков ориентацией на тона — черный (темный), белый (светлый) и красный при почти полном отсутствии дифференциации между «синим» и «зеленым». Первые три тона представлены несколькими синонимами, тогда как вторая группа обозначается одним словом *glass*, обладающим очень широким семантическим полем. Конечно, более детальный анализ конкретных случаев употребления цветообозначений показывает, что данная картина является гораздо более сложной.

Другим признаком, отличающим систему цветообозначений в гойдельских языках, можно назвать ее относительную «бедность» в том, что касается собственно основ-цветообозначений. Действительно, на современном этапе гойдельские языки избегают как заимствований (несмотря на постоянный контакт с английским языком), так и реализации моделей, продуктивных во многих современных развитых языках — метафорическому образованию нового цветообозначения по модели «такой, как...» (рус. *сливовый, вишневый, небесный, огневой, морковный* и проч.). Для раннего периода, в то же время, с достаточной степенью надежности реконструируется несколько прототипических референтов (кровь, молоко, вода и др.), однако практически все, образованные от них ц. о. являются обычно малоупотребительными.

В то же время для современных гойдельских языков, как и для древнеирландского, необычайно продуктивной оказывается модель сложения основ, при которой образуется новое цветообозначение (типа *сине-розовый, кроваво-желтый, бело-красно-синий* и проч.).

Число заимствований в гойдельских языках в данной лексико-семантической группе относительно невелико (часто они носят характер окказионализмов и могут употребляться лишь в смешанной речи англо-ирландских и англо-шотландских билингвов: *guibineach* < *tuby, oraiste* < *orange* и т. д.).

При анализе материала мы опирались на образцы художественных текстов (древних и современных), а также на данные словарей (см. библиографию)¹.

¹ Особо отметим Словарь ирландского языка (DIL) — продолжающееся многотомное издание, подготовленное Ирландской академией наук, и Словарь отца Диннина (*Dinneen* 1927 — включает диалектные данные).

‘белый, светлый, яркий, блестящий’

В современном ирландском функции основного ц. о. для белого цвета исполняет прил. *bán* (в шотл. — ограничено в употреблении значениями ‘бледный, вялый; светловолосый; пустой’, ср. также мэнск. *Bane* ‘то же’, в бриттских яз. параллелей не имеет). В ирл. яз. *bán* имеет универсальное употребление и может обозначать как природные объекты (морскую пену, оперение лебедя, облака и проч.), так и объекты, изготовленные человеком. Примерно то же употребление *bán* имело и в древнеирландском. Вторичное значение — ‘чистый, ясный’, но также ‘таинственный, неясный, связанный с иным миром’ (откуда обозначение демонов, появляющихся на поле битвы — *bánánach, bánánán*, букв. ‘бледный, белый’). Ср. также *talamh bán* ‘необработанная земля’ (букв. ‘белая’) и рус. *белая земля* противополож. *тяжелая земля* (Фасмер, I, 149).

Bán может выступать в качестве модификатора оттенка — *bándearg* ‘розовый’ (бело-красный), *bánghorm* ‘бледно-голубой’, *bánghlas* ‘бледно-зеленый’. От этой основы образовано сущ. *bánóg* ‘поле, пустошь’ (ср. предположительно аналогичное семантическое развитие в рус. *полювый* и *поле* — Фасмер, III, 308, 313). Др.-ирл. *bán* возводится к и.-е. основе **bhā-*, **bhē-* с общим значением ‘сиять, сверкать’ (ср. санскр. *bhānam* ‘яркий блеск’, др.-англ. *bónian* ‘освещать, светить’, греч. βῆος ‘свет’ и др. рефлекс-ы в основном с аналогичной семантикой (LEIA-B, 13; IEW, 104–5)).

В современных гойдельских языках значение ‘белый, светлый’ также имеет продолжение др.-ирл. *find* — ср. совр. ирл. *fionn* ‘белый, светлый, бледный; красивый, милый, ясный; чистый, искренний; благой’ при шотл. *finn* ‘белый, светлый; спокойный’ и *fionn* ‘бледный, вялый, болезненный; холодный’. Уже в среднеирландский период *finn* (< *find*) обретает множество положительных коннотаций и используется как для описания внешней красоты (‘светлый’), так и для чистоты духовной (‘чистый, ясный’). Ср. однако *fiopp* (ирл., шотл.) ‘катаракта’ (аналогичн. рус. *бельмо*). В совр. гойд. языках *fionn* используется в первую очередь для описания природных объектов светлого, белого тона — масти коней и коров, цвета кур, овец, волос человека, обозначения морской пены, светлой кожи и пр.

В качестве ц. о. в узком смысле *fionn* практически не выступает, но входит в качестве модификатора в состав сложных композитов — *fionn-bhuide* ‘светло-желтый, соломенный’ (о волосах), *fionn-glas* ‘бледно-зеленый’ (обычно — при описании шторма, возможно — ‘сине-зеленое море, и ‘светлая’, ‘пена’), *fionna-ruadh* ‘красновато-оранжевый, песочный’. Др.-ирл. *find* (валл. *gwynn* ‘белый, светлый’, брет. *gwenn* ‘то же’, галл. *uindos* ‘светлый’ (Billy 1993, 158), *Vind-* как элемент двучленного имени (Evans 1967, 387)) восходит к прото-кельт. **uid-no-*, рефлексу с назальным глагольным инфиксом и.-е. **uei-d-* ‘видеть, знать’ (ср. аналогичное развитие в ирл. *ro-finnadar* ‘знает’ и др.-инд. *vindāti* ‘находит, открывает’).

В совр. шотл. в качестве основного ц. о. для белого цвета выступает *geal* (MacLennan 1925, 608), которое в совр. ирл. имеет скорее значение ‘яркий, светлый, блестящий, сверкающий’. Ср., однако, ирл. *gealán, gealachán*

‘белок в яйце; белок глаза’ и шотл. *gealagan* ‘то же’, но также в обоих языках — *gealach* ‘луна’, ‘бело-блестящая’). В житийной литературе установилось влище *grian gel* (букв. ‘ясное, светлое солнце’), употребляемое в значении ‘святой, озаряющий окружающий мир своим внутренним светом’.

Др.-ирл. *gel* имеет широкий спектр значений, от «ярко-белого» до просто «блестящего, светлого» и может характеризовать снег, оперение птиц, чистую воду, блестящее оружие, изделия из золота и серебра, а также кожу человека (ср., однако, рус. *белоснежный* в аналогичном употреблении; ср. также пример из традиционного описания внешности в саговой литературе — *a dá ngríad ngormgela* — букв. ‘две его щеки сине-белые?’, либо — ‘красно-сверкающие’ (DIL-G, 58). Предположительно можно реконструировать у слова *gel* значение — ‘чистый, незапятнанный’ (ср. в саге «Болезнь Кухулина» афористическую сентенцию его жены Эмер: *is álaind cech nderg, is gel cach núa, is cain cach ard* ‘прекрасно все красное, чисто все новое, желанно все высокое (труднодоступное)’).

Gel восходит к и.-е. основе **ǵhel-* ‘сиять, сверкать, блестеть’, откуда в нулевой ступени в гойд. также обозначения сине-зеленого тона (см.) и к чему восходят обозначения желто-бурого тона в британских языках — ср. валл. *gell* ‘желтый, рыжий’, брет. *gell* ‘бурый, рыжий’ (предположительное родство с прус. *gaylis* ‘сверкающий, светлый, белый’ отвергается (Топоров 1979, 132). От этой же основы в нулевой ступени ***ǵhl*□- образовано др.-ирл. *glé* ‘ясный, светлый’, в гойдельских языках не являющееся цветообозначением (глоссируется как *liquidus*, ср. также др.-валл. *gloiu*, ср. валл. *gloyw* ‘чистая, блестящая вода’ (Falileyev 2000, 62), ср. также др.-ирл. *glan* ‘чистый’), ср. однако реконструированное галл. **gliso-* ‘белый, блестящий’ в сочет. *glisomarga* ‘белая глина’ (Плиний, XVII, 46), откуда фр. *glaise* ‘глина’ (противоположное мнение см. в (Топоров 1979, 263, там же см. о предположительно кельтском происхождении лат. *glaesum* ‘янтарь’).

Значение ‘блестящий’ имеет также совр. ирл. *lainn* (при *loinnir* ‘блеск, сияние, сверкание’), восходящее к др.-ирл. *lainer* ‘сияние’, откуда прил. *lainerda* ‘сияющий’). Ср. также шотл. *lainnir* ‘блеск; гладкость, полированность’, что в целом Макленнан возводит к общекельтскому *(p)lāndi-s (?) (MacLennan 1925, 203), возм. родственно лат. *planus* ‘гладкий’. Собственно цветового значения не развивает. Ср. также др.-ирл. *socha* ‘блестящий, ослепительный’, предположительно — к и.-е. **so-/su-* ‘хороший’ и *richis* ‘костер, огонь, пламя’ (LEIA-R,S, S-174).

‘черный, темный’

Основным ц. о. для обозначения черного цвета в современных гойдельских языках является *dub*, характеризующее практически все объекты черного цвета и развившее несколько переносных значений (‘дурной, низкий; мрачный’), а также часто выступающее как основа вторичного существительного и как модификатор. При сложных ц. о. и при образовании сложных слов типа *dubh-bhròn* ‘темная тоска’, *dubh-fhocal* ‘загадка’ (букв. ‘темное слово’), *dubh-luighe* ‘несчастье’ и проч., возможно, произошла

контаминация с префиксом **du-* ‘дурной, плохой’, до сих пор продуктивным в гойдельских языках. Может также выступать в качестве модификатора при сложных ц. о. — ср. *dubh-ghorm* ‘темно-синий’, *dubh-glas* ‘темно-зеленый’ (в шотл. ‘темно-серый’), *dubh-bhuidhe* ‘смуглый, коричневый’, *dubh-ruadh* ‘коричневый, бурый’ и проч. Ср. также *Dubh-Gall* — название викингов, уроженцев Ютландии (букв. ‘темные чужаки’). В др.-ирл. *dub* имело дополнительное значение ‘сильный, большой, резкий’, чем объясняется обилие двучленных имен с данным элементом — Дуглас, Дубаэд, Дубкормак и пр.

Традиционно *dub* возводится к и.-е. основе **dhubhu-* < **dheu-* с общим значением «недоступность сенсорной перцепции» (ср. греч. τυφός ‘слепой’, гот. *daufs* ‘глухой’ — IEW, 264–7; LEIA-D, 211).

Значение собственно «темный» имеет прил. *dorcha* (практически не употребляющееся в качестве ц. о. в гойдельских языках), развившее ряд переносных значений типа «мрачный», «загадочный», «злой» и проч. (возм., при поддержке *droch* ‘плохой’). Этимология *dorcha* не совсем ясна — предпол. к и.-е. **du-drk-i-* букв. ‘дурное зрение’. С другой стороны, ср. и.-е. **erk-* ‘сиять’ (LEIA-D, 174).

Значение ‘черный, темный’ фиксируется также у др.-ирл. *loch*, предположительно от *luch* ‘мышь’ (DIL-L, 178). В совр. гойд. яз. — воспринимается как архаизм.

Предположительно, значением ‘темный, темно-серый’ обладает др.-ирл. основа *tem-*, откуда прил. *te(i)men*, *teimel* (развивает переносное значение «смерть»). Ср. совр. ирл. *teimheal báis* ‘смертная тьма’; ср. брет. *teffal*, корнск. *tiwulgou*, др.-валл. *timuil* ‘темный’. Восходит к и.-е. **tem-* ‘темный, неясный, мрачный’ (ср. рус. *темный*). Ср. также малоупотреб. др.-ирл. *deim* ‘темный’, предположительно родственное др.-англ. *dim*, др.-исл. *dimmr* ‘темный’.

Значение «темный, черный» в др.-ирл. имело также прил. *ciar*, которое со временем получило значение ‘темно-коричневый, смуглый’ (в шотл.). Ср. *ciaróg* ‘жук’, *ciarach* ‘вакса’. Германские (др.-исл. *hárr* ‘серый; почтенный’, нем. *Herr* ‘господин’) и славянские данные (ср. рус. *серый*) предполагают и.-е. базу **kai-ro-* < **kai-* (IEW, 541) с вокалической альтернативой в германском (ср. иное мнение в: (Черных 1994, 2, 160)) — к **kāē-* ‘темно-серый’ (откуда рус. *сивый*).

‘красный, розовый’

Основным ц. о. для красного тона в современных гойдельских языках является *dearg* (мэнск. *jiarg*), практически никак не ограниченное в словоупотреблении и характеризующее как естественные природные объекты (кровь, губы, румянец щек, цветы, ягоды, волосы и бороду ~ ‘рыжий’), так и золото, медь, пиво определенного сорта, изделия из тканей и проч. Однако в образовании названий растений и животных прил. *dearg* участвует редко, видимо, в силу того, что основным ц. о. для красного тона оно ста-

ло относительно поздно. Ср., однако, ирл. *deargán* (шотл. *deargann*) 'красное насекомое, живущее под камнями у моря; блоха, клоп'.

В качестве переносного значения у *dearg* развилось 'сильный, выраженный максимально, настоящий' (предположительно, под влиянием парномического *dearbh* 'настоящий, истинный' (Dinnen 1927, 319), причем последнее более выражено в шотл., ср. *dearg-amadan* 'полный идиот', *dearg-námhaid* 'злейший, настоящий враг' при ирл. *dearg-lasair* 'сильное пламя', *dearg-bhuile* 'ярость' («красное безумие»). Др.-ирл. *derg*, к которому восходят современные обозначения, имело также значение 'гневный, яростный, злобный' и 'преступный', *derg-fine* букв. 'красная семья', юр. — 'род, запятнавший себя паррицидом' (видимо, по ассоциации с *крававый*; кровь, наряду с огнем, считается универсальным прототипическим референтом к понятию «красный»), ср. также *cloch derg* 'раскаленный, горячий камень'.

Др.-ирл. *derg*, впервые зафиксированное в данном значении в огамической надписи в составе двучленного имени DERCMASOC (букв. 'красно-грязный'), восходит к и.-е. основе *dher-g- 'темный, грязный' (ср. ср.-верх.-нем. *terken* 'пачкать', англ. *dark* 'темный', литов. *dargus* 'мерзкий, гнусный' — IEW, 251).

Совр. гойд. *dearg* постепенно вытеснило др.-ирл. *ruadh*, которое в настоящее время (в совр. ирл. в форме *rua*) употребляется только по отношению к природным объектам — масти лошадей, меху лисы, рыжим волосам, коре вереска и проч. (и отчасти может выступать в качестве синонима *dearg*). *Ruadh* также входит в состав многих словосочетаний, обозначающих животных, рыб, растения, болезни и проч. (*ruadh-chaille* букв. 'рыжий мел', 'охра', *ruadh-laithinneas* букв. 'рыжий жар', 'холера', *ruadh-bhreach* 'рыжая пеструшка', 'форель' и проч.). В др.-ирл. прил. *ruad* покрывало гораздо более широкое семантическое поле и находилось по отношению к *derg* в конкурентных отношениях (однако, например, почти не употреблялось для описания крашенных тканей). *Ruad* восх. к и.-е. *roudh- базовому обозначению красного тона в протониндоевропейском (IEW, 872). Вообще существует множество и.-е. параллелей — см., например, рус. *руда*, *редрый*, *русый*, *рыжий* в Словаре Фасмера.

В группу ц. о. с общим значением «красный» входит также раннее лат. заимствование *corcair*, *corcur* 'пурпур' (из *purpura*, ср. также валл. *porffor* 'то же'), в др.-ирл. период употреблявшееся в основном в форме род. пад. *corcra* в функции прилагательного и имевшее два значения — 'пурпурный' (при описании плаща короля) и 'розовый' (при описании лица и кожи). В совр. ирл. имеет скорее значение 'пурпурный, фиолетовый' (возможно, под влиянием англ. *purple* 'фиолетовый'); ср. также в композитах: *corcagorm*, *corcadhearg* ('пурпурно-синий', 'пурпурно-красный'), обозначающих оттенки лилово-красно-фиолетовой гаммы. Значение 'розовый' сохраняется в названиях растений и птиц — ср. шотл. *corcan-coille* 'лесной пурпурник', 'снегирь', ирл. *corcrán cuain* 'лесная фиалка'.

Значение 'красный' имеет также древнеирландское *flann(aich)*, букв. 'крававый', образованное от корня, обозначающего кровь и сырое мясо (*fuil*, *feoil* < и.-е. *uel- 'рвать, раздирать'). В эпических текстах *flann* (арх. *fland*)

употребляется обычно при описании битвы и отчасти сохраняет, видимо, исходное значение 'кровавый'; в более поздний период воспринимается как архаизм и поэтизм и употребляется скорее в составе композитов — *flann-dhearg* 'ярко-красный', *flann-bhui* 'оранжевый' (букв. 'кроваво-желтый'). В шотл. прил. *flannach* имеет самостоятельное значение и может использоваться как «возвышенный синоним» к нормативному *dearg*.

Редким обозначением красного тона, встречающимся только в глоссариях (*i. dearg*) является др.-ирл. *bas*, по предположению Покорного, родственное германским основам со значением — «красный цвет > ягода (красного цвета)», ср. др.-англ. *basu*, *baso* 'пурпурный', гот. *weina-basi* 'виноград', др. в. н. *beri* 'ягода', к основе **bhas-ko* < **bhā-*, **bhō-*, **bhā-* 'сиять, сверкать, блестеть' (IEW, 104-5; LEIA-B, 22).

В среднеирландский период фиксируется фр. заимствование *scarlóit* (*escarlait* < лат. *scarlatum* < иранск. *sagirlāt*, из араб., ср. также валл. *ysgarlat*, брет. *squarlac* и аналогичные рефлексy в англ. и нем. (LEIA-R, S, S-34)). Со временем слово утрачивает значение 'ярко-красный' и в форме *scaraid* начинает означать в широком смысле 'дорогую праздничную ткань', 'предмет, сделанный из дорогой ткани', 'праздничную скатерть, платье' и проч.; ср. совр. ирл. *scaraoid bhoird* 'скатерть', *scaraoid leapa* 'покрывало на кровать', но *scarlóid* 'красный, алый', англ. *scarlet* (Ó Donaill, 1977, 1044). В шотл. прил. *sgàrlaid* сохраняет лишь цветовое значение «красный, алый» (MacLennan 1925, 289).

В среднеирландский период на базе сложения исконных основ образуется новое ц. о. для обозначения красного тона — *caorac* (из *caor* + *dearg* 'кроваво-красный'), которое затем по народной этимологии обретает форму *caor-dhearg* 'рябиново-красный' (*caor* 'шарик, круглый предмет > ягода, рябина'). Обозначает нездоровый румянец на щеках, вызванный чрезмерным употреблением алкоголя, а также неразбавленный виски. Ср., однако, *caoróg* 'гвоздика' (цветок, при англ. *pink* 'гвоздика' > 'розовый, цвета гвоздики').

Для понятия «розовый» в современном ирландском и шотландском специальных лексем не фиксируется и данная «цветовая идея» передается при помощи сложения основ: *banderg* 'бело-красный', *liath-dearg* 'серо-красный'.

'желтый, оранжевый'

Основным обозначением желтого цвета в совр. гойдельских языках является продолжение др.-ирл. *buide* (ирл. *buí*, диал. *buidhe*, шотл. *buidhe*); глоссируется как *gelbus*, *flavus*. Обладает широким цветовым семантическим спектром от пламенно-алого до бледно-желтого, получило вторичное значение 'ветхий, старый' (видимо — как «пожелтевший» от времени). От данной основы в совр. ирл. образованы названия отдельных цветов желтого цвета, ср. также *buidheachán* 'яичный желток'.

Оттенки желтого тона, образованные на базе данной основы: ср. др.-ирл. *glánbuidi* 'бледно-желтый' ('чисто-желтый', описывает цвет клюва птицы), *cárrbuidi* 'желто-бурый' (букв. 'коро-желтый', редкое употр.,

описывает цвет ветвей?), ср. также совр. *dubh-bhuide* 'оливковый, бронзовый, загорелый (о лице)' (Dinneen 1927, 375).

Предположительно *buidhe* восходит к и.-е. **badio-*, **bodio-* 'желтый, коричневый' (LEIA-B, 113; IEW 92) — ср. лат. *badius* 'желтый, коричневый', а также галл. *bodio-* 'желтый' (Billy 1993, 31). Об альтернации а/о см. (Schmidt 1957, 151–2).

В др.-ирл. значение 'желтый, бледно-желтый' имело также прил. *blá*, характеризующее цвет зубов, свежей древесины и проч. Отсюда *blár* (шотл. *blar*) 'животное с белым пятном на лбу' (ср. галл. *blauus* 'голубой', **blago-* 'серый, светлый', откуда фр. *blaireau* 'барсук' — Billy 1993, 30; LEIA-B, 54), валл. *blawr* 'серый', а также лат. *flāvius* 'желтый, оранжевый' и др.-исл. *blár* 'темно-синий' при др.-исл. *bál* 'костер, пламя'. Ср. также в именах галл. богов с элементом *Bel-* 'сверкающий, светлый' (Evans 1967, 147–8) и, предположительно, название др.-ирл. праздника 1 мая — *Beltaine* (LEIA-B, 31). Восходит к **bhlō-wo-s*, **bhlō-ro-s*, к и.-е. **bhel-*, **bhlə* 'сверкать, блеснуть' (IEW 119).

На границе между красным и оранжевым находится др.-ирл. *сгón* 'ярко-красный, рыжий', характеризующий цвет свежей крови; употр. также по отношению к оперению птиц (?), масти лошадей и коров (*бурыи*?). В совр. ирл. имеет значение 'темно-красный с коричневым оттенком, рыжий, цвета меди', откуда предположительно — *сrónadh lae* 'закат' (либо 'потемнение дня', либо 'цвет закатного солнца'). Восходит к и.-е. обозначению крови **kreuH-*, **kr-u-* (LEIA-C).

Oráiste 'оранжевый', англ. заимствование, не входит в литературную норму современного ирландского языка (в отличие от названия фрукта) и употребляется лишь окказионально (ср., однако, историко-политический термин *Oráistach* 'оранжист'). Собственно *оранжевый* цвет обозначается как *flann-bhuif* букв. 'крово-желтый'.

Ср. также *límbídeach* 'бледно-желтый, лимонный' (заимств.), *órga* (др.-ирл. *órda*) 'золотой' в знач. 'желтый' (ср. также *gruaig órbhuí*, *flonnórga* 'золотые волосы', букв. 'золото-желтые, светло-золотые').

'зеленый'

В др.-ирл. главным и универсальным ц. о. для обозначения зеленого (а также синего, серого и даже желтого) цвета было *glas(s)*, сохранившее свою семантику не во всех новых языках (мэнск. *glass* 'зеленый' при шотл. — *glas* скорее 'серый', 'бледный' — Lazar-Meyn 1991, 238), откуда шотл. *glaislig* 'фея, сида, призрак' (MacLennan 1979). В ранний период имело также значение 'блестящий', в новых языках утраченное.

В др.-ирл. *glas* могло характеризовать как естественную зелень (траву, листья), так и цвет воды в ручье или в море (зеленый? синий? блестящий?), а также применялось при описании одежды и вооружения, в основном, изделий из металла (в последнем случае — скорее в знач. 'серый' или 'блестящий'). В среднеирландский период *glas* получает переносное значение 'неопытный, молодой, незрелый' (сохр. в совр. языках). От той же основы

образовано н.-ирл. *glasra* 'овощи, зелень' (в обозначении флоры и фауны чаще проявляет значение 'серый').

Оттенки зеленого тона образуются также при помощи сложения основ — *buidéalghlas* 'бутылочный', *smaragaidghlas* 'изумрудный', *úllghlas* 'ярко-зеленый, яблочный' и проч. Ср., однако, *цвет хаки* — *liathbhui* (букв. 'серо-желтый!'). Ср. также *dúghlas* 'темно-зеленый' (при шотл. *dubhghlas* 'темно-серый'), *bánghlas* 'бледно-зеленый'.

Glas восходит к общекельтскому **glasto-* (кюриск. *glas*, валл. *glas* — с превалирующим значением 'синий' — см. (GPC-G, 1401), а также галлолат. *Glastum* 'вайда' (Billy 1993, 83) и к и.-е. **ghel-*, **ghl̥-* 'блестеть, сверкать' (IEW, 432; Falileyev 2000, 61). (Ностратические параллели, а также корреляции с непалатализованным и.-е. **ghle-* 'гладкий, блестящий' см. (Иллич-Свитыч 1971, 230).)

Другим обозначением зеленого цвета, в др.-ирл. было *úaine*. Оно имело более узкую область применения и относилось, в первую очередь, к растительности, листве, траве, и — реже — к одежде. В шотландском имеет дополнительное значение 'бледный, мертвенный, гнилой', откуда шотл. *uaineachan* 'бедняга, человек, выглядящий крайне больным или усталым' (ср. однако употребление в сходном значении рус. *зеленый*) Ср. в средн. ирл. *loit uaine ocus derg* 'раны гнойные и свежие (букв. 'красные')'. В современном ирландском последнее значение не фиксируется. В др.-ирл., видимо, под влиянием синонимичного *glas*, могло употребляться в значении 'синий, голубой' — применительно к воде в реке или глазам (семантика ц. о. в данных контекстах по самой природе употребления не может быть прояснена точно; ср. однако, *súil chlochlach úaine* 'глаза, как синий колокольчик'). *Uaine* редко фигурирует в сочетании с другими ц. о., ср. однако совр. ирл. *dubhuaine* 'темно-зеленый'.

Этимология *uaine* не совсем ясна. Вандриес (LEIA-T, U, U-4) отмечает отсутствие четкого этимона, приводя в качестве сомнительного предположение Асколи о германском заимствовании (ср. англ. *wan* 'бледный'). Мак Байн по аналогии с герм. обозначением зеленого цвета (как цвета растительности) возводит *uaine* к и.-е. **ueg-n* 'расти, расширяться' (IEW, 85; MacBain 1982).

'синий', 'голубой'

Основным ц. о. для обозначения синего света в совр. ирл., шотл. и мэнск. является *gorm* (мэнск. *gorryut*, см. (Lazar-Meyn 1991, 238)), восходящее к др.-ирл. *gorm* 'синий' (а также 'красный' и 'темный'). Значение 'темный' сохраняется только в сочетании *fear gorm* 'негр' (букв. 'темный человек'), 'красный' — в выраж. *gorm san aghaidh* 'покраснеть (о лице)' (букв. '(получить) синеву в лицо', (Ó Donnail 1977, 660)). В современных языках — лексема *gorm* имеет универсальное распространение и может характеризовать как природные объекты (небо, море, цвет глаз, цветы соответствующей окраски), так и искусственные, окрашенные в синий/го-

лубой цвет. Видимо, под влиянием ц. о. *glas(s)*, в др.-ирл. имевшем значение 'зеленый, синий, серый', в семантике *gorm* в отдельных сочетаниях наблюдается соответствующий сдвиг (в шотл. — в большей степени): ср. совр. ирл. *féar gorm* 'зеленая трава' (совр. шотл. *feur gorm* 'то же'), шотл. *each gorm* 'серый конь' (MacLennan 1979, 188).

Значение 'синий' проявляется во вторичных образованиях — ирл. *gormán* 'василек', 'фиалка' (De hAe 1952, 205) при шотл. *gormán* 'лес, роща', и *goirmín* 'вайда' (в шотл. *glasrach!* — см. 'зеленый').

Оттенки синего тона образуются при помощи сложения основ: *dúghorm* 'темно-синий' (шотл. *dúbhghorm*), *spéirghorm* 'голубой, лазурный' (букв. «небесно-синий»), *gormghlas* 'цвета морской волны' ('сине-зеленый', ср., однако *gormghlas* 'лазурный, сине-серый' (Dinneen 1927, 562), *glasghorm* 'серо-голубой, стальной' (Ó Donnail 1977, 642).

В др.-ирл. *gorm* имело более широкий спектр значений (DIL-G, 137–8), но при этом для передачи понятия собственно 'синий' употреблялось реже, чем *glas(s)* (Pollak 1958–1959; Lazar-Meyn 1994), ср., однако ср.-ирл. *sal gorm* 'синее (?) море' и *nem glán gorm* 'небо чистое синее'. В среднесирландский период имело вторичное значение — 'знаменитый, известный, привлекающий внимание' (видимо, на базе значения 'красный', см. DIL), ср. также традиционное название скандинавов *Gall Gorm* — 'знаменитые чужаки' (предпол. — 'красные', от характерного для данных народностей цвета лица).

Этимология *gorm* составляет проблему. Исходя из бриттских данных (валл. *gwrn* 'темно-синий', брет. *uirm-haelon* 'темнобровый'), можно предположить, что *gorm* восходит к и.-е. **gyher-* 'теплый, жаркий' (IEW, 493; MacBain 1982, sec. 21), т. е. изначально описывает образ тлеющих углей (реконстр. о.-кельт. **gorstno-s* — MacLennan 1979, 188). Однако Покорный дает параллельную этимологию — к и.-е. **yer-* 'тянуть, вертеть', откуда **yrto-s* 'червь', а также — обозначение особого червя-кошенили, из которого изготовляли краситель (ср. др.-фриз. *worma* 'пурпур', укр. *верманый* 'красный'). В этом случае др.-ирл. *gorm* оказывается бриттским заимствованием (IEW, 1152). Можно предположить сосуществование двух *gorm* в др.-ирл. период (автохтонного и заимствованного) с разной исходной семантикой, чем и объясняется изначальная «пестрота» значений — 'синий, черный, темный, красный'.

Для др.-ирл., ср.-ирл. и, отчасти, совр. ирл. и шотл. значение 'синий' отмечается и для *glas* (см. 'зеленый') — ср. *dath glas... fo chosmailius saphirr* 'цвет синий... подобный сапфиру' и *glasidir buga indala suil* 'синие как колокольчик его глаза' (DIL); ср. также сочетания *glasmuir*, *glasfharraige* 'синее/зеленое море'; в др.-ирл. также обозначало одежду, крашеную вайдой (ср. лат. *glastum* 'вайда' из галл.).

Другим обозначением синего тона, реконструированным Ж. Вандриесом только для др.-ирл. периода, можно назвать *odar* (в ср.-ирл. 'коричневый, бурый' < 'цвета выдры'). Восходит к и.-е. **ud-* 'вода' ('водя-

нистый' > 'серо-голубой', ср. греч. *υδαρίς* 'водянистый' и 'серый' (LEIA-M,N,O,P, O-9). Ср. также *odrad* бот. 'воловик' — растение с большими синими цветками.

'коричневый, бурый'

Основным ц. о., обозначающим разные оттенки буро-каштанокоричневого тона, в современных гойдельских языках является *donn* (шотл. *donn*, мэнск. *dhone*). Слово имеет универсальное употребление, может быть применено как к природным объектам (цвет волос, масть коров и лошадей, вспапанная земля, кора дерева, ср. *Donn Cuaiinge* «Бурый /бык/ из Куальнге»), так и к окраске ткани, одежды и проч. (ирл. *arán donn* 'черный хлеб'). В качестве вторичного, переносного значения имеет в ирландском 'крепкий, основательный', в шотландском — 'дурной, злой, неприятный'. Оттенки коричневого тона образуются при помощи сложения основ — *donn-ghorm* 'палевый, бежевый', *donn-ruadh* 'коричневато-рыжий, каштановый'.

В др.-ирл. *donn* покрывало еще более широкий отрезок цветового спектра — от 'темный, черный' до 'рыжевато-золотистый', и образовывало еще больше сочеганий с другими цветовыми основами (*donn-buide* 'золотистый', *donn-chíar* 'мрачно-темный' (о болезненном цвете лица), *donn-ban* 'бежевый'. Оно также характеризовало темную, стоячую воду — *do lind duind* 'к темной заводи' (DIL-D, 348). Ср. также *Donn* — имя бога смерти (предположительно, сокращение сложного имени *Donn-ainech* 'темно-ликий'), *tech Duinn* 'дом Донна' — согласно нарративной традиции, место, где собираются все умершие.

Donn имеет параллели в британских языках (валл. *dwyn* 'то же', галл. *Dunno*?) и восходит к и.-е. основе **dhus-no* 'темный, серый, пепельный' (ср. англ. *dun* 'темный' и проч., IEW, 271).

Другим ц. о. коричневого тона является продолжение и.-е. основы **ud-* 'вода': *odhar* 'выдра' > *odhar* 'коричневый, бурый, цвета выдры', а также 'бледный, мутный' (об исходном цветовом значении основы см. в разделе 'синий'). Ср. *gruaig bhui-odhar* 'светло-каштановые волосы', *prata odhar* 'печеный картофель', др.-ирл. *Lebor na hUidre* «Книга Бурой коро-вы» (рукопись X в., названная по цвету переплета).

Значение 'красновато-коричневый' в совр. ирл. обрело также прилагательное *crón*, которое характеризуется в словаре Диннина скорее как 'темные оттенки красного' (*Dinneen* 1927, 270), а в словаре О'Доннала как «бронзовый, темно-желтый, бурый» (*Ó Donnail* 1977, 324). Восходит к др.-ирл. *crón* 'темно-красный, кровавый' (к слову *crú* 'кровь' — LEIA-C, 245).

В современном шотландском, а также в ирл. диалектах значение 'темно-коричневый, каштановый, бурый' фиксируется также у *ciar*, *ciog* (*Dinneen* 1927, 188, 194; *MacLennan* 1979, 82), ср. также *ciog-chorra* 'темно-красный, малиновый' и проч.; в кодифицированном ирландском *ciar* имеет значение 'темный, серый' (этимологию см. в разделе 'черный, темный').

'серый'

В современном ирландском основным ц. о. для серого цвета является *liath* мэнкс. *lheeah*), обладающее широким семантическим спектром от темно-серого до бледного (характеризует облачное небо, темную окраску животных, волка, барсука, лошади, а также — седые волосы, серый цвет металла, ткани, асфальта и проч.). Часто входит в состав оттенков — *liath-bhán* 'бледный', *liath-ghorm* 'серо-голубой', 'сиреневый', *liath-bhuí* 'болезненно-желтый, оливковый', *liath-chorcrá* 'лиловый' (букв. 'серо-розовый'). От данного ц. о. образованы сущ. *liath-lus* 'попынь, чернобыльник', *liathóg* 'молодой лосось', *liathreo* 'иней, изморозь'. Шотл. *liath* сохраняет данную семантику, однако является менее употребительным. Др.-ирл. *liath* обладало семантикой 'серый' в разных нюансах значений, а также традиционно употреблялось в значении 'седой'. Как сущ. имело значение 'старик', но также 'пелена, покров' (видимо, сохраняя связь с близким и.-е. корнем); см. также аналогичную семантику у др.-исл. *fölr* 'бледный, блеклый', но также — 'скрытый от света, незаметный'. Интересно также замечание Е. Рахилиной о том, что рус. *серый* связано с идеей «плохо видный» (Рахилина 2000, 180).

Этимологически др.-ирл. *liath* возводится к прото-кельт. **(p)lei-to* (валл. *llwyd*), к и.-е. **pel-* 'серый, темный, бледный', ср. др.-англ. *fealu* 'бледный', литов. *palvas* 'бледно-желтый', лат. *pallidus* 'бледный', а также греч. *πελιός* 'темно-серый' и литов. *pele* 'мышь' (IEW, 804-805). Предположительно может соотноситься и с **pel-3* 'покров, пелена'.

В совр. шотл. значение 'серый, бледный' сохранило также *glas*, обладавшее в др.-ирл., как мы говорили выше, широким полем значений — от 'серый, водянистый' до 'голубой', а в ирл. сместившееся в «зеленую» зону. Ср. шотл. *glaiseach* 'пена', *glaisean* 'серебристая сайда' (ср. также юр. обозначение «изгоя» *glass cú* — букв. 'серый волк'; этимологию см. в разделе 'зеленый').

В совр. ирл. значение 'серый, темно-серый' фиксируется также у *lachtna* (шотл. *lachdunn* 'темный', букв. 'серо-темный'), восходящее к др.-ирл. *lachtna* 'серый, мыпипный' (часто обозначало цвет грубой, некрашеной шерсти). Однако *lachi* — это, прежде всего, 'молоко'. Таким образом, ц. о. «молочный» со временем изменило семантику в сторону более темного цвета.

'мутный, неясный'

В исконной системе гойдельских визуальных маркеров понятие «мутности» не только не проявляется как ц. о., но и практически не фиксируется в текстах. Совр. ирл. *lag* 'слабый' (употр. также по отношению к цвету), *neamh-lonrach* 'мутный, матовый' (букв. 'не-блестящий') и др. являются поздними образованиями и даже не фиксируются в словарях, отражающих языковую картину начала XX в. Исключение может быть с некоторой натяжкой сделано для прилагательного *sladh* (в словаре

О'Доннала фиксируется только в сочетании *alabhreac* 'пестрый, крапчатый, пегий' (*O'Donnail* 1979, 34). Словарь Диннина содержит еще — *aladh* 'пегий, неясного тона' (*Dinneen* 1927, 34), которое в др.-ирл. имело в качестве основного значение 'пегий' (см. ниже), однако в отдельных контекстах предположительно могло получать значение 'неясный, мутный, плохо различимый для зрения' — ср. *alad* 'цвет ветра' между *темным* (*temen*) и *пурпурным* (*coisga*).

В ср.-ирл. значение 'мутный, неясного тона' (скорее по линии 'серовато-бурый') также отмечается у др.-ирл. *riabach* 'пятнистый, полосатый'. Глоссировается как *fuscus* 'темный, смуглый'. Ср. *ciste riabhach* 'черный (бурый) хлеб', *dath dubh riabach dorcha* 'цвет черный мутный (?) темный'; *éan riabhach* — 'конёк' (птица семейства воробьиных), *aimsir riabhach* — 'плохая погода, дождливый день'. Ср. также совр. ирл. фразеологизм *an riabhach a bhfuil fhios agat* — 'ты ничего в этом не понимаешь' (букв. 'мутность знания у тебя'). Ср. также совр. шотл. *riabhàn* — 'грубый мужлан; человек со смуглым лицом'.

Восходит, предположительно, к др.-ирл. *riab* 'пятно, полоса', которое в свою очередь не имеет ясной этимологии (LEIA-R, 25). Покорный предлагает и.-е. базу *rei-bho- (IEW, 859), что соотносит ирл. *riabhach* с литов. *raibas* — *taché de gris*. Ср., однако, у Фасмера в статье *рябой*: латыш. *rāibs* 'пестрый', ирл. *riabhach* 'пятнистый', др.-верх.-нем. *repannon* 'куропатка'. См. Также его примеры к статье *рябина* — слов. *jarab* 'бурый', польск. *jarzabak* 'рябчик', *jarzëbaty* 'пестрый, пятнистый', и далее др.-исл. *jarpr* 'коричневый, бурый', совр. исл. *jarpur* 'гнедой', др.-верх.-нем. *erpf* 'темный, бурый', т. е. — к и.-е. основе *ēreb(h), обозначающей в некоторых языках темно-красные и буроватые цветовые тона (IEW, 334). Отметим также близкие данные к статье *рябчик* (*Черных* 1994, 133).

'пестрый, пегий'

Основным обозначением понятия *пестрый* в совр. ирл. и шотл. является *breac*, восходящее к древнеирландскому *brecc*. Ср. позднейшие образования — *breacaim* 'украшаю, крашу', *breacán* 'особый вид пирога с начинкой из творога' (шотл. *breacag* 'то же', предположительно), *breacan* (шотл.) 'клетчатая ткань для юбки и плаща', *breac* 'форель', 'лосось', ср. также на «гисперийской латыни» *bricius* 'пестрая рыба' (DIL-B, 168), *breac-bhainne* 'кислое молоко' (букв. 'пестрое молоко'), *breac-sholas* 'сумерки'.

Основа представлена также в британских языках: валл. *brych* 'пестрый', в составе галл. имен *Briccus*, *Briccius* (*Schmidt* 1957, 155). Ж. Вандриес возводит др.-ирл. *brecc* к и.-е. основе *přkk- (ср. греч. *περκός* 'темный', *περκύη* 'пестрая рыба, окунь', ср. также др.-верх.-нем. *forhana* 'форель'. У Покорного — и.-е. база *perk'- (IEW 820–821; см. также *Thurneysen* 1946, 135); обозначения рыб, восходящие к основе со значением 'пестрый' см. также (*Гамкрелидзе, Иванов* 1984, 536).

Согласно Вандриесу, и.-е. *p- сохранилось под влиянием последующего слогового г (LEIA-B, 82). Ср. однако IEW, 141, где ирл. *brecc* возво-

дится к основе **bherək*-, *bhrək*'- 'сиять, блестеть'. В этимологич. словаре норвежского и датского языков Фалька и Торпа ирл. *brecc* возводится к и.-е. **mǵnó-* обозначающего пестроту животных и рыб (Falk, Torp, 1996, 77). В итоге — все не очень ясно. В среднеирландский период намечается частичное смешение *brecc* с семантически близким *brecht* 'пестрый, пятнистый' — ср. валл. *brith* 'пятнистый', корнск. *bruith* 'пестрый, цветной' (развилось из *trecht*, из которого выводится исходная форма **mǵkto-* с неясной исходной семантикой, ср. однако исл. *turta* 'небольшая форель' — LEIA-M,N,O,P, M-67). Интересны продолжения в совр. языках — ирл. *breachtán* 'мешанка, суп-каша с добавлением масла', *breachtach* 'смешанный, пестрый', шотл. *breacta* 'рябой' (часто — о лице).

Другим квалификатором «пестроты», а также «неясности цвета» (см. выше) может быть названо др.-ирл. *alad*, более ограниченное в употреблении. В Словаре О'Доналла оно не фиксируется, однако включено в Словарь Диннина, где учитываются диалектные данные (Dinneen 1927, 34). В древнеирландском обладало неясной семантикой, могло обозначать пегую масть лошадей, оперение дятла и проч.

В Глоссарии Кормака его этимология дается, как *i. il a dath* 'т. с. разный его цвет' (Meyer 1913, № 87). *Alad(h)* возводится к и.-е. **rel-*, предположительно, с семантикой 'покров, нечто, что препятствует зрительному восприятию' (см. также *liath*).

В совр. ирл. в значении 'пестрый, неясного цвета' употребляется также *lochán*, из *loch* 'темный, черный' ('мышинный'?).

Литература, источники и принятые сокращения

- Вандриес Ж. — см. ниже серию словарей LEIA.
 Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–2. Тбилиси, 1984.
 Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971. 2-е изд. М.: УРСС, 2003.
 Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: сочетаемость и семантика. М., 2000.
 Топоров В. Н. Прусский язык; словарь: Е — Н. М., 1979.
 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Изд. стереотип. М., 1986, 1996.
 Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1994.
 Billy P. H. Thesaurus Lingae Gallicae. Hildesheim; Zürich; New York, 1993.
 De hAe R. Foclóir Gaedhilge agus Frainncise. Baile Átha Cliath, 1952.
 Dinneen P. S. Foclóir Gaedhilge agus Béarla. Dublin, 1927.
 Evans Ellis D. Gaulish Personal names. A Study of some Continental Celtic Formations. Oxford, 1967.
 Falileyev A. Etymological Glossary of Old Welsh. Tübingen, 2000.

- Falk H., Torp A.* Etymologisk ordbog over norske og det danske sprog. Oslo, 1996.
- Lazar-Meyn H. A.* The Colour system of the modern Celtic languages: effects of language contact // *Language Contact in the British Isles*. Tübingen, 1991.
- Lazar-Meyn H. A.* Colour terms in *Táin Bó Cúailnge* // *Ulidia: Proceedings of the First International Conference on the Ulster Cycle of Tales*. Ed. J. P. Mallory and G. Stokman. Belfast, 1994.
- MacBain A.* An Etymological Dictionary of the Gaelic Language. Gairm Publications, 1982 (www.ceantar.org/Dicts/MB2).
- MacLennan M.* A pronouncing and etymological dictionary of the Gaelic Language. Aberdeen, 1979.
- Meyer K.* (Ed.) *Sanas Cormaic, Cormac's Glossary*. Dublin, 1913 (1994).
- Ó Donnail N.* *Foclóir Gaeilge — Béarla. Baile Átha Cliath*, 1979.
- Pollak J.* Beiträge zur Verwendung der Farben in der älteren irischen Literatur // *ZCP*. Bd. 27. 1958–1959.
- Schmidt K. H.* Die Komposition in gallischen Personennamen // *ZCP*. Bd. 26. 1957.
- Thurneysen R.* A Grammar of Old Irish. Dublin, 1946.

- DIL — Dictionary of the Irish language. Dublin (постоянно переиздается).
- GPC — *Geiriadur Prifysgol Cymru, A Dictionary of the Welsh Language*. Cardiff, 1951.
- IEW — Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. B. I–II. Bern and München, 1959.
- LEIA-B — *Lexique étymologique de l'irlandais ancien* de J. Vendryes, B. Paris, 1980.
- LEIA-C — *Lexique étymologique de l'irlandais ancien* de J. Vendryes. Paris, 1987.
- LEIA-D — *Lexique étymologique de l'irlandais ancien* de J. Vendryes, par P. Y. Lambert. Paris, 1996.
- LEIA-M,N,O,P — *Lexique étymologique de l'irlandais ancien* de J. Vendryes. Paris, 1960.
- LEIA-R,S — *Lexique étymologique de l'irlandais ancien* de J. Vendryes. Paris, 1974.
- LEIA-U — *Lexique étymologique de l'irlandais ancien* de J. Vendryes. Paris, 1978.

Система цветообозначений итальянского языка

Данная работа посвящена описанию системы цветообозначений итальянского литературного языка; проблематика цветообозначений в диалектах Италии не затрагивается. Можно предположить, что изучение системы цветообозначений в диалектах Италии дало бы иную картину, чем та, которая вырисовывается при обращении к литературному языку. Ограниченный объем данной статьи заставил нас отказаться от попыток рассматривать диалектный материал, тем более что обращение к лексическому богатству диалектов Италии неизбежно потребовало бы несколько иной методики работы, в частности, обязательного изучения лингвистических атласов.

Тем не менее, примеры из текстов некоторых диалектных ареалов для периода, предшествующего утверждению общепитальянского литературного языка (XIII–XV вв.) в статье приводятся. Однако мы прибегаем к ним лишь в том случае, если эти факты совпадают с тенденциями развития литературного языка и являются, таким образом, общими для всего Апеннинского полуострова. Этимология в большинстве случаев доведена до уровня латинских этимонов, что исключает индоевропейские параллели, уместные в статьях, посвященных латыни, а не романским языкам.

Основным источником материала послужили толковые, исторические и этимологические словари итальянского языка. Некоторые электронные версии словарей позволяют сделать полную выборку данных. Особо отметим для староитальянского периода базу данных словаря TLIO (от первых памятников до 1377 г.; словарь пока не завершен), а также электронную версию словаря CRUSCA 1612 г., обобщившего нормативное восприятие языка на рубеже XVI–XVII вв. Для современного состояния языка ценным является недавно появившийся словарь SC (первое издание вышло в 1997 г.), предоставляющий достаточно широкие поисковые возможности. Кроме того, использовалась база данных LIZ, включающая в себя 770 произведений 182 авторов с XIII по XX вв., среди которых памятники художественной литературы, исторической мысли, публицистика и даже либретто опер. Из исследовательских работ именно на данную тематику стоит отметить: А. Джакалоне-Рамат (*Giaccalone-Ramat* 1967) и М. Гроссман (*Grossman* 1988)¹.

Основу материала составили, естественно, прилагательные или адъективированные существительные. Отметим, вместе с тем, что итальян-

¹ В настоящей статье при примерах указывается, где это необходимо, дата фиксации, автор и источник. Латинские этимоны даются в форме номинатива, хотя точнее было бы давать обобщенную форму косвенного падежа, к которой восходят романские лексеммы.

ский язык, обладая богатыми словообразовательными возможностями, легко образует от прилагательных как существительные, указывающие на соответствующий цвет (например, *rossore* 'краснота', *bianchezza* 'белизна'), так и глаголы (*sbiancare* 'белеть', *giallire* 'желтеть').

Статья включает в себя два раздела. Сначала представлены некоторые общие закономерности формирования и функционирования этого сегмента лексики в итальянском языке, с учетом как староитальянского, так и современного материала. Затем дан общий обзор основных групп цветообозначений. Как подзаголовки выделены основные прилагательные, после которых идут дополнительные средства обозначения оттенков того же цвета. Например, *vermiglio* 'алый' оказывается в разделе, посвященном *rosso* 'красному'. Поскольку не всегда возможно отделить цветообозначения от прилагательных, указывающих на наличие или отсутствие света, последние также включены в обзор.

Естественно, что при характеристике значений прилагательных отмечались также и переносные значения, в том числе и те, что проявляются в составе устойчивых словосочетаний, фразеологизмов, сравнений, пословиц и поговорок. Это отдельная, объемная тема, поэтому в данной статье мы ограничились лишь указанием на некоторые основные аспекты переносного использования цветообозначений в итальянском языке.

Общая характеристика системы цветообозначений

Говоря о становлении, развитии и особенностях функционирования системы цветообозначений в итальянском языке в целом можно сформулировать ряд общих положений, которые частично вполне приложимы к другим романским, и, частично, к современным полифункциональным европейским языкам.

Система цветообозначений итальянского языка отличается устойчивостью во времени. Большинство обозначений основных цветов фиксируются уже в ранних памятниках и не претерпевают значительных изменений ни в форме, ни в семантике. Подобная стабильность вообще характерна для лексического состава итальянского языка, основы которого были заложены еще в XIV в. Вряд ли можно выделить в развитии системы цветообозначений определенные этапы, как, например, это делается для французского языка (*Бородина, Гак 1979*). Указанная устойчивость, в частности, связана со спецификой развития письменно-литературного языка на Апеннинях. Италия дольше, чем другие романские регионы, сохраняла латинскую письменную традицию. Корпус памятников, доступных для лингвистического анализа, в Италии сформировался гораздо позднее, чем во Франции. Ранние тосканские тексты, которые можно считать предшественниками литературного языка, в массе своей относятся ко второй половине XIII в. К этому времени французский язык уже пережил один период своей истории — раннестарофранцузский (IX–XI вв.), и подходил к завершению другого — собственно старофранцузского (XII–XIII вв.). Кроме того, в Италии отсутствует эпос и иные жанры, фиксировавшие

достаточно архаическое восприятие мира и связанную с ним систему цветообозначений.

С другой стороны, среди ранних итальянских памятников много деловых документов — грамот, уставов городов, торговых компаний, цехов и т. д. В них перечисляется большое разнообразие товаров, тканей, камней, кож; описываются разные ремесла и занятия горожан, что предполагает исключительное разнообразие лексики, в том числе и цветообозначений.

Особенностью формирования системы цветообозначений в итальянском, как и в большинстве романских языков является то, что часть латинских цветообозначений была утрачена и заменена лексемами иного происхождения (германизмы, галлицизмы, слова восточного происхождения). Изменилась и структура выражения цветовых оппозиций, в частности, исчезли цветообозначения, указывающие на цвет и на наличие/отсутствие блеска. Важнейшей из этих утрат является исчезновение противопоставлений ахроматических цветов: белого блестящего (лат. *candidus*) — белому матовому (лат. *albus*) и, соответственно, черного блестящего (лат. *niger*) — черному матовому (лат. *ater*). Переход на систему цветообозначений, исходя «не из светности, а из цветности» (Бородина, Гак 1979, 134), рассматривается некоторыми исследователями как одна из причин предпочтения германизмов: в условиях, когда традиционное семантическое противопоставление *albus* vs. *candidus* оказалось нарушенным, появился стимул для обращения к элементу из иной системы. Впрочем, можно говорить об исчезновении семантической оппозиции в итальянском языке, но нельзя утверждать безоговорочно, что эти лексемы исчезли, поскольку на периферии языка они сохранились, см. ниже.

Значительную долю цветообозначений в итальянском языке составляют ранние германские заимствования (*bianco, biavo, grigio, bruno, biondo, falbo*). Для этих заимствований, относящихся к дописьменному периоду функционирования народных языков, достаточно сложной оказывается проблема определения языка-источника и времени заимствования. Отдельные германизмы общероманского распространения, вероятно, были унаследованы из народной латыни и связаны с ранними контактами римлян с германцами. Но изменения в системе цветообозначений датируют более поздним периодом (после V в.), когда для итальянского выделяют три источника германских заимствований: готский, лангобардский и франкский языки. Проблема определения конкретного источника появления того или иного германизма достаточно сложна и во многих случаях неразрешима. Наиболее существенный след в истории формирования лексического состава итальянского языка оставило владычество лангобардов (V–VIII вв.). Как известно, существуют фонетические критерии для отделения готских и франкских заимствований в романских языках от лангобардских; ср. ит. *palla* ‘шар, мяч’ из лангобардского и *balla* ‘тюк’, а в старонитальянском также и ‘шар’, из франкского (См. разбор слов в Бонфанте 1971, 106–109). Однако ни один из предлагаемых исследователями критериев не является абсолютным, а что касается цветообозначений, то они в основной своей массе вообще не попадают в сферу действия этих закономерностей.

В ситуации с франкскими заимствованиями следует учитывать, что франки появились в Италии в конце VIII в. из Франции, и французский язык мог служить посредником при заимствовании германизма.

Вопрос о том, почему значительная часть цветообозначений латинского происхождения оказалась заменена германизмами, удовлетворительного ответа пока не получил. В. фон Вартбург указывает на возможную связь цветообозначений с наименованием масти лошадей (из итальянских прилагательных к ним можно отнести *bruno, bianco, grigio, falbo*). По его мнению, германцы составляли значительную часть римской кавалерии периода империи, их мастерство в управлении лошадьми было общепризнанным, что и способствовало закреплению германизмов — сначала для указания на масть лошадей, а затем для цветообозначений вообще (см. *Wartburg 1951*). Однако справедливо и то, что отдельные заимствования вряд ли можно связать с мастью лошадей (например, ит. *biavo* 'голубой'). Некоторые исследователи полагают, что какую-то роль сыграли изменения в тканях и одежде; например, изменилась, по сравнению с римскими традициями, техника выделки и крашения материалов, в том числе благодаря приемам, привнесенным германцами (*Gammilscheg 1934–1936*).

Для этого слоя лексики характерны ранние галлицизмы и провансализмы (заимствования из французского и окситанского языков) — *grigio, giallo, biavo*². Причины их появления не очевидны. Исследователи отмечают, что известную роль могла сыграть достаточно оживленная торговля тканями и кожами, проходившая через Альпы. Выделяется одно позднее заимствование из французского — *bleu* (XVIII в.). Кроме того, в XX в. появилось много заимствований из французского в языке моды. В большинстве своем они так и остались экзотизмами, до сих пор не вполне ассимилированными итальянским языком. Таково, например, прилагательное *beige* 'бежевый', которое или не изменяется по числам, или используется с французской формой множественного числа — *beiges*. В последние годы язык моды изобилует англицизмами, нередко дублирующими галлицизмы: *colori beiges-brown* (пример из журнала моды).

Среди основных цветообозначений по крайней мере одно — *azzurro* — безусловно восточного происхождения. Среди второстепенных цветообозначений также встречаются лексемы, заимствованные из восточных языков. В основном, это названия цвета, связанные с наименованиями красителей, которые доставлялись с Востока — *scarlatta, cremisi*. В связи с этим уместно отметить, что в Средние века значительная часть торговли с восточными странами шла через итальянские порты, и итальянский язык стал для некоторых европейских языков посредником в передаче восточных заимствований.

Для итальянского лексического состава характерно постоянное присутствие ряда малоупотребительных латинизмов, которые постоянно фиксируются словарями. Эти латинизмы часто относятся к стилистически

² Язык Южной Франции здесь и далее именуется окситанским в соответствии с современной романской традицией, хотя для средневекового периода в отечественной литературе до сих пор часто используется наименование «провансальский».

возвышенному, нередко поэтическому, пласту лексики. Среди цветообозначений к ним можно отнести *albo*, *atro*, *rubro*, *croceo*, *ceruleo*, *luteo*. Будучи достаточно редкими, они, тем не менее, очень устойчиво сохраняются в языке. Мы уже отмечали выше стабильность лексического состава итальянского языка, язык же итальянской поэзии вообще на редкость устойчив и архаичен (см. *Serianni* 2000). Для памятников XIII–XV вв. появление подобных слов связано с общей латинизацией языка того или иного текста или с прямой ориентацией на латинские образцы, вплоть до цитации определенного классического источника максимально близко к языку оригинала. В XVI в. к таким прилагательным любил прибегать поэты школы барокко и, в частности, глава поэтического барокко в Италии Дж. Б. Марино — это создавало столь любимую сторонниками данного поэтического направления лексическую избыточность. Даже в художественной литературе XX в. отмечается определенная склонность некоторых авторов, прежде всего поэтов, к подобного рода изысканной лексике. Например, часто к таким цветообозначениям прибегал Г. Д'Аннунцио. Сохранению цветообозначений-латинизмов, почти не используемых в обычной речи, способствует и то, что они продолжают жить в составе топонимов — город *Alba* (от лат. *albus* 'белый'), железнодорожная станция в окрестностях Рима *Saxa Rubra* (лат. 'красная скала') и др.

В системе цветообозначений итальянского языка выделяется ряд наименований, имеющих ограниченную сочетаемость. Они используются исключительно или преимущественно для обозначения цвета волос или шерсти животных, оперения птиц: *biondo* 'светлый', *fulvo* 'рыжий', *moro* 'черный'; цвета кожи — *rubicondo* 'красный', масти лошадей — *baio* 'гнедой', *sauro* 'светло-рыжий', *falbo* 'рыжий'. Есть цветообозначения, которые, напротив, малоприменимы к человеку или одушевленным существам: *rosa*, *marrone*. Некоторые цветообозначения в приложении к человеку используются гиперболически, например, для указания на цвет лица *verde* 'зеленый', *rosso* 'красный', *giallo* 'желтый'.

Для современного языка характерно широкое использование в функции цветообозначений разнообразных существительных. Некоторые из этих адъективированных существительных начали использоваться как цветообозначения довольно давно (XIV–XV вв.) и в настоящее время иногда более употребительны, чем соответствующие прилагательные. Например, *rosa* 'розовый' (наименование цветка) употребляется чаще, чем *roseo*, а *marrone* 'каштан' в значении 'коричневый' конкурирует с *castagno*. При этом, функционируя как прилагательные, эти существительные не изменяются и не принимают ни показателей рода, ни показателей числа: *stoffa marrone*, *rosa* 'коричневая, розовая ткань', мн. ч. — *stoffe marrone*, *rosa*.

Они образуют открытый ряд, часть компонентов которого можно классифицировать по видовому признаку, например, цветы — *malva* 'мальва', *pervinca* 'барвинок', *tammola* 'фиалка'; породы дерева — *acagiù*, *mogano* 'красное дерево', *tiglio* 'липа', фрукты и овощи — *prugna* 'чернослив', *melazana* 'баклажан'; камни и металлы — *zaffiro* 'сапфир', *perla* 'жемчуг', *rame* 'медь'; продукты питания — *panna* 'сливки', *salmone*

'лосось', *miele* 'мед'; животные и птицы: *canarino* 'канарейка', *topo* 'мышь', *talpa* 'крот'.

Для названия цвета используются и сложные синтаксические структуры: прилагательное, обозначающее цвет + адъективированное существительное, уточняющее оттенок (*blu notte* букв. 'синий ночь', *verde acqua* букв. 'зеленый вода'); самостоятельное употребление адъективированного существительного непосредственно или в сочетании со словом *colore* 'цвет' (*una sciarpa champagne, una scharpa color champagne* 'шарф золотистый, шарф золотистого цвета', букв. 'цвета шампанского'). Среди цветообозначений этого типа немало французских заимствований, причем иногда они дублируют итальянские, ср. *colore nocciola* и *colore noisette* 'цвет ореха' (*nocciola* — ит. 'орех', *noisette* — фр. 'орех').

Наиболее распространенным основанием указанного использования существительных является сходство по цвету веществ или предметов с архетипом определенного цветового ряда, причем в оттенках предполагаются некоторые отличия, например, *cognac* 'коньяк' — коричневый с оттенком красного, *oliva* 'олива' — зеленый с оттенком коричневого. Заметим, что одинаковые по видовой принадлежности существительные могут образовывать цветообозначения на основании различных ассоциаций: *mogano* 'красно-коричневый' по цвету древесины красного дерева, но *tiglio* 'желто-зеленый' — по окраске липового цвета.

Более сложные ассоциации возникают, если цветообозначения связываются с определенным культурно-историческим контекстом. Например, *magenta* — оттенок темно-красного, по названию города Маджента в Ломбардии, где в 1859 г. произошло кровопролитное сражение с австрийцами, давшее толчок национально-освободительному движению в Италии, *savoia* — дополняет указание на зеленый цвет, из-за геральдических цветов Савойского королевского дома, *tiziano* в приложении к золотистым волосам, схожим с волосами женщин на картинах Тициана и др.

Каждый из основных цветообозначений может образовывать целую гамму сочетаний с указаниями на дополнительный оттенок. См., например, для зеленого: *verde cetriolo* 'огуречно-зеленый', *verde bottiglia* 'бутылочно-зеленый', а также *oliva* 'олива', *pisello* 'горох', *pistacchio* 'фисташка', *prato* 'луг', *smeraldo* 'изумруд', *bandiera* 'знамя' (по ярко-зеленой полосе итальянского флага) и многое другое.

Для итальянского языка характерно широкое использование аффиксов (чаще всего суффиксов, значительно реже — префиксов) с прилагательными цвета. Наиболее широкую гамму производных имеют самые распространенные, базовые, цвета — черный и белый. Например, от *nero* 'черный' — *nericcio, neretto, nerino, nerello, nerettino, nerellino, nerognolo, nerissimo, nereggiante*.

Некоторые суффиксы можно связать с выражением определенной семантической информации. Так, на уменьшение интенсивности цвета указывают *-astro, -ino, -ognolo, -uccio, -iccio*: *giallastro, gialognolo* 'желтоватый'. Высокую интенсивность цвета передает суффикс *-issimo*: *bianchissimo*. Отглагольные прилагательные с суффиксом *-eggiante* передают скорее не ин-

тенсивность, а отблески, переливы цвета: *nereggiante* 'чернеющий', 'отливающий черным'. Вместе с тем, категориальное значение суффиксов не вполне четкое, и в контексте производные могут иметь разнообразные дополнительные коннотации, например, *-iccio* связан с устойчивой отрицательной оценкой: *nericcio* — не просто черный, а грязно-черный. Суффиксальные образования могут соотноситься лишь с одним из оттенков цвета, передаваемых прилагательным; так *rossiccio* 'рыжеватый' не от общего значения *rosso* 'красный', а от цветообозначения, приложимого к волосам.

Из префиксальных производных можно отметить лишь отглагольные прилагательные (причастия) типа *sgrigiato* 'сероватый', *sbiancato* 'белесый'. Остальные варианты следует признать нежизнеспособным калькированием лаггны; см., например, в словаре CRUSCA: *subalbido*, cioè *sottobianco*, где сделан поморфемный перевод лат. *subalbidus*, т. е. лат. префикс *sub-* переведен ит. *sotto-*.

Противопоставление темного и светлого оттенка внутри одного тона выражается с помощью прилагательных *chiaro* 'светлый' и *scuro* 'темный': *verde chiaro* 'светло-зеленый', *verde scuro* 'темно-зеленый' и т. д. Реже встречается в приложении к цветам прилагательное *cupo* 'глубокий', 'темный': *rosso cupo* 'темно-красный'. В качестве указания на темный цвет зафиксировано и прилагательное *buio* 'темный'.

Увеличение интенсивности цвета передается с помощью сочетания цветообозначения с прилагательным *vivo* 'яркий, живой': *verde vivo* 'ярко-зеленый'. Для ярких цветов используется и определение *carico*, по происхождению — причастие прошедшего времени от глагола *caricare* в значении 'усиливать, добавлять': *rosso carico* 'ярко-красный'. Еще большую интенсивность, часто с указанием на блеск, передают *accesso*, причастие от глагола *accendere* 'зажигать' и *smagliante* 'ослепительный', 'блистательный' — прилагательное от глагола *smagliare* 'сиять, сверкать' из окситанского *esmaiar* < **exmagare*, германского происхождения. В приложении к цветообозначению *accesso* и *smagliante* указывают на яркость и блеск и используются, как правило, с яркими цветами: *giallo acceso* 'ярко-желтый', *rosso smagliante* 'ярко-красный'.

Для указания на слабую интенсивность цвета цветообозначение выступает в сочетании с прилагательным *pallido* 'бледный', *sbiadito* 'выцветший' (исходно — причастие от глагола *sbiadire*), букв. 'терять синый цвет, становиться бледно-голубым'. И глагол, и отглагольное прилагательное утратили связь с прилагательным *biado* и стали обозначать утрату интенсивности любого цвета. Возможны и сочетания со *spento* — причастием от глагола *spegnere* 'гаснуть', 'тухнуть': *rosso spento* 'тускло-красный'.

Группы цветов

Белый

Как и в других романских языках, в итальянском было утрачено противопоставление белого блестящего — лат. *candidus*, и белого матового —

лат. *albus*. Основным обозначением для этого цвета стал германизм *bianco* < **blank* 'блестящий', зафиксированный с XII в. (ZC). Г. Рольфе считает *bianco* заимствованием франкского периода. Словарь D дает для этого прилагательного общегерманский этимон *blank*, другие исследователи относят его к лангобардскому периоду (*Giacalone-Ramat* 1967). Видимо, исходно это цветообозначение применялось для указания на белую масть лошадей; именно в применении к лошадям оно в X в. зарегистрировано в средневековой латыни в форме *biancus*.

«Веронская загадка» (VIII в.), которую некоторые исследователи считают первым текстом на народном языке на территории Италии, сохраняет *albus: alba pratilia araba & albo versorio teneba* 'белое поле пахал, белый плуг держал' (Текст по: *Castellani* 1976). Однако в настоящее время «Веронская загадка» рассматривается скорее как латинский текст, хотя и принадлежащий к так называемой *scripta latina rustica* — упрощенной латыни, использовавшейся в V–VIII вв. на территории Романии в документах и некоторых памятниках (см. *Sabatini* 1963–1964). Кроме того, для столь раннего периода естественно предполагать возможность конкуренции *albo* и *bianco*.

Bianco же с первых памятников итальянского языка выступает как основное обозначение белого цвета. Белизна имеет различные градации — в словарях *bianco* сопоставляется с цветом таких веществ, как снег, молоко, мел, мука, мрамор, пена, слоновая кость (SC, DM). В сравнительных оборотах *bianco* входит в ряд сравнений с разнообразными вторыми компонентами: *bianco come una candela, la carta, come un cencio lavato, come un fazzoletto, come un giglio, come un morto, come un lenzuolo, come la cera* 'белый, как свеча, бумага, выстиранная тряпка, носовой платок, лилия, мертвец, простыня, полотно' и др. (ФС).

Некоторые сравнения итальянского языка дают основания полагать, что *bianco* может сочетать указание на цвет с указанием на блеск: *bianco come argento* 'белый как серебро' (DM). Связь этого прилагательного с цветом серебра прослеживается постоянно: *Intra tutte le stelle bianca si mostra, quasi argentata* 'Среди всех звезд смотрится белой, почти серебрястой' (Dante, LIZ). В староитальянском такие примеры встречались чаще, чем в современном языке; см. в статутах города Сиены обозначения денег: *denari bianchi e gialli* букв. 'деньги белые и желтые', т. е. серебряные и золотые монеты (TLIO).

В поэзии *bianco* часто указывает скорее на свет, чем на цвет: *Quel bianco cerchio che il vulgo chiama la via di San Giacomo* 'Тот светлый круг, который в народе зовется путь святого Якова' (Dante, LIZ); о наступлении дня: *Il ciel si faceva bianco, cedeva al sole il lume della luna* 'Небо становилось светлым, свет луны уступал солнцу' (XVI, Machiavelli, LIZ); о солнце на закате: *il sole... raggiando tutto l'occidente mutava in bianco l'aspetto di cilestro* 'солнце... заливая лучами весь запад превращало в белое голубое' (Dante, LIZ). Так же могло использоваться и производное от *bianco*: *la biancheggiante Aurora* 'светлеющая Аврора', *il mondo biancheggiante* 'рассветный мир' (XIV, Vossaccio, LIZ). Подобный оттенок значения давал

возможность противопоставлять *bianco* не черному, а темному — *scuro*: *Sempre la bianca sorte con la scura di tempo in tempo va cangiando* 'Всегда светлый жребий время от времени сменяется темным' (Boiardo, LIZ). Правда, заметим, что в последнем примере речь идет о переносном употреблении эпитетов.

В приложении к определенным существительным, указывающим на референт, который может иметь разновидности, сорта и т. д., *bianco* прилагается к тому компоненту ряда, который оказывается светлее, чем другие: *pane bianco* 'белый хлеб', *razza bianca* 'белая раса', *vino bianco* 'белое вино', *uva bianca* 'белый виноград', *orso bianco* 'белый медведь'. Ср. деление монахов по цвету одежды: *frati bianchi, neri e bigi* 'братья белые, черные и коричневые' (LIZ).

В приложении к человеку в староритальянском *bianco* указывало на светлый облик, белоснежную кожу и, обычно, светлые волосы: *bella e bianca* — распространенная характеристика красавиц в куртуазной поэзии XIII–XV вв; *Isotta dalle Bianche Mani* 'Белорукая Изольда' (Tristano Riccardiano, LIZ). Вне поэтического контекста возможно то же сочетание в приложении к черноволосым: *Le donne sono belle e bianche, con capelli neri e risplendenti* 'Женщины красивы и белокожи, с черными, блестящими волосами' (Ramusio, LIZ).

В парных сочетаниях *bianco* использовалось в староритальянской поэзии для описания эстетического и этического совершенства; см. обращение Мадонны к Иисусу в лаудах Якопоне да Тоди: *figlio bianco e vermiglio* 'сын мой, белый и румяный', *figlio bianco e biondo* 'сын мой, белый и светловолосый' (LIZ).

В современном языке *bianco* в приложении к цвету лица указывает на сильную бледность, вызванную какими-то внешними обстоятельствами: *faccia bianca* 'белое лицо'; *farsi bianco in viso* 'внезапно побледнеть'.

Хотя для светлых волос использовалось, в основном, обозначение *biondo*, встречается в этом значении и *bianco*: *Quante cose voglia avere una donna... tre bianche: capelli, denti, carne* 'Сколько вещей хотелось бы, чтобы имела женщина... три белых: волосы, зубы, кожа' (Poliziano, LIZ). Однако устойчиво и постоянно в приложении к цвету волос *bianco* указывает на седые волосы.

Прилагательное обладает широким спектром переносных значений. В ряде сочетаний оно указывает на отсутствие определенных характеристик и релевантных признаков: *matrimonio bianco* 'фиктивный брак', *vedova bianca* 'соломенная вдова', *notte bianca* 'бессонная ночь', *voce bianca* 'беззвучный голос, бесстрастный тон', *omicidio bianco* 'несчастный случай на производстве' (букв. 'белое убийство', поскольку умышленного убийства как такового не было). Ср. также: *E per bianche parole inganna altrui sovente* 'И пустыми словами часто обманывает другого' (B. Latini, Tesoretto, LIZ). Именно с отсутствием каких-либо дополнительных характеристик связаны такие сочетания, как *riso in bianco* 'вареный рис', *spaghetti bianche* 'макароны без соуса' (вареные, ничем не приправленные).

Во фразеологизмах *bianco*, сочетаясь с объектами, которые имеют обычно черный цвет, указывает на тот, что выделяется на общем фоне *una mosca bianca* 'белая муха' по-итальянски то же, что *un corvo bianco* 'белая ворона'.

Сочетание *vedere tutto in bianco* 'видеть все в розовом свете', очевидно, связано с семантикой светлого, заложенной в *bianco*. Белый цвет ассоциировался с чистотой помыслов и деяний, отсюда довольно распространенное в староитальянском сочетание *anime bianche* букв. 'белые души', т. е. души праведников.

В истории Италии этот эпитет приобрел важное политическое значение, из-за многолетнего противостояния белых и черных гвельфов³, отсюда наименования противостоящих сторон во всех хрониках — *la parte bianca* 'белая сторона', *la parte nera* 'черная сторона'.

В современной политической жизни Италии *bianco* связывается с партиями правого толка, прежде всего, с христианскими демократами.

Производные: *bianchissimo*, *biancoso*, *biancante*, *biancheggiante*, *bianchiccio*. В CRUSCA зафиксированы два префиксальных производных, одно из которых является несомненной калькой с латыни, а другое — итальянизированным поморфемным переводом: *colore subalbido cioè sottobianco*.

Все толковые словари итальянского языка включают прилагательное *albo* < лат. *albus*, толкуя его как синоним *bianco*: *albo* — *bianco*, *candido*, *niveo* (SC). Этот книжный латинизм, хотя и присутствовал в лексическом составе итальянского постоянно (первое употребление, согласно TLIO, датируется 1294 г.), всегда находился на периферии языка. Полная выборка из TLIO показывает стилистическую и семантическую ограниченность в функционировании *albo* в староитальянских текстах. Оно появляется при калькировании латинского источника, например, в переложении «Энеиды» Чамполо ди Мео Угурджери (1340): *il fiume Nar albo d'acqua sulfurea* 'река Нар, белая от сернистой воды', в т. ч. в стилистически высоком контексте, ср.: *abito albo* 'белые одежды' (об одеянии папы римского) или *albo cavallo* 'белый конь' (LIZ). Использование этого слова в XX в. является очевидным архаическим поэтизмом: *il sauro, l'albo, il leardo moscato* 'гнедой, белый и серый в яблоках' (о конях) (D'Annunzio, LIZ). Производное *albato* появляется в староитальянском переводе библейского выражения: *sepulcri albatì* (1342, Cavalca, TLIO) — лат. в Вулгате *sepulcra dealbata* (Матфей 23, 27) 'гробы окрашенные' (в русской традиции «гробы повапленные») в применении ко всему лицемерному. Нам встретился перевод этого же выражения с помощью однокоренного с *albo* производного от глагола *scialbare*: *Costoro sono simili a sepulcri scialbatì* 'Они подобны гробам повапленным' (Catarina da Siena, LIZ), см. ниже *scialbo*. Принятый в современном языке перевод использует в этом выражении производное от *bianco*: *sepulcri imbiancati*.

Интересно, что в «Комментариях о Москве и России» Рамузио (XVI в.) именно этим прилагательным переводится топоним озеро Белое в

³ Гвельфы — политические группировки в Италии XII–XV вв.

России: *il secondo, chiamato Sinau, nel lago Albo pose il suo dominio* 'второй (брат), именуемый Синеусом, стал править на озере Белом' (LIZ).

CRUSCA фиксирует производное слово *albino*.

Этимологически однокоренным с *albo* является прилагательное *scialbo* от глагола *scialbare* < **exalbare* 'белить'. В современном языке оно малоупотребительно и имеет явно выраженную отрицательную коннотацию: *occhietti scialbi* 'белесые глазки' (D'Annunzio, LIZ), *scialba vergine* 'бледная девица' (Gozzano, LIZ). *Scialbo* указывает на белый цвет, подчеркивая отсутствие иных цветов, и в настоящее время используется почти исключительно для характеристики человека, бледной кожи, бесцветных глаз и т. д. Однако в художественной литературе XIX–XX вв. встречаются примеры, когда это прилагательное указывает на неяркий, приглушенный свет: *luce scialba* 'бледный свет', *cielo scialbo* 'бледное небо' (LIZ).

Несколько шире сфера использования другого латинизма — *candido* < *candidus* (первая фиксация по TLIO — 1292 г.). Функция цветоазывания для него не является основной в современном языке; чаще оно употребляется в значении 'невинный, искренний, наивный'. В дефиниции *candido* как цвета обычно присутствует указание на интенсивность белого, а также на блеск (DM): *d'una lucente bianchezza* 'блестящей белизны'. Стилистически *candido* относится к возвышенной лексике и соответственно несет положительную этическую и эстетическую оценку: *Dio in del baptismo ci veste tutti di stola candida* 'Господь при крещении всех нас одевает в белоснежное одеяние' (1309, Giordano da Pisa, TLIO), *candide rose* 'белые розы', *candida colomba* 'белая голубка'. Часто этот эпитет прилагается к величественным мраморным зданиям: *Candido templo di Febo* 'Беломраморный храм Феба' (1340, TLIO). Может характеризовать поэтически цвет кожи: *le candide spalle* 'белоснежные плечи' (XIV, Vossaccio, LIZ).

Как и его латинский этимон, прилагательное в итальянском указывает на свет и блеск: *O Candissima!* 'О Сияющая!' (о луне, XIV, Ceffi, LIZ).

Стилистически сфера использования *candido* весьма ограничена. В «Божественной Комедии» *candido* употребляется в песнях «Рая» и «Чистилища», в песнях «Ада» его нет. Показательно отсутствие этого прилагательного в знаменитом сборнике XIV в. «Новеллино», написанном достаточно сниженным, народным языком. Использование *candido* для обычного указания на белый цвет (без стилистически возвышенных коннотаций) — явление крайне редкое. В корпусе TLIO приводится один пример из сильно латинизированного памятника XIV в., представляющего собой перевод с латыни: *nasceranno l'ocomeri candidi, lunghi e teneri* 'огурцы уродаются белые, длинные и нежные'.

Светлый

Основное прилагательное — *claro* (XIII, TLIO) < *clarus*. В сочетании с указанием на цвет обозначает, как было отмечено, меньшую интенсивность цвета, наличие оттенка белого в цвете. Основное значение *chiaro* — указание на свет и блеск, чаще всего связывается с солнечным светом и

блеском: *una chiara giornata di primavera* 'ясный весенний день'; *la stanza più chiara della casa* 'самая светлая комната в доме', *giorno chiaro* 'светлый день' (время, когда полностью рассвело), *chiaro lume* 'ясный свет', *sol chiaro* 'ясное солнце'. В классическом языке поэзии *chiaro* в приложении к внешности указывало на красоту и гармоничность черт: *chiaro viso* 'ясный лик', *occhi chiari* 'ясные глаза' (Петрагса). *Chiaro* указывает и на свет, и на блеск, отсюда возможность сопоставления с золотом, серебром, драгоценными камнями: *crin come oro chiari* 'волосы, блестящие, как золото', *due bicchieri che parevano d'ariento, tanto erano chiari* 'два кубка, которые казались серебряными, такие они были блестящие', *rubin chiari e vermigli* 'рубины блестящие и алые' (Воссассио, Лиз).

Прилагательное имеет широкий спектр переносных значений: 'ясный', 'искренний', 'понятный', 'явный', 'очевидный': *sguardo chiaro* 'искренний взгляд', *propositi chiari* 'понятные речи'; применительно к звукам указывает на чистоту тона: *chiara voce* 'чистый голос', к изобразительному образу — на четкость линий, «прочитываемость» рисунка: *immagine chiara* 'ясная картина' (в прямом и в переносном смысле).

Chiaro сохраняет и свойственное латинскому этимону значение 'прославленный', 'знаменитый': *un nome chiaro* 'прославленное имя'. *Chiarissimo* — традиционное обращение в письме к ученым, университетским профессорам.

Три следующих прилагательных — *biondo*, *fulvo*, *flavo* — соединяют в себе указание на светлый цвет с указанием на оттенок золотистого, светло-коричневого.

Biondo (XIII) обычно возводят к германскому **blund*, но признают, что этимология не вполне ясна (CS, ZC). В основном обозначает светлый, золотистый цвет волос, иногда определяемый как «светло-каштановый» (ZC), а в субстантивированном употреблении относится к человеку с таким цветом волос. Похоже, что в восприятии носителей итальянского языка *biondo* относится к более широкому цвету оттенков, чем рус. блондин. Оно вполне приложимо к русому или светло-рыжему цвету волос.

Включению этого прилагательного в общий ряд заимствованных германских цветообозначений способствовало то, что соответствующий цвет волос ассоциировался именно с германцами. В старoitальянском *biondo* встречалось в приложении к тканям *pannolini... in colore biondetto* 'лоскуты... светлого цвета' (Тлио). Есть несколько сочетаний, где *biondo* используется с иными существительными; постоянными являются синтагмы *bionde spighe* 'золотистые колосья', *il metallo biondo* 'золото'. Используется для обозначения цвета шампанского вина: *lo champagne è di colore biondo*. В поэзии барокко встречаются малосвойственные итальянскому языку сочетания типа: *l'acqua bionda del mio Pattolo* 'светлая вода моего Пактола' (XVI, Марино, Лиз). Однако определенная языковая логика в применении этого прилагательного к водам реки у Марино просматривается: в мифологии Пактол — река золотоносная, а золото, как мы уже отмечали, поэтически определяется как *metallo biondo*. Есть несколько примеров, когда *biondo* указывает на свет и блеск: *nova Aurora... candida e bionda*

‘новая Аврора... сияющая и светлая’ (Magino, LIZ). У этого же автора: *biondi denti* ‘белые зубы’. *Biondo* — обычный эквивалент к лат. *flavus*.

Производные: *biondino*, *biondello*, *biondetto*, *biondone*, *biondaccio* обычно выступают в функции существительных, а не прилагательных.

Латинизм *fulvo* (XIV, ZC) < *fulvus* — редкое, книжное прилагательное, чаще всего используется, когда говорится о цвете волос или шерсти животных: *fulvo branco di leone* ‘светло-рыжая стая львов’. Иные сочетания в современном языке выглядят как уподобления в целях создания художественного эффекта: *fulva sabbia* ‘рыжий песок’, *la panchina fulva* ‘рыжая скамейка’ (D’Annunzio, LIZ). Встречается редкое производное *fulvido*: *fulvida luce* ‘золотистый цвет’ (Boccaccio, TLIO).

К *biondo* близко прилагательное *flavo* < *flavus* ‘золотистый, светлый’, которое прилагается почти исключительно к цвету волос. *Flavo* — достаточно редкий латинизм, встречается преимущественно в XV–XVII вв. В поэтизированном контексте возможны и иные употребления: *la terra colorita di celeste color, di color d’oro, di perso e flavo* ‘земля, окрашенная в небесный цвет, в цвет золота, черно-красный и золотой’ (о цветении весной) (Boiardo, LIZ).

Черный

Как и в других романских языках, из двух латинских обозначений черного цвета в основном значении сохранилось *nero* (XIII, ZC) < *nigrus* ‘черный блестящий’, для толкования которого используются сопоставления с углем, чернилами, черным деревом. *Nero* часто используется для характеристики очень грязного предмета или человека: *Lavati, hai il muso nero* ‘Умойся, у тебя физиономия совершенно черная’, *Quando si lava lui, fa l’acqua nera* ‘Когда он моется, вода после него совершенно черная’. Такое использование представляет собой гиперболизацию, характерную скорее для устной речи. Связь черного цвета с грязью способствовала формированию таких сочетаний, как *acque nere* букв. ‘черные воды’, т. е. ‘сточные воды’, *pozzo nero* букв. ‘черный колодец’, ‘выгребная яма’.

Как противоположность белому *nero* обозначает более темную разновидность: *pane nero* ‘черный хлеб’ (заметим, что в Италии так называют хлеб из пшеничной муки грубого помола, который по цвету скорее серый), *uva nera* ‘черный виноград’, *vino nero* ‘красное вино’, *razza nera* ‘черная раса’, *caffè nero* ‘черный кофе’.

Nero используется при описании внешности человека: *occhi neri* ‘черные глаза’, *capelli neri* ‘черные волосы’. О человеке со смуглой кожей или загоревшем: *...cavalier cotti e neri dal sole* ‘рыцари, обожженные и черные от солнца’ (XV, Sannazzaro, LIZ), *un notaio... omicciolo piccolissimo, tutto nero e giallo* ‘нотариус... крохотный человечек, весь черный и желтый’ (XIV, Sacchetti, LIZ).

Nero указывает на отсутствие света, связываясь с сумерками и ночью: *La notte nera e scura* ‘ночь темная и черная’ (XIII, Tristano Riccardiano, LIZ), *L’aura nera* ‘потемки’, букв. ‘черный воздух’ (Dante, LIZ).

Переносные значения этого прилагательного объединяет широкий спектр отрицательных коннотаций. Оно содержит указание на неприятные события, тяжелые переживания: *una giornata nera* 'черный день', *pensieri neri* 'черные мысли', *ho un cuore nero* 'у меня тяжело на сердце', *vedere tutto in nero* 'видеть все в черном цвете', *La mente mia sì nubilosa e nera* 'Разум мой столь туманен и темен' (XVI, Ariosto, LIZ). *Nero* передает разнобразные отрицательные этические характеристики (грешный, преступный, коварный, злой): *Le anime nere* 'черные души' у Данте. В религиозной традиции — цвет, связанный с дьяволом и демонами: *Ecco un diavol più che un carbon nero* 'Вот дьявол чернее угля' (XV, Pulci, LIZ).

Nero устойчиво связывается с идеей чего-то осуждаемого, запрещенного, тайного: *pecora nera* 'паршивая овца', *lista nera* 'черный список', *mercato nero* 'черный рынок'. В современном языке обозначает 'незаконный', 'нелегальный': *lavoro nero* 'нелегальная работа'

Черный цвет в Италии, как и в других европейских странах, играет важную роль в культуре и обычаях общества. *Vestirsi di nero* букв. 'одеваться в чернос' связано с целым спектром устойчивых ситуаций: 'носить фрак', 'одеться в траур', 'носить рясу' (ФС). Есть и чисто итальянские обозначения, связанные с культурой и историей именно этой страны. Так, *aristocrazia nera* 'черная аристократия' используется для наименования аристократических семейств, связанных с церковными кругами. Дело в том, что после объединения Италии (60–70 г. XIX в.) в состав высшего итальянского общества влилась римская аристократия, исходно принадлежавшая к верхушке Папского государства. Черный (как и белый) — один из цветов Католической церкви.

В Италии *nero*, как уже указывалось, имеет давний политический смысл, учитывая существование с XIII в. черных и белых гвельфов, и соответственно в хрониках — *la parte nera* 'черная сторона'. В XX в. о партиях фашистского толка, о правых террористических объединениях: *brigate nere* 'черные бригады'.

Сохранился в итальянском языке и латинизм *atro/adro* (XIII, Fatti di Cesare, TLIO) < лат. *ater*: *atri inchiostri* 'черные чернила', *atri notti* 'черные ночи'. Однако преобладает использование *atro* в переносном значении: *La morte... subitana ed atra* 'смерть... внезапная и черная' (Dante, TLIO), *atro oblio* 'темнос забвение' (XVI, Tasso, LIZ). Прослеживаются явные авторские предпочтения, например, Торквато Тассо использовал это прилагательное гораздо чаще, чем его современники. В современном языке *atro* практически не используется и дается в словарях с пометой «книжный архаизм».

Используются и несколько дополнительных обозначений черного цвета, относящихся к литературному языку. Среди них *ebano/ebeno* 'цвет черного дерева' < *ebenus*, греческое заимствование египетского происхождения (SC). Переход заударного -e- в -a- в пропарокситонах в итальянском нередок. *Corvino* 'цвет воронового крыла' < *corvinum*, производное от *corvus* 'ворон' обозначает черный цвет с фиолетовым отливом. Оба прилагательных, особенно *corvino*, постоянно указывают на цвет волос.

Темный

Основное прилагательное — *scuro, oscuro* (XIII, ZC) < *obscurus*. В современном языке используются обе формы, с некоторым преобладанием варианта *scuro*. *Oscuro* воспринимается как более книжная, литературная форма. При указании темного цвета или темного оттенка цвета используется только *scuro*: *abito scuro* 'темный костюм'. В приложении к цвету кожи обозначает 'смутный', 'загорелый', к глазам — темные (без уточнения цвета): *pelle scura* 'темная кожа', *occhi scuri* 'темные глаза'. Обе формы возможны в значениях «лишенный света»: *luogo oscuro* 'темное, неосвещенное место', *notte scura* 'темная ночь'. Среди переносных значений — 'тайный', 'скрытый', 'непонятный': *pensieri oscuri* 'тайные мысли', *oscuro avvenire* 'неизвестное будущее'. Используется в значении «грустный», «раздраженный», в основном с существительными, обозначающими человеческое лицо: *una faccia scura* 'печальное выражение лица'.

Cupo (XIII, ZC) достаточно близко по объему значений к *scuro*. Прилагательное неясного происхождения; обычно указывают на его возможную связь с лат. *cupa* 'бочка, боченок', поскольку одно из значений *cupo* — 'глухой', 'вогнутый': *cupo abisso* 'глубокая пропасть' (D; ZC). Используется для указания на темный цвет или оттенок цвета. Противопоставляется *chiaro* в приложении к звукам: *voce cupa* 'глухой голос'. В переносном значении — «грустный», «раздраженный»: *volto cupo* 'мрачное выражение лица'. В отличие от *scuro*, эта характеристика приложима к человеку в целом: *uoto cupo* 'мрачный человек'.

Buio 'темный' (XIV) < букв. **burrius* 'темно-красный' (ZC), строго говоря, не относится к цветообозначениям, поскольку указывает только на отсутствие света: *regni bui* 'темные царства' (Воссaccio, LIZ). Возможно и в переносном значении: *fatti bui* 'темные дела' (XIV, Sacchetti, LIZ). Факты употребления для указания на темный оттенок цвета единичны: *colore rosso buio* 'темно-красный цвет' (XIV, TLIO).

Fosco (XIV) < *fuscus*, прилагательное книжно-литературного стиля. Указывает на неопределенно-темный цвет с устойчивой отрицательной коннотацией. В староритальянском встречается в приложении к человеку, указывая на довольно темные волосы: *non accettano le fosche e nere* 'темноволосых и черноволосых не одобряют' (о выборе невест) (Alberti, LIZ). Переносное значение близко к *scuro*: *coscienza o chiara, o fosca* 'сознание или ясное, или затуманенное' (Petgarca).

В староритальянском встречалось достаточно редкое прилагательное *cagnazzo* — производное от *cane* 'собака'. У Данте о лицах грешников, потемневших и искаженных холодом и страхом: *mille visi cagnazzi* 'тысячи лиц потемневших' (Dante, LIZ). Возможно и использование в более конкретном значении; в частности, у Ф. Саккетти для обозначения темной ткани (XIV, TLIO) *cagnazzo* выступает как синоним *fosco* и *bruno*: *fusca, cioè cagnazza, ovvero bruna*.

Bruno (XIII, TLIO) является одним из основных цветообозначений и, в отличие от *scuro*, в нем преобладает указание на темный цвет, а обозна-

чение отсутствия света является второстепенным. *Bruno* возводят к франкскому *brūn* 'темного и блестящего цвета' (D), или же дают общегерманский этимон **bruna-* (ZC, TLIO). Возможно, применялся первоначально к масти лошадей. Зарегистрирован в поздней латыни у Исидора Севильского в форме *brunus* (ZC). Прилагательное обозначает темный цвет, близкий к черному: *Qui nonn a spezie, acci incenso, ma non è bianco, anzi è bruno* 'Тут нет пряностей, но есть ладан, он не белый, а, наоборот, темный' (Milione, TLIO). Цвет хлеба грубого помола, цвет плодородной земли: *Ogni terren ch'è dolce e bruno naturalmente de' esser buono* 'Всякая мягкая и темная земля от природы должна быть хорошей' (Bonafé, TLIO). *Vestirsi di bruno* 'носить траур' указывает на темные цвета одежд.

Употребляется в приложении к человеку с темными волосами и смуглой кожей (от природы или загорелому), к животному с темной шерстью или оперением: *Adone era cacciatore, onde era cotto dal sole e bruno* 'Адонис был охотником, а потому обожженным солнцем и смуглым' (XIV, TLIO). В стихах Петрарки волосы, обозначенные этим прилагательным, противопоставлены седым: *o colle brune o colle bianche chiove* 'или с темными, или с седыми волосами' (1374, Petrarca, TLIO).

Bruno достаточно часто встречалось в староитальянском в значении «темный из-за недостатка света»: *l'aria bruna* букв. 'темный воздух', 'сумерки', *regno bruno* 'темное царство', т. е. загробный мир, *il cielo stellato e bruno* 'звездное и темное небо' (Dante). В современном языке такое сочетание сохраняется, скорее, в некоторых устойчивых синтагмах, например, *notte bruna* 'темная ночь'.

Часто выступает в переносном значении — «огорченный, разгневанный, опечаленный»: *con aspetto bruno* 'с грустным видом'.

Некоторые прилагательные находятся как бы на границе черного и коричневого. Это лексемы, возводимые к лат. *maurus* 'мавр' и производные от них. *Moro* < *maurus* чаще употребляется как существительное, указывая на человека черной расы или смулокожего, загорелого, но, в применении к человеку или к животному встречается и в качестве прилагательного: *cane moro* 'собака с черной шерстью', *Sei tutto moro!* 'Ты совсем черный!' (о человеке, который загорел). Производное *morello* чаще всего применяется к лошадиной масти: *cavallo morello* 'вороний конь'.

Редкое цветообозначение, в настоящее время являющееся архаизмом, *perso* — это темный цвет, который определяется как черный, отливающий красным. Его этимон — средневековое латинское *persus* 'темный' (SC). Данте так определял этот цвет: *Lo perso è uno colore misto di purpureo e di nero, ma vince il nero* 'цвет, смешанный пурпурный и черный, но черный преобладает' (LIZ). В староитальянском *perso* могло заменять *nero*, оказываясь в оппозиции к *bianco*: *mostrare il perso per il bianco* 'выдавать черное за белое' (TLIO).

Calabruno, calabrone < окситанское *calabrun*, редкое прилагательное, в настоящее время не используется. Зафиксировано впервые в XIV в. в форме *ghalabruno* 'темного цвета' (TLIO), функционировало под влиянием *bruno*. Исходно это существительное *calabrone* 'шершень', до сих пор су-

ществующее в итальянском. С ним связывается указание на черный цвет, ср. *nero come un calabrone* 'черный, как шершень'. Согласно словарю CRUSCA прилагательное применяется к цвету ткани.

Коричневый

В области коричневых тонов конкурируют два цветообозначения — *marrone* и *castagno*. *Marrone* (XIII) — слово неясного происхождения, исходно — название дерева и плода, 'каштан', 'плод каштана'. Название дерева и плода относят к долатинскому слою лексики, достаточно неопределенно указывая на «альпийское происхождение» (D, ZC). *Marrone* — неизменяемое прилагательное, употребляемое, в основном, для обозначения цветов не природного, искусственного происхождения (краски, ткани, кожи): *guanti marrone* 'коричневые перчатки', *vestito marrone* 'коричневое платье'.

Для природных цветов, в том числе и для указания на цвет волос, глаз, шерсти животных, используется *castagno* (XIII), варианты *castaneo*, *castano*, также производное от названия дерева — *castagna* 'каштан' < лат. *castanea*. Характеризует темные, но не черные волосы: *capelli castagni*, карие глаза: *occhi castagni*, масть лошади: *cavallo castagno*.

Есть цветообозначения, которые с одинаковым основанием можно отнести и к серому, и к коричневому, например, *berrettino* 'серый', 'коричневый' (XIV, TLIO) < лат. *birrus* 'красный' (D). Другие источники признают этимологию неясной. SC считает возможной связь этого слова с арабским *barut* 'темно-серый'. TLIO дает как вероятный этимон лат. *venetus* 'сине-голубой' с изменением формы под влиянием *birrus*. Слово малоупотребительно, в старонитальянском указывало преимущественно на вид ткани серо-коричневого или белесого цвета. Встречается и для обозначения собственно коричневого: *gente di color berrettino tra il bianco e il nero* 'люди коричневого цвета между черным и белым' (Ramusio, LIZ). В современном языке как цветообозначение практически утрачено, приводится лишь как определение серо-синего цвета, типичного для майолики из Фанцы (SC). Сохранилось в переносном значении — 'злой, хитрый', причем в основном в шутовском восклицании *Bestia berretina!* 'Хитрая бестия!'.

Желтый

Giallo (1276 ZC) — из старофранцузского *jalne* (совр. фр. *jaune*) < лат. *galbinus*, на что указывает палатализация начального согласного (ср. французские заимствования *mangiare* 'есть', *giardino* 'сад', где также отражена палатализация). В итальянском произошла ассимиляция группы согласных *-ln-* < *-nn-*. В XIII в. в поэзии Гвидо Гвиницелли встречается приближенная к этимону форма *giano* (ZC). В сравнениях вторым компонентом могут выступать морковь, тыква, растительное масло, ячница, золотой цехин (*giallo come una carota* 'желтый, как морковь' и т. п.) (FC). Применяется по отношению к человеку для указания на нездоровый, желтоватый цвет лица.

Giallo используется в ряде устойчивых сочетаний, большинство которых интернационально: *stampa gialla* 'желтая пресса', *romanzo giallo* 'детективный роман'. В ряде фразеологизмов и поговорок прослеживается отрицательная коннотация *giallo*. См., например, *ridere giallo* букв. 'смеяться желто', т. е. смеяться через силу, притворно; или *giallo* в противопоставлении с *rosso* 'красный': *Tutto il rosso non è buono, tutto il giallo non è cattivo* 'Не все красное — хорошее, не все желтое — плохое', приблизительный эквивалент по-русски — «Не все золото, что блестит».

В итальянском языке сохраняется *croceo* 'ярко-желтый' > *croceus* букв. 'шафрановый', достаточно редкий литературный латинизм.

Несколько прилагательных, указывающих на различные оттенки коричневого или желто-коричневого относятся почти исключительно к масти лошадей — *sauro* 'каурый' < оксит. *saur* из франкского *saur* 'сухой', по ассоциации с желто-коричневым цветом сухих листьев, сухого луга (D); *baio* 'гнедой' (XIII, TLIO) < *badius, falbo* рыжий'. (XIV, ZC) < германск. **falwa*, возможно, через посредничество французского и окситанского *falb* (Giacalone-Ramat 1967).

Красный

Rosso (XIII, ZC) < *russus*, параллельного к *ruber* и *rufus* (ZC); цвет свежей крови и цвет пламени. При сравнении вторыми компонентами могут выступать: *una brace* 'уголья', *un carbone acceso* 'горящий уголь', *una ciliegia* 'черешня', *una fragola* 'клубника', *un gallo* 'петух', *un gambero (cotto)* 'рак (вареный)', *una melagrana* 'гранат', *un papavero* 'мак', *un pappagallo* 'попугай', *un peperone* 'перец', *un pomodoro* 'помидор', *un tacchino* 'индюк'.

В итальянском отсутствует специальное прилагательное для обозначения рыжего цвета волос, в этом качестве используется *rosso*. Видимо, этот цвет допускает достаточно много «желтизны», ср. *il rosso dell' uovo* 'желток яйца'.

В приложении к человеку в сочетании с *bianco* указывает на здоровый вид и прекрасный цвет лица: *A salute mi pare che sta benissimo. La vedo rossa e bianca come un fiore* 'Что касается здоровья, то мне кажется у нее все прекрасно. Выглядит — кровь с молоком' (XX, I. Svevo, LIZ). Только *rosso* в приложении к цвету лица — скорей указание на нездоровый цвет лица: *la pelle porosa e rossa* 'кожа пористая и красная'. Также результат покраснения (от стыда, от жары, от смущения): *diventare rosso in volto* 'раскраснеться, покраснеть (о лице)'. *Le guance rosse* — 'румяные щеки'.

В современном языке политики *rosso* указывает на партии левого политического спектра.

Производное *rossiccio* 'рыжеватый' соотносится только с цветом волос: *biondo rossiccio dei capelli* 'светлый, рыжеватый цвет волос', то же *rossastro*: *un barbone biondo rossastro* 'мужчина со светло-рыжей бородой'. *Rossetto* 'красноватый' дается как эквивалент лат. *subrufus* (1612, CRUSCA).

Редкий латинизм *rubro* является продолжением латинского *rubrus*: *liti rubri* 'красные берега' для обозначения берегов Красного моря у Данте и Ариосто (LIZ), в XVI в. в переводе «Энеиды» А. Каро встречаются *onde rubre* 'красные волны', отдельные примеры XVI в. в крайне латинизированных текстах.

Лат. *rubius* продолжают две формы: практически исчезнувшая *robio* (XIV, SC) 'красный' (SC) и малоупотребительная *roggio* 'красно-ржавого цвета' (XV, SC). Разнообразие форм связано с различной трактовкой группы *-bj-* в истории итальянского языка.

Rubicondo > *rubicundus* 'красный, багровый' говорится практически исключительно о цвете кожи лица, в сочетании с такими существительными, как *faccia* 'лицо', *guance* 'щеки'.

Vermiglio 'алый' (XII, SC) — заимствование из старопровансальского (окситанского) *vermelh* — от лат. *vermiculus*, уменьшительное от *vermis* 'червяк' — собственно 'кошениль', насекомое, служившее для получения красителя. Обозначает яркий красный цвет, часто с положительной коннотацией. Широко использовалось в классической поэзии: *vermiglie labbra* 'алые губы', *vermiglie guance* 'розовые щеки', *rubin vermiglio* 'алый рубин' (Ariosto, LIZ). Возможно при указании на сорт вина: *vino bianco e vermiglio* 'вино красное и белое'. В староитальянском встречалось в топониме Красное море — *Mar Vermiglio* (Тассо). Производные: *vermiglietto*, *vermigliuzzo*.

Scarlatto 'ярко-красный' < средневековое лат. *scarlatus*, от перс. *saqirlāt*. Форма заимствована через северные диалекты Италии, что объясняет появление двойного *tt*, этимологически не обоснованного, но введенного как реакция на обычную для северных диалектов утрату двойных (D). Это прилагательное применяется, в основном, по отношению к тканям, одежам. Его восприятие в итальянском осложнено наличием такого слова, как *scarlattina* 'скарлатина'. Видимо, поэтому для итальянцев неблагозвучно звучало имя героини «Унесенных ветром» Скарлетт О'Хара, и в итальянских переводах она именуется *Rosella* — Розелла, где «цветовой» компонент в семантике женского имени передан производным от *rosa* 'розовый'.

Porpora 'пурпурный' (XIV SC) < лат. *purpura* из греч. *porphyra*, адъективированное существительное в функции неизменяемого прилагательного. Есть производные с тем же значением: *purpureo* < *purpureus*. Вариант *porporino* (XIV, TLIO).

Розовый

Roseo < *roseus* — розовый, чаще используется в приложении к цвету лица, у ребенка или девушки: *colore di bambino roseo* 'цвет розового младенца'. Реже к неодушевленным предметам: *una camera rosea e bianca* 'бело-розовая спальня', *roseo d'alba* 'розовый цвет зари' (Pirandello, LIZ). В переносном значении — 'наивный, легкомысленный': *sogni rosei* 'розовые мечты.' Более употребительно в применении к предметам использо-

вание в функции неизменяемого прилагательного существительного *rosa* (XIV, ZC): *vestito rosa* 'розовое платье'.

Оранжевый

Arancia букв. 'апельсин' < персидское *nārang*, с утратой начального п-, воспринятого как часть неопределенного артикля *un*, как прилагательное не изменяется. Для обозначения цвета фиксируется поздно (1829 ZC). Однако в староитальянском встречался вариант с аферезой — *rancio: le cappe rance* 'оранжевые, золотистые накидки' (Dante, TLIO). Заметим, однако, что *rancio* встречалось очень редко; в современном языке этот вариант считается литературным архаизмом. Его использование в староитальянском ограничено, чаще всего, определенным контекстом, а именно, описанием зари: *L'aurora già vermiglia cominciava, appressandosi il sole, a divenir rancia* 'Аврора, уже алая, с приходом солнца становилась золотой' (Dante, LIZ). *Rancio*, таким образом, стало одним из компонентов устойчивого литературного клише, восходящего, видимо, к Вергилию, где различали три стадии зари: лат. *Aurora albescens, rubescens, lutea*. Для перевода *lutea* 'ярко-желтая' и использовалось в староитальянском *rancia*.

Имеются производные прилагательные: *aranciato, arancione, arancigno*.

Серый

Основным для обозначения серого является прилагательное *grigio* (1292 TLIO), этимология которого достаточно сложна. Слово возводят к германскому (иногда с уточнением, что речь идет о древневерхненемецком) **grīsi* и относят к лангобардскому периоду, откуда в средневековой латыни в Италии зафиксированы формы *griseum* (846, ZC), *griseus, grigio* (1146, ZC). Вместе с тем, на становление этой формы в итальянском языке повлияло и французское *gris* с тем же значением (SC, ZC). Распространение галлицизма связывают с торговлей кожами (ZC). Цвет воспринимается как переходный между черным и белым (SC), смешение темного и светлого (SC). Указывается, что *grigio* нередко обозначает не цвет как таковой, а более или менее темный тон, причем с белыми вкраплениями. Отсюда его значение в приложении к волосам — седой, но, в отличие от *bianco, grigio* указывает скорее на седеющие, чем на седые волосы. Цвет глаз — *occhi grigi* 'серые глаза'.

Может содержать указание на недостаток света, плохую освещенность и приближаться по значению к темному. Ср. определение *grigio* в словаре XVI в. *grigio val buio e oscuro* 'серый значит лишенный цвета и темный' (F. Alunno, ZC). Очень часто *grigio* — цвет затянутого тучами, пасмурного неба.

Переносные значения связаны с ощущением монотонности, грусти, скуки; часто используется при существительных, обозначающих протяженные отрезки времени: *una vita grigia* 'серая жизнь', *giorni grigi* 'серые дни'.

Оттенки — *grigio perla* 'жемчужно-серый', *grigio fumo* 'дымчатый', *grigio verde* 'серо-зеленый', *grigio talpa* 'темно-серый', где вторая часть — существительное *talpa* 'крот'. Производные: *grigiastro*, *grigiolato* 'сероватый'.

Bigio, варианты XIII–XIV вв. *bicio*, *bigio*, *biso*, *bisgio* (TLIO) — цвета пепла или свинца, часто просто серый, темный. Этимология остается дискуссионной: нар. лат. **bycius* из клас. лат. *bombyceus* с аферезой начального слога, с характерным для северных диалектов переходом *cj* > *-sgi-*, затем в Тоскане произошел переход в *-gj-*, цвет шелковичного червя (D). В качестве возможного источника указывается французское и окситанское *bis* (ZC). Этимологические словари сходятся в том, что слово проникло в итальянский из диалектов Северной Италии. В средневековой латыни зафиксирована форма *bysius*. *Bigio* часто указывает на неопределенный цвет ср. поговорку *Di notte tutti i gatti son bigie* 'Ночью все кошки серы'.

Синий, голубой

С обозначениями синего и голубого цветов ситуация достаточно сложная. При перечислении хроматических цветов спектра в соответствии с терминологией принято для обозначения голубого использовать термин *azzurro*, а для синего — *indaco*. Однако в нетерминологическом употреблении *indaco* используется редко. По происхождению это аналог русского индиго, который возводится к лат. *indicum (folium)*, букв. 'индийский (лист)', по названию красителя растительного происхождения. Форма *indaco* отражает достаточно регулярный для итальянского языка переход *i* > *a* в заударном положении в пропаракситонах (ср. ит. *cronaca* 'хроника' < лат. *chronica*, *tonaca* 'ряса' < лат. *tunica*). Это прилагательное малоупотребительно, хотя и зарегистрировано с XIV в., но по базе данных LIZ в художественной литературе не встречается вплоть до XIX в., когда к нему стали прибегать в изысканном, поэтическом употреблении. При этом *indaco* передает не синий, а сине-фиолетовый цвет, то есть цвет индиго, причем чаще используется как существительное, а не как прилагательное: *l'indaco del mare lontano* 'фиолетовая синева далекого моря' (Pirandello).

Основным обозначением для сине-голубого участка спектра следует признать *azzurro* — «цвет ясного неба и чистого, спокойного моря» (DM). Варианты XII–XIV вв. — *azurlo*, *lazuro*, *azzurro*. Этимон этого прилагательного несомненно восточного происхождения; в качестве источников указывают на персидское *la zurd* (DM, SV), *lāzward* (ZC), а также арабское *la uad* (SV). Утрата начального *l* (ср. ит. *lapislazzuli* 'ляпис-лазурь' с сохранением *l*) связана с тем, что оно было воспринято как часть артикля, а удвоение *z* объясняется аналогией с итальянскими словами, восходящими к латинским приставочным производным с префиксом *ad-*, в которых по ассимиляции удваивался первый согласный (D). Зарегистрировано в средневековой латыни в форме *azzurum* (D) и *lazurus* (ZC). Цвет достаточно яркий, даже блестящий, типичное клише — *il cielo azzurro d'Italia* 'синее небо Италии'. В Италии, в какой-то степени, воспринимается как один из национальных цветов. Недаром *squadra azzurra* 'голубая команда' имену-

ется спортивная сборная страны (по традиционному цвету формы). Применяется к цвету глаз, обозначая скорее синие, чем голубые глаза.

Производные *azzurrognolo* 'бледно-голубой', *azzurriano*, *azzurriccio* (Crusca).

От *azzurro* в обычном узусе мало отличаются два других прилагательных — *celeste* и *turchino*. *Celeste* (TLIO) < *caelestis* 'небесный' (варианты *cilestre*, *cielestre* под влиянием ит. *cielo* 'небо'), *celeste* светлее *azzurro*, но иногда между ними нет разницы. Спокойный, ясный, прозрачный — о воздухе: *L'aria e chiara e cilestra* 'воздух ясный и прозрачный'. *Occhi celesti* — 'голубые глаза'.

Turchino — то же, что *azzurro*, но несколько темнее. От наименования камня *turchina* (в современном языке чаще *turchese*) — 'бирюза', букв. турецкий камень.

Blu — цвет несколько темнее чем *turchino*, из фр. *bleu*, возводимого к франкскому **blao* 'светлый' с возможным влиянием кельтского корня, указывающего на синий цвет (ZC). Заимствовано в XVIII в., варианты *blo*, *ble*, использовалось преимущественно в приложении к тканям, к одежде. В современном языке часто выступает как синоним *turchino*: *il sangue turchino*, *il sangue blu* 'голубая кровь'.

В староитальянском зафиксировано раннее заимствование (1269, TLIO) из того же источника в форме *bloio*, *broio*, *biodo* < ст. фр. *blai*. Преемственности между двумя заимствованиями нет, т. е. слово заимствовалось дважды.

Этимологически к тому же германскому источнику восходит прилагательное *biavo*, варианты *biado*, *biavo*, заимствованное из окситанского *blau* 'бледно-голубой', 'бледный'. Вариант *biado* имеет северное происхождение: в нем, после утраты интервокального -v- произошла характерная для диалектов Северной Италии вставка парагогического -d (D). Форма *blavus* зафиксирована в латыни у Исидора Севильского (D). Оба варианта в староитальянском встречались и как синоним *azzurro*, т. е. 'сине-голубой'.

Производное от *biavo* — *biavetto*, *biadetto* использовалось в староитальянском во всех спектрах от бледно-голубого до синего: *Paone è un uccello grande, di colore biadetto* 'Павлин — крупная птица синего цвета' (XIII, TLIO).

Достаточно редко, но постоянно используется в итальянском языке латинизм *ceruleo*, который в CRUSCA определяется как «цвет моря». Он действительно часто связывается с морской тематикой *ceruleo ondeggiar* 'синие колыхание' (о морских волнах), *cerulea Teti* 'синяя Фетида' (о морском божестве), *il gran ceruleo golfo* 'огромный синий залив' (XVI, LIZ). *Ceruleo* в поэтическом контексте может прилагаться к цвету глаз: *occhi ceruli* 'синие глаза' (XIX, Pascoli, LIZ).

В староитальянских текстах достаточно сложно определить, какой цвет имеется в виду, поскольку различные цветообозначения выступают как синонимы: *biadetto ovvero indaco* 'голубой или синий' (XIII, Statuti Senesi, TLIO). В современном итальянском можно выстроить ряд по возрастанию интенсивности цвета: *biavo* — *celeste* — *azzurro* — *turchino* —

blu. Крайние элементы этого ряда, безусловно, будут соответствовать русскому «голубой» (*biavo, celeste*) и «синий» (*blu*). Но четко разграничить значения срединных элементов практически невозможно.

Фиолетовый

Viola — адъективированное существительное, используемое как неизменяемое прилагательное, собственно наименование цветка — ‘фиалка’. Наряду с этим употребляются и производные прилагательные *violaceo, violetto*.

Более бледный цвет обозначается французским заимствованием *lilla* ‘лиловый’.

Зеленый

Verde < *viridis* в словарях определяется как цвет свежей травы и листьев. При обозначении цвета лица указывает на крайнюю бледность, вызванную болезненным состоянием и неприятными ощущениями: *verde dalla paura* ‘зеленый от страха’, *verde dalla rabbia* ‘зеленый от ярости’. Применительно к овощам, фруктам, растениям обозначает их недостаточную зрелость и спелость: *la frutta verde fa venire il mal di pancia* ‘от зеленых фруктов болит живот’. В переносном значении содержит указание на юный, молодой возраст: *anni verdi* ‘юные годы’. В современном языке обозначает все, что связано с экологией: *benzina verde* букв. ‘зеленый бензин’, то есть бензин с низким содержанием свинца.

Мутный, неясный

Прилагательные, относящиеся к этой группе, указывают в итальянском языке скорее на отсутствие света или на непрозрачность, неспособность свет пропускать и собственно к цветообозначениям не относятся. *Opaco* < *opacus* указывает прежде всего на отсутствие прозрачности — *vetro opaco* ‘матовое стекло’; *torbido* < *turbidus* трактуется как противоположный *chiaro* ‘светлый’, *sereno* ‘ясный’: *acqua torbida* ‘мутная вода’, *vino torbido* ‘мутное вино’. В переносном значении — *anima torbida* ‘темная душа’, *Fosco e torbido pensiero* ‘темные и мутные мысли’ (Petrarca, LIZ).

Пестрый

В современном итальянском языке, конечно, существуют прилагательные, указывающие на пестроту окраски, но по сути своей они не являются цветообозначениями. По происхождению эти прилагательные содержат указание на нарушение единства цвета, а иногда и на контуры связанные с формой этих нарушений. К их числу относится *variopinto* букв. ‘разноокрашенный’, образованное от *vario* ‘разный’ и *pinto* — причастия от глагола *pingere* ‘красить’. Ближе к этому значению прилагательного *screziato* — причастие от глагола *screziare* неясной этимологии, воз-

можно, от глагола *crepitare* с префиксом *s-* 'покрытый пятнами разного цвета'. Такое определение как *pichiettato* от глагола *picchiare* 'постукивать', 'покрывать крапинками, мелкими пятнами' указывает на пестроту, связанную с мелким рисунком.

Литература

- Бонфанте Дж.* Романизованное население Италии и германцы // Современное итальянское языкознание. М., 1971.
- Бородина М. А., Гак В. Г.* К типологии и методике историко-семантических исследований. Л., 1979.
- Castellani A.* I più antichi testi italiani. Edizione e commento. Bologna, 1976.
- Gamillscheg E.* Romania germanica. Sprach- und Siedlungsgeschichte der Germanen auf dem Boden des alten Römerreichs. Berlin-Leipzig. 1934–1936. Bd. I–III.
- Giacalone-Ramat A.* Colori germanici nel mondo romanzo // Atti e memorie dell'Accademia Toscana di Scienze e Lettere «La Columbaria». XXXII. 1967.
- Grossman M.* Colori e lessico: studi sulla struttura semantica degli aggettivi di colore in catalano, castigliano, italiano, rumeno, latino ed ungherese. Tübingen, 1988.
- Migliorini B.* Storia della lingua italiana. Milano, 1994.
- Sabatini F.* Tra latino tardo e origini romanze // Studi linguistici italiani. 1963–1964.
- Serianni L.* Introduzione alla lingua poetica italiana. Roma, 2000.
- Wartburg V. von.* Die Entstehung der romanischen Völker. Tübingen, 1951.

Источники и сокращения

- ФС — *Черданцева Т. З., Рецкер Я. И., Зорько Г. Ф.* Итальянско-русский фразеологический словарь. М., 1982.
- D — *Devoto G.* Prontuario etimologico italiano. Roma, 1974.
- DM — *Devoto G., Migliorini B.* Dizionario della lingua italiana. Firenze, 1961.
- CRUSCA — Dizionario dell'Accademia della Crusca. Firenze, 1612.
- LIZ — Letteratura italiana Zanichelli. CD-rom dei testi della letteratura italiana. A c. di P. Stopelli ed E. Picchi. 1995.
- SC — *Sabatini F., Coletti V.* Dizionario della lingua italiana. Bologna, 1997.
- TLIO — Tesoro della lingua italiana delle origini (Электронная версия).
- ZC — *Zolli P., Cortelazzo M.* Dizionario etimologico della lingua italiana. Bologna, 1979–1988.

А. Ю. Русаков

К описанию системы цветообозначений в албанском языке

Характер и хронологический охват материала

Албанский принадлежит к языкам с относительно поздней хронологической фиксацией: первые письменные образцы албанской речи относятся к XV в., первый значительный текст — 'Служебник' Гьона Бузука (*Buzuk* 1968) — к середине XVI-го. Соответственно 'старыми албанскими памятниками' принято считать памятники албанской письменности XVI–XVII вв.

Албанское языковое пространство распадается на две крупные языковые области — гегскую (северную) и тоскскую (южную). Основные изоглоссы, разделяющие эти два диалекта возникли, по всей видимости, в VII–X вв. н. э. Однако и после этого периода между гегским и тоскским ареалом существовали достаточно интенсивные междиалектные контакты, особенно в пограничных областях¹.

Отличительной особенностью албанской языковой истории, отражающей этническую историю албанского этноса, является большой объем лексических заимствований из окружающих языков. Наиболее значителен слой латинских заимствований, охватывающий период от первых веков до н. э. до V–VI века н. э. Внедрение латинизмов существенным образом изменило албанский лексический «ландшафт», в частности, и в области базовой лексики. Значительные фонетические и связанные с ними морфологические изменения, испытанные протоалбанским в середине 1-го тысячелетия, сделали латинские лексические элементы практически не отличимыми от исконной индоевропейской лексики. Некоторые исследователи предлагают видеть в латинизмах албанского «не отдельные заимствования, а мощный субстратный компонент, участвовавший в формировании нового языка новой народности» (*Десницкая* 1987, 251). Латинские заимствования имеют, как правило, общеалбанское распространение. Списки албанских латинизмов см. (*Haarmann* 1972; *Mihăescu* 1966; *Vătăşescu* 1997)².

Славянские заимствования начали проникать в протоалбанский, по всей видимости, начиная с VI–VII вв., однако группа славизмов, вошедших в албанский в ранний период албано-славянских контактов весьма невелика. Наиболее подробные списки славизмов см. (*Селищев* 1931; *Svane* 1992; *Ylli* 1997).

¹ Общую характеристику албанского языка см. (*Жугра, Сытов* 1990).

² Здесь и далее мы приводим лишь относительно современные работы, дающие наиболее полный лексикографический охват языкового материала.

Среди лексики, пришедшей из итальянского (*Helbig* 1903) и средне-гесп. новогреческого языков, наряду с лексемами, имеющими общеалбанское распространение, значительно число диалектно ограниченных заимствований.

Последним из значимых пластов лексических заимствований (не считая, проникающих с конца XIX в. интернационализмов) являются хлынувшие вместе с османским завоеванием (т. е. с конца XIV в.) турцизмы (включая вошедшие в турецкий персидские и арабские слова). Турцизмы, некоторые из которых сохраняют в албанском характер *Fremdwörter*, включают в себя как общеалбанскую лексику, так и регионализмы (*Boretzky* 1975–1976).

Наконец, следует отметить, что в период интенсивного процесса формирования албанского литературного языка и обогащению его лексического фонда (2-я пол. XIX – нач. XX вв.) было образовано много калек, копирующих словообразовательные модели и модели словосочетаний европейских языков.

Албанский язык лексикографически описан явно недостаточно. Отсутствуют диалектологические словари³. Ощущается явный недостаток исторических словарей⁴. Отсутствуют частотные словари. Вместе с тем наиболее полный толковый словарь современного албанского языка (*F* 1980) представляет албанскую лексику довольно широко, включая и диалектный материал (без дифференцирующих помет).

Долгое время единственным этимологическим словарем являлся заведомо неполный и устаревший словарь Г. Мейера (*Meyer* 1891). Последние годы знаменовали собой значительный поворот в развитии албанской этимологии. Вышли в свет словари: *Demiraj* 1997 (только индоевропейская лексика албанского) и *Orel* 1998 (индоевропейская лексика и ранние заимствования); близится к завершению посмертная публикация фундаментального словаря Э. Чабея (*Çabej* 1982–2002), который отличает чрезвычайно тщательная историческая и диалектологическая обработка материала.

Общая характеристика системы цветообозначений

Система цветообозначений в албанском языке в этимологическом смысле достаточно гетерогенна. К лексике несомненно индоевропейского происхождения относятся основные обозначения белого (*i, e bardhë*) и черного цвета (*i zi m, e zezë f*), а также одно из обозначений зеленого (*i, e blertë*) и, возможно, некоторые другие⁵. К индоевропейскому фонду цве-

³ Исключение составляют словники, представляющие собой приложения к диалектологическим описаниям отдельных говоров; этимологический словарь говора *Vorgo Etizzo* в Далмации (*Tagliavini* 1937) и фундаментальный словарь (*Дамосилецкая* 2002), включающий всю доступную диалектную лексику албанского языка, относящуюся к сфере скотоводства.

⁴ Словарь Стюарта Манна (*Mann* 1948) снабжен пометами, указывающими на наличие слова в памятниках, весьма последовательно. Впрочем, сейчас издается новый исторический словарь (*Agha* 1996–...).

⁵ В согласии с албанской лексикографической традицией здесь и далее будут приводиться алб. существительные в неопределенной (без определенного постпозитивного артик-

тообозначений восходит, скорее всего, обширная семья слов с корнем *bal-*, несомненно обозначающим 'белый', в настоящее время большая часть этих слов имеют суженное, специализированное значение, являясь, как правило, названиями домашних животных белой окраски. Сюда же следует отнести и видовые обозначения некоторых животных и растений, восходящих, по всей вероятности, к индоевропейским «цветовым» корням: *mëllenjë* 'скворец', также диалектно 'черная коза'; *mëllezë* «*Ostrya carpinifolia*» от и.-е. **mel-* 'черный' (Orel 1998, 259); *dhelpër* 'лица' от и.-е. **ǵhel-* 'желтый' (Çabej 1982–2002, 4, 22) и др. Значительное количество албанских обозначений основных цветов спектра имеет латинское происхождение. Сюда относится, прежде всего, основное обозначение красного цвета *i, e kuq*, а также обозначения желтого *i verdhë* и зеленого *i, e gjelbër*. Славизмов среди основных цветообозначений практически нет. Имеется турецкое заимствование *jeshil* — самое распространенное обозначение 'зеленого'.

Особый слой представляют собой цветообозначения, сохраняющиеся в отдельных понятийных сферах албанской лексики. Здесь, по всей видимости, наиболее обширную группу составляют масти домашнего скота, насчитывающие несколько сот единиц. Это понятно, если учесть особенности истории албанского этноса. Эта группа слов подробно описана в упомянутом выше словаре (Дамосилецкая 2002). Применительно к словам этой группы важно отметить два обстоятельства:

- а) в названиях мастей и в наименованиях животных по окрасу сохранились старые корни, утерянные в «независимых» цветообозначениях (см. выше о корнях **bal-* и **mel-*);
- б) здесь присутствует большое число диалектно ограниченных славянских и турецких заимствований, а также слов, в которых можно видеть субстратную общебалканскую лексику.

Описание отдельных концептов цвета

В настоящей работе будут описаны слова, относящиеся к концептам «белый» и «черный». Эти цветообозначения проявили наибольшую стабильность в ходе развития албанского языка; некоторые флуктуации отмечены лишь в специализированных областях употребления (названия домашних животных по цвету и т. д.).

Белый

Основное обозначение белого цвета: *i, e bardhë* (Buzuk 1968, 1, 157 и др.). Слово несомненно индоевропейского происхождения, родственное словам, восходящим к и.-е. основе **bherHǵ-* 'светиться, блестеть', ср. др.-инд. *bhrājate* 'блестит, сияет', гот. *bairhts* 'светлый, ясный, блестящий'.

ля) форме им. п. ед. ч. с указанием рода, прилагательные с артиклями в форме мужского/женского рода им. п. ед. ч., глаголы в 1-м л. ед. ч. наст. вр. индикатива.

сюда же относятся многочисленные и.-е. обозначения 'березы', к которым, возможно, восходит алб. *breth m*, 'ель' (Demiraj 1997, 107–108)⁶. Слово в своем этимологическом развитии демонстрирует типологически банальный семантический переход 'яркий', 'блестящий', 'светлый' > 'белый'.

Основное значение *i, e bardhë* в современном албанском, несомненно, 'белый'. Такое же значение мы находим у Бузука (Buzuk 1968, 1 219; 223). В словаре Фр. Барди *i, e bardhë* переводится как *albus* (см.: Çabej 1976–1988, 8, 162). Являясь основным и практически единственным обозначением белого цвета в албанском, слово используется практически во всех возможных контекстах, ср.: *Re të bardha* 'белые облака'; *Pe i bardhë* 'белая вить'; *Kal i bardh* 'белый конь'; *Flok të bardhë* 'белые (светлые) волосы'; *Raca e bardhë* 'белая раса' (F 1980, 101). Связанное с основным значением 'светлый, ясный' проявляется прежде всего при описании природных явлений: *Mëngjes (agim) i bardhë* 'ясное утро (рассвет)'. Это же значение сохраняется (или развивается вторично?) в производном глаголе *zbardh* 'делать белым, белить'; 'рассветать' (*Sapo zbardhi* 'Только что рассвело'), а также 'освещать' (*Drita zbardhi majat* 'Рассвет осветил вершины (гор)' — F 1980, 2210), *idem*). Еще одно значение, тесно связанное с основным — 'относительно светлый, более светлый, чем другой вид, род данного объекта'. В данном значении *i, e bardhë* противопоставляется *i zi, e zezë* 'черный': *Buka e bardhë* 'белый хлеб'.

Переносные значения связаны с семантическим переходом 'белый' > 'счастливый', 'удачливый', 'хороший', 'чистый', 'благородный': *Ditë (orë, jetë) e bardhë* 'Счастливым (удачным) день (час, жизнь)'; *Pleqëri e bardhë* 'Счастливая старость'; *Qofsh i bardhë* 'Будь счастлив!'; *Ka zemër (shpirt) të bardhë* 'У него благородное сердце (душа)'; *Me faqe të bardhë* 'С чистой совестью (букв.: с белым лицом)'. *i, e bardhë* достаточно широко используется в албанском в качестве второго члена именной группы, обозначающей названия ряда тяжелых, как правило заразных болезней. Здесь прилагательное несет явно эвфемистическую функцию: *Gryket e bardha* 'дифтерия (букв. белые горла)', *murtaja e bardhë* 'туберкулез (букв. белая чума)'.
Цветообозначение обладает значительным словообразовательным потенциалом. Среди многих производных слов стоит отметить прилагательные, обозначающие степень выраженности белого цвета (*i, e tëbardhë, i, e bardhemë/e* 'беловатый') и названия мастей животных (*bardhok, bardhak, bardhan, bardhec* и др. 'белой масти'); существительные — названия животных и людей (*bardhë f* 'коза или овца с белой шерстью, девушка с исключительно белой кожей', *bardhonjë f* 'домашнее животное белого цвета, девушка или женщина с белой кожей'). Интерес представляет существительное *e bardhë f* 'белизна, белый цвет'. Во мн. ч. это существительное имеет целый спектр переносных, частично эвфемистических значений: 'мифологические существа типа фей, живущие в горах или под землей', 'бели', 'озимые'.

⁶ Здесь и в дальнейшем я привожу лишь основную этимологическую литературу и не даю альтернативные этимологии в случае, если основная является более или менее общепризнанной.

Особую проблему представляет собой возможная связь *i, e bardhë* с рядом иллирийских топонимов и антропонимов (см.: *Solta* 1980, 50 ff.).

Дополнительный сюжет представляет отношение албанского *i, e bardhë* к ряду восточно-романских лексем (ср. др.-рум. *barzã* 'аист', а также достаточно многочисленные румынские, арумынские и мегленорумынские слова, обозначающие животных разных цветов или с пятнами другого цвета, чем остальная шерсть, и имеющие, как правило, диалектное распространение). В качестве примера приведем др.-рум. *bardzã* 'черная коза' (Трансильвания), арум. *bãrdhuşu* 'беловатый', *bardzã* 'желтовато-белая коза', *bardzu* 'пестрый, пятнистый', мегленорум. *bardz* и т. д. (*Домосилецкая* 2002). Согласно общепринятому мнению восточно-романские слова представляют собой заимствования из албанского (см.: *Orel* 1998, 17; *Калужская* 2001, 22). Любопытно, что арумынские слова были, по всей видимости, вторично заимствованы в южно-албанские диалекты: *barxhë* 'черный козел', 'коричневая коза', *barxhë* 'пестрая коза', 'коза с шеей по цвету отличающейся от цвета всего тела' (*Домосилецкая* 2002), *barxa* 'наполовину белая, наполовину черная коза' (*Çabej* 1976–1988, 8, 172).

Большой интерес для албанской языковой истории представляют производные с корнем *bal-*, образующие обширную семью слов, большинство из которых имеет диалектное распространение и обозначает 'домашнее животное целиком белого цвета или с белым пятном': *bal m* 'белый баран', *bale f* 'белая овца', *balo m* 'белый бык', *balo m* 'белый пес', *balash, balosh m* 'конь или бык с белым пятном на лбу, человек с белыми волосами', *balësore f* 'овца с желтым пятном на лбу', *balë f* 'белое пятно на лбу' и мн. др. (*F* 1980, 86–87; *Домосилецкая* 2002, 105–119). Следует отметить, что «нейтральное» цветообозначение с корнем *bal-* в албанском не представлено.

Албанский языковой материал имеет многочисленные восточно-романские лексические параллели (ср. др.-рум. *bãl, bãlan* 'животное белой масти', *bãlas* 'овца с белой шерстью и бело-желтой мордой' и др.).

Существует две основные гипотезы, объясняющие происхождение албанских (и восточно-романских цветообозначений). Согласно первой алб. **bal-* является рефлексом и.-е. корня **bhel-* 'блестящий, белый', отражающегося в греч. *φάλος* 'белый', литов. *bãlas* 'белый' и др. Тем самым устанавливается связь с алб. *ballë m/n* 'лоб', традиционно возводимому к тому же корню (*Meyer* 1894, 69; *Demiraj* 1997, 87; *Orel* 1998, 15). Румынское слово в данном случае может восходить к тому же корню, а взаимоотношения между албанскими и румынскими рефлексамми могут решаться в рамках общей проблемы албано-румынских отношений в области 'субстратной' лексики (подробный анализ этимологии румынских этимологов см. в: *Калужская* 2001, 96–104). Контраргументом против индоевропейской этимологии албанского слова может служить отражение и.-е. **-l-* как алб. *-l-*, а не *-ll-* (см., однако, *Orel* 2000, 51).

Другая этимология, высказывавшаяся также Густавом Мейером, предлагает видеть в албанских и румынских словах славянские заимствования с корнем *bel-* (*Meyer* 1891, 25; *Orel* 1985, 133–134). Основным аргументом в пользу славянского происхождения данных лексем является замечательный

«словообразовательный параллелизм между ними и славянскими формами» (Калужская 2001, 100). Интерес представляют и явно более поздние славянские заимствования в отдельные албанские диалекты, частично повторяющие более ранние модели: *belec* 'белый пес', *belke* 'ягненок, козленок с белой мордой'; см. также любопытные гибриды: *bellobardh* 'белый баран', *bellobardhë* 'белая овца' (Домосилецкая 2002, 107, 112, 115).

В последнее время В. Э. Орел предложил компромиссное этимологическое решение: *bal* принадлежит к индоевропейскому фонду албанского, тогда как *balash*, *balosh* представляют собой славянские заимствования (Orël 1998, 15).

Светлый

i, e *kthjellët* 'ясный, прозрачный, светлый'. Отглагольное прилагательное от *kthjell*, *kthill* 'очищать, делать ясным, разгонять тучи' (F 1980, 901). Глагол встречается у Бузука, а прилагательное и субстантивированное причастие в памятниках XVII в. Вероятно, первоначальное значение связано с природными явлениями: ясный, то есть чистый, свободный от туч и т. п. Исследователи сходятся в выделении в слове префиксального элемента *k(ë)* (старый непродуктивный преверб с неясным значением), однако этимологические связи корневой морфемы не ясны. Стоит упомянуть близость слова к *fill m* 'нить' (из лат. *filum*), которое дало обширную семью алб. дериватов: *filloj* 'начинать', *filloj* (<*i-filloj*) 'прояснять' и др. (Çabej 1976–1988, 1, 294); объединение с *thëllim*, *fëllim* 'холодный ветер, сильный и сухой холод' (возводится к и.-е. **k'el-* 'холодный' — Demiraj 1997, 394). Маловероятно сближение с *i, e thjeshë* 'простой' (Orël 1998, 200). В качестве характеристики цвета слово употребляется достаточно редко.

i, e *çelur* — основное значение 'открытый', адъективированное причастие от глагола *çel* 'открывать'. Глагол засвидетельствован у Бузука. Начиная с Н. Йокля глагол сравнивают с литов. *skeliu*, *skëlti* 'расщеплять', др.-сакс. *skilfa mc* (и.-е. **skel-*), возможно, исходная форма глагола была **shel*, а в *çel* мы имеем образование с превербом *t-* (*t-shel*, ср. *më-shel*, *më-shel* 'открывать' у старых гегских авторов — Orël 1998, 51). Прилагательное широко используется для обозначения 'светлого цвета' (*ngjyrë e çelur* 'светлый цвет, светлая краска') и как модификатор цветообозначения (*ngjyrë e kuqe e çelur* 'светло-красный цвет, светло-красная краска').

i, e *hapur* — основное значение 'открытый', адъективированное причастие от глагола *hap* 'открывать'. Также один из распространенных албанских глаголов, засвидетельствованный начиная с первых албанских памятников. Возводится к и.-е. корню *sker-* 'раскалывать, расщеплять' (Meyer 1891, 146; Orël 1998, 142). Использование прилагательного в системе цветообозначений практически идентично использованию **i, e çelur** (*ngjyrë e hapur* 'светлый цвет: светлая краска', *ngjyrë e kuqe hapur* 'светло-красный цвет, светло-красная краска')⁷.

⁷ И *hap*, и *çel* встречаются в обоих албанских диалектах, но *çel* более употребителен в гегском ареале, а *hap* — в тоскском.

Блестящий

i, e ndritur — ‘блестящий, испускающий свет’, адъективированное причастие от глагола *ndrit* ‘испускать свет, блестеть, блистать, освещать’ (*I ka sy të ndritur* ‘у него блестящие глаза (глаза блестят)’ — F 1980, 1222). Глагол, в свою очередь, является отыменным образованием от *dritë f* ‘свет’, слова, зафиксированного еще у Бузука и восходящего, согласно наиболее распространенной этимологии, к и.-е. корню **derk'*-, ср. др.-сакс. *torht* ‘яркий, светлый» и др. (Demiraj 1997, 145; Orel 1998, 75; другую точку зрения см.: Çabej 1982–2002, 3, 323). Прилагательное *i ndritur* впервые встречается у Фр. Барди: *Perillustris I ndritur* (Çabej 1982–2002). Параллельно используется прилагательное *i, e ndritshëm/shme* ‘блестящий, сверкающий, освещенный, ясный’ (*Diell i ndritshëm* ‘сверкающее солнце’, *Sy të ndritshëm* ‘блестящие глаза’). Прилагательные с суффиксом *-shëm m, shme f*, образующиеся от причастий и обозначающие способность к выполнению действия, являются гегскими формами, вошедшими в литературный язык.

i, e shkëlqyer ‘блестящий, сверкающий, сияющий, яркий’, адъективированное причастие от глагола *ndrit* ‘испускать свет, блестеть, блистать, освещать’ (*Dritë e shkëlqyer* ‘сияющий свет’, *Cipë e shkëlqyer* ‘блестящая кожа’ — F 1980). Глагол фиксируется у старых албанских авторов (в частности у Фр. Барди, см.: Mann 1948, 451). Согласно общепринятой этимологии является отыменным глаголом от *qelk m* ‘стекло’ < лат. *calix, calique(m)* ‘кубок, бокал’ (Meyer 1891, 221; Orel 1998, 419). Параллельно используется прилагательное *i, e shkëlqyeshëm/shme* ‘блестящий, сверкающий, сияющий, яркий’ (*Flakë e shkëlqyeshme* ‘яркое пламя’, *Sipërfaqe e shkëlqyeshme* ‘блестящая поверхность’, *shkëlqyes/e mo* (*Sipërfaqe shkëlqyese* ‘блестящая поверхность’ — F 1980).

Яркий

i, e ndezur, адъективированное причастие от глагола *ndez* ‘зажигать’. Основные значения ‘горящий; включенный, работающий (о лампах и разнообразных электрических и механических приспособлениях); яркий’. Выступает как характеристика общих цветовых свойств объекта (*Ngjyra të ndezura* ‘яркие цвета (краски)’, *Lule të ndezura* ‘яркие цветы’) и как модификатор цветообозначения (*E kuqe e ndezur* ‘ярко-красный (цвет)»). Глагол, зафиксированный еще у Бузука и в разных формах представленный по диалектам, с точки зрения этимологии представляет собой, по всей видимости, каузатив, родственный *djeg* ‘зажигать’ (праформа **dog^mhejō-*. Алб. слова родственны литов. *degù* ‘зажигать и др. (Pedersen 1900, 323–324; Demiraj 1997, 286; Orel 1998, 284).

Бледный

i, e zbehtë отглагольное прилагательное от *zbej* ‘делать бледным’ (параллельная, более старая форма *zbej*), *zbehet* ‘бледнеть, становиться бледным’. Глагол представляет собой, вероятнее всего, приставочное образование от пралб. **banjo-*, давшего алб. *bāj bëj* ‘делать’ и родственного др.-инд. *bhāti* ‘светить’, греч. *φαίνω* ‘появляться’ и др. (об этимологии *zbej*,

zbeh см. *Orel* 1998, 320). Основные значения *i, e zbehtë* 'бледный (о человеке)', 'имеющий мало света, неяркий' (*Drita e zbehtë* 'неяркий свет'), прилагательное выражает еще и слабую интенсивность цвета: *Ngjyrë e zbehtë* 'бледный (неяркий) цвет (краска)', а также выступает как модификатор цветообозначения: *E kuqe (e verdhë, e kaltër) e zbehtë* 'бледно-красный (-желтый, -синий цвет)' — *F* 1980, 2213–14). Очень близко по значению к *i, e zbehtë* адъективированное причастие от того же глагола *i, e zbehur*, в его значение вносится лишь дополнительный оттенок результативности (*Ngjyrë e zbehur* 'поблекшая краска (цвет)').

Черный

Основное обозначение черного цвета *i zi m, e zezë f* (мн. ч. *të zez të zinj m, të zeza*) также относится к индоевропейскому слою албанской лексики. Слово принадлежит к небольшой группе распространенных алб. прилагательных, демонстрирующих в строении парадигмы отклонения от продуктивного типа. Прилагательное не имеет однозначной этимологической трактовки. Наиболее распространенная этимология связывает его с литов. *gėda* 'стыд', слав. *gadyъ, gadььъ*, др.-сакс. *swėad* 'плохой', ср.-верх.-нем. *quđt* 'грязный' и т. д. < и.-е. **g^wedh* (*i zi* < **g^wedhijos* — с выпадением интервокального звонкого; *e zezë* < **g^wedhja* — *Jokl* 1911, 100 ff.; *Orel* 1998, 524). Существуют и альтернативные этимологии. Э. Чабей, развивая идею об отражении и.-е. -j- как алб. Z, сравнивал алб. слова с литов. *juodas* 'черный', латыш. *juods* 'злой демон', возводя их тем самым к и.-е. **iodyos* (> *i zi*), **iodya* (> *e zezë*) — *Čabej* 1976–1988, 2, 326). Б. Демирай предложил видеть в *i zi* родственника др.-греч. *φαίος* 'серый, темно-серый, черноватый', *φαίδμος* 'блестящий' <и.-е. **g^{wh}ni*-(d-), **g^{wh}iH*-(d-)) — *Demiraj* 1997, 428).

Центральное значение алб. *i zi* 'черный' мы находим в первых памятниках албанского языка. Будучи основным обозначением черного цвета в албанском, слово используется практически во всех возможных контекстах: *Bojë e zezë* 'черный цвет'; *Rroba (kripisë, çorape) të zeza* 'черные одежды (башмаки, носки)'; *Mace e zezë* 'черная кошка'. Тесно связано с основным цветовым значением (а в историческом плане, возможно, первоначально) значение 'темный, более темного цвета, чем другой вид, род данного объекта': *Vukë e zezë* 'черный хлеб'. Отсюда дальнейшее развитие переносных значений: 'неочищенный', 'грубый', 'предназначенный для грубых нужд' и т. п. — ср. *Kripa e zezë* 'Черная (неочищенная) соль'; *Kanale të zeza* 'Трубы, предназначенные для слива отходов, канализационные трубы' (*F* 1980). В этом своем значении *i zi* противопоставляется *i bardh*.

Основное переносное значение *i zi* 'несчастный, злосчастный, со злой судьбой' (в этом отношении албанский сходен с другими балканскими языками, см.: *Čabej* 1976–1988, 4, 31). Данное значение мы видим в первых памятниках албанского языка (*Vizuk* 1968, 1, 208), оно встречается и в устойчивых выражениях (*me faqe të zeza* 'букв.: с черным лицом; иметь чрезвычайно грустный вид'). Имеется и переносное значение 'плохой, злой' (*E ka shpirtin e zi* 'у него черная душа').

Как и *i bardhë*, *i zi* употребляется в качестве второго члена именной группы, обозначающей названия тяжелых, обычно заразных болезней, при этом, иногда пары со вторыми членами *i*, *e bardhë* — *i zi*, *e zezë* противопоставляются друг другу: *murtajë e zezë* ‘чума’ (так же, как и просто *murtajë*) — *murtajë e bardhë* ‘туберкулез’).

Цветообозначение принадлежит к обширному словообразовательному гнезду. Прежде всего, следует упомянуть существительное *zi f*, встречающееся у Бузука в значении тождественном отглагольному *të zitë*. В современном языке это слово обладает рядом значений ‘печаль по поводу чьей-либо смерти, траур, траурная одежда, несчастье, голод’ (последнее значение см. еще у Барди: *Penuria Zia*, см. *Çabej* 1976–1988, 2, 325). Чабей вслед за Йоклем считал, что именно *zi* является первичным албанским этимологом, а прилагательное явилось результатом его адъективации (*Çabej* 1976–1988, 2, 326). Эта идея способна пролить свет на развитие значений албанского цветообозначения, но нуждается в дальнейшей аргументации (связанной, в частности, с разработкой достаточно сложной проблемы истории развития артикулированных албанских прилагательных). Противоположного мнения придерживается Б. Демирай, считающий существительное *zi* результатом субстантивации прилагательного (*Demiraj* 1997, 427).

Из многочисленных производных, связанных с *i zi*, *e zezë* следует отметить прилагательные *i, e zeshkët, zeshkan, e* ‘темный, смуглый’; *i, e zyrtë* (существует и форма *i, e zim*) ‘мрачный’, глаголы *nxij, zitoj, nxiroj* ‘делать черным’ и многие другие. Надо отметить, что данное словообразовательное гнездо чрезвычайно обширно, разнообразно в плане используемых моделей и часто демонстрирует достаточно архаичные способы словообразования. Производные от *i zi* используются и для обозначения названий домашнего скота по цвету (*ze f* ‘черная корова’, *zik* ‘черный бык’ и др. — *Demiraj* 1998, 427), хотя и не являются в данной семантической группе самыми распространенными.

Другие обозначения черного цвета являются менее распространенными и часто ограничены определенными семантическими сферами. Так, в сфере обозначения окраски скота широко используется интересный в балканистическом плане корень *llaj-* (*llajë f* ‘абсолютно черная овца или корова’, *llajush m* ‘абсолютно черный бык или баран’). Это слово несомненно связано с др.-рум. *lai* ‘черный, темный, темно-серый (о масти домашних животных)’, арум. *laim* то же, см. также греч. *λάιυος* ‘черный’ (*Калужская* 2001, 38; *Домосилецкая* 2002, 438). Слово часто рассматривается как субстратное (см., например, *Асенова* 1989, 33). Румынское слово возводят к лат. *labes* ‘пятно’. Не исключено, что албанское слово могло быть заимствовано из восточно-романского.

Из других терминов — названий скота черного (или темного) цвета следует упомянуть производные с корнем *gal-* (из слав. **gal-* ‘черный’, ср. также алб. *galë* ‘галка’ — *Orel* 1998, 108), а также производные от албанских названий черных птиц *sorgë f* ‘ворона’ (скорее всего от и.-е. **k^wer-* ‘черный’, см. *Orel* 1998, 398; *Demiraj* 1997, 355 и др.), *koqë m* ‘ворон’ (< лат. *corvus*).

Имеется ряд более редких и контекстно ограниченных обозначений черного цвета. Сюда относится *kalesh*, е 'черный (о бровях, ресницах, волосах); чернобровый и черноглазый (о людях), с черной шерстью, с черными пятнами вокруг глаз (о скоте)', но и: 'с большим количеством шерсти'. Слово представляет собой, по всей видимости, образование с преформантом *ka-* (*kë*) от *lesh* 'шерсть' (Meyer 1891, 170; Orel 1998, 165).

sterrë 'очень черный, очень темный' (*Natë sterrë* 'очень темная ночь = ни зги не видно', *Me leshrat sterrë* 'с черными волосами'); 'очень мрачный, сумрачный', 'злодей'. Слово, принадлежащее, по преимуществу к народной речи, возводится Чабеем к *sterrë f* (из греч.) 'колодец, вырытый в земле для хранения дождевой воды' (семантический переход через выражение типа 'темно как в колодце'). В. Орел предлагает видеть здесь образование с помощью экспрессивного префикса *s-* от *terr* 'тьма' (Orel 1998, 402, 452).

i, e irnuar 'имеющий темный цвет, близкий к черному' (*Tokë e irnuar* 'черная земля', *Mure të irnuara* 'черные (темные) стены'. В настоящее время более распространены значения 'грязный, не стиранный (о белье)', 'потемневший (о лице)' — F 1980, 729. Адъективированное причастие от глагола *irnoj* 'чернить, грязнить', засвидетельствовано еще у старых авторов (Буди), первоначальное значение, по-видимому, 'иссиня-черный'; в диалектах встречается и первичное прилагательное *irë* 'темный, серо-коричневый' (подробный анализ встречающихся форм см. в Çabej 1976–1988, 1, 244–245; см. также Mann 1948, 167). Этимология не ясна. В. Орел предлагает видеть здесь морфологический вариант к *err* 'делать темным (о природных явлениях, например, небо)', 'задерживать до наступления ночи', 'ослеплять (о солнце и др. природных явлениях)' *i, e errët* 'темный' (Orel 1998, 155). Это, однако, сомнительно по семантическим причинам.

Темный

murg, e; i, e murgët; i murgmë, e murgme; murg,e; i, e murrët 'темный, темно-серый, бурый' (*Arrushë e murgët* 'бурая медведица', *Këmishë e murrmë* 'темная рубашка', *Në ngjyrë të murrmë* 'в темных (темно-серых) цветах', *Qen i murrët* 'собака темного цвета'). Все прилагательные этого обширного и по-разному представленного в диалектах семейства имеют дополнительное значение 'пасмурный, мрачный (о погоде)'. От всех слов образуются многочисленные производные, обозначающие животных соответственного цвета (подробный обзор названий домашнего скота см. Домосилецкая 2002, 163–167).

Этимологическая история у слов разная. Для этимонов с *-g*, имеющих балканские параллели (ср. др.-рум. *murg* 'гнедой, темно-коричневый', арум. *turgi*, мегленорум. *turg*, — Калужская 2001, 41), с одной стороны, предлагается видеть заимствование из греч. (α)μουργα, αμόρτυ 'осадок в масле или в вине', м. б. через посредство лат. *aturca* (Meyer 1891, 292); с другой стороны, к ним находят индоевропейские параллели, выводя их либо из и.-е. корней **mrg/merg* (др.-исл. *myrkr* 'мрак', рус. *мрак*, литов. *márgas* 'разноцветный', *mírguoti* 'мерцать' — Orel 1998, 278; см. также: Калужская 2002, 1, 41).

Формы *turr*, *turrhtë*, *turrët* возводят к и.-е. основе **meu-go* ‘грязный’ (см. литов. *mūras* ‘грязь’ и др., см. Orel 1998, 279). Следует заметить, что невзирая на этимологические контroversы, вышеприведенные албанские слова и формы должны были, по крайней мере, влиять друг на друга в ходе исторического развития. Прояснить вопрос об их общем или, напротив, разном происхождении в какой-то степени могло бы подробное диалектное картографирование.

i и *errët* прилагательное, образованное от глагола *err* ‘темнеть (о природных явлениях, например, небе)’, ‘задерживать до наступления ночи’, ‘ослеплять (о солнце и др. природных явлениях)’. Глагол и отпричастное существительное засвидетельствованы у Бузука, прилагательное у П. Буди и Фр. Барди. Слово не имеет общепризнанной этимологии. Йокль сравнивал его с греч. *ἐρεβος* ‘Эреб, подземный мир’ (Jokl 1911, 21); Орел предлагает исходить из праформы **ausga* и сравнивает алб. слово с литов. *aušrà* ‘рассвет’ (Orel 1998, 89–90); Чабей связывает его с алб. *rë*, *re* ‘облако, туча’ (что маловероятно — ср. Çabej 1976–1988, 3, 98–100). В любом случае основное значение прилагательного *i*, *e errët* ‘темный, лишенный света’. В цветовой сфере оно обозначает темный цвет, близкий к черному (*Ngjyrë e errët* ‘темный цвет (краска)’. *Syze të errëta* ‘темные очки’) и выступает в качестве модификатора цветообозначения: *E kuqe (blu, e gjelbër) e errët* ‘темно-красный (-голубой, -зеленый цвет)’ — F 1980, 434.

i, *e mbyllur* — основное значение ‘закрытый’, адъективированное причастие от глагола *mbyll* ‘закрывать’. Глагол засвидетельствован у старых авторов. В. Орел видит здесь приставочное образование и сравнивает реконструируемую праформу **ambi-welo* с обширной семьей и.-е. слов со значением ‘окружать, поворачивать’ (др.-инд. *valati* и др. — Orel 1998, 254). Прилагательное широко используется для обозначения темного цвета (*ngjyrë e mbyllur* ‘темный цвет, темная краска’) и как модификатор цветообозначения (*e kuqe e mbyllur* ‘темно-красный (цвет, краска)’).

i, *e thellë* — основное значение ‘глубокий’. Прилагательное засвидетельствовано у Бузука. Х. Педерсен реконструировал праформу **kowilo-*, сравнивавшуюся им с греч. *κοῖλος* ‘полый’ (Pedersen 1900, 332; см. также: Orel 1998, 474; Demiraj 1997 394–395; иная этимология в: Çabej 1976–1988, 2, 204–205). Прилагательное используется как модификатор цветообозначения (*blu e thellë* ‘темно-голубой (цвет, краска)’).

Литература

- Асенова П. Балканско езикознание. София, 1989.
- Десницкая А. В. Албанская литература и албанский язык. Л., 1987. С. 204–252.
- Домосилецкая М. В. Албанско-восточнороманский сопоставительный понятийный словарь. Скотоводческая лексика. СПб., 2002.
- Жугра А. В., Сытов А. П. Албанский язык // Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. I. Л., 1990. С. 46–91.

- Калужская И. А.* Палеобалканские реликты в современных балканских языках. М., 2001.
- Орел В. Э.* Балканские этимологии // Этимология 1983. М., 1985.
- Селищев А. М.* Славянское население в Албании. София, 1931 (репринтное переиздание — София, 1981).
- Ashta K.* Leksiku historik i gjuhës shqipe. Shkodër, 1996.
- Boretzky N.* Der Türkische Einfluß auf das Albanische I–II. Wiesbaden, 1975–1976.
- Buzuk* (цхт. по: Çabej E. Meshari i Gjon Buzukut. Vol. I–II. Tiranë, 1968).
- Çabej E. St. Gj.* — Çabej E. Studime gjuhësore. Vol. 1–8. Prishtinë, 1976–1988.
- Çabej E. St. Et.* — Çabej E. Studime etimologjike. Vol. 1–6. Tiranë, 1982–2002.
- Demiraj B.* Albanische Etymologien (Untersuchungen zum albanischen Erbwortschatz). Amsterdam; Atlanta, GA, 1997.
- Demiraj Sh.* Gramatikë historike e gjuhës shqipe. Tiranë, 1985.
- F 1980 — Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Tiranë, 1980.
- Haarman H.* Der Lateinische Lehnwortschatz im Albanischen. Hamburg, 1972.
- Helbig R.* Die italienischen Elemente im Albanesischen. Leipzig, 1903.
- Joki N.* Studien zur albanesischen Etymologie und Wortbildung. Wien, 1911.
- Mann S. A* Historical Albanian-English Dictionary. London; New York; Toronto, 1948.
- Meyer G.* Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Straßburg, 1891.
- Meyer G.* Neugriechische Studien 2. Leipzig, 1894.
- Mihăescu H.* Les éléments latins de la langue albanaise // Revue des études sud-est européennes. 1966. T. 4. P. 5–33, 323–353.
- Orel V.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998.
- Orel V. A.* Concise Historical Grammar of the Albanian Language. Leiden; Boston; Köln, 2000.
- Pedersen H.* Die Gtturale im Albanesischen // Zeitschrift für vergleichende sprachforschung. 1900. 36.
- Solta G. R.* Einführung in die Balkanlinguistik mit besonderer Berücksichtigung des Substrats und des Balkanlateinischen. Darmstadt, 1980.
- Svane G.* Slavische Lehnwörter im Albanischen. Aarhus, 1992.
- Tagliavini C.* L'alanese di Dalmazia. Firenze, 1937.
- Vătăşescu C.* Vocabularul de origine latină din limba albaneză în comparație cu româna. Bucureşi, 1997.
- Ylli Xh.* Das slavishe Lehngut im Albanischen. I. Teil. Lehnwörter. München, 1997.

IV. БИБЛИОГРАФИЯ ПО АНТРОПОЛОГИИ ЦВЕТА

Составитель — Л. В. Самарина

Краткое предисловие

Настоящая Библиография объединяет широкий спектр исследований, которые относятся к междисциплинарной области знания, условно обозначенной автором как «антропология цвета». При этом акцент делается на проблеме отношений между цветом как психофизической реальностью, цветовой лексикой индоевропейских народов и многообразием форм функционирования цвета в культуре. В интересах более широкого сопоставительного дискурса, в ряде случаев, автор счел полезным не ограничиваться только источниками по индоевропейским языкам и культурам.

Представленные в Библиографии работы объединены в следующие разделы:

- I. Общая теория и методы анализа.
- II. Термины цвета в письменных памятниках. Этимология отдельных цветоименований.
- III. Цветовосприятие и системы цветообозначения (естественнонаучный аспект).
- IV. Цветовосприятие и системы цветообозначения в разных языках (социокультурный аспект).
- V. Цветообозначения в разных языках (этнопсихолингвистический и сопоставительный аспекты).
- VI. Цвет и цветообозначение как культурный знак — образ, символ, метафора — в социокультурной практике, мифологии, фольклоре, литературе. Цветовые предпочтения в различных культурах мира.
- VII. Гендерно-возрастные и социальные различия в цветовосприятии и категоризации цвета.
- VIII. Лексика цветообозначения в художественной литературе, священных текстах и фольклоре.
- IX. Словари и атласы.

Х. Смежные области исследований и прикладные аспекты (антропология, этнография, психология, перевод, реклама).

Библиография не претендует на полноту отраженных источников, и по ряду причин не может быть озаглавлена «Основные источники». Прежде всего, далеко не все они известны автору. Кроме того, среди зарубежных количественно преобладают наиболее доступные автору англоязычные. И хотя по понятным причинам именно эта группа источников наиболее объемна, все же корпус источников на других европейских языках, по мнению автора, мог бы быть полнее. И наконец, значительное число источников оказались за пределами Библиографии, поскольку ее объем ограничен объемом данного издания. По той же причине целесообразная идея повторного указания источника в разных рубриках если одна публикация имеет отношение к нескольким проблемам, не везде была проведена последовательно. Приходилось выбирать — в какой из рубрик данный источник будет оптимально значимым. Пришлось отказаться и от первоначального гораздо более подробного структурирования Библиографии и свести ее в более крупные разделы. Поэтому иногда трудно провести тематические границы между разделами, их содержание во многом пересекается, особенно это заметно, например, в разделах II, VI и VIII.

Но и с учетом вышеперечисленных оговорок, Библиография представляет, по нашему мнению, определенную ценность, поскольку в целом отражает основные направления исследований по проблематике «антропология цвета», тенденции в развитии тех или иных идей в данной области и может служить ориентиром для поиска источников по конкретным проблемам.

При подготовке библиографии самым существенным подспорьем послужили библиографические разделы книг, сборников и отдельных статей, прежде всего:

Василевич А. П. Языковая картина мира цвета. Методы исследования и прикладные аспекты: Диссертация в виде научного доклада, составленного по опубликованным работам и представленного к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2003.

Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига/URSS, 2005.

Кузьмина В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001.

Самарина Л. В. Традиционная этническая культура и цвет (Основные направления и проблемы зарубежных исследований) // *Этнографическое обозрение*. 1992. 2. 147–156.

Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley-Los Angeles: U. of California Press, 1969.

The Language of Color in the Mediterranean. An Anthology on Linguistic and Ethnographic Aspects of Color Terms. *Borg A.* (ed.) // *Acta Universitatis Stockholmiensis*. Stockholm Oriental Studies. 16. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1999.

Voir et Nommer les Couleurs. *Tornay S.* (ed.). Nanterre: Laboratoire d'ethnologie et de sociologie comparative, 1978.

Zollinger H. Color: A Multidisciplinary Approach. Zürich: Verlag Helvetica Chemica Acta, 1999.

С другой стороны, мы сознательно не учли литературу, представленную в ссылках работ настоящего сборника. И последнее. В данной библиографической подборке очевидно заметное преобладание зарубежных источников над отечественными. Причины такой диспропорции — тема отдельного обсуждения. Однако считаем уместным привести список отечественных публикаций, чей вклад в исследование данной темы представляется наиболее значительным.

Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975.

Василевич А. П. Обозначение цвета в современном русском языке. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 7699. 1981.

Василевич А. П. Русско-англо-немецко-французские термины цветообозначения // Тетради новых терминов. Вып. 98. М.: ВЦП, 1986.

Василевич А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначения в языках разных систем). М.: Наука, 1987.

Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Каталог названий цвета в русском языке. М.: Смысл, 2002.

Грановская Л. С. Прилагательные, обозначающие цвет в русском языке XVII–XX вв.: Дис. ... канд. наук. М., 1964.

Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001.

Москович В. А. Статистика и семантика. Опыт статистического анализа семантического поля. М.: Наука, 1969 (главы I и II посвященные изучению семантического поля цветообозначений).

Серов Н. В. Античный хроматизм. СПб.: Лисс, 1995.

Серов Н. В. Хроматизм мифа. Л.: Васильевский остров, 1990.

Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984.

Яньшин П. В. Введение в психосемантику цвета. (Изд. 2-е). Самара: СамГПУ, 2001.

Список сокращений, принятых в библиографии

Книги

Проблемы цвета... — Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии. Материалы круглого стола. М.: ИЯз РАН, 2004.

Цвет и названия цвета... — *Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.* Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига/URSS, 2005.

Цвет в нашей жизни... — Цвет в нашей жизни: Хрестоматия по психологии (сер. *Познать человека*) // Сост. А. А. Криулин. Курск: Курскинформпечать, 1993.

- Anthropology of Color... — Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling // *MacLaury R. E., Paramei G. V. & Dedrick D.* (Eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2006 (forthcoming).
- Nazwy barw i wymiarów... — Nazwy barw i wymiarów. Colour and measure terms // Stockholm: Stockholms universitet. Slaviska institutionen, 1997.
- Studia z semantyki... — Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw. Nazwy wymiarów. Predykaty mentalne. Cz. I // *pod red. naukową R. Grzegorzycykowej i K. Waszakowej*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. 2000.
- The Language of Color... — The Language of Color in the Mediterranean. An Anthology on Linguistic and Ethnographic Aspects of Color Terms // *Borg A.* (ed.) *Acta Universitatis Stockholmiensis*, Stockholm Oriental Studies. 16. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1999.
- Voir et Nommer... — Voir et Nommer les Couleurs // *Tornay S.* (ed.). Nanterre: Laboratoire d'ethnologie et de sociologie comparative, 1978.
- Zollinger H. Color... — *Zollinger H.* Color: A Multidisciplinary Approach. Zürich: Verlag Helvetica Chemica Acta, 1999.

Периодика

- КЭС — Кавказский этнографический сборник.
- C-CR — Cross-Cultural Research. The Journal of Comparative Social Studies.

I. Общая теория и методы анализа

- Василевич А. П.* Двухязычные лексические эквиваленты для младописьменного языка: специфика поиска и психолингвистические пути решения // Перевод и коммуникация. М.: ИЯЭ. РАН, 1997. 219–234.
- Василевич А. П.* Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначения в языках разных систем). М.: Наука, 1987.
- Василевич А. П.* Языковая картина мира цвета. Методы исследования и прикладные аспекты: Диссертация в виде научного доклада, составленного по опубликованным работам и представленного к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2003.
- Василевич А. П.* О современных тенденциях развития лексики цветообозначения // Проблемы цвета... 2004. 5–14.
- Василевич А. П.* Современные тенденции развития лексики цветообозначения // Василевич А. П. и др. Цвет и названия цвета... 2005. 9–32.
- Вежбицкая А.* Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // А. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1997. 231–290.
- Корж Н. Н., Сафуанова О. В.* О категоризации цветового пространства в языке // Проблемы цвета... 2004. 20–24.
- Михеев А. В.* Психолингвистическое исследование семантических отношений (на материале слов-цветообозначений): Дис. ... канд. наук. М., 1970.
- Нещипенко Г. П.* (ред.). Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М.: Наука, 1994.

- Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Рус. словари, 2000.
- Рахилина Е. В.* Семантика прилагательных цвета: сочетаемостный подход // Проблемы цвета... 2004. 44–47.
- Серов Н. В.* Хромотизм мифа. Л.: Васильевский остров, 1990.
- Татаринов В. А.* Теория терминоведения: Т. 1. Теория термина: история и современное состояние. М.: Московский Лицей, 1996.
- Уорф Б.* Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: ИЛ, 1960. 169–182.
- Фрумкина Р. М.* О методе изучения семантики цветообозначения // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1978. Вып. 10. 142–161.
- Фрумкина Р. М.* Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа М.: Наука, 1984.
- Яворьска Г. М.* Мовні концепти кольору (до проблеми категоризації) // Мовознавство. 1999. 2–3. 42–50.
- Alliote R. M.* Some apparent uniformities between languages in color naming // Lang. Speech. 1974. 17. 4. 377–402.
- Aivarado N., Jameson K. A.* Confidence Judgments on Color Category Best Exemplars // C-CR. 2005. 39. 2. 134–158.
- Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling // MacLaury R. E., Paramei G. V. & Dedrick D.* (Eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2006 (forthcom.).
- Babić L.* Boja i sklad. Zagreb: ALU, 1943.
- Berlin B. A.* Universalist-Evolutionary Approach in Ethnographic Semantics // Current Directions in Anthropology. Bull. Am. Anthropol. Ass. 1973. 2. 3–18.
- Berlin B., Kay P.* Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley-Los Angeles: U. of California Press, 1969.
- Bidu-Vrânceanu A.* Systématique des noms de couleurs: Recherches de methode en semantique structurale. București: Ed. Acad. Rep. Soc. România, 1976.
- Bornstein M. H.* Color vision and color naming: A psychophysiological hypothesis of cultural difference // Psychol. Bull. 1973. 80. 4. 257–285.
- Bornstein M. H.* Hue Categorization and Color Naming: From Cognition to Language to Culture // Anthropology of Color... 2006 (forthcom.).
- Boster J. S.* Can individuals recapitulate the evolutionary development of color lexicons? // Ethnology. 1986. 25. 1. 61–74.
- Carroll J. B.* Words, meanings, and concepts // Harvard Educ. Rev. 1964. 34. 178–202.
- Chapanis A.* Color names for color space // Am. Sci. 1965. 53. 3. 327–346.
- Collier G. A. et al.* Further evidence for universal color categories // Language. 1976. 52. 4. 884–890.
- Conklin H. C.* Hanunoo color categories // Southwest. J. Anthropol. 1955. 11. 339–344.
- Conklin H. C.* Color Categorization. Review of Basic Color Terms, by Brent Berlin and Paul Kay // Am. Anthropol. 1973. 75. 4. 931–942.

- Corbett G. G., Davies I. R.* Linguistic and Behavioral Measures for Ranking Basic Colour Terms // *Stud. in Lang.* 1995. 19. 301–357.
- Dedrick D.* Explanation and Color-Naming Research // *C-CR.* 2005. 39. 2. 111–133.
- Dougherty J. W. D.* On the significance of a sequence in the acquisition of basic colour terms // *Campbell R. N. and Smith P. T. (eds.), Recent Advances in the Psychology of Language.* N. Y.-London: Plenum-Press, 1978. 133–148.
- Durbin M.* Review of Basic Color Terms // *Semiotica.* 1972. 6. 3. 257–278.
- Ember M.* Size of color lexicon: Interaction of cultural and biological factors // *Am. Anthropol.* 1978. 80. 364–367.
- Feldman J.* The simplicity principle in human concept learning // *Curr. Dir. Psychol. Sci.* 2003. 12. 227–232.
- Furbee N. L. et al.* The emergence of color cognition from color perception // *J. Ling. Anthropol.* 1997. 6. 223–240.
- Gellatly A.* Linguistic and Cultural Influences on the Perception and Cognition of Colour, and on the Investigation of Them // *Mind & Lang.* 1995. 10. 199–225.
- Hardin C. L.* Color for philosophers: Unweaving the rainbow. Indianap.-Camb.: Hackett Publ. Co, 1988.
- Hardin C. L.* Explaining Basic Color Categories // *C-CR.* 2005. 39. 1. 72–87.
- Heider E. R.* «Focal» colour areas and the development of names // *Devel. Psychol.* 1971. 4. 3. 447–455.
- Heider E. R.* Universals in color naming and memory // *J. Exp. Psychol.* 1972. 93. 10–20.
- Heinrich A. C.* Changing anthropological perspectives on color-naming behavior // *J. Psychol. Anthropol.* 1978. 1. 3. 341–363.
- Hering E.* Outlines of a theory of the light sense. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press. 1964 (First published in 1878).
- Hickerson N. P.* Review of Basic color terms: their universality and evolution, by Brent Berlin and Paul Kay // *Int. J. Am. Ling.* 1971. 37. 257–270.
- Hilbert D. R.* Color and Color Perception: A Study in Anthropocentric Realism. Stanford: Center Study Lang. & Inform., 1987.
- Jameson K. A.* Introductory Remarks on Cognition, Culture, and Color Experience // *C-CR.* 2005. 39. 1. 5–9.
- Jameson K. A.* On the Role of Culture in Color Naming: Remarks on the Articles of Paramei, Kay, Roberson, and Hardin on the Topic of Cognition, Culture, and Color Experience // *C-CR.* 2005. 39. 1. 88–106.
- Jameson K. A.* Why GRUE? An Interpoint-Distance Model Analysis of Composite Color Categories // *C-CR.* 2005. 39. 2. 159–204.
- Jameson K. A. & Alvarado N.* The Relational Correspondence between Category Exemplars and Names // *Philos. Psychol.* 2003.16 (1). 25–49.
- Jernudd B. H., White G. M.* The concept of basic color terms: Variability in For and Arabic // *Anthropol. Ling.* 1983. 25. 1. 61–81.
- Jespersen O.* Language: its nature, development, and origin. Boston: Longwood Press, 1980. Chap. 13.

- Kay P.* Synchronic Variability and Diachronic Change in Basic Color Terms // *Lang. Soc.* 1975. 4. 257–270.
- Kay P.* Color Categories Are Not Arbitrary // *C-CR.* 2005. 39. 1. 39–55.
- Kay P., McDaniel C. K.* The linguistic significance of the meanings of basic color terms // *Language.* 1978. 54. 610–646.
- Kay P., Berlin B., Merrifield W. R.* Biocultural implications of systems of color naming // *J. Ling. Anthropol.* 1991. 1. 1. 12–25.
- Kertulla S.* Measuring the Relative Basicness of Color Terms // *Anthropology of Color...* 2006 (forthcom.).
- Lenneberg E. H.* Cognition in ethnolinguistics // *Language.* 1953. 29. 4. 463–471.
- Lenneberg E. H.* A probabilistic approach to language learning // *Behav. Sci.* 1957. 2. 1. 1–12.
- Lenneberg E. H.* Color naming, color recognition, color discrimination: a reappraisal // *Percep. Motor Skills.* 1961. 12. 375–382.
- Lenneberg E. H., Roberts J. M.* The language of experience, a study in methodology // *Int. J. Am. Ling.* 1956. 22. 2. Memoir 13.
- Lucy J. A.* Whorf and his critics: Linguistic and nonlinguistic influences on color memory // *Am. Anthropol.* 1979. 81. 581–607.
- Lumsden C. J.* Color categorization: A possible concordance between genes and culture // *Proceed. Nation. Acad. Sci. USA.* 1985. 82. 5805–5808.
- MacLaury R. E.* From brightness to hue: An explanatory model of color-category evolution // *Curr Anthropol.* 1992. 33. 137–186.
- MacLaury R. E.* Basic Color Terms: Twenty-five years after // *The Language of Color...* 1999. 1–37.
- MacLaury R. E.* So-Called Brightness in Color Ethnography: Potentials for LCD Technology in Fieldwork and Categorization Research // *C-CR.* 2005. 39. 2. 205–227.
- MacLaury R. E.* Categories of Desaturated-Complex Color: Sensorial, Perceptual, and Cognitive Models // *Anthropology of Color...* 2006 (forthcom.).
- Matore G.* A propos du vocabulaire des couleurs // *Ann. l'Univer. Paris.* 1950. 28. 137–150.
- Newcome P., Faris J.* Review of Basic color terms // *Int. J. Amer. Ling.* 1971. 37. 4. 270–275.
- Paramei G. V.* Singing the Russian Blues: An Argument for Culturally Basic Color Terms // *C-CR.* 2005. 39. 1. 10–38.
- Proshansky H., Seidenberg B.* (eds.). Basic studies in social psychology. NY: Holt Rinehart & Winston, 1966. 244–252.
- Ray F. V.* Techniques and Problems in Study of Human Color Perception // *Southwest. Journ. Anthropol.* 1952. 8. 3.
- Roberson D.* Color Categories Are Culturally Diverse in Cognition as Well as in Language // *C-CR.* 2005. 39. 1. 56–71.
- Roberson D., Davies, I., Davidoff J.* Colour categories are not universal: Replications and new evidence from a stone-age culture // *Journ. Exp. Psychol.: General.* 2000. 129. 369–398.

- Rosch E.* The nature of mental codes for color categories // *J. Exp. Psychol.-Human Percep. Perform.* 1975. 1. 303–322.
- Rosch E.* Universals and cultural specifics in human categorization // *Brislin R. et al. (eds.). Cross-cultural Perspectives on Learning.* N. Y., 1975. 177–206.
- Rosch E. et al.* Basic objects in natural categories // *Cogn. Psychol.* 1976. 8. 382–439.
- Rosch E.* Human categorization // *Warren N. (ed.). Studies in Cross-cultural Psychology.* London, 1977. 1–49.
- Rosch E.* Principles of categorization // *Rosch E., Lloyd B. B. (eds.). Cognition and Categorization.* Hillsdale: Laurence Erlbaum Ass., 1978. 27–48.
- Sahlins M.* Colors and Cultures // *Semiotica.* 1976. 16. 1. 1–22.
- Saunders B. A.* The invention of basic colour terms. Utrecht: ISOR, 1992.
- Saunders B. A.* On the Concept of «Basic» in Berlin and Kay's Basic Color Terms // *Antropologische Verkenningen.* 1993. 12. 35–50.
- Saunders B. A.* Disinterring Basic Color Terms: A Study in the Mystique of Cognitivism // *Hist. Hum. Sci.* 1995. 8. 4. 19–38.
- Saunders B. A.* Towards a New Topology of Colour // *Anthropology of Color... 2006 (forthcom.).*
- Saunders B. A., Brakel J. van.* Re-evaluating Basic Color Terms // *Cultural Dynamics* 1988. 1. 3. 359–378.
- Saunders B. A., Brakel J. van.* Are There Nontrivial Constraints on Colour Categorization? // *Behav. Brain Sci.* 1997. 20. 167–228.
- Schafer-Prieß B. & Schontag R.* Hugo Magnus's Colour Term Research // *Anthropology of Color... 2006 (forthcom.).*
- Sivik L.* Color systems for cognitive research // *Hardin C. L., Maffi L. (eds.). Color categories in thought and language.* Cambridge: Cambr. U. Press, 1987.
- Sivik L., Taft C.* Semantic variables for judging color combinations — an analysis of semantic dimensions // *Göteborg Psychol. Rep.* 1990. 19. 5. 1–31.
- Sun R. K.* Perceptual distances and the basic color term encoding sequence // *Am. Anthropol.* 1983. 85. 387–391.
- Theory of Colours.* Cambridge, MA: MIT Press, 1970.
- Tornay S.* L'étude de la dénomination des couleurs: Reflexion méthodologique // *Voir et Nommer... 1978.* 639–660.
- Voir et Nommer... 1978.*
- Wald P.* Cloture sémantique, universaux et terminologie de couleur // *Voir et Nommer... 1978.* 121–138.
- Warburton D. A.* Evolution of Basic Color Terms in the Light of Ancient Evidence // *Anthropology of Color... 2006 (forthcom.).*
- Whorf B.* *Language, Thought and Reality.* Cambridge, Mass.: MIT Press, 1956.
- Wierzbicka A.* The Meaning of Color Terms // *Cognit. Ling.* 1990. 1. 99–150.
- Witkowski S. R., Brown C. H.* Whorf and universals of color nomenclature // *J. Anthropol. Res.* 1982. 38. 4. 411–420.

- Wittgenstein L.* Remarks on Colour. Berkeley & Los Angeles: U. Calif. Press, 1977.
- Wright W. D.* The measurement of colour. 3-d ed. Princeton, NJ: Van Nostrand, 1964.
- Wyszecky G., Stiles W. S.* Color science: concepts and methods, quantitative data, and formulae. N. Y.: John Wiley & Sons, 2000.
- Zollinger H.* Color... 1999.
- Zollinger H.* A linguistic approach to the cognition of colour vision in man // *Folia Ling.* 1976. IX. 1. 4. 265–293.

II. Термины цвета в письменных памятниках. Этимология отдельных цветоименований

- Бахилина Н. Б.* История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975.
- Василевич А. П.* Бурый и коричневый. История сосуществования и борьбы // *Язык. Сознание. Культура.* М.-Калуга, 2005. 270–284.
- Василевич А. П., Михайлова Т. А.* Лазурь и пурпур. Чему учит история терминов цвета // *Российская наука: «Природой здесь нам суждено».* Сб. науч.-поп. статей. М.: Октопус, 2003. 296–303.
- Василевич А. П., Мищенко С. С.* Синий, синий, голубой // *Василевич А. П. и др. Цвет и названия цвета...* 2005. 42–50.
- Василевич А. П., Мищенко С. С.* Оранжевый цвет. К истории цветообозначений // *Василевич А. П. и др. Цвет и названия цвета...* 2005. 51–62.
- Вертоградова В. В.* К интерпретации древнеиндийской и древнегреческой теории цвета // *Исслед. по ист. и филол. Центр. Азии.* Улан-Удэ: Тр. Бурят. ин-та общ. наук, 1976. Вып. VI. 98–103.
- Гаврилов А. К.* Белый траур у греков и римлян // *Hyperboreus. Studia classica.* 1999. 5. 205–226.
- Грановская Л. М.* Цветообозначения в истории русской лексики // *Русская историческая лексикология.* М.: Наука, 1968, 83–103.
- Грановская Л. С.* Прилагательные, обозначающие цвет в русском языке XVII–XX вв.: Дис. ... канд. наук. М., 1964.
- Ивић М.* О изразима *плав* и *модар*: нова сазнања // *Јужнословенски филолог.* 1996. LII. 11–17.
- Иссерлин Е. М.* История слова «красный» // *Русский язык в школе.* 1951. 3.
- Калыгин В. П., Михайлова Т. А.* К проблеме реконструкции галло-бриттской системы цветообозначений // *Проблемы цвета...* 2004. 16–20.
- Линдгрэн Н. (N. Lindgren).* Цветообозначения в русских иконописных подлинниках (историко-семантический аспект) // *Nazwy barw...* 1997. 9–23.
- Лосев А. Ф.* Эстетическая терминология ранней греческой литературы // *Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина.* 1954. Т. 83. Вып. 4.
- Михайлова Т. А.* «Красный» в ирландском языке: понятие и способы его выражения // *Вопросы языкознания.* 1994. 6.
- Михайлова Т. А.* О понятии «основной цвет» в синхронии и диахронии // *Проблемы цвета...* 2004. 33–39.

- Неклюдов С. Ю.* Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве // Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972. 191–219.
- Норманская Ю. В.* Боги праиндоевропейцев – блондины? // Проблемы цвета... 2004. 39–43.
- Норманская Ю. В.* Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М.: С&К, 2005.
- Панченко А. М.* О цвете в древней литературе восточных и южных славян // Тр. Отд. др.-русс. лит.-ры. 1968. Т. 23.
- Петрушевский Ф. Ф.* Цветовые ощущения древних и новых народов // Вестн. изящн. искусств. СПб., 1889. Т. 7. Вып. 4.
- Садькова (Малинаускене) Н. К.* Цветообозначения у Гомера: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
- Серов Н. В.* Античный хроматизм. СПб.: Лисс, 1995.
- Суровцева М. А.* К истории слова *синий* в русском языке // Уч. зап. Кипченев. гос. ун-та, 1964. Т. 71. 91–95.
- Сятковский С., Тихамирова Т. С.* (ред.). Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках. М.: Диалог-МГУ, 1997.
- Чекалина Е. М.* Историко-семасиологическое исследование прилагательных цвета во французском языке: Дис. ... канд. наук. Л., 1972.
- Чекалова А. А.* Быт и нравы // Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. М.: Наука, 1989. 584–586.
- Чикобава Н. Н.* Цветообозначающая лексика в древнегрузинском: Автореф. дис. ... канд. наук. Тбилиси, 1981.
- Шемякин Ф. Н.* К вопросу об историческом развитии названий цвета (Названия цвета в ненецком (юрако-самоедском) языке) // Вопр. психол. 1959. 4. 16–29.
- André J.* Etude sur les termes de couleur dans la langue latine. Paris: Klincksieck, 1949.
- Arberi A.* The colouring of 16th century herbals // Nature. 1940. 154. 803–804.
- Baines J.* Color terminology and color classification: Ancient Egyptian color terminology and polychromy // Am. Anthropol. 1985. 87. 2. 282–297.
- Blümner Hugo.* Die rote Farbe im Lateinischen: Archiv für lateinische Lexikographie 6. 1889. 399–417.
- Bolton R.* Black, white, and red all over: The riddle of color term salience // Ethnology, 1978. 17. 3. 287–311.
- Branstetter K. B.* A reconstruction of Proto-Polynesian color terminology // Anthropol. Ling. 1977. 19. 1–25.
- Bühler A.* The significance of colour among primitive peoples // Palette. 1962. 9. 2–8.
- Burgess D. et al.* Tarahumara color modifiers: Individual variation and evolutionary change // Dougherty J. W. (ed.). Directions in Cognitive Anthropology. Urbana and Chicago: U. Illinois Press. 1985. 49–72.
- Casson R. W.* Russet, rose, and raspberry: The development of English secondary color terms // J. Ling. Anthropol. 1994. 4. 5–22.

- Colours in Antiquity. Colour and hue from Egypt to Byzantium. Abstracts and Programme. 10–13 Sept. 2001. Edinburgh: U. Edinburgh, 2001.
- Davidoff J., Davies I., Roberson D. Colour Categories in a Stone-Age Tribe // *Nature*. 1999. 398. 203–204.
- Forbes R. J. Studies in ancient technology. Vol. 1–6. 1955–1958.
- Frieling H. Color experience and color occurrence in chronological order // *Palette*. 1962. 10. 3–8.
- Gernet L. Dénomination et perception des couleurs chez les Grecs. Problèmes de la couleur. Paris: SEVPEN, 1957.
- Gladstone W. E. Studies on Homer and the Homeric Age. Vol.3. Oxford, UK: Oxford U. Press, 1858. 458–499.
- Greenfeld P. J. What is grey, brown, pink, and sometimes purple: The range of 'wild-card' color terms // *Am. Anthropol.* 1986. 88. 908–916.
- Havelock E. The Psychology of Red // *The Popul. Sci. Month.* 1900. 57. 4. 365–375; 5. 517–526.
- Havelock E. The psychology of yellow // *The Popul. Sci. Month.* 1906. 68. 5. 456–463.
- Hill J. H., Hill K. C. A note on Uto-Aztecan color terminologies // *Anthropol. Ling.* 1970. 12. 7. 231–237.
- Hopkins E. W. Words for color in the Rig Veda // *Am. J. Philol.* 1883. 4. 166–191.
- Kay P. The Emergence of Basic Color Lexicon hypothesis: A comment on 'The vocabulary of color with particular reference to Ancient Greek and Classical Latin' by J. Lyons // *The Language of Color...* 1999. 1–37.
- Kinkade M. D. Proto-Salishan Color // W. Shipley (ed.). In Honor of Mary Haas. Berlin, N. Y., Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1988. 443–466.
- Krieg M. F. The influence of French color vocabulary on Middle English // *Michigan Academician*. 1979. 11. 4.
- Kristol A. M. Color systems in southern Italy: A case of regression // *Language*. 1980. 56. 137–145.
- Liggett W. F. Origins of color names // *Dyestuffs*. 1944. 30. 194–197.
- Lyons J. The vocabulary of color with particular reference to Ancient Greek and Classical Latin // *The Language of Color...* 1999. 38–75.
- MacLaury R. E. Color and Cognition in Mesoamerica. Constructing Categories as Vantages. Austin: U. Texas Press, 1997.
- MacLaury R. E. Color-category evolution and Shuswap yellow-with-green // *Am. Anthropol.* 1987. 89. 107–124.
- Maues M. On language and primitive forms of classification // Hymes D. H. (ed.) *Language in culture and society*. N. Y., 1964 (оригинал см.: *J. Psychol.: Norm. Pathol.* 1923. 20. 944–947).
- McNeill N. B. Colour and colour terminology // *J. Ling.* 1972. 8. 1. 21–33.
- Merrifield W. R. Review of Basic color terms by Brent Berlin and Paul Kay // *J. Ling.* 1971. 7. 2. 259–268.

- Mervis C. B., Catlin J. & Rosch E.* Development of the structure of color categories // *Devel. Psychol.* 1975. 11. 54–60.
- Mervis C. B., Catlin J., Rosch E.* Categorization of natural objects // *Ann. Rev. Psychol.* 1981. 89–115.
- Mervis C. B., Roth E. M.* The internal structure of basic and non-basic color categories // *Language.* 1981. 57. 2. 384–405.
- Morabia A.* Recherches sur quelques noms de couleur en arabe classique // *Studia Islamica.* 1964. 21. 61–99.
- Nigel F. B.* Old English colour classification: where do matters stand? // *Anglo-Saxon England.* 1974. 3. 15–28.
- Otto A. G.* Étude sur les couleurs en vieux français. Paris: Bouillon, 1899.
- Pastoureau M.* Vers une histoire de la couleur bleu // *Sublime indigo.* 1987. 20.
- Pastoureau M.* Blue: the history of a color. Princeton, NJ: Princ. U. Press, 2001.
- Powels S.* The historical and cultural background of two non-basic terms for 'blue' in the Arabic dialect of the Negev Bedouin // *The Language of Color...* 1999. 121–147.
- Schwyzler E.* Germanisches und ungedeutetes in byzantinischen Pferdenamen // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur.* 1929, 66.
- Shields K. Jr.* Indo-European basic color terms // *Can. J. Ling.* 1979. 24. 2. 142–146.
- Snow D. L.* Samoan color terminology: A note on the universality and evolutionary ordering of color terms // *Anthrop. Ling.* 1971. 13. 8. 385–390.
- Spanier E.* (ed.). The Royal Purple and the Biblical Blue. Jerusalem: Keter Publish. House, 1987.
- Swadesh M.* Color terms: an example of the need to separate ancient and recent vocabulary // *Sherzer J.* (ed.). The origin and diversification of language. Chicago: Aldine-Atherton, 1971. 202–205.
- Williams J. M.* Synaesthetic adjectives: A possible law of semantic change // *Language.* 1976. 52. 461–478.
- Witkowski S. R., Brown C. H.* An explanation of color nomenclature universals. *Am. Anthropol.* 1977. 79. 50–57.
- Wylter S.* Old English Colour Terms and Berlin and Kay's Theory of Basic Colour Terms // *Modes of Interpretation.* Tübingen: Narr, 1984.
- Wylter S.* Colour and language. Colour Terms in English. Tübingen: Narr, 1992.
- Zimmer A. C.* What really is turquoise? A note on the evolution of color terms // *Psychol. Res.* 1982. 44. 3. 213–230.
- Zollinger H.* Why just turquoise? Remarks on the evolution of color terms // *Psychol. Res.* 1984. 46. 403–409.

III. Цветовосприятие и системы цветообозначения (естественнонаучный аспект)

- Василевич А. П., Багдасарова Н. А.* Эмоции, цвет и температура // *Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии.* М.: Изд-во МГУ, 2004. 1–4.

- Витвер И.* Французская школа «географического человека» // Уч. Зап. МГУ. 1940. Вып. 35. 8–44.
- Гёте И. В.* Избранные сочинения по естествознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 291, 309–327.
- Глезер В. Д.* Зрение и мышление. Л.: Наука, 1985.
- Гуревич М. М.* Цвет и его измерение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Ивэнс Р. М.* Введение в теорию цвета / Пер. с англ. М.: Мир, 1964.
- Миронова Л. Н.* Цветоведение. Минск: Высшая школа, 1984.
- Николаенко Н. Н., Родионов В. Д.* Классификация цвета и функциональная асимметрия мозга // Сенсорные системы: сенсорные процессы и асимметрия полушарий. Л.: Наука, 1985. 57–67.
- Николаенко Н. Н.* О роли доминантного и не доминантного полушарий мозга в восприятии и обозначении цвета // Физиол. человека. 1981. Т. 7. 3.
- Петров-Водкин К. С.* Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия. Л.: Искусство, 1970.
- Самарина Л. В., Кудрявцев И. Е.* К эволюции цветовых представлений (проблема красного цвета) // Социальная антропология на пороге XXI века. Тезисы и материалы конференции. М.: Изд-во МГСУ «Союз», 1998. 139–143.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Район и страна. М.-Л.: ГИЗ, 1928. 228, 263–264.
- Тэн И.* Философия искусства. М.: ОГИЗ, 1933. 177–182.
- Тэн И.* Путешествие по Италии. Т. II. М., 1916. С. 242–257.
- Abramov I., Gordon J.* Color Appearance on Seeing Red or Yellow, or Green, or Blue // Ann. Rev. Psychol. 1994. 45. 451–485.
- Albers J.* Interaction of Color. New Haven: Yale U. Press, 1963.
- Allen G.* The colour Sense. Its Origin and Development // An Essay in Compar. Psychol. X. London, 1879.
- Backhaus W. G et al. (eds.).* Color Vision: Perspectives from Different Disciplines. Berlin: Walter de Gruyter, 1998.
- Beare A. C.* Color-name as a function of wave-length // Am. J. Psychol. 1963. 76. 2. 248–256.
- Beauty and the Brain. Rentschler I. et al. (eds.).* Biological Aspects of Aesthetics. Basel: Birkhäuser Verlag, 1988.
- Bimler D. L., Kirkland J., Jacobs R.* Colour-vision tests considered as a special case of multidimensional scaling // Color Res. Appl. 2000. 25. 160–169.
- Bimler D. L., Paramei G V. & Izmailov Ch. A.* A whiter shade of pale, a blacker shade of dark: Parameters of spatially induced blackness // Visual Neurosci. 2006. 23 (in press).
- Boller E., Brinkmann D., Walter E. J.* Einführung in die Farbenlehre. Bern: A. Francke, 1947.
- Bornstein M. H.* Considerations sur l'organisation des tonalités chromatiques // Voir et Nommer... 1978. 71–82.
- Bornstein M. H.* The psychophysiological component of cultural difference in color naming and illusion susceptibility // Behav. Sci. Notes. 1973. 1. 41–101.

- Boyer C. B.* The Rainbow. From Myth to Mathematics. Princeton: Princ. U. Press, 1987.
- Boynton R. M.* Color vision // *Ann. Rev. Psychol.* 1988. 69–100.
- Boynton R. M.* Human Color Vision. NY: Holt Rinehart & Winston, 1979.
- Boynton R. M., MacLaury R. E., Uchikawa K.* Centroids of color categories compared by two methods // *Color Res. Appl.* 1989. 14. 1. 6–15.
- Boynton R. M., Olson C. X.* Locating basic colors in the OSA space // *Color Res. Appl.* 1987. 12. 107–123.
- Braun J., Julesz B.* Withdrawing attention at little or no cost: Detection and discrimination tasks // *Percep. Psychophys.* 1998. 60. 1. 1–23.
- Brown P. K., Wald G.* Visual pigments in single rods and cones of the human retina // *Science.* 1964. 144. 45–52.
- Brown R. W., Lennenberg E. H.* A study in language and cognition // *J. Abn. Soc. Psychol.* 1954. 49. 3. 454–462.
- Burnham R. W., Clark J. R.* A test of hue memory // *J. Appl. Psychol.* 1955. 39. 3. 164–172
- Cairo J. E.* Dénomination des couleurs spectrales: Une théorie physiologique // *Voir et Nommer...* 1978. 39–70.
- Chang J. J., Carroll J. D.* Three are not enough: An INDSCAL analysis suggesting that color space has seven dimensions // *Color Res. Appl.* 1980. 5. 193–206.
- Chapanis A.* Color names for color space // *Amer. Sci.* 1965. 53. 3.
- Cicerone C. M.* Constraints placed on color vision models by the relative numbers of different cone classes in the fovea centralis // *Farbe.* 1987. 34. 59–66.
- Crane H. D., Piantanida T. P.* On seeing reddish green and yellowish blue // *Science.* 1983. 221. 1078–1080.
- Crawford T. D.* Defining «basic color term» // *Anthrop. Ling.* 1982. 24. 3. 338–343.
- Daw N. W.* The psychology and physiology of colour vision // *Trends in Neurosci.* 1984. 7. 330–335.
- De Valois R. L., Jacobs G. H.* Primate color vision // *Science.* 1968. 162. 533–540.
- Dougherty J. W. D.* Color categorization in West Futunese: Variability and change // Blount B. G, Sanches M. (eds.). *Sociocultural Dimensions and Language Change.* NY: Academic Press, 1977. 103–118.
- Ember M.* Size of color lexicon: Interaction of cultural and biological factors // *Am. Anthropol.* 1978. 80. 364–367.
- Farnsworth D.* The Farnsworth-Munsell 100-hue and dichotomous tests for color vision // *J. Opt. Soc. Am.* 1943. 33. 568–578.
- Feldman J.* The simplicity principle in human concept learning // *Curr. Direc. Psychol. Sci.* 2003. 12. 227–232.
- Fuld K., Werner J. S., Wooten B. R.* The possible elemental nature of brown // *Vision Res.* 1983. 23. 631–637.
- Fuld K., Wooten B. R., Whalen J. J.* Elemental hues of short-wave and extraspectral lights // *Percep. Psychophys.* 1981. 29. 317–322.

- Furbee N. et al.* The emergence of color cognition from color perception // *J. Ling. Anthropol.* 1997. 6. 223–240.
- Gegenfurtner K. R., Kiper D. C.* Color vision // *Ann. Rev. Neurosci.* 2003. 26. 181–206.
- Geiger L.* Contributions to the History of the Development of the Human Race. London: Trubner, 1880. 48–63.
- Gellatly A.* Linguistic and Cultural Influences on the Perception and Cognition of Colour, and on the Investigation of Them // *Mind & Lang.* 1995. 10. 199–225.
- Goethe J. W.* Zur Farbenlehre. Tübingen, 1810.
- Guest S., Van Laar D.* The structure of colour naming space // *Vision Res.* 2000. 40. № 7. 723–734.
- Hardin C. L., Maffi L.* (eds.). Color categories in thought and language. Cambridge: Camb. U. Press, 1997.
- Heider E. R., Olivier D. C.* The structure of the color space in naming and memory for two languages // *Cogn. Psychol.* 1972. 3. 2. 337–354.
- Heider E.* Universals in color naming and memory // *J. Exp. Psychol.* 1972. 93. 10–20.
- Helm C. R.* Multidimensional ratio scaling analysis of perceived color relations // *J. Opt. Soc. Am.* 1964. 54. 256–262.
- Hering E.* Outlines of a theory of the light sense. Camb., MA: Harv. U. Press, 1964 (первая публ. на нем. яз. в 1878).
- Hubel D. H.* Eye, Brain, and Vision. N.Y.: Sci. Am. Library, 1988; 1995.
- Hurvich L. M.* Color vision. Sunderland, Mass: Sinaur Acc., 1981.
- Indow T.* Multidimensional studies of Munsell color solid // *Psychol. Rev.* 1988. 95. 456–470.
- Ishihara S.* Ishihara Tests for Color Blindness. Tokyo, 1969.
- Izmailov Ch. A., Sokolov E. N.* Spherical model of color and brightness discrimination // *Psychol. Sci.* 1991. 2. 249–259.
- Jacobs G. H.* Comparative color vision. San Diego CA: Acad. Press, 1981.
- Jameson D., Hurvich L. M.* Some quantitative aspects of an opponent-colors theory // *J. Opt. Soc. Am.* 1955. 45. 546–552, 602–616.
- Jameson D., Hurvich L. M.* Dichromat color language: «Reds» and «Greens» don't look alike but their colors do // *Sensory Processes.* 1978. 2. 146–155.
- Jameson K. A.* What Saunders and van Brakel chose to ignore in color and cognition research // *Behav. Brain Sci.* 1997. 20. 2. 195–196.
- Jameson K. A., D'Andrade R. G.* It's not really red, green, yellow, blue: An inquiry into perceptual color space // *Hardin C. L., Maffi L.* (eds.). Color categories in thought and language. Cambridge: Camb. U. Press, 1997. 295–319.
- Jameson K. A. et al.* Richer color experience in observers with multiple photopigment opsin genes // *Psychonom. Bull. Rev.* 2001. 8. 244–261.
- Jameson, K. A., Kaiwi, J. L. & Bamber, D.* Color-coding information: Assessing alternative coding schemes using independent Brightness and Hue dimensions // *J. Exp. Psychol: Appl.* 2001. 7 (2). 112–128.

- Kay P., Berlin B., Merrifield W. R.* Biocultural implications of systems of color naming // *J. Ling. Anthropol.* 1991. 1. 1. 12–25.
- Kay P., Berlin B.* Science = Imperialism: There are nontrivial constraints on color naming // *Behav. Brain Sci.* 1997. 20. 2. 196–201.
- Kay P., Kempton W.* What is the Sapir-Whorf hypothesis? // *Am. Anthropol.* 1984. 86. 1. 65–79.
- Koren Z. C.* High-Performance Liquid Chromatographic Analysis of an Ancient Purple Dyeing Vat from Israel // *Israel. J. of Chem.* 1995. 35. 117–124.
- Kuehni R. G.* Determination of unique hues using Munsell color chips // *Color Res. Appl.* 2001. 26. 61–66.
- Larimer J., Krantz D. H., Cicerone C. M.* Opponent-process additivity: I. Red/green equilibria // *Vision Res.* 1974. 14. 1127–1140.
- Le Grand Y.* *Le Variation dans la Vision Humaine des Couleurs* // *Problèmes de la couleur*. Paris: SEVPEN, 1957.
- Le Grand Y.* *Vision des couleurs*. Paris: Univ. de Paris, 1960.
- Lenneberg E. H.* *Biological foundation of language*. NY: Wiley, 1967.
- Lieberman P.* *The biology and evolution of language*. Harvard: Harv. U. Press, 1984.
- Ligon E. M.* A genetic study of color naming and word reading // *Am. J. Psychol.* 1932. 44. 103–122.
- Livingstone M. S.* Art, Illusion, and the Visual System // *Sci. Am.* 1988. 258. 1. 68–75.
- Lucy J. A., Shweder R. A.* The effect of incidental conversation on memory for focal colors // *Am. Anthropol.* 1988. 90. 923–931.
- Luria S. M.* Color-name as a function of stimulus-intensity and duration // *Am. J. Psychol.* 1967. 80. 3. 14–27.
- Lüscher M.* *Psychologie der Farben; Textband zum Lüscher-Test*. Basel: Test-Verlag, 1949.
- Lüscher M.* *The Lüscher color test*. NY: Random House, 1969.
- MacLaury R. E.* From brightness to hue: An explanatory model of color-category evolution // *Curr. Anthropol.* 1992. 33. 137–186.
- MacLaury R. E.* *Color and cognition in Mesoamerican languages: Constructing categories as advantages*. Austin: Texas U. Press, 1997.
- Magnus H.* *Histoire de L'évolution du Sens des Couleurs*. Paris: C. Reinwald, 1878.
- Marks W. B. et al.* Visual pigments of single primate cones // *Science*. 1964. 143. 1181–1183.
- Matsuzawa T.* Colour naming and classification in a chimpanzee (*Pan troglodytes*) // *J. Hum. Evol.* 1985. 14. 283–291.
- Maxwell J. C.* *On the Theory of Compound Colours, and the Relations of the Colours of the Spectrum* // *Phil. Trans. Royal Soc. London*, 1860. 150. 57–84.
- Nassau K.* *The Fifteen Causes of Color* // *Color Res. Appl.* 1987. 12. 1. 4–26.
- Nassau K.* (ed.) *Color for Science, Art and Technology*. Amsterdam: Elsevier Science, 1998.

- Nathans J. et al.* Molecular Genetics of Human Color-Vision: The Genes Encoding Blue, Green, and Red Pigments // *Science*. 1986. 232. 193–202.
- Nathans J. et al.* Molecular Genetics of Human Visual Pigments // *Ann. Rev. of Genetics*. 1992. 26. 403–424.
- Nickerson D., Ewhall S. M.* A psychological color solid // *J. Opt. Soc. Am.* 1943. 33. 7. 419–422.
- Paramei G. V., Binler D.* Vector coding underlying individual transformations of a color space // Musio C. (ed.). *Vision: The Approach of Biophysics and Neurosciences. Series of Biophysics and Biocybernetics*. Singapore: World Sci. Publ., 2001. 11.
- Perez-Carpinell J. et al.* Color memory matching. Time effect and other factors // *Color Res. Appl.* 1998. 23. 234–247.
- Perez-Carpinell J. et al.* Color memory matching. Time effect and other factors // *Color Res. Appl.* 1998. 23. 234–247.
- Pokorny J., Smith V. C.* L/M cone ratios and the null points of the perceptual red/green opponent system // *Farbe*. 1987. 34. 53–57.
- Quinn P. C., Wooten B. R., Ludman E. J.* Achromatic color categories // *Percept. and Psychophys.* 1985. 37. 3. 198–204.
- Raskin L. A., Maital S., Bornstein M. H.* Perceptual categorization of color: A life-span study // *Psychol. Res.* 1983. 45. 2. 135–145.
- Ratliff F.* On the psychophysiological bases of universal color terms // *Proceed. Am. Philos. Soc.* 1976. 120. 5. 311–330.
- Ratner C.* A sociohistorical critique of naturalistic theories of color perception // *J. Mind Behav.* 1989. 10. 4. 361–372.
- Richter M.* Grundriß der Farbenlehre der Gegenwart. Dresden und Leipzig: Steinkopff, 1940.
- Roberson D., Davidoff J.* The categorical perception of colors and facial expressions: The effect of verbal interference // *Memory Cogn.* 2000. 2. 977–986.
- Rosch E.* Natural categories // *Cognit. Psychol.* 1973. 4. 3. 328–350.
- Rosch E.* The nature of mental codes for categories // *J. Exp. Psychol.: Hum. Percep. Perform.* 1975. 1. 303–322.
- Sarnat H., Netsky M. G.* Evolution of the nervous system. Oxford: Oxf. U. Press, 1974.
- Scheffrin B. E., Werner J. S.* Loci of spectral unique hues throughout the life span // *J. Opt. Soc. Am.* 1990. 7. 305–311.
- Schwentner E.* Farbenbezeichnungen. Münster, 1915.
- Segall M. H., Cambell D. T., Herskovits M. J.* The Influence of Culture on Visual Perception. Indianapolis: Bobbs-Merrill Co., 1966. 37–48.
- Sepper D. L.* Goethe contra Newton. Cambridge: Camb. U. Press, 1988.
- Shapiro A. E.* The Gradual Acceptance of Newton's Theory of Light and Color. 1672–1727 // *Perspectives on Science*. 1960. 4. 59–140.
- Shepard R. N.* The perceptual organization of colors: An adaptation to regularities of the terrestrial world? // Barkow J. et al. (eds.). *Adapted Mind. Evolutionary Psychology and the Generation of Culture*. NY & Oxford: Oxf. U. Press, 1992. 495–532.

- Shepard R. N., Cooper L. A.* Representation of colors in the blind, color-blind, and normally sighted // *Psychol. Sci.* 1992. 3. 97–104.
- Sivik L.* Color systems for cognitive research // *Hardin C. L., Maffi L. (eds.)*. Color categories in thought and language. Cambridge: Camb. U. Press, 1987.
- Sternheim C. E., Boynton R. M.* Uniqueness of perceived hues investigated with a continuous judgmental technique // *J. Exp. Psychol.* 1966. 72. 770–776.
- Sturges J., Whitfield T. W. A.* Locating basic colours in the Munsell space // *Color Res. Appl.* 1995. 20. 6. 364–376.
- Sun R. K.* Perceptual distances and the basic color term encoding sequence // *Am. Anthropol.* 1983. 85. 387–391.
- Svaetichin G.* The cone action potential // *Acta Physiol. Scand.* 1952. 29, suppl. 166. 565–600.
- Teller D. Y., Pugh H. N.* Linking Propositions in Color-Vision // *Mollon J. D., Sharpe L. T. (eds.)*. Physiology and Psychophysics. London: Acad. Press, 1983. 577–589.
- Theroux A.* The Primary Colors: three essays. NY: Henry Holt & Co., 1994.
- Tornay S.* Langage et perception: La dénomination des couleurs chez les Nyangatom du Sud-Ouest éthiopien // *L'Homme.* 1973. 12. 4. 66–94.
- Wattenwyl von A., Zollinger H.* Color term salience and neurophysiology of color vision // *Am. Anthropol.* 1979. 81. 279–288.
- Webster M. A. et al.* Variations in normal color vision. II. Unique hues // *J. Opt. Soc. Am.* 2000. 17. 1545–1555.
- Webster M. A. et al.* Variations in normal color vision. III. Unique hues in Indian and United States observers // *J. Opt. Soc. Am.* 2002. 19. 1951–1962.
- Webster M. A. & Kay C.P.* Individual and Population Differences in Focal Colors // *Anthropology of Color...* 2006 (forthcom.).
- Werner J. S., Wooten B. R.* Opponent chromatic mechanisms: Relation to photopigments and hue naming // *J. Opt. Soc. Am.* 1979. 69. 422–434.
- Wuerger S. M. et al.* Proximity judgments in color space: Test of a Euclidean color geometry // *Vision Res.* 1995. 35. 827–835.
- Young T.* On the theory of light and colours // *Phil. Trans. Royal Soc. London*, 1802. 12–48.
- Zeki S.* Colour pathways and hierarchies in the cerebral cortex // *Ottoson D., Zeki S. (eds.)*. Central and peripheral mechanisms of color vision. Basingstoke: MacMillan, 1985. 19–44.
- Zeki S.* A Vision of the Brain. Oxford: Blackwell, 1993.
- Zollinger H.* Zusammenhänge zwischen Farbennennung und Biologie des Farbensehen beim Menschen // *Vjschr. Naturf. Ges. Zürich.* 1973. 118. 227–255.
- Zollinger H.* A linguistic approach to the cognition of colour vision in man // *Folia Linguistica.* 1976. IX. 1–4. 265–293.
- Zollinger H.* Correlations between the Neurobiology of Colour Vision and the Psycholinguistics of Colour Naming // *Experientia.* 1979. 35. 1–8.
- Zollinger H.* Biological aspects of color naming // *Beauty and the Brain. Biological Aspects of Aesthetics.* Rentschler I. et al. (eds.). Basel: Birkhäuser Verlag, 1988.

149–164 (рус. пер.: Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М.: Мир, 1995.).

Zollinger H. Color...1999.

IV. Цветовосприятие и системы цветообозначения в разных языках (социокультурный аспект)

- Василевич А. П.* Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначения в языках разных систем. М.: Наука, 1987.
- Василевич А. П.* Цветонаименования и проблемы перевода текста // Текст и перевод. М.: Наука, 1988. 84–96.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Яз. рус. культуры, 1999.
- Вендина Т. И.* Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков // Славянский альманах 1998. М.: Индрик, 1999. 277–304.
- Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002.
- Дыбо А. В.; Михайлова Т. А.; Норманская Ю. В.* Основные цветообозначения в кельтских языках // Моск. лингв. журнал, М., 2002. Т. 6. 1. 7–52.
- Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: Изд-во МГУ, 1999.
- Кульпина В. Г.* Фразеологические термины цвета как лексический класс // Паланістыка. Рэд. А. К. Кіклевіч. Мінск, 1998. 33–52.
- Кульпина В. Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001.
- Мальцева Д. Г.* Сопоставительное исследование немецких и русских фразеологических единиц и проблема смысловой эквивалентности // Русский филол. вестник. 1994. 2. 51–60.
- Пьянкова Т. М.* Некоторые системные расхождения между русскими и английскими терминами цвета и их отражение в переводе: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1974.
- Шваацбаба Т. И.* Цветообозначения в языке и речи (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1985.
- Adams F. M., Osgood C. E.* A cross-cultural study of the affective meaning of color // J. Cross-cult. Psychol. 1973. 4. 2. 135–156.
- Bartlett H.* Color nomenclature in Batao and Malay // Pap. Michigan Acad. Sci. Arts and Letters. 1929. 10. 1–22.
- Beaglehole E.* Tongan color vision // Man. 1939. 39. 170–172.
- Bender M. L.* Color term encoding in a special lexical domain: Sudanese Arabic skin colors // Anthropol. Ling. 1983. 25. 1. 19–27.
- Black M.* Linguistic relativity: the views of Benjamin Lee Whorf // Philos. Rev. 1959. 68. 228–238.

- Bolton R., Crisp D.* Color terms in folk tales. A cross-cultural study // *Behav. Sci. Res.* 1979. 14. 231–253.
- Branstetter K. B.* A reconstruction of Proto-Polynesian color terminology // *Anthrop. Ling.* 1977. 19. 1–25.
- Broch H. B.* A note on the Hare color terms based on Brent Berlin and Paul Kay: Basic Color Terms... // *Anthrop. Ling.* 1974. 16. 5. 192–196.
- Bulakh M.* Basic Color Terms from Proto-Semitic to Old Ethiopic // *Anthropology of Color...* 2006 (forthcom.).
- Bulmer R. N. H.* Karam colour categories // *Kivung.* 1968. 1. 3. 120–133.
- Callaghan C. A.* Miwok color terms // *Int. J. Am. Ling.* 1979. 45. 1. 1–4.
- Caprile J.-P.* La Denomination des Couleurs chez les Mbay de Moïssala. Paris: SELAF, 1971.
- Casson R. W.* Russet, rose, and raspberry: The development of English secondary color terms // *J. Ling. Anthropol.* 1994. 4. 5–22.
- Corbett G. G., Davies I. R. L.* Linguistic and Behavioral Measures for Ranking Basic Colour Terms // *Stud. in Language.* 1995. 19. 301–357.
- Cuervo M. C.* La percepción de los colores entre algunas tribus indígenas de Colombia // *Estudios arqueológicos y etnográficos.* Bogotá: Ed. Kelly, 1956. 325–329.
- Davies I. R., Sosenskaja T., Corbett G. G.* Colours in Tsakhur: First account of the basic colour terms of a Nakh-Daghestanian language // *Ling. Typ.* 1999. 3. 179–207.
- Friedl E.* Colors and culture change in Southwestern Iran // *Lang. Soc.* 1979. 8. 51–68.
- Frisch J. A.* Mohawk color terms // *Anthrop. Ling.* 1972. 14. 8. 306–310.
- Geddes W. R.* The Color Sense of Fijian Natives // *Brit. J. Psychol.* 1946. 37. 1. 30–36.
- Hage P., Hawkes K.* Binumarien color categories // *Ethnology.* 1975. 24. 287–300.
- Hardman M. J.* Jaqaru color terms // *Int. J. Am. Ling.* 1981. 47. 1. 66–68.
- Harkness S.* Universal aspects of learning color codes: A study in two cultures // *Ethos.* 1973. 1. 2. 175–200.
- Heinrich A. C.* Color Terms in Colonia Tovar, an Almannisch Enclave in Venezuela // *Anthropology of Color...* 2006 (forthcom.).
- Jameson K. A., Alvarado N.* Differences in color naming and color salience in Vietnamese and English // *Color Res. Appl.* 2003. 28. 2. 113–138.
- Kay P. et al.* Color naming across languages // *Hardin C. L., Maffi L. (eds.). Color categories in thought and language.* Cambridge: Camb. Univ. Press, 1997.
- Landar H. J., Ervin S. M., Horowitz A. E.* Navaho color categories // *Language.* 1960. 36. 3. 368–382.
- Laws G. et al.* Colour Terms in Setswana // *Lang. Sci.* 1995. 17. 49–64.
- Lin H. et al.* A cross-cultural colour-naming study. Part I: Using an unconstrained method // *Color Res. Appl.* 2001. 26. 40–60.
- Luangthongkum T.* Mien (Yao) Color Terms // *Anthropology of Color...* 2006 (forthcom.).
- MacLaury, R. E.* Color and cognition in Mesoamerican languages: Constructing categories as vantages. Austin: Texas U. Press, 1997.

- Maffi L.* Somali colour terminology: An outline // *Proceed. of the 2nd Int. Congr. of Somali Studies*. Univ. Hamburg. August 1–6. 1983. Vol. I: Linguistics and Literature. Hamburg, 1984. 299–312.
- Monberg T.* Tikopia color classification // *Ethnology*. 1971. 10. 3. 349–358.
- Nichols M. P.* Renewal in Numic color systems // Klar K. et al. (eds.). *American Indian and Indoeuropean Studies: Pap. in Honor of Madison S. Beeler*. Paris: The Hague, 1980. 159–167.
- Prass K.-G.* Berber color terms. *The Language of Color...* 1999. 167–174.
- Rivers W. H.* Primitive Colour Vision // *The Pop. Sci. Month*. 1901. 59. 44–57.
- Rivers W. H.* The colour vision of the Eskimo // *Proceed. Camb. Philos. Soc.* 1901. 11. 143–149.
- Royer F.* La terminologie des couleurs en montagnais // *Recherches Amérindiennes au Québec*, 1974. 4. 2. 3–16.
- Schäfer B.* Les termes fondamentaux de couleur en français // *The Language of Color...* 1999. 91–104.
- Schenkel W.* Color Terms in Ancient Egyptian and Coptic // *Anthropology of Color...* 2006 (forthcom.).
- Snow D. L.* Samoan color terminology: A note on the universality and evolutionary ordering of color terms // *Anthrop. Ling.* 1971. 13. 8. 385–390.
- Stewart D. J.* Color terms in Egyptian Arabic // *The Language of Color...* 1999. 105–120.
- Tiffou E., Morin Y. C.* Étude sur les couleurs en *bourouchaski* // *J. Asiat.* 1982. 270. 3–4. 363–383.
- Turton D.* La catégorisation de la couleur en mursi // *Voir et Nommer...* 1978. 347–368.
- Vastilevich A. P.* Color names in Amharic // *Proceed. of the 9th Int. Congr. of Ethiopian Stud.* Moscow, 1988.
- Waetzoldt S.* Systematisches Verzeichnis der Farbnamen // *Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst*. Bd. III/IV. 1952–1953.
- Wattenwyl A. von, Zollinger H.* The color lexica of two American Indian languages, Quechi and Misquito // *Int. J. Am. Ling.* 1978. 44. 56–68.
- Zollinger H.* *Color...* 1999.

V. Цветобозначения в разных языках (этнопсихолингвистический и сопоставительный аспекты)

- Буй Динь Ми.* Экспериментальное исследование кодирования цвета во вьетнамском и русском языках: Дис. ... канд. наук. М., 1973.
- Василевич А. П.* Обозначение цвета в современном русском языке. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 7699. 1981.
- Василевич А. П.* Психолингвистический подход к установлению лексических соответствий (на материале болгарских, русских и английских цветоименований) // *Сопоставительно языковедение*. 1983. Т. VIII. 5.
- Василевич А. П.* Категоризация цветоименований в английском, болгарском, русском и сербско-хорватском языках: опыт сопоставительного психолингви-

- стического исследования // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. М.: ИЯЗРАН, 1985. 94–108.
- Василевич А. П.* Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначения в языках разных систем). М.: Наука, 1987.
- Василевич А. П.* Язык и культура: сопоставительный анализ группы слов-цветообозначений // Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988. 58–64.
- Василевич А. П., Аллмере Р. А.* Психолингвистический подход к сопоставлению эстонских, русских и английских цветоименований // Уч. зап. Тартусск. ун-та. 1983. Вып. 656. 153–162.
- Василевич А. П., Кулибали П.* Цветоименования в бамана (проблема полноты материала при исследовании гипотезы Сепира–Уорфа) // Лексико-грамматические сопоставительные исследования в развитых и младодисциплинарных языках. М.: УДН, 1985. 16–28.
- Василевич А. П., Сюжан Ю. П.* К методике сопоставительного анализа (на примере лексики цветообозначений) // Вопросы языкознания. 1986. 3.
- Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.* Каталог названий цвета в русском языке. М.: Смысл, 2002.
- Дожумаев Д.* Семантика прилагательных цвета в современном русском языке (в сопоставлении с туркменским): Дис. ... канд. наук. М., 1979.
- Кононов А. Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М.: Наука, 1978. 159–179.
- Корсунская Т. Г., Фридман Х. Х., Черемисина М. П.* О системе цветообозначений в русском, английском и немецком языках // Уч. зап. Горьковского гос. пед. ин-та иностр. яз. 1963. Вып. 25. 97–103.
- Кульпина В. Г.* Социолингвистическое измерение цвета в русском и польском языках (на примере цветовых характеристик внешности человека) // Проблемы социолингвистики и многоязычия. М.: Московский Лицей, 1997. Вып. 1. С. 53–64.
- Кульпина В. Г.* Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001.
- Кульпина В. Г.* Факторы динамизации эволюционных процессов в русской и польской цветономинации // Проблемы цвета... 2004. 29–32.
- Озхан Ф.* Лексико-семантические группы прилагательных со значением цвета в русском и турецком языках (лингво-культурологический аспект) // Григорьева Т. М. (ред.). И. А. Бодуэн де Куртенз: ученый, учитель, личность. Красноярск, 2000. Изд-во КГУ, 163–167.
- Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. Мат-лы конф. 3–5 окт. 1989. М.: Б.и., 1990.
- Цейтлин Р. М.* Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. Проблемы и методы. М.: Наука, 1996.
- Чекалина Е. М.* Историко-семасиологическое исследование прилагательных цвета во французском языке: Дис. ... канд. наук. Л., 1972.
- Шемякин Ф. Н.* К проблеме словесных и чувственных обобщений (на материале названий цвета в чукотском языке) // Вопр. психол. 1959. 4. 72–75.

- Шемякин Ф. Н.* К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его название) // Мышление и речь. М.: Изв. АПН РСФСР. 1960. Вып. 113. 5–48.
- Шемякин Ф. Н.* Названия цвета в немецком и селькупском языках // Мышление и речь. М.: Изв. АПН РСФСР. 1960. Вып. 113. 49–60.
- Широкова А. Г.* (ред.). Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. М.: Изд-во МГУ, 1998.
- Широкова А. Г., Грабье В.* (ред.). Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М.: Изд-во МГУ, 1983.
- Шхвацабая Т. И.* Цветообозначения в языке и речи (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1985.
- Яньшин П. В.* Введение в психосемантику цвета. (Изд. 2-е). Самара: СамГПУ, 2001.
- Alvarado, N. & Jameson, K. A.* The use of Modifying Terms in the Naming and Categorization of Color Appearances in Vietnamese and English // J. of Cognit. Cult. 2002. 2(1). 53–80.
- Biggam C. P.* The Ambiguity of Brightness (with special reference to Old English) and a New Model for Colour Description in Semantics // Anthropology of Color...
- Borg A.* A Cross-Dialectal Survey of Color Terms in the Arabic Speech Area // Anthropology of Color...
- Caskey-Sirmons L. A., Hickerson N. P.* Semantic shift and bilingualism: Variation in the color terms of five languages // Anthropol. Ling. 1977. 19. 8. 358–367.
- Forbes I.* The terms brun and marron in modern standard French // J. Ling. 1979. 15. 295–305.
- Grossmann M.* Colori e lessico: studi sulla struttura semantica degli aggettivi di colore in catalano, castigliano, italiano, romano, latino ed ungherese // Tübingen Beitrage zur Linguistik. 1988. 310.
- Hays D. G. et al.* Color Term Salience // Am. Anthropol. 1972. 74. 1107–1121.
- Heinrich A. C.* A non-European system of color classification // Anthropol. Ling. 1972. 14. 6.
- Heinrich A. C.* Color classification of some Central Canadian Eskimos // Arctic Anthropol. 1974. 11. 1. 68–72.
- Izmailov C. A., Sokolov E. N.* A semantic space of color names // Psychol. Sci. 1992. 3. 105–110.
- Kim A.* Korean color terms: An aspect of semantic fields and related phenomena // Anthropol. Ling. 1985. 27. 4. 425–436.
- Kristol A. M.* Colour systems in Southern Italy: A case of regression // Language. 1980. 56. 1. 137–145.
- Kul'pina V. G.* Określenia koloru włosów w języku polskim i rosyjskim // Studia Rossica. 1998. 6. 209–220.
- Kuschei R., Monberg T.* We Don't Talk Much about Colour Here: A Study of Colour Semantics on Bellona Island // Man. 1974. 9. 213–42.
- MacLaurry, R. E.* Color and cognition in Mesoamerican languages: Constructing categories as vantages. Austin: Texas U. Press, 1997.

- Meunier A.* Quelques remarques sur les adjectifs de couleur // *Ann. l'Univ. Toulouse.* 1975. 11. 5. 37–62.
- Meunier A.* La couleur et ses termes en français // *Tornay S. (ed). Voir et Nommer les Couleurs.* 1978. 167–180.
- Oja V.* Colour Naming in Estonian and Cognate Languages // *Anthropology of Color...*
- Paramei G. V.* One basic or two? A rhapsody in blue (An open-peer comment) // *Behav. Brain Sci.* 1999. 22.
- Paramei G. V.* Singing the Russian Blues: An Argument for Culturally Basic Color Terms // *C-CR.* 2005. 39. 1. 10–38.
- Paramei G. V.* Russian 'Blues': Controversies of Basicness // *Anthropology of Color...*
- Pollnac R. B.* Intra-cultural variability in the structure of the subjective color lexicon in Buganda // *Am. Ethnol.* 1975. 2. 1. 89–110.
- Rakhilina E. V.* Linguistic Construal of Colors: The case of Russian // *Anthropology of Color...*
- Reiter G.* Die griechische Bezeichnungen der Farben Weiß, Grau und Braun. Eine Bedeutungsuntersuchung. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner, 1962.
- Roth A.* Introduction à l'étude des systèmes de désignation de la couleur dans les parlers arabes du Maghreb // *LOAB.* 1986. 16–17. 21–65.
- Safianova O. V. & Korzh N. N.* Russian Color Names: Mapping into a Perceptual Color Space // *Anthropology of Color...*
- Sivik L., Taft C.* Semantic variables for judging color combinations — an analysis of semantic dimensions // *Göteborg Psychol. Rep.* 1990. 19. 5. 1–31.
- Steffire V., Vales V. C., Morley L.* Language and cognition in Yucatan: A cross-cultural replication // *J. Person. Soc. Psychol.* 1966. 4. 112–115.
- Stanlaw J.* Japanese Color Terms, From 400 C. E. to the Present: Literature, Orthography, and Language Contact in Light of Current Cognitive Theory // *Anthropology of Color...*
- Teodorowicz-Hellmann Ewa.* Biały w języku polskim i w języku szwedzkim. Analiza wstępna // *Nazwy barw...* 1997. 33–42.
- Teodorowicz-Hellmann Ewa.* Podstawowe nazwy barw w języku polskim i szwedzkim // *Nazwy barw...* 1997. 43–61.
- Uchikawa K., Boynton R. M.* Categorical color perception of Japanese observers: Comparison with that of Americans // *Vision Res.* 1987. 27. 1825–1833.
- Wescott R. W.* Bini color terms // *Anthropol. Ling.* 1970. 12. 349–60; 1970. 13. 251–252.
- Wescott R. W.* Tonal iconicity in Bini colour terms // *African Studies.* 1975. 34. 3. 185–191.
- Whiteley W. H.* Colour-words and colour-values: The evidence from Gusii // *Horton R., Finnegan R. (eds.). Modes of Thought: Essays on Thinking in Western and non-Western Societies.* London: Farberand Farber, 1973. 145–161
- Woodworth R. S.* The puzzle of color vocabularies // *Psychol. Bull.* 1910. 7. 325–334.

**VI. Цвет и цветообозначение как культурный знак —
образ, символ, метафора — в социокультурной практике,
мифологии, фольклоре, литературе.**

Цветовые предпочтения в различных культурах мира

- Амосов А. А.* Иерархия цвета в миниатюре как отражение этикетных воззрений русских художников XVI в. // *Этнограф. изучение знаков, средств культуры*. Л.: Наука, 1989. 281–298.
- Арутюнова Н. Д.* Образ. Метафора. Символ. Знак. (эскиз концептуального анализа) // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1990. 83–89.
- Басилов В. Н.* Избранники духов. М.: Политиздат, 1984.
- Бахилина Н. Б.* История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975.
- Белов А. И.* Цветовые этноидемы как объект этнопсихолингвистики // *Этнопсихолингвистика*. М.: Наука, 1988. 49–58.
- Белова О. В.* Символика цвета в славянских книжных сказаниях о животных // *Агапкина Т. А. (ред.). Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого*. М.: Индрик, 1998. Т. II. С. 44–50.
- Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 1995.
- Буланова Н.* Символика цвета на Востоке // *Азия и Африка сегодня*. 1983. 8.
- Варяхина Е. И.* Смысловая структура символов растений в польской поэзии: Автореф. дис. ... канд. наук. СПб., 1997.
- Василевич А. П.* «Психологическая значимость» слов-цветообозначений в разных языках // *Экспериментальные исследования в психолингвистике*. М.: ИЯз, 1982. 65–75.
- Вендина Т. И.* Языковое многоголосье русской культуры (символика цвета) // *Аспекты лингвист. исслед.* Тверь: ТГУ, 2003. 187–210.
- Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Яз. рус. культуры, 1999.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1996.
- Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.
- Гуриев Л. С.* Символика цвета // *Цвет в нашей жизни...* Курск, 1993. 71–91.
- Дворецкий И. В., Васильева Т. М.* Цвет одежды // *Цвет в нашей жизни...* Курск, 1993. 54–70.
- Дмитриев С. В.* Цвет в траурной обрядности народов Средней Азии // *Гуманитарная наука в России. История. Археол. Культ. антропол. и этнография*. М.: МНФ, 1996. 345–351.
- Доде З. В.* К вопросу о складывании цветовых предпочтений в costume народов Северного Кавказа // *Историко-археологический альманах*. Вып. 3. Армавир; М., 1997. 171–176.
- Доде З. В.* Costume как текст // *Язык и текст в пространстве культуры*. Вып. 9. СПб.—Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. 27–35.

- Дурново Г. А.* Прилагательные цвета и физического признака в классическом арабском языке (с привлечением сравнительного материала семитских языков): Автореф. дис. ... М., 2002.
- Дыбо А. В.* Названия мастей в русском языке: Система и происхождение // Проблемы цвета... 2004. 14–16.
- Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 153–169.
- Злыднева Н. В.* Белый цвет в русской культуре XX века // Признаковое пространство культуры. М.: Индрик, 2002. 424–431.
- Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964.
- Зубко Г. В.* Материалы к древнейшей мифологии фульбе // Сов. этнография. 1987. 1. 113.
- Иванов Вяч. Вс.* Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии (К названию Белоруссии) // Балто-слав. Исслед. —1980. М.: Наука, 1981.
- Иванов Вяч. Вс.* Проблемы этносемиотики // Этнограф. изучение знак. средств культуры. Л.: Наука, 1989. 38–62.
- Ивић М.* Бело как лингвистички и културолошки проблем // Јужнословенски филолог. 1999. LV. 1–19.
- Кацнельсон С. Д.* Язык поэзии и первобытно-образная речь // Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и языка. 1947. Т. 6. Вып. 4.
- Косых Е. А.* Система цветообозначений в русском языке (к созданию и публикации «Русской энциклопедии цвета») // Вест. Барнаул. ГПУ. Серия: гуманитар. науки. 2002. Вып. 2.
- Крук Я.* Символика белорусской народной культуры. Изд. 2-е. Минск: Беларусь, 2003. 59–83.
- Кульпина В. Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М.: Московский Лицей, 2001.
- Москович В. А.* Статистика и семантика. Опыт статистического анализа семантического поля. М.: Наука, 1969 (главы I и II, об изучении семантического поля цветообозначений).
- Мыльников А. С.* Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнограф. изучение знак. средств культуры. Л.: Наука, 1989. 7–37.
- Невская Л. Г.* К семантике пестрого в балто-славянском // Этимология. 1984. М.: Наука, 1986.
- Невская Л. Г.* К символике пестрого в фольклоре // Славян. и балкан. языкозн. 1982. 130–136.
- Попов А. А.* Получение «шаманского дара» у виллойских якутов // Труды Ин-та этнограф. АН СССР. 1947. Т. II. 283–287.
- Поповић Љ.* О семантици назива за црвену боју у руском, украјнском и српском фолклору // Расковник. Часопис за књижевност и културу. Београд, 1992. XVIII. 69–70, 91–102.

- Раденковић Љ.* Символика света в народној магији Јужних Словена. Београд: Просвета: Балканолошки ин-т САНУ, 1996. 275–320.
- Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Рус. слов., 2000.
- Самарина Л. В.* Неабстрактная цветотерминология как маркер культурных границ (на примере цветового словаря народов Северного Кавказа) // Проблемы цвета... 2004. 47–51.
- Самарина Л. В.* Цвет как средство коммуникации в культуре (Северный Кавказ, Дагестан). Невербальное поле культуры. Тело. Весть. Ритуал. М.: РГГУ, 1996. 52–57.
- Серов Н. В.* Хроматизм мифа. Л.: Васил. остров, 1990.
- Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения. Т. I, II. М., 1993.
- Тернер В.* Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала идембу) // Семантика и искусствометрия. М.: Мир, 1972. 50–81.
- Тернер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.
- Чунакова О. М.* Цветовая символика в пехлевийских текстах // Петербург. Востоковед. 1994. Вып. 6. 194–201.
- Шерцль В. И.* Названия цветов и символическое значение ихъ. Воронеж, 1884.
- Adams F. M., Osgood C. E.* A cross-cultural study of the affective meaning of color // J. Cross-cult. Psychol. 1973. 4. 2. 135–156.
- Ampel-Rudolf Mirostawa.* Kolory. Z badań leksykalnych i składniowo-semantycznych języka polskiego. Rzeszów: Wyd. Wyższej Szkoły Pedagog., 1994.
- Beck B. E. F.* Color and heat in South Indian ritual // Man. 1969. 4. 4. 553–572.
- Bender M. L.* Color term encoding in a special lexical domain: Sudanese Arabic skin colors // Anthropol. Ling. 1983. 25. 1. 19–27.
- Bergh G.* The Semiosis of Swedish Car Colour Names: Descriptive and Amplifying Functions // Anthropology of Color...
- Berlin B. A.* Universalist-Evolutionary Approach in Ethnographic Semantics // Current Directions in Anthropology. Bull. Am. Anthropol. Ass. 1973. 2. 3–18.
- Bolton R., Crisp D.* Color Terms in Folk Tales: A Cross-Cultural Study // Behav. Sci. Res. 1979. 14. 231–253.
- Borg A.* Linguistic and ethnographic observations on the color categories of the color categories of the Negev Bedouin // The Language of Color... 1999. 121–147.
- Galloway B. D.* Metaphors as Cognitive Models in Halkomelem Color Adjectives // Anthropology of Color...
- Grzegorzczakowa R., Waszakowa K.* O programie badań w zakresie porównawczej semantyki leksykalnej // Z polskich studiów slawistycznych. Seria IX. Językoznawstwo. Warszawa: Wyd. Uniwers. Warszaw., 1998. 109–115.
- Hickerson N. P.* Two studies of color: Implications for cross-cultural comparability of semantic categories // Kinkade M. D. et al. (eds.). Linguistics and Anthropology: In Honor of Carl F. Voegelin. Lisse: Peter de Ridder Press, 1975. 317–330.

- Jacobson-Widding A.* Colors and social order: Symbolic classification in Central Africa // *The Language of Color...* 1999. 232–252.
- Javorska G.* O podstawowych nazwach barw w języku ukraińskim (materiały do badań porównawczych) // *Studia z semantyki ...* 29–38.
- Javorska G.* Ukraiński *зелений*: głębia symboliki wegetatywnej // *Studia z semantyki...* 37–48;
- Javorska G.* Ukraińskie nazwy barw *жовтий* i *золотий*: świat natury i świat namalowany // *Studia z semantyki...* 123–134
- Johnson A., Johnson O., Baksh M.* The colors of emotions in Machiguenga // *Am. Anthropol.* 1986. 88. 674–681.
- Kay P.* Some theoretical implications of ethnographic semantics // *Bull. Am. Anthropol. Ass.* 1970. 3. 2. 19–31.
- Kuschel R., Monberg, T.* We Don't Talk Much about Colour Here: A Study of Colour Semantics on Bellona Island // *Man.* 1974. 9. 213–42.
- Metais P.* Vocabulaire et symbolisme des couleurs en Nouvelle Calédonie. Problèmes de la couleur. Paris: SEVREN, 1957.
- Pastoureau M.* Couleurs, images, symboles: études d'histoire et d'anthropologie. Paris: Léopard d'or, 1989.
- Pavlović Z.* Svet Boje. Beograd: Turistička štampa, 1977.
- Popović L.* Prototypical and Stereotypical Color in Slavic languages: Models Based on Folklore // *Anthropology of Color...* 2006 (forthcom.).
- Portal F.* Des couleurs symboliques de l'antiquité. Paris, Treuttel et Würtz. 1837.
- Saito M.* Color Preferences in Japan and Other Asian Regions // *Color Res. Appl.* 1996. 21. 35–49.
- Schmidt L.* Rot und Blau. Zur Symbolik eines Farbenpaares // *Antaios.* 1963. 4. 168–177.
- Scholem G.* Colours and their symbolisms in Jewish Tradition and Mysticism // *Dio-genes.* 1979. 108. 84–111; 1980. 109. 64–75.
- Shinar P.* Quelques observations sur le rôle de la couleur bleue // *The Language of Color...* 1999. 175–199.
- Sivik L., Taft C.* Semantic variables for judging color combinations-an analysis of semantic dimensions // *Göteborg Psychol. Rep.* 1990. 19. 5. 1–31.
- Steinval A.* Colour and Emotions in English // *Anthropology of Color...* 2006 (forthcom.).
- Stoewa-Holm D.* Colour Terms in Fashion // *Anthropology of Color...* 2006 (forthcom.).
- Straube H.* Gedanken zur Farbensymbolik in afrikanischer Eingeboren-kulturen. Studium Generale 13. Göttingen, 1960.
- Tokarski Ryszard.* Problematyka językowego obrazu świata w świetle semantyki barw // *Nazwy barw...* 1997. 75–86.
- Tokarski Ryszard.* Regulamy i nieregulamy rozwój konotacji semantycznych nazw barw // *Nazwy barw...* 1997. 63–74.
- Turner V. W.* The Forest of Symbols: Aspects of Ndembu Ritual. N. Y.: Ithaka, 1967.

- Vankova I.* To Have Color and To Have No Color: The Coloring of the Face and Its Changes in the Czech Linguistic Picture of the World // *Anthropology of Color...* 2006 (forthcom.).
- Varol M. C.* Éléments pour une étude des couleurs en judéo-espagnol // *The Language of Color...* 1999. 208–231.
- Waszakowa K.* Dotychczasowe badania w zakresie nazw barw w poszczególnych językach a perspektywa ich całościowego opisu porównawczego // *Nazwy barw...* 1997. 87–96.
- Williams J. M.* Synaesthetic adjectives: A possible law of semantic change // *Language*. 1976. 52. 461–478.

VII. Гендерно-возрастные и социальные различия в цветовосприятии и категоризации цвета

- Геодакян В. А.* Половой диморфизм и эволюция длительности онтогенеза и его стадий // Доклады АН СССР. 1982. 236. 6. 1475–1480.
- Истамина З. М.* Восприятие и употребление цветоименований у детей раннего возраста // Изв. АПН РСФСР, 1960. Вып. 113.
- Самарина Л. В.* Особенности женского цветовосприятия в традиционной культуре // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Мат. междунар. конф. М.: ИЭА РАН, 1994. 384–390.
- Самарина Л. В.* Цвет в женской субкультуре (Северный Кавказ, Дагестан) // Гуманитарная наука в России. История. Археол. Культ. антропол. и этнография. М.: МНФ, 1996. 378–384.
- Тобурокова В. М.* К вопросу о специфике цветообозначений в профессиональной речи // Григорьева Т. М. (ред.). И. А. Бодуэн де Куртэнз: ученый, учитель, личность. Красноярск: Изд-во КГУ, 2000. 255–259.
- Anyan W. R., Quillian W. W.* The naming of primary colors by children // *Child Dev.* 1971. 42. 1629–1632.
- Barron N.* Sex-typed language: The production of grammatical cases // *Acta Sociologica*, 1971. 14. 24–42.
- Bimler D. L., Kirkland J. & Jameson K. A.* Quantifying variations in personal color spaces: Are there sex differences in color vision? // *Color Res. Appl.* 2004. 29. 2. 128–134.
- Bornstein M. H.* Colour-name versus shape-name learning in young children // *Journ. Child Lang.* 1985. 12. 2. 387–393.
- Bornstein M. H., Kessen W., Weiskopf S.* The categories of hue in infancy // *Science*. 1976. 191 (4223). 201–202.
- Bornstein M. H.* Qualities of Color-Vision in Infancy // *J. Exp. Child Psychol.* 1975. 19. 401–419.
- DuBois P. H.* The sex difference on the color-naming test // *Am. J. Psychol.* 1939. 52. 380.
- Fair-Weather H.* Sex differences in cognition // *Cognition*. 1976. 4. 231–280.

- Fijalkow J.* Généralisation du stimulus et de la réponse dans la formation des concepts de couleur chez l'enfant // *Enfance*. 1972. 5. 361–378.
- Golden C. J.* Sex differences in performance on the Stroop color and word test // *Percep. Motor Skills*. 1974. 39. 1067–1070.
- Haas M.* Men's and women's speech in Koasati // *Language*. 1944. 20. 142–149.
- Hammond B. R. Jr. et al.* Sex differences in macular pigment optical density: Relation to serum and dietary patterns // *Vision Res*. 1997. 36. 2001–2012.
- Hyde J. S.* How large are cognitive gender differences? A meta-analysis using w^2 and d // *Amer. Psychol*. 1981. 36. 892–901.
- Iijima T., Wenning W., Zollinger H.* Cultural factors of color naming in Japanese: Naming tests with Japanese children in Japan and Europe // *Anthrop. Ling.* 1982. 24. 245–262.
- Johnson E. G.* The development of color knowledge in preschool children // *Child dev*. 1977. 48. 1. 308–311.
- Jordan G., Mollon J. D. A.* Study of Women Heterozygous for Colour Deficiencies // *Vision Res*. 1993. 33. 1495–1508.
- Lakoff R.* *Language and Women's Place*. NY: Octagon Books, 1975.
- Luria A. R.* *Cognitive Development: Its Cultural and Social Foundations*. Cambridge: Harv. U. Press, 1976.
- Maccoby E. E., Jacklin C. N.* *The Psychology of Sex Differences*. Stanford: Stanf. Univ. Press, 1974.
- McGuinness D., Lewis I.* Sex differences in visual persistence: Experiments in the Ganzfeld and afterimages // *Perception*. 1976. 5. 295–301.
- Mollon J. D.* On the origins of polymorphisms // *In Frontiers of Visual Science: Proceed. of the 1985 Sympos.* Washington, 1987.
- Moore C. C., Romney A. K., Hsai T.* Cultural, gender and individual differences in perceptual and semantic structures of basic colors in Chinese and English // *Cogn. Culture*, 2002. 2. 1–28.
- Nowaszyk R. H.* Sex-related differences in the color lexicon // *Lang. and Speech*. 1982. 25. 257–265.
- Offenbach S. I.* Children's perception of Munsell colors // *J. Psychol*. 1980. 104. 43–51.
- Rich E.* Sex related difference in colour vocabulary // *Lang. and Speech*. 1977. 20. 404–409.
- Samarina L. V.* *Descriptive Color Terms in Caucasus Cultures: The Influence of Gender and Age* // *Anthropology of Color...* 2006 (forthcom.).
- Seward J. P., Seward G. H.* *Sex differences: Mental and Temperamental*. Lexington Mass: Lex. Books, 1980.
- Simpson J., Tarrant A. W. S.* Sex- and Age-Related Differences in Colour Vocabularies // *Lang. and Speech*. 1991. 10. 57–62.
- Singer D. et al.* Sex differences in the vocabulary of college students // *J. Sex Res*. 1977. 13. 267–273.

- Sleight C. C., Prinz P. M.* Children's color vocabulary // *Lang. and Speech.* 1982. 25. 75–79.
- Steckler N. A., Cooper W. E.* Sex differences in color naming of unisex apparel // *Anthrop. Ling.* 1980. 22. 9. 373–381.
- Suchman R. G.* Cultural differences in children's color and form preferences // *J. Soc. Psychol.* 1966. 70. 3–10.
- Swaringen S., Layman S., Wilson A.* Sex differences in color naming // *Percep. Motor Skills.* 1978. 47. 440–442.
- Thomas L. L. et al.* Sex differences in elicited color lexicon size // *Percep. Motor Skills.* 1978. 47. 77–78.
- Wattenwyl A. von, Zollinger H.* Color naming by art students and science students. A comparative study // *Semiotica.* 1981. 35. 303–315.
- Yang Y.* Sex- and Level-Related Differences in the Chinese Color Lexicon // *Word.* 1996. 47. 207–220.
- Zollinger H.* Influence of Cultural Factors on Color Naming by Japanese Children // *Vision Res.* 1988. 28. 1379–1382.
- Zollinger H.* Color... 1999. 123–159.

VIII. Лексика цветообозначения в художественной литературе, священных текстах и фольклоре

- Агински В.* Цветовая гамма в произведениях Достоевского и в романе Замятина «Мы» // *Рус. язык за рубежом.* 2001. 4. 93–96.
- Баранникова Е. В.* Символика белого цвета в бурятских волшебных сказках // *Филолог. запiski.* Тр. Бур. Ин-та общ. наук БФ СО АН СССР. Вып. 19. Улан-Удэ, 1973. 103–118.
- Василевич А. П.* Цветонаименования как характеристика языка писателя (к методике исследования) // *Уч. зап. Тартусск. ун-та.* 1981. Вып. 585. *Linguistica*, XIV. 134–143.
- Гаврилов А. К.* Белый траур у греков и римлян // *Hyperboreus. Studia classica.* 1999. 5. 205–226.
- Галкина Г. С., Цапникова В. М.* Некоторые особенности системы цветообозначения в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // *Проблема языка и стиля Л. Н. Толстого.* Тула, 1977.
- Горчица В.* Профиль «белого» и «черного» в поэзии Марины Цветаевой // *Рус. язык за рубежом.* 2003. 2. 84–90.
- Гусарова Н. П.* Белый цвет в произведениях Ив. Бунина // *Вопр. Теории и ист. языка.* СПб., 1993. 198–203.
- Дубровина К. Н.* Семантико-стилистический анализ лирики Федерико Гарсиа Лорки (на материале цветообозначений): Автореф. дис... М., 1970.
- Зеленецкий А. Л.* Эпитеты литературной русской речи. 1-я часть. М.: Б. и., 1913.
- Ильченко Н. М.* «Черная женщина» Н. И. Греча // *Рус. речь.* 2004. 2. 6–12.
- Касимов Н. Л.* Цветопись в «Слове о полку Игореве» // *Русская речь.* 1989. 4. 111–114.

- Кирсанова Р. М.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М.: Книга, 1989.
- Красильникова Е. В.* Еще раз о цвете у И. Анненского // Облик слова. М., 1997. 251–258.
- Кульпина В. Г.* Цветообозначение земли и почв в фольклоре и в терминологической номинации // Терминолог. вестн. М.: Московский Лицей, 2000. 1. 40–44.
- Курмакаева В. Ш.* Символика цвета в английском художественном тексте: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 2001.
- Ларькова С. М.* Символика цветообозначений в английской поэзии // Англистика. Тверь, 1999. 66–74.
- Лишеева Е. Л.* Особенности семантико-стилистического функционирования цветowych прилагательных в языке произведений В. И. Ленина // Денисов П. Н. (ред.). Слово в языке произвед. В. И. Ленина. Классификация лексики. М.: Наука, 1988. 188–209.
- Макуренкова С. А.* Об особенностях метафоры цвета у Донна и Шекспира // Лингвист. единицы, конструкции и текст. Новосибирск, 1989. 61–67
- Мурзо Г. В.* О значении и значимости слова «розовый» в книге А. Н. Бенуа «История русской живописи в XIX веке» // Ярослав. Пед. Вестник. 2001. 3–4.
- Мурзо Г. В.* Цветонаименование «серый» в контексте книги А. Н. Бенуа «История русской живописи в XIX веке» // Ярослав. Пед. Вестник. 2002. 1.
- Накамура Е.* «Слово о полку Игореве» и «Повесть о доме Тайра» // «Слово о полку Игореве»: комплекс. исследов. М., 1988. 80–89
- Панкратьева А. С.* Цветовые прилагательные романа Шолохова «Тихий Дон»: Дис. ... канд. наук. Ташкент, 1970.
- Почхуа Р. Г.* Лингвоспектр русской поэзии XVII–XX вв. (состав и частотность). Тбилиси, 1977.
- Самоделова Е. А.* Символика цвета у С. А. Есенина и свадебная поэзия рязанщины // Филолог. науки. М., 1992. 3. 12–22.
- Смирнов Ю. И.* Фольклор в этническом взаимодействии // Круглый стол «Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте)». М.: Ин-т славяновед. РАН, 1999.
- Соколова Л. Ф.* Колоративная лексика в поэзии Есенина // Теория поэтической речи и поэтической лексикографии. Уч. зап. Свердлов. и Шадрин. гос. пед. ин-тов. № 161. Шадринск, 1971.
- Фатыев Р.* Легенды Кавказа. Пятигорск, 1939.
- Adamson R.* The colour vocabulary in L'Etranger // Ass. Liter. Ling. Comp. Bull. 1979. 8. 3.
- Bolton R., Crisp D.* Color terms in folk tales. A cross-cultural study // Behav. Sci. Res. 1979. 14. 231–253.
- McManus J. C.* Basic color terms in literature // Language and Speech. 1983. 26. 243–252.
- Ploss E.* Die Färberei in der germanischen Handwirtschaft // Zeitschrift für die Philologie. 1956. 75.

- Schrot G.* Färberei: Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bde 1–5. München, 1964–1975.
- Schwentner E.* Eine altgermanische Farbenbezeichnung // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1925. 49. 423–429.
- Skard S.* The Use of Color in Literature // Proceed. Am. Philos. Soc. 1946. 90. (Обзор.)
- Thompson D. V.* Liber de Coloribus Illuminatorum sive Pictorum from Sloane MS № 1754 // Speculum. 1926. 1. 280–307.

IX. Словари и атласы

- Беловинский Л. Д.* Российский историко-бытовой словарь. М.: Рос. архив, 1999.
- Василевич А. П.* Русско-англо-немецко-французские термины цветообозначения // Тетради новых терминов. Вып. 98. М.: ВЦП, 1986.
- Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.* Каталог названий цвета в русском языке. М.: Смысл, 2002.
- Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.* Каталог названий цвета в русском языке // Василевич А. П. и др. Цвет и названия цвета... М.: КомКнига/URSS, 2005. 108–216.
- Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979.
- Куликов Б. Ф.* Словарь камней-самоцветов. Л.: Недра, 1982.
- Рабкин В. Б.* Атлас цветов. М.: Медгиз, 1956.
- Симаков В. С.* Словарь исторических терминов. СПб.: Литя, 1998.
- Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М.: Флинта; Наука, 1998.
- Bussagli M.* 'Colors' // Encyclopedia of Religion. 1987. Vol. 3. 562–565.
- Chevalier J., Gheerbrant A.* Dictionnaire des symboles. Paris: Laffont/Jupiter, 1982.
- Cirlot J. E.* Diccionario de Simbolos. Barcelona: NCL, 1969.
- Cooper J. C.* An Illustrated Encyclopedia of Traditional Symbols. London: Thames & Hudson, 1978. 39–42.
- Kelly K. L., Judd D. B.* The ISCC-NBS method of designating colors and a dictionary of color names. National Bureau of Stand. (USA), Num. 553, 1955.
- Maerz A., Paul M. R.* A Dictionary of Color. NY: McGraw-Hill Book Co., 1930.
- Munsell A. H.* The atlas of Munsell color system. Baltimore: Munsell Color Co., 1929.
- Rose H. J.* Colours, sacred: The Oxford Classical Dictionary. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1970.
- Seufert G.* Farbnamenlexikon von A-Z. Göttingen: Musterschmidt Verl., 1955.
- Sivik L.* Mapping of color names in NCS. Paper presented at the 5th Congress of the AIC. Monte Carlo. Monaco, 1985.
- Wowk A., Struminsky B.* (ed.) English-Ukrainian dictionary of color names and color science. NY: Shevchenko Sci. Soc., 1986.

Х. Смежные области исследований и прикладные аспекты (антропология, этнография, психология, перевод, реклама)

- Багдасаров Н. А., Василевич А. П.* Эмоции, цвет и температура // Проблемы цвета... 2004. 1–4.
- Борхвальдт О. В.* Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении. Красноярск: РИО КГПУ, 2000.
- Булатова А. Г., Гаджиева С. Ш., Сергеева Г. А.* Одежда народов Дагестана. Историко-этнографический атлас. Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2001.
- Бурдуков Н.* Ковровое производство Закавказского края и Кавказа в зависимости от красок привозных из Персии. 1913.
- Василевич А. П.* Собственные имена в составе цветообозначений // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М.: Наука, 1988. 93–99.
- Василевич А. П.* Цветоименования и проблемы перевода текста // Текст и перевод. М.: Наука, 1988. 84–96.
- Василевич А. П.* Эмоции, цвет и температура // Василевич А. П. и др. Цвет и названия цвета... 2005. 87–90.
- Василевич А. П., Аллмере Р. А.* Верификация англо-русского перевода цветоименований // Проблемы перевода текстов разных типов. М.: Наука, 1986. 104–114.
- Василевич А. П., Кузнецова С. Н.* Какие цвета теплые? Спросим у человека // Василевич А. П. и др. Цвет и названия цвета... 2005. 79–87.
- Василевич А. П., Кузнецова С. Н.* Опыт оценки соответствия между цветом и фигурой // Василевич А. П. и др. Цвет и названия цвета... 2005. 91–102.
- Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.* Цвет и его название // Российская наука: грани творчества на грани веков. М.: Научный мир, 2000. 406–413.
- Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С.* Каталог названий цвета в русском языке. М.: Смысл, 2002.
- Василевич А. П., Мищенко С. С., Жученкова С. Н.* Цвет и другие аспекты проектирования специальной одежды. «Библиотека экстремальных ситуаций». Вып. 21. М.: ГНПП «Аэрология», 1997.
- Василевич А. П., Мищенко С. С.* Лексика цвета в рекламе. Как расположить к себе российского потребителя? // Василевич А. П. и др. Цвет и названия цвета... 2005. 71–86.
- Васильева Г. П., Наумова О. Б.* Новые материалы по одежде туркмен // Полевые исследования института этнографии — 1983. М., 1987. 163.
- Витвер И.* Французская школа «географического человека» // Уч. зап. МГУ. 1940. Вып. 35.
- Воробьев Г. Г.* Цвет и характер // Цвет в нашей жизни... 1993. 120–126.
- Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1976.
- Дворецкий И. В., Васильева Т. М.* Цвет одежды // Цвет в нашей жизни... 1993. 54–70.
- Демидов В. Е.* Палитра // Цвет в нашей жизни... 1993. 91–105.

- Доде З. В.* Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М.: Вост. лит., 2001. 95–100.
- Журавлев А. П.* Цветная музыка стиха // Цвет в нашей жизни... 1993. 105–120.
- Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964.
- Зубко Г. В.* Материалы к древнейшей мифологии фульбе // Сов. Этнограф., 1987. 1.
- Иванов С. М.* Немного о цвете промышленного интерьера // Цвет в нашей жизни... 1993. 34–54.
- Казилов Г. Н.* Ворсовые ковры Дагестана. Махачкала: Даг. ГПИ, 1989. 97–99.
- Калмыков И. Х. и др.* Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск: К.-Ч. НИИ истории, филолог. и эконо. 1988.
- Каракетов М. К.* Миф и функционирование религиозного культа в заговорно-заклинательном ритуале карачаевцев и балкарцев. М: Старый сад, 1999.
- Кондаков Н. П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. 89–295.
- Кузнецова А. Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982.
- Кузнецова С. Н.* Цикличность модной цветовой гаммы костюма // Проблемы цвета... 2004. 24–29.
- Кульпина В. Г.* Характер человека сквозь призму цвета // Россия и Запад: диалог культур. М.: Изд-во МГУ, 1996. 40–47.
- Малия Е. М.* Украшение одежды у абхазов. Сухуми: Абх. Ин-т языка, лит. и истории АН ГССР, 1985.
- Мамбетов Г. Х.* Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971.
- Миннарт Г.* Цветовые явления в природе // Цвет в нашей жизни... 1993.
- Равдоникас Т. Д.* Очерки по истории одежды населения северо-западного Кавказа. Л.: Наука, 1990.
- Ротенберг В. С.* Две стороны одного мозга и творчество // Интуиция, логика, творчество. М.: Наука, 1987. 36–53.
- Сазонова М. В.* Женский костюм узбеков Хорезма // Традиционная одежда народов Ср. Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989.
- Самарина Л. В.* Цветовой образ этнической культуры (Северный Кавказ, Дагестан) // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. М., 1996. 204–229.
- Самарина Л. В.* Цвет в культуре карачаевцев и балкарцев (к истокам формирования традиции) // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М.: ИЭА РАН, 2001. 224–240.
- Сергеева Г. А.* Об одежде аварской группы народов Дагестана (по полевым материалам. эксп. 1959–1960 гг.) // Хозяйство и материал. культура народов Кавказа в XIX–XX вв. Вып. 1. М.: Наука, 1971. 224–240.
- Сергеева Г. А.* Одежда народов Дагестана и Чечни (по материалам ГИМ) // КЭС. 1976. Вып. 6. 155–187.
- Серов Н. В.* Светоцветовая терапия. СПб.: Речь, 2001.

- Соловьева Л. Т.* Грузия. Этнография детства. М.: ИЭА РАН, 1995.
- Студенецкая Е. Н.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М.: Наука, 1989. 213–226.
- Студенецкая Е. Н.* Узорные войлоки карачаевцев и балкарцев // КЭС. Вып. 6. 1976. 202–221.
- Чирков Д.* Декоративное искусство Дагестана. М.: Сов. художник, 1971.
- Шиллинг Е. М.* Изобразительное искусство народов Дагестана // Докл. и сообщ. ист. ф-та МГУ. М.: Изд-во МГУ, 1950. Кн. 9.
- Мыльников А. С.* (ред.). Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989.
- Юнг П.* Цвет и выражение внутреннего времени в западной живописи // Психология цвета. М., 1996. 135–179.
- Gage J.* Colour and Culture: Practice and Meaning from Antiquity to Abstraction. London: Thames & Hudson, 1993.
- Gage J.* Colour and meaning: art, science and symbolism. London: Thames & Hudson, 1999.
- Heider E. R.* Probabilities, sampling and the ethnographic method: The case of Dani colour names // Man. 1972. 7. 3. 448–466.
- Itten J.* The elements of color. Birren F. (ed.). N.-Y.: Van Nostrand Reinold, 1970.
- MacLaury R. E.* Ethnographic evidence of unique hues and elemental colors // Behav. Brain Sci. 1997. 20. 202–203.
- McManus I. C. et al.* The Aesthetics of Colour // Perception. 1981. 10. 651–666.
- Pellegrini R. J.* Room color and aggression in a criminal detention holding cell: a test of 'tranquilizing pink' // J. Orthomolec. Psychiatry. 1981. 10. 3.
- Perez-Carpinell J. et al.* Color memory matching. Time effect and other factors // Color Res. Appl. 1998. 23. 234–247.
- Rentschler I. et al.* (eds.). Beauty and the Brain. Biological Aspects of Aesthetics. Basel: Birkhäuser Verlag, 1988. 149–164 (рус. пер.: Красота и мозг: Биологические аспекты эстетики. М.: Мир, 1995).
- Watson R. H. J.* Colour and acceptance of food // Counsell T. N. (ed.). Natural colours for food and other uses. Appl. Sci. 1980. 27–38.

Авторы сборника

Бочкарева Татьяна Валентиновна

Доц. МГУ, к. ф. н. История английского языка, германистика, этимология, реконструкция.

Василевич Александр Петрович

Проф. кафедры лингводидактики МГОУ, вед. н. сотр. Института языкознания РАН, д. ф. н. Психолингвистика, экспериментальные методы исследования, семантика слов-цветообозначений; методы преподавания иностр. языка, в особенности тестирование знаний и специфика работы с детьми младшего возраста.

Ганина Наталья Александровна

Доц. кафедры германской и кельтской филологии МГУ, к. ф. н. Сравнительно-историческое языкознание, германское языкознание; история немецкого языка; литература и история Средневековья.

Завьялова Мария Вячеславовна

Ст. н. сотр. Института славяноведения РАН, к. ф. н. Балто-славянские языковые и этноязыковые контакты; балтистика, славистика, этнолингвистика, фольклор; психолингвистика, исследование билингвизма.

Кульпина Валентина Григорьевна

Проф. МГУ, д. ф. н. Лексикология, польский язык, сравнительное описание цветоименований в разных языках.

Михайлова Татьяна Андреевна

Проф. МГУ, вед. н. сотр. Института языкознания РАН, д. ф. н. Совр. ирландский язык, культура и языки древней Ирландии, антропология, фольклор, реконструкция.

Норманская Юлия Викторовна

Ст. н. сотр. Института языкознания РАН, к. ф. н. Фонологическая реконструкция (уральские языки); семантика и реконструкция цветообозначений в праязыках; типология диахронической семантики в индоевропейских и уральских языках; связь лингвистической реконструкции с палеокультурой, палеобиологией, археологией.

Рахилина Екатерина Владимировна

Зав. отделом лингвистических исследований ВИНТИ РАН, д. ф. н. Лексическая семантика, лексическая типология, корпусная лингвистика.

Русаков Александр Юрьевич

Ст. н. сотр. сектора индоевропеистики Института лингвистических исследований РАН, к. ф. н. Албанский язык, цыганские диалекты.

Самарина Людмила Всеволодовна

Н. сотр. Отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН. Антропология цвета: цвет в языке, материальной и художественной культуре, социокультурные и гендерные аспекты цветовосприятия, символика цвета. Этнография народов Кавказа.

Седакова Ирина Александровна

Ст. н. сотр. Института славяноведения РАН, к. ф. н. Славянская и балканская лексикология и фразеология, этнолингвистика, традиционная культура.

Солопов Алексей Иванович

Доц. МГУ, к. ф. н. Латинский язык, этимология, реконструкция.

Чельшьева Ирина Игоревна

Гл. н. сотр. Института языкознания РАН, д. ф. н., проф. История романских языков, типология, социалингвистика.

Представляем Вам наши лучшие книги:

URSS

Литературоведение

- Жирмунский В. М.* Введение в литературоведение: Курс лекций.
Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка.
Фесенко Э. Я. Теория литературы.
Фесенко Э. Я. Художественная концепция личности в произведениях В. А. Каверина.
Жолковский А. К. Полтора рассказа Бабеля. «Лун де Мопассан» и «Справа/Гонорар».
Вальцель О., Дибелиус В., Фосслер К., Шнитцер Л. Проблемы литературной формы.
Веселовский А. Н. Историческая поэтика.
Павлович Н. В. Словарь поэтических образов. Т. 1, 2.
Баевский В. С. История русской поэзии. 1730–1980. Компендиум.
Лингарт А. А. Основы лингвопоэтики.
Григорьев В. П. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики.
Цимбаева Е. Н. Исторический анализ литературного текста.
Николаева Т. М. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста.
Кулаковский П. Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе.
Михайлов А. Д. Французский рыцарский роман.
Михайлов А. Д. Старофранцузская городская повесть «фаблио».
Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. I–III.
Серебряков И. Д., Ванина Е. Ю. (ред.) Голоса индийского средневековья.
Штейн А. Л. Дон Кихот — вечный спутник человечества.
Штейн А. Л. История испанской литературы.
Сахаров В. И. (ред.) Массонство и русская литература XVIII — начала XIX вв.

Театр

- Новикова А. А.* Телевидение и театр: пересечения закономерностей.
Суриц Е. Я. Артист балета Михаил Михайлович Мордкин.
Звенигородская Н. Э. Провинциальные сезоны Всеволода Мейерхольда. 1902–1905 гг.
Максимова В. А. (ред.) PRO SCENIUM. Вопросы театра.
Баева А. А., Куриленко Е. Н. (ред.) Музыкальный театр XX века.
Башинджагян Н. Э. Театр Леона Шиллера. Режиссер и его время.
Лебедева В. Е. (ред.) Люди и судьбы. XX век. Книга очерков.
Бобылева А. Л. Хозяин спектакля. Режиссерское искусство на рубеже XIX–XX веков.
Литвиненко Н. Г. Гастроли зарубежных драматических артистов (XIX — начало XX вв.).
Берченко Р. Э. Композиторская режиссура М. П. Мусоргского.
Цукасова Л. В. Театральная педагогика.
Винокур Г. О. Русское сценическое произношение.
Макаров С. М. Шаманы, масоны, цирк. Сакральные истоки циркового искусства.
Макаров С. М. (ред.) Театр, эстрада, цирк.
Березкин В. И. Искусство сценографии мирового театра. В 5 т.
Том 1. От истоков до середины XX века.
Том 2. Вторая половина XX века: В зеркале Пражских Квадриеннале 1967–1999 гг.
Том 3. Мастера XVI–XX вв.
Том 4. Театр художника. Истоки и начала.
Том 5. Театр художника. Мастера.

Представляем Вам наши лучшие книги:

URSS

Архитектура

- Хан-Магомедов С. О.* 100 шедевров советского архитектурного авангарда.
- Анисимов А. В.* Венеция. Архитектурный путеводитель.
- Иконников А. В.* Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве.
- Бодэ А. Б.* Поэзия Русского Севера.
- Бодэ А. Б.* Архитектурная сокровищница Поонежья.
- Семенов Вл.* Благоустройство городов.
- Новиков Ф. А.* Зодчие и зодчество.
- Архитектурное наследство. Вып. 43–47.
- Бондаренко И. А.* (ред.) История градостроительного искусства: Новые материалы и исследования. Памяти Т. Ф. Саваренской.
- Бондаренко И. А.* (ред.) Христианское зодчество.
- Бондаренко И. А.* (ред.) Архитектура в истории русской культуры.
Вып. 2: Столичный город; Вып. 3: Желанное и действительное;
Вып. 5: Стиль ампира; Вып. 6: Переломы эпох;
Вып. 7: Санкт-Петербург и архитектура России.
- Бондаренко И. А.* Древнерусское градостроительство: традиции и идеалы.
- Воронев А. А.* (ред.) Вопросы всеобщей истории архитектуры.
- Федоров В. В., Коваль И. М.* Мифосимволизм архитектуры.
- Лала А. М.* Основы градovedения и теории города.
- Савченко М. Р.* Основания архитектуры.
- Савченко М. Р.* Архитектура как наука: методология прикладного исследования.
- Николаева М. В.* Частное строительство в Москве и Подмоскowie. Первая четверть XVIII в. Подрядные записки. В 2 т.
- Щеболева Е. Г.* (ред.) Купеческое строительство Ивановской области. Вып. 2, 3.
- Попадюк С. С.* Неизвестная провинция. Историко-архитектурные исследования.
- Попадюк С. С.* Теория неклассических архитектурных форм.
- Рыцарев К. В., Шенков А. С.* Европейская реставрационная мысль в 1940–1980-е годы.
- Кириллов В. В.* Архитектура «северного модерна».
- Кириллов В. В.* Архитектура Москвы на путях европеизации.
- Азизян И. А.* (ред.) Вопросы теории архитектуры. Архитектурно-теоретическая мысль Нового и Новейшего времени.
- Лебедева Г. С.* Новейший комментарий к трактату Витрувия.
- Серия «Из истории архитектурной мысли»
- Витрувий.* Десять книг об архитектуре.
- Михаловский И. Б.* Теория классических архитектурных форм.
- Рончевский К. И.* Римские триумфальные арки.
- Серия «Теоретические основы градостроительства»
- Саваренская Т. Ф., Швидковский Д. О., Кирюшина Л. Н.* Градостроительная культура Франции XVII–XVIII веков.
- Саваренская Т. Ф., Швидковский Д. О.* Градостроительство Англии XVII–XVIII веков.
- Владимиров В. В., Найдмарк Н. И.* Проблемы развития теории расселения в России.
- Лазарева И. В.* URBI ET ORBI: Пятое измерение города.

Представляем Вам наши лучшие книги:

URSS

История культуры

- Дьяконов И. М.* Архангелские мифы Востока и Запада.
Преображенский П. Ф. В мире античных образов.
Преображенский П. Ф. Тертуллиан и Рим.
Преображенский П. Ф. Курс этнологии.
Афасижев М. Н. Изображение и слово в эволюции художественной культуры.
Свириденко С. (ред.) Старшая Эдда. Песнь о богах.
Сырамятников С. Н. Сага об Эйрике Красном.
Режабек Е. Я. Мифомышление (когнитивный анализ).
Ольденбург С. Ф. Культура Индии.
Майданов А. С. Тайны великой «Ригведы».
Зелов Д. Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры.
Костяев А. И. Ароматы и запахи в истории культуры: знаки и символы.
Костяев А. И. Вкусовые метафоры и образы в культуре.
Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями.
Муриан И. Ф. Китайская раннебуддийская скульптура IV–VIII вв.
Ганевская Э. В., Дубровин А. Ф., Огнева Е. Д. Пять семей Будды. Металлическая скульптура северного буддизма IX–XIX вв. из собрания ГМВ.
Шукуров Ш. М. Образ человека в искусстве ислама.
Шулепова Э. А. (ред.) Российская провинция: среда, культура, социум.
Андрюшайтите Ю. В. И. П. Лаптев: У истоков отечественного филиграноведения.
Богданов А. П. Основы филиграноведения. История, теория, практика.
Мазеев А. И. Искусство и большевизм (1920–1930-е гг.).
Манин В. С. Искусство в резервации. Художественная жизнь России 1917–1941 гг.
Стигнеев В. Т. Век фотографии. Очерки истории отечественной фотографии.

Музыка

- Чигарева Е. И.* Оперы Моцарта в контексте культуры его времени.
Хохлов Ю. Н. «Прекрасная мельничиха» Франца Шуберта.
Хохлов Ю. Н. Фортепианные сонаты Франца Шуберта.
Тютюнникова Т. Э. Видеть музыку и танцевать стихи... Творческое музицирование, импровизация и законы бытия.
Арановский М. Г. (ред.) Музыка как форма интеллектуальной деятельности.
Шахназарова Н. Г. Феномен национального в зеркале композиторского творчества.

Тел./факс:

(495) 135-42-46,
 (495) 135-42-16,

E-mail:

URSS@URSS.ru

<http://URSS.ru>

Наши книги можно приобрести в магазинах:

- «Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 625-2457)
 «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)
 «Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3378)
 «Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)
 «Дом книги на Ладонской» (м. Бауманская, ул. Ладонская, 8, стр. 1. Тел. 267-0302)
 «Гнозис» (м. Университет, 1 гуд. корпус МГУ, комн. 141. Тел. (495) 939-4713)
 «У Невтарва» (РГТУ) (м. Новослободская, ул. Чапаева, 15. Тел. (499) 973-4301)
 «СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 311-3954)

